
Литературно-художественный и общественно-политический журнал
писателей России

*Издание осуществлено на средства
Правительства Оренбургской области*

Оренбург
2020

«Гостинный Дворь» № 4 (16), 25.12.2020 г.

Журнал

Учредители:

Министерство культуры Оренбургской области,
Государственное бюджетное учреждение культуры «Областной Дом литераторов
им. С.Т. Аксакова»

Главный редактор Н.Ю. Кожевникова

Редакционный общественный совет:

председатель — **Е.В. Шевченко**, министр культуры Оренбургской области

С.В. Василенко (Москва)

В.М. Молчанов

Д.Е. Кан

П.Г. Рыков

П.Н. Краснов

В.Б. Соколов

В.Н. Кузнецов

Т.В. Судоргина

А.В. Лигостаева

И.Н. Тюленев (Пермь)

В.Д. Лютый (Воронеж)

Т.М. Шабаренина (Уральск, Казахстан)

Г.П. Матвиевская

В.И. Шемшученко (Санкт-Петербург)

С.С. Мячина

Н.А. Ягодинцева (Челябинск)

Почтовый адрес редакции: 460014, г. Оренбург, ул. Правды, 10

Телефон 8-903-394-32-60

Телефон/факс (3532) 78-37-91

Е-MAIL: Gdvor56@yandex.ru, editor@orenlit.ru. Веб-сайт: orenlit56.ru

Почтовый адрес издателя: 460014, г. Оренбург, ул. Правды, 10, ГБУК «Областной Дом литераторов им. С.Т. Аксакова»

Е-MAIL: Domliteratorov28@mail.ru

Телефон/факс (3532) 78-41-29

На первой и последней страницах обложки — фотоколлажи **В.Б. Соколова**

Художник — **В.В. Кожевникова**

Корректурa — **Е. Н. Тарасенко**

Компьютерный дизайн — **Е.А. Болотова, А.Г. Юрьев**

В спорных случаях оставляются стиль, орфография и пунктуация авторов, которые несут ответственность также и за достоверность фактов. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать рукописи.

Сдано в набор 22.11.2020 г.

Подписано в печать 10.12.2020 г.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Объём 22,5 печ. л.

Тираж

Заказ

Цена свободная

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ56-00704 от 18 октября 2017 г. в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Оренбургской области.

ООО Универсальная Типография «Альфа Принт»

620049, Свердловская область, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, дом № 2 ж

Федеральный номер для всех городов РФ: 8-800-300-16-00

ISBN

© Журнал «Гостинный Дворь», 2020

О ГЛАВНОМ

Не будет ничего тошнее,
Живи ещё хоть сотню лет,
Чем эта мокрая траншея,
Чем этот серенький рассвет.

Стою в намокшей плащ-палатке,
Надвинув каску на глаза,
Ругая всласть и без оглядки
Всё то, что можно и нельзя.

Сегодня лопнуло терпенье,
Осточертел проклятый дождь, —
Пока поднимут в наступленье,
До ручки, кажется, дойдёшь.

Ведь как-никак мы в сорок пятом,
Победа — вот она! Видна!
Выходит срок служить солдатам,
А лишь окончится война,
Тогда — то, главное, случится!..

И мне, мальчишке, невдомёк,
Что ничего не приключится,
Чего б я лучше делать смог.

Что ни главнее, ни важнее
Я не увижу в сотню лет,
Чем эта мокрая траншея,
Чем этот серенький рассвет.

Сергей НАРОВЧАТОВ

ПРОЗА
И ПОЭЗИЯ

- 6 **Игорь Бехтерев.** Свет последних дней.
Стихи
- 10 **Андрей Юрьев.** На этот свет. *Повесть*
- 62 **Лидия Левина.** Время любить. *Стихи*
- 68 **Оксана Васильева.** Истории в сумерках.
Миниатюры
- 90 **Виталий Молчанов.** Новосветловка. *Стихи*
- 94 **Елена Тарасенко.** Дед. *Рассказ*
- 100 **Любовь Сухарева.** «Любовь – это просто свет». *Стихи*
- 105 **Георгий Горлов, Вячеслав Моисеев.** Касается неба. *Драма-притча в трёх действиях*
- 147 **Павел Рыков.** Мой двор послевоенный.
Стихи

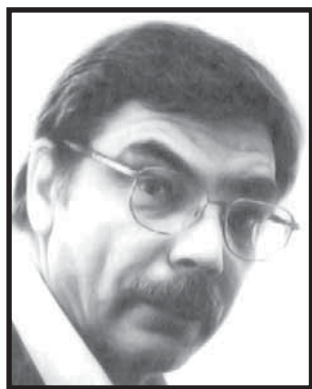
ДЕБЮТ

- 153 **Юлия Стрельникова.** Слабое звено. *Рассказ*
- 160 **Полина Кузаева.** Крылья в подарок.
Рассказ
- 170 **Ирина Дюгаева.** Сумма против отличников.
Рассказ

НАША
ГОСТИНАЯ

- 176 **Ван Цзиньлин.** «Когда будет ясная луна?»
Переводы
- 185 **Юрий Ключников.** «Мы Россию в боях никому не отдали!» *Стихи*
- 193 **Владимир Бондаренко.** Поэзия Русской Победы. *Послесловие*
- 197 **Алексей Остудин.** Бой с тенью. *Стихи*
- 204 **Василий Киляков.** Я хочу быть собакой.
Рассказ
- 219 **Геннадий Калашников.** Вера в чудеса.
Стихи
- 223 **Светлана Уланова.** «Прорвёмся!» *Рассказ*
- 228 **Миясат Муслимова.** «Как мягок карий цвет...»
Стихи

- НАША
ГОСТИНАЯ
- 234 **Ильяс Дауди.** «...а до смерти четыре шага...»
Песни на войне
- 247 **ПОЭТИЧЕСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА:**
Анастасия Белоусова, Анна Харланова, Галина Шубникова, Алексей Панин, Ирина Грехова
- 252 **Владимир Шемшученко.** «Снега хочется!
Солнца!» *Стихи*
- ЛИТЕРАТУРНАЯ
КРИТИКА
- 256 **Вячеслав Лютый.** «У берега вода чиста
и холодна...» *Красота и смысл в стихах
Владимира Шемшученко*
- 262 **Елизавета Андреева.** Время и вечность
в рассказе Петра Краснова «Мост»
- УЗЕЛКИ
ПАМЯТИ
- 267 **Илья Хайбуллин.** Детство моей бабушки. *Быль*
- КАЗАЧЬЯ
ЛИНИЯ
- 276 **Владимир Семёнов.** Лобачевские в Оренбурге.
Исследование
- НАРОДНЫЕ
МЕМОАРИ
- 282 **Валентина Кострица.** Память сердца.
Воспоминания
- НЕЗАБЫТЫЕ
ИМЕНА
- 317 **Иван Коннов.** Голос блокадного Ленинграда.
К 110-летию Ольги Берггольц
- В ЗЕРКАЛЕ
ИСТОРИИ
- 325 **Валентина Головина.** Война губила лучших.
Из записок краеведа
- КУЛЬТУРНЫЙ
СЛОЙ
- 336 **Галина Матвиевская.** Оренбург глазами
путешественников XIX века. *Архивные находки*
- 346 **Алла Прокофьева.** Писатели Оренбуржья и
война. *Главы из книги*
- 359 **Татьяна Орлова.** «Русская мадонна».
Юрий Рысугин и трагедия войны

Игорь БЕХТЕРЕВ
(1948 — 2020)

СВЕТ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ

ЗВЕЗДА

Скоро ль звезда моя канет
 во тьму,
Скоро ли жар свой остудит?...
Впрочем, мне этого знать
 ни к чему:
Рано ли, поздно ли — будет.

Будет!
Сорвётся!
Вовек не сдержать!
Словно бы с кручи отвесной...
И бесполезно отсрочки желать,
И умолять бесполезно.

Да и не стоит, не надо, зачем?
Чтоб она снова повисла
Над горизонтом в пустынях
 ночей
Без сострадания и смысла?

Нет, не хочу я отсрочки
 просить!
Только вот странно, ей-богу:
Жил я, как будто готовился
 жить,
Словно лишь завтра в дорогу...

Ладно, что будет, то будет, —
 чудес
Сердце ждало, но устало...
Лишь бы она, оборвавшись
 с небес,
Ни на кого не упала.

ОДУВАНЧИК

Городской подснежник,
 одуванчик,
Нищенская роскошь пустырей...
Верил я когда-то, что обманчив
Блеск опальной прелести твоей.

Верил я в твою дурную славу —
О тебе, о лютом сорняке...
Как мы скоры были на расправу,
Мир держать хотели в кулаке!

Били всех — налево и направо,
Будто в мире только мы одни
Правы, и на жизнь имеем право
Только мы, и никогда — они...

В этом-то, пожалуй, всё и дело,
Вот за то и втаптывали в грязь,

Редакционный общественный Совет журнала «Гостиный Дворъ» со скорбью извещает о безвременной кончине Игоря Александровича Бехтерева — русского поэта, члена Союза писателей России, основателя и первого редактора альманаха «Гостиный Двор» (1995-2007), положившего достойное начало нашему журналу. Литературные заслуги Игоря Александровича Бехтерева отмечены Всероссийской Пушкинской литературной премией «Капитанская дочка», губернаторской премией «Оренбургская лира», Международной Шолоховской премией «Они сражались за Родину». Выражаем глубокое соболезнование родным и близким покойного, всегда будем помнить и хранить благие традиции, заложенные им в основание журнала.

Андрей ЮРЬЕВ

НА ЭТОТ СВЕТ

Повесть

Андрей Геннадьевич Юрьев родился в 1974 году в Печоре (Республика Коми), окончил электротехнический факультет Оренбургского государственного университета, работал дизайнером-верстальщиком. Публиковался в оренбургских газетах, в журнале «Гостиный двор», в «НГ-Exlibris». Лауреат Оренбургской областной литературной премии имени С.Т. Аксакова (2017), премии «За философское осмысление темы одиночества» фестиваля «Стилисты добра», поэтического фестиваля «Ящичий Мост — 96». Основатель и модератор сайтов lutavr.ru и altcvet.ru. Член Союза российских писателей. Живёт в Оренбурге.

Любые совпадения характеров персонажей и реальных лиц прошу считать условными.

История: начало

— Привет! — и Егор поднимается от компа, от распечаток готовых газетных полос и макетов, сданных в работу заместителями ответственного секретаря редакции газеты «Орь утром». Поднимается от невидимой для взглядов-попрошаек банки кофе «Гранд» и наушников, в которых грохочет свежий альбом «Металлики»: «Ты думал, это свет в конце тоннеля? Это свет фар, летящий тебе навстречу!» Поднимается, чтобы встретить, так сказать, клиента, которого постарался не запоминать по имени. Клиент важный, клиент платит по сто рублей за листок с чёткой подписью и правдоподобной печатью. Клиента ждёт цистерна

нефти, которую надо вывезти в неведомые Егору Тартарары Тартаринского района.

Приходят и другие странные личности: одним тоже печатать нарисовать, другим разверстать курсовую или диплом по заданным параметрам, третьим... Взъерошенный мужичонка, иначе не назовёшь, хотя Егор терпеть не может выяснения «мужик — не мужик», приносит опять, опять жалобу в прокуратуру на губернатора и президента: «Компенсируйте моральный вред! Зачем развалили Союз?» Мужичонку пару часов назад выпустили с курса принудительного лечения, но он не унимается.

И Егор согласен набирать, клацая клавиатурой, эту сермяжную просьбу. Нет, дешевле, вам скидка как постоянному клиенту.

Редактор прошёл через кабинет к окну полюбопытствовать, что там художник наваял на «криминальную» страницу. Мужичонка робеет, лохмы топорщатся. Егор краснеет: извините, Святослав Геннадьевич, ничего, что я человеку помог?

— Кхм, кхм, — редактор прикрывает рот, зевок, — да ничего страшного, я не против, только как бы вам делиться с редакцией, что ли? А-а, бумага своя у вас? Ну, за печать отдадите сколько не жалко в рекламный отдел, и квиты будем. А вообще, Егор Геннадьевич, я к вам и по делу! Вы-то сами как к губернатору

относитесь? Не хотите поучаствовать в выборной кампании? Евгений Вадимович, — и смотрит на художника-погодка, говорят, так и вообще одноклассника, смотрит весело, — вот уже работает на выборный проект... Что? Не против — это хорошо. Вот вам визитка, позвоните, но желательнее не с наших телефонов, а так, с таксофона-автомата.

Вот это «с автомата» режет слух, будто Егор виноват... Только ли оттого, что месяц назад на призывной комиссии терапевт уныло оглядел тощую плоть Егора и прошипел: «Отжаться хоть сможете?»

За год семейной жизни Егор похудел на пять килограммов. В Красной армии штыки, понимаешь, без него обойдутся.

На звонок ответили. Ночью работать? На специальной квартире? Не болтать? Сколько-сколько?

Конечно!

По московским расценкам Егору ещё не платили.

Егор восторженно размахивал тлеющей сигаретой:

— Понимаешь, он политконсультант губера официально, говорит: «Всё, засиделись, спать пора! В семь утра встанем и доделаем газетку, тебе в зале постелили». Какой спать?! Какие семь утра?! Такой проект — каждые полчаса варианты скидывали в столицу

по факсу, после одобрения продолжали! Ну я и выложился на всю катушку. Он глаза продрал: «Всё? Сам закончил? Иллюстрации нашёл? И текст сам редактировал? Ну-ка! Слушай, а давай после выборов с нами в Москву?» Что мне делать? И есть из чего выбирать вообще? Он говорит: «Для тебя работа в престольной что? Длинный рубль, воссоединение с этой твоей подругой, простор для творчества. Что?» Я и ляпнул про обучение на психолога. «Н-ну, — и очки протирает, деловой, — социальная психология или личностная? Личностная в Питере хорошо преподаётся... Алло, да, есть потенциальный студент, да, на второй курс сразу, естественно, без экзаменов, на бюджет, да, за меня, понимаете, за меня тексты пишет! Губера вашего выберем — и вперёд, билет на самолёт с серебристым крылом, кхе-кхе!» Да перестань! Столько заплатили, и я ещё жадничать буду?! С тобой посидеть — святое!

Ильдар покрутил бутылку кагора:

— А это... Больше ничем помочь не может? Не, ладно, забудь, это я так, размечтался. Ну что, в Питер?

— Москва. Катя же... Всё-таки Москва. За меня никто не выберет!

Весна, осень... Перемены на тепло, перемена погоды на прохладу сереньких дождей. «Всё течет,

всё меняется» — и вот уже лёгкая куртка, вязаная шапка, в этом году сменённая на кожаное подобие шлема, не шапка — да, шлем, и невеста Ильдара купила такую же: «Я — как Егор! У меня всё по Июлеву!» И Егор Июлев замирает, нежась от удовольствия, — такая девушка на тебя равняется мировоззрением, даром что Ильдар хмурится и машет дланью, объясняя значения базовых слов на древлеславянском.

— Ты же тагарской крови! Какие славяне? — злится Егор, будто последний хлебец отняли, но Ильдар упрямится:

— Я славянской веры и я от Нави!

— Ну конечно, Человек Близкий Богу на вашем языке. А на славянском... Самому не страшно в колдовской мир уходить? — Егор непреклонен, а невеста краснеет, осторожно вытаскивает ладошку из кулака Ильдара и подливает Егору ещё.

Осень... Осенью в первых числах — и стартуем. «На московских изогнутых улицах умереть, знать, судил мне бог...» — и молодые бледнеют. Нет! Не шути так, Егорка. Что ты?! В весеннюю слякоть вывалились из сухой комнатухи. Кто бы знал, кто бы знал, что выборы губернатора провалятся с таким треском? В ночь подведения итогов с уже отяжелевшими от гонораров карманами, гонораров за проведение предвыборной кампании,

собрались в холле издательского центра, бодренькая музыка играла, поздравляли друг друга с лидированием в главных городах области... Что?

Сошла улыбка на нет у одного. Осторожно поставил бокал на подоконник другой. Щёлкнул клавишей «стоп» на магнитофоне третьей.

Деревня выбрала «красного».

Редактор, спешно поставленный новой властью вместо Святослава, вызвал Егора одним из первых:

— Здравствуйте. Будем знакомы!

— Будем. Егор Геннадьевич.

— Кхм... Вот что, Егорка... Про тебя Святослав Геннадьевич говорил, ты мастер своего дела... Представь-ка мне проект redesignа газеты, — новый хозяин областной «толстушки» так и резанул. — Что это за псевдославянский логотип? Анахронизм ведь! И посOLIDнее что-то, солиднее. И это... Порядок должен быть. Клиенты вёрстки — через рекламный отдел, будешь получать премию. Наверное. Всё пока.

Осень. Егор выбрал осень. Так и отзвонился заждавшейся москвичке. Нет, раньше никак, у меня тупо денег нет на поездку и первый съём жилья. Нет, извини, я верю, что ты сможешь, но подстраховаться обязательно надо.

— Егор, тебя редактор вызывает.

— Ну, Егорка, ну удружил!

Такой яркий дизайн! Я даже не думал, что у нас такое могут. Слушай, а что-то про сентябрь мне тут нажужжали, про Москву что-то?

— Девушка у меня платно в МГУ учится, — Егор смотрел прямо, руки свободно вдоль тела, слегка ссутулился, тяжесть ответственности на плечах, отчего такая горечь в речи? — Чем платить-то?

— Хорошо. К отпускным выпишу тебе премию, и получишь полную сумму. Да, ещё не всем зряплатку целиком платим, но ты, Егорий, это нечто! Надеюсь, разгулишь за отпуск.

Первый-то свой сборник прозы Егор назвал «Мастер Обличий».

Конечно, разгулит.

— Катя... Катя... Алло... Ффф... Чёртов аппарат! — Егор шаркнул трубкой по туловищу телефона.

— Что? Не отвечает зазноба? — съехидничал Евгений Вадимович. — Ты так вот и думал, что будет тебя ждать?

Вечер, номер сдан в типографию, но расходиться никто не намерен — празднуем премию за новый дизайн, продвинутый в производство Егором! Виновнику подлейте, ещё стакан «Балтики», ещё, он пока отличает тень от тени, язык ворочается, пусть пьёт!

— Ничего такого я не думал! — не наивен в свои двадцать семь, просто... Просто... Нет тоски, извини, Катюш, не страдаю о тебе — радуюсь, вспоминая!

Это ведь могло случиться только с тобой... Среди ночи тогда ввалился в квартирку, полную твоих друзей, — приезжали изда-лека, приезжали поссорившимися компаниями, и Катерина выясня-ла тихо, внимательно, вкрадчиво, кто по какому жизненному пути идёт, где пересеклись-столкну-лись, в чём конфликт... Кто-то, помнится, завидев в сумерках тёмнопиджачного, но в светлей-шей рубашке Егора, предложил выкинуть вообще в окно, но Катя, вздрогнув: «Всё в порядке, влю-блённые тоже иногда никак не сойдутся!» — накинула куртку и провожала на остановку друга, поднявшего на уши весь подъ-езд, и Егор читал какие-то стихи, напевал, гладил её холоднейшие ладони и с трудом поместился в подлетевший автобус — руки-ноги никак не складывались в правиль-ном порядке. Катя брела обратно, смахивая с ресниц слезинки, и вдруг Егор! Навстречу! Из тьмы!

— Ты же уехал! — пролепетала девушка, приложив ладонь к сердцу. — Ты же...

— Перчатки забыл! — выдох-нул призрак и промчался во мглу.

Мама, открыв дверь, прижала дочку к груди:

— Ты встретила? Видела? Что происходит?

А Егор всё ехал дальше и даль-ше, прочь и прочь от любимой остановки и мечтал, как внезапно ворвётся в полную гостей комна-тушку — мол, перчатки оставил...

Что Инна следит за ним, че-рез пятые глаза и уши пытаюсь доказать, что не зря устраивала сцены — билась за своё счастье, как ей казалось. Не зря, ведь вот он то порывается купить билеты в Москву, догонять свою недорос-лицу-израильтянку, то обрывает телефоны в редакции и у общих друзей, чтобы хоть услышать, и то... Что Инна следит — в этом не было сомнений, и Егор не об-молвился даже Ильдару о дне отъезда, канючил журналистам, что образование теперь дорого-о-го-го, потому не может никак дать в долг до их мифических авансов. Но билеты были куплены, сло-жены полотенца и носки, запас рубашек, остальное передадут по-том, с проводниками. В сотый раз любимый фильм с душераздира-ющим зачином песни: «Большие города...»

Собственно, он готовился встретить людей. Не дома, не магазины, не театры — людей, населяющих этот муравейник, ко-торый даже с закрытым метро не спит, не спит, пробуждаемый ре-вущими моторами, гулом клубов и изысками ресторанных запахов. Всё это будет, Егор не сомне-вался и был уверен, что Москва и вправду «верит любви», хотя благодетель-политконсультант от-резал: «Холодный город. Жёст-кий. Забудь про мораль и этику. Только бы выжить — так, что ли, какая-то группа поёт?..»

Егор полдня бродил по Горбушке.

Куда же ещё пойдёт неприканный меломан? Ряды с коробками, полными кассет, разноцветными торцами компакт-дисков, распечатками имеющегося в продаже — продавцы только и успевали отсчитывать сдачу: вот ваши «Нирваны» и «Металлики!» «Министры»? О-о-о, шикарный выбор, индастриал в нашу эпоху, тяжеленная музыка для непреклонных характеров, да-а, говорят, скоро новые мётлы по-новому заметут, метелица отсохшего и отжившего, к чертям всю эту свору!

Цой жив, как ни банально! Мы ждём перемен — пока кровь играет и кипит, мы будем ждать свежего дыхания, буйных ветров и проливных дождей, пока не смоет напрочь десятилетие предательств, подстав, грязи и мусора, хлама мелочных душ!

А видео тоже продаёте? «Дракула» есть у вас? Да, нравится. Вампир-кровосос? Нет! Воин-герой, спаситель своего отечества! Предал? Продал? Пропил? На кол! Изменила? Подставила? На кол! Я? Смог бы я, как он, казнить за малейшую провинность?

Эмм...

Не думал.

«Если бы я оказался у власти...» Не пора ли в новый век выборов и народных решений, если только всё сбудется, — не пора

ли со школы учить гражданской грамотности? Вы бы на уроках программирования ввели бы, что ли, социальное программирование... Да хоть в «Варкрафт» научите детишек побеждать, в «Цивилизации» города строить, а не в подворотнях ночью одиночек поджидать...

Ну, несколько дней Егор зависал в квартире у знакомого орчанина, резко выехавшего на родину отдохнуть от суеты, как он сказал. Егор, не отвлекая Катю от журналистских заданий, бродил по Марьино. Орч-то — не то. И не сказать, чтобы бедна, напротив, неприлично богата своими доходами, хлебом треть России кормила, нефтью-газом грела-заправляла, да и за границу не забывала, только вот улетали эти доходы... куда-то. Резвые маршрутные «ГАЗели» Июлев увидел впервые у выхода из метро и, открыв рот, заглянул за автоматически открывшуюся дверь, ошеломлённо оглядев пассажиров, бурдевших: «Вы едете, молодой человек, или ищите кого-то? Закройте, не морозьте!» Гигантский корпус «М-Видео» обходил кругами, заглядываясь на плееры и наушники на сверкающих стеклом стеллажах и тумбах. «Макдоналдс» с тёплым запахом поджаренного мяса осмотрел, просмотрел, засмотрелся... и вышел, в блистающем супермаркете купив замороженный окорочок,

и на своей, так сказать, перевалочной базе сварил себе куриную лапшу.

Он ходил и смотрел, смотрел, смотрел... Москва — праздник для глаз, так он решил в первый вечер. Для души? А что для души? Мир книг показался неисчерпаемым, Егор набил рюкзак Юнгом и Элиаде и тащился с Арбата в спальный район через все переходы и остановки с тяжёлой, но волнующей ношей — узнать, узнать скорее, что за мотивы могут скрываться под сердцем вчерашней провинциальной красотки, ныне летающей по стеклобетонному лесу столицы райским голубем в белой куртке «Коламбия» и бежевых джинсах «Ливайс».

Только вот... Только вот нищие были ничуть не чище орских. Те же защитной расцветки куртки, протезы вместо оторванных ног, те же расстроенные гитары и аккордеоны, те же уныло пропеваемые песни о погибших в Чечне. И собиравшие с них дань — прилюдно, не скрываясь, — кавказцы в изящных лаковых туфлях.

Егора поразили чистенькие кабинки таксофонов.

Свободный телефон. Надо звонить загадочному политконсультанту.

— Это Егор из Ори, я по ночам у вас работал, помните? Извините, нет — так нет. Что? Да, которого хотели на второй курс

пристроить, да, я. Ура! Конечно, приду! Завтра? Записываю.

И прямо сейчас, с широкой московской улицы в Орь:

— Да, я, Егор Июлев. Я увольняюсь, передайте шефу. Что да что? Какая разница?! Работу нашёл.

Сентябрь. Спальные районы. Серенький дождик, лёгкая куртка, шапка-шлом. Но как просторно! Те же девятиэтажки, но как-то...

Егор был готов поклясться, что от деревьев, припаркованных машин и промокших девятиэтажек исходит лёгкое свечение. И хотелось пить, пить красное подогретое вино и подпевать кассетнику на срочно снятой однушке: «Да, теперь решено без возврата — я покинул родные края...»

Узнав по своим девичьим каналам, что бывший муж через два дня по приезду в столицу получил работу с видом на Кремль, Инна Июлева, категорически отказавшаяся менять по разводе фамилию, рванула на вокзал.

«Да, мама, извини, я не буду тебе так часто звонить, как ты хочешь. Поселился я на окраине Зеленограда, телефона в квартире нет, поэтому с первой зарплаты купил сотовую трубку. Сам телефон — ладно, недорогой, а вот звонить с этой трубки накладно,

приходится покупать по необходимости карточки, а они недешёвые. Пойми, пожалуйста, я ещё не так обжился, чтобы часами беседовать. Перестань волноваться, пожалуйста. Папа в Риге учился — ты же терпела как-то. А тут ещё ближе, и связаться проще. Квартира этого политолога, который мне помогал с работой. Представь, говорит: «Вовремя ты, Егор, приехал. Мы решили выпустить информационный продукт газетного формата. Ну и спец по этой части нужен. И тут ты. А мне ехать в Сибирь, выборы проводить, квартиру оставить не на кого. Это бабушки одного знакомого квартира, берёт копейки, пятьдесят зелёных, а зарплата у тебя для начала четырёста пятьдесят, пока вживёшься, освоишься с работой». Ну я и осваиваюсь, подписал бумагу о неразглашении, что именно выпускаем и над какими проектами работаем. Зато могу сказать, офис шикарный. Мама, какая тут кухня, твоя мечта! Можно приготовить себе перекусить, кофе всегда бесплатно, представляешь? И сахар! Кухня — это ещё и курилка, но вытяжка такая хитрая, что дыма не чувствуется. Ну и курят тут, понимаешь, не то, что я.

Я как пришёл, секретарша на ресепшне — это типа приёмная стойка — девушка маленькая такая, я подумал, школьница или студентка, говорит: «Привет, Егор!» Ну, я и понял сразу:

всё, как своего встретили. Так секретарша эта, Карина, — кандидат педагогических наук. Не волнуйся за меня. Представь, с кем работаю — секретарша и то кандидат! И ещё я зонт оставил тут. На радостях приезжаю на квартиру, купил курицу-гриль свежей обжарки, горячая ещё. Хватит, а зонта нет. И вот сегодня начдепартамента вызывает: «Молодец, твой дизайн наконец принят!» И Карина такая: «А вот и твой зонт! Я думаю, кто оставил? Для провинциала слишком крутой, для наших — наши привыкли из такси несколько метров до служебного входа пробегать, если дождь». Вот.

От Зеленограда ходит автобус, ехать как от Ори до аэропорта. Папа же ездил на работу, и ничего! Кстати, как он там, успокоился? Коварно уволенным больше себя не считает? Я решил, что раз всё прошло, может сам ещё работать, поэтому я и уехал, не обижайся. Пойми, тут зарплата в пять раз больше, чем в Ори! Но я к тому же коплю на переезд в саму Москву, в ней снимать терпимо, но надо агенту платить, и ещё подстраховка — типа что не съедешь, не заплатив.

Кушать есть что. Когда засиживаемся до утра... Ой. Нет, не буду вычёркивать. Тогда Карина ходит в «Макдоналдс» и в ближайšie супермаркеты, покупает еду по заказам — кому что. Я обычно беру йогурт питьевой «Лада»,

две коробки. И сыт, и вкусно, и пить потом не хочется. Зато приезжаю на работу к двенадцати, к часу. Так что всё не зря. Недавно Патрон говорит: «Ребята, не думайте, что я за вас всё решу — как писать и насколько глубоко. Я только бренд, а специалисты — вы! От вас зависит, что наш фонд предложит Заказчику и его Администрации. Вот дизайнер — откуда? Из Ори? Орь много потеряла с вашим отъездом! Как вы уловили этот небесный оттенок?! Любимый цвет Заказчика!» Ну и тут я совсем успокоился — можно работать и не обращать внимания на подколки... А. Ладно, про это в другой раз. Или не надо вообще. Всё в порядке!

Так что работаю, коплю на окончательный переезд в Москву, много читаю книг по искусству и живописи, а ещё психология, философия, и в этом окружении голова как-то по-другому заработала.

Целую».

По настоянию службы охраны письмо доставили спецпочтой.

— Привет, Егорушка! Я свободна от дел сегодня. Погуляем? — Катин хрустальный голосок даже по сотовому звучит так... так...

— Привет-привет! А меня могут вызвонить в любую минуту, поэтому, если что, придётся такси ловить.

— Я не против, надо так надо, подъезжай...

Егор бежал через лесок, сбавлял шаг, останавливался передохнуть, шарф срывал — распаренную грудь хоть так остудить! Вот и остановка междугороднего рейса, очередь шла быстро, автобусы не заставляли ждать. Сидя у окна и разглядывая аккуратные новостроенные коттеджи вдоль трассы, думал, и думал, и думал, музыку в наушниках перестал воспринимать, что-то бумкало, что-то звенело, но всё внимание — всё на вопрос: «Сможем ли быть вместе?» Нырнув в метро «Речной вокзал», Егор отсчитывал минуты до встречи по собственному пульсу.

Вот и приехал, вот и центр зала, вот и она. Маленькая моя израильянка с осиной талией, аккуратной грудью, к которой так сладко прижаться, обняв, и большущие глаза-полулуния на нежно-белом личике, аж венки проступают на мраморной коже: не девушка — произведение искусства!

Они шли по осенней Москве, сыровато-сероватой, взявшись за руки, она рассказывала, как работаете журналисткой: на репортажах ещё ничего, вот когда делала с парнем, ой, до тебя не считается! Когда делали обзоры компьютерных игр, вот была морока! С одной стороны, дома сидишь, в тепле, с пельменями и чаем, а с другой — по пять часов в день пялишься

в монитор, снимки с экрана, а в большинстве игр, сам знаешь, не текст, а бред, каша в голове, нет, не повторю, и платили копейки! Но это Москва, будь готов выживать, никто не звал, сами приехали. Она перемежала рассказ о себе лёгкими жестами: «А вот здесь... А вот это строение...» Мой проводник в джунглях сотни тысяч зданий.

— Чего хочу? — Катя остановилась. — Ты же знаешь. Большую семью. Три-четыре ребёнка, просторная квартира или дом, чтобы видеться со всеми родственниками. Нет, уехать я не смогу, я кровью — по отцу, а мама русская, помнишь? Я надеюсь, Егор... Давай серьёзно. Я надеюсь, что ты раскрутишься. Как дизайнер, как писатель, да хоть группу опять соберёшь! Пара лет у меня есть. Надо состояться профессионально, а потом рожать-рожать-рожать! Обожаю детей!

Раздалась трель сотового, привешенного к ремню.

— Да, алло. Я в центре, гуляю. Прямо сейчас? Еду!

— Ну вот, — Катя просветлела. — Закрепляешься, шаги к более высокой ставке, нет? — и прижалась крепко губами к щекотной щёке.

Егор бежал, ехал, бежал, про себя повторяя поразившее: «Квартира, трое-четверо, дом». В памяти всплыла одна из любимых песен.

There is nothing as it seems...
All that they need is home...

Ворвался в офис, пролетел к своей кабинке: я здесь, я здесь! Прекрасно! Поехали!

Всё не то, чем кажется...

Всё, что им нужно, — дом!..

Катя шептала, боясь спугнуть темноту: «Егор, у тебя руки такие сухие и тёплые, самое то греться зимой», — и целовала ладони...

Она была категорически против света, ведь высвечивался его выпяченный подбородок, лицо полумесяцем, словно вмятое, и курносость, да ещё и картошкой, и переносица сломана. А он днями мечтал видеть её полное неги лицо, могла бы сниматься вместо Натали Портман. Или нет, Вайноны Райдер — как та в «Дракуле» призывала ветры! А мне призовёшь пониженное давление? Ночью за принтером на работе сердце слишком уж колотится. Но нам нужен дом! Да?

Дом. Надо делать то, что умеешь, наилучшим образом. И всё будет. В этом Егор был уверен нерушимо, хотя и проверял постоянно сам себя на адекватность и умение преодолевать обстоятельства. Не требуя от людей больше возможного для них — и это было одно из любимых высказываний. Потому брал себя в руки и выслушивал:

— Понимаешь, Егорий, — Георгий Константинович Соболев, начальник отдела периодических документов, слегка волновался, щёки краснели, фу, красна девица, от

этого краснел ещё сильнее, — проблема в том, что народ наш — не однородная масса. Помимо вероисповедания и профессиональных особенностей мировоззрения, есть ещё коллективные обязанности перед подобными тебе. Как ни смешно, но общность по знаку зодиака — тоже общность. Что ты хочешь? Есть масса таких общностей, мы не сможем их полностью проанализировать, поэтому каждому типу документов есть куда развиваться и расширяться. Слышал про такого философа современного — Дугин Александр Гельевич? Да, к газете «Завтра» он имеет отношение, конечно, как любой нестандартно мыслящий интеллигент в России. Так вот найди его публикации! У него очень интересно показано, что тайный орден иезуитов никуда не исчез, он преобразился и зашифровался, так сказать, хотя при этом своё учение сделал максимально доступным. Орден Живого Сердца. Понимаешь? Из этого символа вырастают поклоняющиеся Любви, и Милосердию, и чувственности, и множеству других качеств как ценностей. И противостоит им, как лёд пламени, Орден Мёртвой Головы — Рассудка, Логики, Справедливости. Ты можешь даже не знать, что такие глобальные организации существуют. Ты можешь просто ценить то же, что и они, любить такую же музыку, кино, картины, что их сторонники натворили, и

тем самым играть им на руку. Так что лучше разделять эти ценности сознательно, идти путём Головы или Сердца, моря или суши, правой или левой руки — так ты меньше ошибок наделаешь в жизни, меньше вредных связей, знакомств бесполовых...

— А ты видел, Константинович, как я работаю? У вас ведь тут набрался манер.

— Как?

— Ну подойди, глянь.

И прямой начальник глянул на руки теперь уже друга. Пока левой перемещались объекты на рабочем столе монитора, правой вызывались окошки свойств, их трансформации...

— У кого меч обоюдоострый, а у кого обе руки равносильны, нет ведущей. И я настаиваю, что есть средний путь, это из него вырастают все другие дорожки. И я хочу доказать, что иногда Любовь требует Справедливости, а Милосердие начинает настаивать на жёсткости, ты же видишь? Мои дизайны пришлись по вкусу всем. Работают мои принципы? Ну, работают?

Георгий покрутил головой, разминая шею...

— Ну да. Надеюсь, двурукость не есть двуличие!

— У меня, кстати, первый сборник рассказов назывался «Мастер Обличий».

— Глубоко! Чем больше тебя узнаю... А пошли тяпнем по коктейлю под салат?

Каждый охотник желает знать, где сидит фазан. Цвета радуги неотменимы.

Каждый заказчик желает знать, чего желает потребитель. Обычно он желает желать — чтобы ему предоставили выбор среди того, что потреблять, грубо говоря. Выбирать того, кто будет заказывать погоду, потребитель всё ещё боится.

Собственно, потребителей много. Очень много. И вкусы у всех складываются — да, исходя из того, во что верят и чему поклоняются. Редко кто знает, что ему лучше и от чего хорошо. Заказчик хочет знать, много ли тех, кто верит в светлое будущее, и тех, кто ждёт одного — конца света без вариантов, или тех, кто, глядя прямо в глаза наведшему оружие, верит, что всё будет замечательно... А они ведь все хотят жениться, хотят растить детей, хотят, хотят, хотят... Всё об их хотениях должна знать статистика с её таблицами, графиками и диаграммами.

Но это желания, то, чему быть бы... А вот что есть, что стоит за потребностями потребителя, чего от него ждать и чего ждёт он от заказчика, — с этим добро пожаловать в аналитику...

Некоторые уверяли, что их нынешний Заказчик настолько серьёзен, что ему всё равно, какого цвета заголовок в его персональной утренней газете из одного листа. Их хиханьки: «Егор — специалист по форме мыльных

пузырей. Пузырь и есть пузырь, дунул сильнее — лопнул, дуешь тихо — раствор стекается и всё равно — лоп!» — ложились под сердце крохотными пулбками. Некоторые же были твёрдо убеждены: если заголовок при всей своей выверенности отличается оттенком от чашки утреннего кофе или дыма вечерней сигары, никто не станет держать этот лист рядом с кофейником или сигарницей. «Я всё понял! — сказал им Егор Геннадьевич Июлев, 27 лет от роду, чёрные джинсы, белая рубашка, широкий кожаный ремень «Рэнглер», велюровый пиджак с лёгким переливом фиолетовых искорок. — Понял. Производим не распечатку текстов, а культурный феномен!»

«Кхм, кхм, — это уже нач Света обозначилась, — культура чтения и понятная структура изложения! Ясность и красота. Егор, всё ты понял».

Егор решил добавить в принципы своей работы ещё один: «Быть на шаг впереди времени». Никто не применял в оформлении документов Заказчика градиент — плавные переходы оттенков? Не беда, будем первыми. Никто в газетах не применял тени? Йо-хо, нам это раз плюнуть! Игра цветами вместо монотонности? «Моя мама при выборе одежды всегда говорит: сочетание трёх цветов, не больше, а лучше двух!» И, ожидая, пока статистики и аналитики отпишутся, часами искал нестандартные палитры оттенков.

Пузыри? Отдел расширили и усилили, в статистику набрали новую молодёжь, готовую изучать газеты и записи ТВ- и радиопрограмм ночью, успеть бы к утреннему выпуску. Говорят, нас было 156, а стало 232? Не думаешь же, что цветные пузыри так понравились?

Егор, получивший за декабрь на сто пятьдесят долларов больше, — мама, это треть стартовой зарплаты, треть, мама! — даже не пикнул, когда его попросили поработать неделю на постоянной, без привычного «придешь, как вызовим», за дополнительные двести.

— У тебя чего глаза красные, Егорушка? — нахмурилась Света. — Что-о-о-о? Вместо кого работал? Так, прекращайте, не дай бог, выгоришь!

В ожидании аналитических текстов и сводных диаграмм Егор бродил от своей офисной кабинки в небольшом зале к кухне и к отделу системных администраторов, где ему выдавали цветные картриджи для огромного принтера — на нём печатали свой штучный тираж. Иногда документ видели только Егор, Патрон, Света и Георгий Константинович. Далее — Заказчик.

Егор Геннадьевич перестал сутлиться.

«Знаешь, дружище Ильдар, у меня такого не было со дней выступлений с группой. Гордо держать голову. Как в твоих стихах? «Ты

ток, а они — провода». Хотя нет. Тут, понимаешь, всё так, будто знаешь нечто, обычным людям недоступное. Днём приходится запросы, что Заказчику можно сделать в таких условиях. Вечером аналитики готовят рекомендации. Ночью я это привожу в зримую, красивую и удобочитаемую форму. Утром уходят за кремлёвские стены наши ответы. А люди идут кто на работу, кто учиться, кто в ясли ведёт детей — и над всем этим ветер города, и он всё меняет, и днём с экранов говорят нашими словами то, от чего маршруты движения, такие привычные, меняются порой на противоположные! Те же люди, но живут другой жизнью! Понимаешь? Им дают такую жизнь на этом берегу, а мы на Других Берегах ломаем голову, как её сделать лучше, хоть чем-то лучше — здоровее, сытнее, безопаснее. Красивее, в конце концов! Понимаешь?

А про тебя мне сказали: нам нужна психология социальная, массовая, а не личностная. Пусть, мол, перебирается сюда, учится здесь, а там посмотрим, что за специалист выйдет. Извини, большего я сделать не могу.

Твой друг Егор».

Эти двести долларов пришились кстати.

Дизайнить на Катином ноутбуке удавалось не всегда — то командировка, то Катерина сидит, еле слышно проговаривая про себя

сочиняемый текст, меняет текстовые блоки местами, в интернете висит на сайте Компромат.ру... Вот и пришлось взять отдельный компьютер себе. Почтовый ящик на входе в подъезд был забит рекламой, теперь ещё и компьютерное обозрение прибавилось с раскладами цен на комплекующие и готовые сборки...

За сто девяносто Егор нашёл себе железного друга.

— Ты играешь в стратегию «Фараон»? Егорушка, поимей уважение к моему народу! Ты меня Орионом своим пугаешь, теперь ещё пленение Израиля разыгрываешь?

Ведь птичка-невеличка, откуда столько ярости? Егор не нашёл ответа.

— Ты когда в кино последний раз был, дорогой? А в Третьяковку заходил? Значит, по ночам рядом там отдыхаешь, а перед работой забежать — нет часа?

— Конечно, нет. Видишь же — сплю с телефоном в обнимку.

— Да что ж это за потогонная система такая?!

— Знаешь, Патрон иногда вслед за нами уходит. Света и Георгий меня одного почти не оставляют, только если распечатки при них не успеваю сделать... Да и зачем кино? Видео же есть!

Это да, Егор пытался записаться в видеопрокат, но регистрации-то нет! Кассеты только на продажу. Ничего, не Орь! Смотрел Егор фантастику и боевики.

Большие города, понимаешь, пустые поезда метро под ночь...

Что-то зрело, конечно... Казалось, ещё немного, и Егор сам взорвётся! Но пока сердце билось ровно, несмотря на крепкие сигареты и бесконечный кофе.

Ещё бы не зреть! В отделе периодических документов все как один поздравляли Егора с его новым принятым дизайном, клали рядом «Российскую», «Ведомости», «Комми»... Нет, наша лучше! Скромнее, но стильнее! Или просто потому, что наша?

А вот статистика не унималась. «Егор — специалист по пузырям, облачкам и прочим украшилищам. Диаграмма с градиентами — это да, открытие на Нобелевку!»

Егор скрипел зубами, но при этом тихо улыбался.

От жары плавился мозг.

Из окна однокомнатной (шкаф для верхней одежды, две кровати, пара стульев, на кухне комод, холодильник и плита, конечно же) — из окна этой московской роскоши виделся парк, тополя и берёзы густолиственные да одинокая двенадцатитажка в непроходимости парка.

Сидя на окне в одних шортах с бутылкой светлого «Клинского» и коробочкой салата, Егор прислушивался к шуму листвы и... Да ничего больше. Тихо погукивали на Каширском шоссе гнавшие куда-то автомобили, далеко

внизу перекрикивались дети между треском игрушечных пулемётов... И ничего больше.

Ему казалось, Катя стоит, потупившись, заложив изящные руки за спину, оперевшись о комод. Стоит и тихо проговаривает извинения.

В холодильнике мёрзли ещё бутылочки и коробки с лёгкими полуфабрикатами, готовыми к глотанию, без давления на нывшую челюсть... А, ну и питьевой йогурт. Восемь полулитровых пакетов персиковой и абрикосовой вкусоны.

— Запас есть, до выхода на работу можно жить, — выдохнул никому и потрогал синячищи на левой скуле. Позавчера. Позавчера, собственно, грохнули в самом бессветном проходе между домами, когда шёл из почти уже закрывшегося метро через июльскую жар-ночь.

Сначала раздался топот — догнали у круглосуточного магазина, где ночные завсегдагаи закупались алкоголем и закусками. Потом из темноты выплыло лицо какой-то национальности, Егор в них никогда не разбирался, и просипело:

— Выпить купи! Знаешь меня? Или новенький на районе?

Вспомнилось, что район трёх рынков называли Маленьким Кавказом. Ссориться с районом? Егор заплатил за бутылку полусладкого, но лицо не унималось:

— Чем открыть? Штопор спроси!

— Э, а ты? Ты меня знаешь? — вспыхнул Егор и отбил горлышко резким ударом об оградку газона: — Пей!

— Ты чё мне суешь? — лицо скривилось. — Там теперь стекло!

— Не сдохнешь! — проорал Егор в тишину, отхлебнул из расколотой бутылки, подобрал розочку и выставил то ли в защиту, то ли в атаку...

Коротко прошуршали ветви куста сбоку от дорожки к магазину, зазвенело в голове — что-то холодное сломало кость.

Катя завопила, увидев его на пороге с опухшим лицом и струйками крови, стекавшей на подбородок и — кап, кап, кап — на порог... Нет, «скорую» вызвала мгновенно, поставила соседей на уши, снарядив кого-то в аптеку. Менты? Нет, нет, нет, вот этого не нужно никому.

— Давай так... — по телефону виновато ахнул Соболев. — Неделю отдыха. Больше дать не могу. И не вздумай вышестоящим звонить. Тебя же и выпрут с работы.

Егор потёр крышечку прямо-таки карманного «Сони Эриксона», плоского, металллик, Катя от него взгляда отвести не могла. Решено, подарю позже. От жары плавилось всё.

Катя так широко раскрыла глаза... Это ей особенно шло... Так широко, будто пыталась всю его нескладную худобу вобрать в глубину зрачка.

— Зачем ты рвёшься на работу с сотрясением? Понимаешь, я вчера только заснула, и вот он ты! Закрываешь пол-лица ладонью и материшь меня, что не даю роздыха.

— Ты сама говоришь, что не успеваешь карьерно вырасти. Надо кому-то быстрее подниматься.

— Не надо, — отстранилась она от поцелуя. — Мне страшно, прости.

— Я страшный? На божья, наверное, смахиваю?

— Извини, божжей в знакомых нет, не знаю. Сколько сейчас времени?

— Без понятия. Всё как-то смешалось, — Егор подлил ей кипятка, придвинул флакон с кофе. — Скажи мне, кто из этих нацменов вытряс деньги? Утром приходили, извинялись, долларами откупились. Вот как любить Родину, если в ней такие уроды на каждом углу? Забудем. Кто помог? Я же слышал, ты кому-то в ванной звонила.

— Егор, вот скажи мне, у тебя правда любовь к Родине?

— Может, вообще не любовь. Любить — значит выделять, признавать исключительным. И поэтому беречь, холить и лелеять. Родина — это что вообще? Тупо где на свет появился, где в школу ходил, влюбился первый раз?

— Ну, для кого-то так.

— А никто никогда не думал, что Родина — это люди? Люди, живущие здесь. Я не удивляюсь, что некоторые уезжают. Значит,

благополучие дороже дружбы и любви.

— А ради любви можно пойти на... На кражу... На подлог... Вообще на обман?

— Не думаю. Ты это к чему? Поцелуй запечатал ответ.

Поезд подползал медленно, медленно. С перрона увидев в окне вагона молодожёнов, проходящих в тамбур, Егор расплылся в улыбке — зубы не показывать, вот так. И встречаем!

— Дружище! Ну, со свадьбой! — и таких объятий друзья обычно не знают. А вот рукопожатие невесте, теперь жене, а ладонь у неё ледяная!

Егор не смотрел в сторону жены Ильдара, удерживая голову от поворота, удерживая... Сумки в камеру хранения. Ну, теперь куда? Магазин музinstrументов? Да пожалуйста! Кстати, добавлю на гитару-акустику, дружище, сочтёшь за подарок? Ну, отлично!

Даже не смотрел на её влажно блестящие глаза.

— Ну вот ты и при гитаре, сбывлась мечта? Давай ко мне, зачем вам зал ожидания? — и мелькают станции метро, вспышки света и провалы тьмы, на этой грани и живём. Да кто сказал, что любовь — это свет? Когда вот так бегут мурашки от случайного прикосновения к её ладони, когда её молодой муж восторженно читает новый стих, а она сжимает запястье

так сильно, что рука уже немеет, и слезинка бежит по её щеке, и Егор, всего на мгновение повернувшись к ней, читает по губам: «Вернись! Мне не за кем идти!»

— Нет, Егор, мы на вокзал, за нами её брат заедет, всё путём, завтра можем свидеться, пока.

И когда Егор выбежал из закрывающегося метро и прокричал, прижимая готовое вырваться вон сердце: «Жги, спали всё!», — рухнувшая, словно бомбовый удар, безветренная жара затопила улицы и дворы. Он бежал, захлёбываясь слезами, по бессветному междомью и на повороте дорожки к подъезду услышал крик из мигнувшего подфарниками припаркованного «мерса»: «Ты мой должник!»

Кто это?

КТО?

— Холодный город? Н-ну, как сказать помягче... Пространства, понимаешь, пространства... Необъятный город, да, так. Чтобы встретиться с роднёй, знакомыми, приятелями, коллегами, порой с одного конца на другой едешь, не всегда метро спасает, до него ещё добраться надо. Час туда, час обратно, и не всегда это самое нужное. Долгая дорога в джунглях. Шум, гам и грохот мегаполиса. Поэтому и видятся реже, и времени на встречи меньше. Учти, что многие ещё и подрабатывают. А едят москвичи меньше — заметил?

А пьяных часто видел? — Георгий Константинович важен, Георгий здесь уже семь лет, мама дорогая, столько не живут!

— Пьяных не видел. Потому как менты кругом. У нас говорили, Заказчик строит полицейское государство, — Егор облизал ложку и украдкой ещё раз взглянул в меня. Меньше так меньше.

— Ты биографию Патрона где-нибудь читал, интервью с ним? Он совершенно искренне говорит, что Заказчик выстраивает заново вертикаль власти. А Патрон — за расширение политического поля и повышение градуса гражданской активности. Мы сами удивляемся: как при этом будет стоять та самая вертикаль? Патрон: мол, множество гражданских организаций и партий будут объединены в более крупные союзы и альянсы.

— Мне кажется, они просто сольются в нечто единое. Я пока против этого ничего не имею. Ты никогда не играл в «Цивилизацию» на компьютере? Я как-то пробовал установить на своих территориях фундаментализм. Одна вера, одна традиция, один закон фактически. Граждане славят своего бога и его наместников на земле. Позволяется быстрее наращивать военную мощь, вести военные операции вдали от своей земли без возмущений родственников солдат, заниматься глобальными государственными проектами. Только вот наука чахнуть начинает... — Егор

сощурился, глядя на огонёк сигареты. — Недовольство тлеет. Тлеет, но не разгорается.

— Ты, получается, серьёзно к игре подошёл, изучал прямо. Я так, время убить, побаловался и всё, — Константинович подозвал официанта. — Егор, хочу тебя салатом из морепродуктов угостить. Или уже пробовал? С чего? А с того, что классно поработали сегодня!

— О, спасибо! Ну да, серьёзно. А у «Цивилизации» есть ещё продолжение, «Альфа Центавра», тот же принцип строительства, только в космосе. И вот там есть такой момент... После открытия в ветке знаний психологии знания «Воля к Власти» ломалась напрочь система государственного устройства, изучалось лидерство, инициативность, новые проекты... Понимаешь? Пока общество не признает, на чём строится его иерархия, пока избиратель не поймёт, почему вообще лидеры стран стремятся проводить активную политику, соперничать за ресурсы, ему так и будут впаривать Преемников. «Здравствуй, ёлка, Новый год, я ваш новый командир!»

— А-ха-ха! Ну, насчёт слияния партий ты не ошибся. Только молчок. Завтра будем дезинформацию для коммунистов готовить, да, насчёт мнимых планов объединённых движений, — Георгий усмехнулся, вспомнив растерянные лица лидеров оппозиции, приглашённых к Патрону на обсуждение программы гражданского примирения.

— А я смотрю дома телевизор — губернаторы, такие-сякие, навывирали в них невесть кого, братва рвётся во власть, пора укреплять роль Заказчика... И при этом его скромные объяснялки: «Я менеджер, нанятый государством».

Егор всё не мог напиться томатного сока — днём домой не покупал. Экономил. Ещё много всего для обустройства надо было купить, хотя он часто говорил про себя: «Мой дом там, где мой компьютер — для работы, учёбы, связи с друзьями, музыки, фильмов и развлечений вообще». Катя щурилась: «А я думала, дом — где я!» «Я предпочитаю говорить о доме для нас», — серьёзnel Егор. «Ну ладно», — Катя целовала, дурманя розовым запахом, и уезжала куда-то в центр, какой-то подруге помогая с каким-то там ремонтом. Определённым и незыблемым оставалось это — пластиковая башня рядом с монитором.

— Так чего он хочет, Заказчик наш, — стабильности или динамики развития? — сощурился Егор. — Ну если ты не можешь сказать, то кто может? Просто вот эти все поползновения зафундаментальность (да, люблю словечки изобретать) и привести один клан к управлению приведут к чему? Ещё Ницше сказал: «Стабильность ведёт к коррупции». Ага, потому что руководители больше не получают новизны в своих привилегиях, всё одно и одно, что ведёт ко взятке. Они и так имеют выше крыши, но брать будут.

Ибо это косвенное подтверждение их власти. Проситель кланяется именно им. Подсознание! Инструментальный интеллект, рассудок, даже если он высокоразвит, так и оставляет человека эгоистичным хищником. А вот разум... Разум — это со-знание. Знание о том, что ты един с подобными тебе. Отсюда и рождаются выручка и взаимопомощь. Отсюда и общество, и забота о его процветании. Всё просто.

— Знаешь что... Егор, я верю, что Заказчик разумен именно в том смысле, о котором ты говоришь. И что для него общество — не только его семья и семьи его друзей. Пока я в это верю, я буду работать на Патрона. Всё путем, пора, выдвигаемся по домам!

— Мы думаем, это свет в конце тоннеля, а это... — прошептал Егор, и слитые огни фар разделились, приблизились, такси подъехало.

Патрон стоял у окна с видом на дома ещё сталинской застройке и сравнивал распечатку документа годовой давности и сегодняшнюю. Нет, Света молодец, что такого дизайнера нашла, как его? Их столько было, что и не запомнить...

Вчера показал свежий выпуск официально главному дизайнеру своему, прямо-таки обитавшему в «Президент-отеле». Тот, разработчик сайтов Россия.ру и Полоса.ру, сощурился: «Порнография!

Нет, для провинции, может, и суперкруто, а для столицы...» «А в Администрации запросили ещё несколько выпусков, утренних и вечерних. Я же не отделяю формы от содержания. Текст глубиной проработки и стилем подачи должен соответствовать оформлению. И ведь читают, и просят ещё! Эх, молодёжь, у вас такие возможности, компьютерная мощь чего стоит! В наше время всё печаталось на машинке, до ксерокса потом тоже дорваться не могли. Всё кажется, границы между личностями прозрачнее, должны бы объединиться на почве единой нашей России, одной на всех! Нет. Коммунистов только, смотри, несколько партий. Будем подтягивать осколки в целое, в КПРФ. А сегодня будем готовить дезинформацию о тезисах сводного собрания единокороссов. Как зачем? Массу легче контролировать, когда все подчинены одному вожаку. Разделяй и властвуй — это не про Россию. С большими лидерами договариваться проще, чем с толпой полувождей. О да! Да-да-да, я за разогрев политического поля! Это стимулирует жажду быть первым, с одной стороны. С другой, быть не просто первым, а лучшим вариантом для страны в нашу эпоху. Много званых, но мало избранных, вот этого не забывайте! Но я был и буду за то, чтобы званых было больше. Увидишь, они ещё Заказчика на руках понесут и царём станут звать!»

Кто хотел, тот нашёл в интернете обрывки его биографии, надо подчистить, не всем всё знать! Кто о них ведал, о лидерах информационного подполья в тех семидесятых? Кто знал, что Патрон, свято уверенный, что о них, об историках, знавших политметоды Романовых и позже — Сталина, кто знал, что он и доложит в КГБ о вынырнувшем откуда-то типе, подбивавшем вспомнить Пражскую весну и активнее действовать в странах Восточной Европы? Показалось — провокатор. Патрон сам же потом и пошёл к нему искренне прощения просить. Как там Осиновский говорил?..

А Осиновский говорил, что главное в наше время — интеллект и воля. Ещё он говорил об относительности морали и о том, что воля не может быть ни доброй, ни злой. Есть воля быть и действовать в личных или чьих-то интересах. Что, дескать, сам он предпочитает для страны свою волю и ничью другую. Патрон слушал идеолога бывших заказчиков и молчал: «Властвовать будет тот, кто устраивает меня. И так, чтобы это опять же нравилось мне. В чьих руках знание о методах влияния и воздействия, тот и станет лучшим!»

— Представляешь, Катюш, известный только в своём институте бывший одесский студент стал создателем образа Заказчика! Мне говорили, кто в его глазах отличится, тот уже не пропадёт,

— Егор играл с прядями над её ушком, поцеловал в мочку, чуть укусив...

— А мне Осиновский нравился. Создатель собственной финансовой империи!

— Ага. Типа встречаются Осина и Патрон. Осина: «Я создал свою империю!» Патрон: «А я всего лишь воссоздаю Российскую империю, и вам в ней не место!» Вот и всё.

— Егор, ты в постели не забываешь о работе? Я так плоха? — Катя сморщила носик: фу-фу, трудоголиком пахнет!

Егор прикусил язык.

Закат, мрачно сторающийся, коптит облаками ясное небо, и ему ли после этого не хмуриться? Ночь, верная подруга, ты пугаешься рассвета и стыдливо гасишь звёзды, последним лучом лунного морока спрашивая, приходит ли ещё... Я провожаю вас, ведущих друг друга под руки, и рассвет окрашивает кирпичные стены розовым сиянием — оно, едва заметное, лежит на всех мечтах о теплоте древнего сердца страны, в котором потоками быстрой крови будут жизни рискнувших взять на себя достоинство правящих, и в каждом их шаге спокойствие руки, лежащей на рукояти неотразимого оружия. Им, только им хранить тайну посещающих душу намерений. Им, только им знать имена порождающих бесспорные

приказы. Им, только им помнить о небесном родстве и возвращении на звёздную родину павших на странные почвы планеты, чей воздух полон ветров и облаков, гонимых дуновениями северных великанов...

Мечта тысяч лет — правящие от
Прави, мира справедливых богов.

Звонки, звоночки, звонцы...

Уже засыпал, радио в плее-ре шуршало, нажал нечаянно на кнопку поиска другой станции... Ох, что? Схватил трубку. Набрал Ильдара.

— Слушай же «Кинопробы»!
Включай «Наше радио»!

— Егор, сколько времени? Три ночи у нас, какое радио?

— «Кино», дружище, в исполнении молодых!

— Да я знаю, что такое проект «Кинопробы». Можно же потом кассету купить...

— А услышать как можно раньше не хочешь?

— Раньше? Зачем раньше? Всему своё время.

— Ну вдруг захочешь после кассету, а диск взять? Или вообще расхочешь, наоборот. Ладно. Я понял. Извини, что разбудил.

— Да ладно, что уж. Я просто после дежурства в ургентной клинике. А потом на дискотеке диджействовал.

— Что хоть включаешь народу?

— Егор, давай завтра, а? Трики включаю. Ты же трип-хоп не слушаешь, тебе ничего не скажут имени.

— Хорошо, завтра. Пока!

— У тебя всё хорошо?

— В общем, да. А почему спрашиваешь?

— После полуночи не спишь... При твоём графике и нагрузках...

— Ты бы давно уже радио включил.

— Да у меня наушников нет, а отец спит...

Вот и славно! Будет что подарить Ильдару весной на день рождения!

Константинович поднял рюмку:

— Ну, за проект!

— Какой проект? — Егор перестал елозить ножом по куску мяса.

— «Гражданский форум»!

— Так это та самая идея из курилки? — упала вилка на пол — руки, что ли, не держат?

— Ну, как сказать... Идея, может, и твоя, но разработка всей нашей команды!

Отчего так звенит в голове? Меж ушами колокола бьют. Как это? Это же неделю назад...

Егор потягивал ставший привычным «Кэптэн Блэк» — и вкус вишнёвый, и бодрит круче кофе — а девушка, которую он прозвал Колоколом за удивительно ровную коническую юбку до пят, всё ещё улыбалась:

— У меня есть теория, что здесь собрались те или иные личности с особым мировоззрением,

особым мнением относительно всего, с нетривиальным мнением. Вот про тебя, Егор, говорят, что ты нашего ведущего политолога заинтересовал даже не дизайном, а своими идеями... Извини, философскими — это громко.

— Ну, он прочёл рукопись и предложил помочь с поступлением на психолога.

— Вот! Я так и думала! А в рукописи что было?

— Ничего особенного. Я там вывожу мысль, что не только Россия отшатнулась от коллективизма к жёсткому индивидуализму, не только у нас Личность стала важнее Коллектива, но и страны бывшего соцлагеря переопределили свой путь развития. Разбег от довольно единого целого к самостоятельности, само-собойности, самостности. Но цели заявленные... Говорится, да, что такие формы существования полезны для выявления лучших, складывается, мол, среда для подпитки наиболее выдающихся, талантливых. И что просвещённый капитализм, так скажем, на котором строится западная цивилизация, обеспечит Личность всем необходимым для роста. Но фактически будет иное. Засилье личностного легко приведёт к деспотии, а она уже рождается в неявной форме. Эти разбежавшиеся страны и странки легко подпадут под влияние тиранических персон, а сияющиеся быть единственным примером для подражания супергосударство

начнёт уничтожать эту псевдодеспотию, подстраивать под себя.

— Чем-то напоминает Шпенглера... Не читал?

— «Закат Европы»? Только название слышал.

— Удивительно. И что ты предлагаешь?

— В каком смысле? — Егор принял от Карины чашку кофе. Молодёжь из отдела статистики разглядывала обтёрханные джинсы и рубашку грубого холста с пятнышком на рукаве — прожжено сигаретным угольком.

— Выход для таких государств есть?

— Надо делать ставку на народ. Точнее, на тот слой интеллигенции, что готов совместно с народом взять на себя ответственность за всё происходящее в стране. Власть в любом случае давит тех, у кого её нет. А чтобы не давила, надо воздействовать на неё обратной связью. Совершить небывалое. Проще? Пожалуйста. Вече. Ничего лучше этой народной демократии так и не придумано. Какое-то такое собрание общественных представителей, порождающих идеи для будущего законотворчества.

— Форум? — Колокол засмеялась.

— Почему бы и нет? Самая современная технология общения для начала века-то. Форум представителей общества, считающих себя ответственными за идеологию развития страны.

— Вы это вправду сами всё обдумали, без подкасок? — от стены отделился...

Егор спохватился, что очки оставил у компа, а без них лица не мог разглядеть, но по долговязой фигуре узнал любимца статистических девушек.

— А что? Считаете, это невозможно? — скрипнул зубами Егор.

— Говорят просто, мол, вы верите в то, что власть в России захватили ящероподобные пришельцы, — просмеялась фигура.

— Я? — Егор аж глаза вытаращил и приложил руку к сердцу.

— Ребята! Это же тот самый феномен искажения информации, про который я всем твержу! Помните, Егор, вы пошутили, что Заказчик похож на Влада Дракулу, каким он изображён на румынских монетах? И зовут... — Колокол похлопала Егора по ладони, но он мгновенно убрал руку со стола.

— Ну да, помню. А при чём тут это?

— Влад Дракула! Влад Дракон! Влад, глава Ордена Дракона. Немилосердно справедливый, хладнокровный! Хладнокровный дракон! Ящер! Рептилия!

— К гадалке не ходи! — засмеялся Егор. — Это же из раннего Фрейда что-то, искажение ради преуменьшения, принижение значимости образа. Истеричный смех над внушающим опасения! — и вышел вслед за Константиновичем, в приоткрытую дверь позвавшим:

— Пора! Все тексты собраны!

...А теперь, после суток разработки нового дизайна одним Егором и логической структуры документа другим, можно подкрепиться мяском и «Кровавой Мэри».

— Я в каком-то романе читал, — Егор мотнул головой, сглотив вкусную «Мэри», — про умников одних. Соберутся за столом, вкушают, выпивают, заедают и под икорку да балычок беспокоятся о спасении голодающих.

— Совестьливый ты! — Константинович рассматривал на свет прозрачную водку на слое сока. — Посоветуй, как мне с Таней быть.

— Я? — Егор чуть подался вперёд.

— Ну, у тебя истории такие были, знаешь же, как из них выходить.

Константинович — сибиряк. Из закрытого города рванул поступать в МГУ и поступил! Надо было либо учиться, либо выживать, где-то как-то подрабатывать — он нацелился на отличную учёбу, голодал, время от времени, конечно, писал заметки в журналы, но не во вред учебному процессу. Вот так дотянул до четвёртого курса и попросился к Патрону работать над дипломом. Ночами после ухода всех сотрудников сидел с дизайнером до победного конца, до выпуска свежей подборки документов. И где здесь искать время для романтики?

Она нашла его сама, романтика эта. В лице невинного цветочка Тани, пришедшей в статистику —

куда же ещё? — за первым заработком.

Тут-то Егор и напрягся, да так, что статистики начали подхихатывать, видя его гневные мины при появлении Танюши. Нет, любви кого хочешь, друг, но не во вред работе! А Константинович стал уходить среди дня на несколько часов, весь розовый — то в ближайший кинотеатр, через мост, то в «Шоколадницу». «Ты не понимаешь, что ли? — бесился Егор. — Мы все сидим и ждём тебя! А у меня дома рукописи недописанные!»

Таня оставалась непреклонно невинной.

Константинович перевел её в отдел сбора информации. Таня оставалась нетронутой.

Константинович сделал её руководителем отдела. Татьяна раз-улыбалась, но...

«Егор! — тихо говорил уже разведённый дизайнер. — Это же дурная классика соблазнений! Завязывай её превозносить!» «А мне советуют её повысить поднять — дескать, благодарной станет!» «Кто советует? Книжек начитавшиеся?»

Ну, она и сказала очередное «нет».

Тут-то Георгий Константинович и взорвался.

Егор выслушивал его планы мести, запоминая изощрённые ходы для своей прозы, тихо втолковывая, что разрыв отношений ударит теперь уже по репутации

Соболева как руководителя, но...

Не дай вам бог разозлить благодетеля.

Вот и всё, подытожил ситуёвину помрачневший Егор.

Он, собственно, сам вызвался подсказывать линии поступков, наслушавшись откровений ставшего просто хорошим другом Константиновича. Вместе отдыхали после ночной работы, вместе ловили такси — одному в Зеленоград, другому в Химки, по дороге, вместе обсуждали новые повороты судьбы. Всё как у друзей и бывает. Аналитик Егор и спросил дизайнера Егора:

— Твоя-то где работает и кем? Журналист? Где? О-о, это же структура Осиновского! Слушай, ищите ей другое место, и срочно. Осину будут выдавливать из бизнеса и даже из страны, только эта новость не для распространения! Слишком много связей завёл. И в чеченских делах увяз, сам не определится, с Россией он или с Кавказом. Ищите, ищите!

Егор смотрел телевизор, хотя уже видел, как их работа делает события, и никак не наоборот. Смотрел и холодел: «Генпрокуратура выдвинула обвинение по так называемому делу «Аэрофлота». Совет директоров издательского дома «Комми» выбрал нового руководителя информационного ресурса. Совет старейшин Чеченской Республики резко осудил попытки

вмешательства российских бизнесменов в процессы примирения».

Егор курил, глядя на три серебристые от инея берёзы под окном, и чувствовал, как по венам бежит нечто настолько сильное, что выводит его на безвоздушную высоту: «Далеко залетел орёл! Далеко. И есть ли что-то выше для тебя?»

— Нищше. Человек ищет положения с наибольшим контролем за своей жизнью. Нищше абсолютно прав, — тихо вымолвил Егор своей маленькой москвичке, оставшейся без работы.

Константинович принёс визитку редактора какой-то независимой якобы газеты:

— Патрон очень надеется на это издание!

Так и пристроили девушку.

История: рост

— Егор, ты в воскресенье как, свободен? Я в новую квартиру въехал просто.

— Помочь с погрузкой?

— Нет, что ты! — хохотнул Константинович. — Отметить переезд хочю. И тебя приглашаю. Вас.

— Ох... — Егор откинулся на спинку креслица. — Катя в командировке в Ичкерии! Выясняет по сёлам отношение к федералам, как там говорят, и к Заказчику лично.

— А что сёла? Города потихоньку на позитив поворачиваются.

— Эммм... Города по большей

части — равнина! Сёла — горцы! Горцы — воины, равнина — пастухи. Что-то такое у них, воины до сих пор озлоблены: дескать, Россия нам свои борщи свиные навязывает, и всё такое. Ну ладно, что спорить? Вот своими глазами посмотрит, и ясно будет. А где квартира? Ясенево? О, круто. Штаб разведки далеко?

— В том же районе, да, поэтому тишайшие места, железный порядок. Да, приезжай, буду ждать!

Но в воскресенье с утра Егора вызвонила Света:

— Егорушка, Егор Геннадьевич, выручай! Новые данные поступили, надо Заказчику доклад подготовить экстренно, приезжай!

Ему сразу же посоветовали — Зеленоград? Экономно, ничего не скажешь, но иногда бывает необходимость явиться за пятнадцать минут, потому выбирай жильё ближе к метро. Дороже? Компенсируем!

С утра? Я сказал — с утра? Ну, в принципе, полшестого уже не ночь.

Егор мчался знакомым маршрутом, первым поездом, вот эскалатор, бегом-бегом! У выхода с движущейся лестницы, расставив ноги и похлопывая по правой демократизатором, стоял невысокий крепьш в форме.

— Куда бежим, молодой человек? — оглядел он провинциала в классических, но поношенных джинсах и куртке аэрофлотовского кроя из жёсткой хромовой кожи. — Паспорт, регистрация?

Что-что? Без документов бегаем по столице с тяжёлыми рюкзаками, полными невесть чего? Пройдёмте-ка сюда. Я тоже спешу. Вот кофеёк согрелся, шанежки... Где? У Заказчика в команде? Вот страна! Понаехало вас, из Кремля десятки тыщ получают, а ты тут коренной, но за пять! Давай не мудри парень, двадцать пять баксов — и гуляй. Пятьдесят? Спасибо, сдачи нет, а у тебя нет мелочь, значит, ставка только что выросла. Гудбай, ага. И не сцы, у тебя типа абонемент, гы, больше тут никто не остановит, твою внешку опишу.

Взбешённый Егор не смог повесить куртку на вешалку и бросил её в секретариате.

Света глянула мельком на часы:

— От метро пять минут, ты на «Полянке» выходишь?

— Да, извините-простите, задержался, потребовали регистрацию.

— Слушай, ты прости, но мы не над законом, может, и к сожалению. Если Патрону начнут звонить — мол, у нас тут ваши в обезьяннике сидят, добром не кончится, регистрируйся как-то. Ну ладно, к делу...

А дело было в полученных прямо из Ичкерии данных по исследованию мнения жителей горных и равнинных сёл. Ого, круто! Кто же ездил по районам? Там до сих пор стреляют в чужих. Кто?

Егор успокоился, прикинув, сколько выплатят Кате за безымянный слив информации прямо с места опросов.

Егор жарил яичницу. Колокол зажгла сигарету и приникла к распечатке:

— Вычёркиваем... Тираж мал... Несерьёзное содержание... Вычёркиваем... Индекс цитирования никакой...

— Кхм, кхм, — Егор дал о себе знать? Да ладно, просто в горле запершило. — Я так понимаю, это у вас список изданий для представления на анализ? Лучшие из лучших?

— Может, и не лучшие, но жизнь своих городов и областей отражают наиболее полно. И про госполитику всегда помнят!

— А есть у вас там «Орь-курьер»? Редактор Святослав Геннадьевич? Новое, в принципе, издание, после смены губернатора появилось, альтернативные красному руководству мнения, ммм?

Колокол скользнула взглядом по рукам Егора, сжавшим пачку «Винстона», которая уже мялась, сминалась... Какие пальцы! Только для игры... на девичьих нервах...

— Нет, впервые слышу, — она прищурилась. — Но если вы говорите «интересно», то, скорее всего, так и есть.

— Ого! Я же не специалист в анализе, — Егор засмеялся.

— Вы чувствуете нерв! Ситуации, публикации, нового дизайна. И вообще весьма прогрессивны.

— У меня есть невеста! — выпалил Егор.

Колокол смерила его долгим взглядом:

— Да и я замужем... Слушайте. Дело такое. Я бы хотела создать отдел оперативного реагирования. Но Света... Света меня по-настоящему не принимает всерьёз. Намекнёте? Дескать, сидит ночами с нами третьей, всегда готова пересмотреть, пересчитать... Сложно?

Святославу пришло письмо с просьбой предоставлять краткое содержание номеров. За умеренную плату, конечно же...

— То есть твой супер-пупер-фондик, ваяющий документы для Заказчика и его Администрации, не может тебя сам зарегистрировать? Кхе, мне в редакции помогли, кхе-кхе, — Катя просто сияла. — Вот тебе и всесильный Патрон!

— Вчера рвануло на «Белорусской», слышала ведь? Поезда мимо шли, по вагонам менты с собаками... Это хорошо, что я в наушниках модных, на москвича стал похож, только капшон у толстовки иногда мешает. Но подстраховаться надо, не язвы, пожалуйста! — Егор даже покраснел. За кого стыдно?

— Сто пятьдесят, — и Катя зарылась в меню телефона: где этот номер?

— Не понял, — Егор пересел поближе к батарее, за которой прятал металлическую коробочку от сигарок «Генри Винтерманс», уже еле закрывающуюся от «зелени».

— Сто пятьдесят баксов, фото у удостоверение, у тебя где-то видела в рукописях, и копию паспорта.

А-а-а, ты вон о чём! Не я же буду делать, и так по-божески.

Встречу для получения справки назначили на «Библиотеке Ленина». Егор у головы поезда, прислонившись к колонне, следил, как невзрачный очкарик в сереньком — увидел, поболтал, забыл — передал чернявому бородачу пакетик-файл. Подошёл, назвал, сунул в нахально выставленную ладонь три купюры.

— А реальный ли москвич у себя зарегистрировал?

— Область, не дрейфь, областные работают.

Егор выдохнул, разглядев печати и подписи. Но что-то слетело с языка:

— Любому? Только плати?

— Дурак, да? Ты ещё ляпни где! Вот понадеялся на Катю!

От соседней колонны отделился громадный, бритый, куртка трещала на литом тулове:

— Проблемы?

— Нет, нет, нет! — замахал Егор. — Пока, ребят, спасибо!

И, варёный в собственном стыде, сорвался на полубег.

У выхода с эскалатора «Полянки» стоял всё тот же в форме и с ним автоматчик в военном.

— Ну-ка, ну-ка, дизайнер-пизайнер, паспорт, регистрацию! Или повторяем «Поле чудес»?

Егор, откуда-то из-за пределов космоса спросивший: «Вот. Всё в порядке?», услышал вялое, скучное «проходите!» и успел сообразить: «Регистрация или две шка-тулки?»

Усмехнулся.

Ноги вынесли на улицу. Зайти в книжный?

Дышалось ровно.

Сто пятьдесят — да, по-божески.

Однушка? В столице? За два года заработана? Вот крутотень!

Егор воткнул кассету с любимым альбомом «Виш» в солидный центр «Сони». О-о-о, вот это басы, я себе ещё не купил, у меня бюджетный вариант — компьютер, звуковая карта, колонки, зато окружающей звук, да! Надтреснутый, почти надорванный голос Роберта Смита, и барышни, улыбаясь, закивали головушками: «Романтично!»

Ну, за МГУ! Ну, за Питер! И за Новосибирск!

— А за ОрьГУ слабо?

— А где это? На Южном Урале? А-а-а, Черномырдин вроде оттуда! — и дружным звоном фужеров прозвенело: «За ОрьГУ!»

— Ты что-то нервничаешь, Егор Геннадьич, а? — Константинович вышел на кухню, полную томных ароматов сигареток и сигарок.

— Да я сегодня файл из двух страниц Свете готовил и закрыл его, уходил когда, поторопился! Найдёт ли?

— О, вы опять... Вдвоём... Не мешаем! — и улыбчивые золотые-молодые ретировались в комнату и далее на балкон.

— Чего? А, ну да, постоянно вместе, чёрт возьми, всё равно

противно прозвучало! — побледнел Егор то ли от ещё одной стопки, то ли от чего?

— Не думай о таких глупостях, дружище! — хлопнул по плечу Константинович. — Эту видел, рыженькую? Таня! Танюша! Прекрасилась! Она типа ревнует просто! Сотовый звонит... Твой?

— Июлев! Ко мне, пррвать, уволью за опоздание!

Егора трясло. Ещё бы не трясти — пол-отдела было в сборе. Переделывали своими силами утренний документ. Что? Не может быть...

— Я сегодня впервые была приглашена к Заказчику лично! — отчеканила Света. — И мы не нашли файл! Впервые! Когда это ещё будет, спрогнозируй? Иди печатай. Ещё одна такая осечка — убыло!!!

Егор пил и пил воду у охладителя. Активированный уголь! Аспирин!

Через три минуты мертвенно-бледный дизайнер горящими глазами искал на лице начальницы признаки потепления. Кто файл пытался найти? Кто именно? Колокол, вы уже знаете про кличку, неважно! Всё на месте, под её личным паролем, две страницы в одном файле, на предпросмотре только первую видно, она просто не стала его открывать.

— Статистика, алло! Колокол, как её?! Сюда, я сказала!

Егор сидел за монитором, спрятав руки в карманы пиджака — не

смог набрать свой пароль. Колокол выбежала, схватившись за виски, в слезах. Света подошла, опустила ладонь на левое плечо:

— Печатайте, Егор Геннадьевич, печатайте доклад. Патрон договорился о новой встрече. Наше руководство департаментов и руководители Администрации Заказчика. Завтра получишь компенсацию за сорванные выходные.

— Алло, Егорушка? Я дома, жду тебя. Опять аврал? Жду!

Когда тебя ждут среди десятка миллионов равнодушных...

Катя надела его рубашку, оглаживая на талии, легко повела носиком:

— Ммм, твой запах, чудно!

— Знаешь, что я подумал?— Егор выпустил колечко дыма. — Что Башлачёв не так уж и прав.

— В чём?

— Что любовь — это когда болит. Я вот почти счастлив. И никаких болей нигде.

Катя прильнула к костистой груди:

— Это ты СашБаша наслушался, что всё-таки женился?

— Нет, родители вынудили. Мол, вся деревня родная гудела: Июлев жил с девушкой не по закону.

— Она здесь, знаешь? В какое-то спортивное издание устроилась.

— Знаю. Звонит на сотовый и молчит. Как повыше взлетел, так

вспомнила, что временные трудности были всего лишь временными.

— Будет встречи искать — отловлю и глаза-то выцарапаю, — Катя морщила носик: фу-фу, воспоминаниями запахло, мы вместе, и всё тут!

Егор Июлев, рокер уже со стажем, подтверждённым выступлениями в Ори с гранж-группой, начал сомневаться, что жизнь — страдание и боль.

Что-то переломилось в судьбе, и в сердце вливались гордость и удовольствие.

Что-то переломилось.

Июлев в ожидании текстов и статистики рисовал макеты. Нарботки имелись постоянно, при введении в производство новых документов газетного формата было гораздо легче адаптировать шаблоны из запаса, чем изобретать новшество за пару часов, но и так случалось. Рисовал, читал, шерстил интернет в поисках всего, что относилось к тайным орденам. Рептилоиды — это, конечно, хаханьки. И хихикали-то сторонники и впрямь выдавленных из страны олигархов, другие же начинали сбиваться в толпёшечки, толпы, массы довольных Заказчиком, вот уже и гимн страны решили вернуть времён генеральных секретарей. Нет!

Нет, нет и ещё раз нет!

Гениальные мальчишки из закрытых городов слишком верили

в статистику, не видя жизни за пределами кабинок офисов...

— Как вы не понимаете?

— Егор, отпив ещё из баночки джин-тоники, присел на самый краешек камня набережной. — Народ другой! Вы его не видите! Он не идёт на поводу у спрашивающих, потому что всё ещё боится власти. Дай ему микрофон и спроси мнения — он и спохватится, что его слова могут услышать все, кому не лень. Как привыкли всё держать при себе, так и держат! Гражданский форум — хорошо, так и надо, но ведь смотрите — разочаровались, низкая активность потенциальных участников. А я что вам говорил? Я не народ? А кто я?

— Ты говорил, что это близко к древним формам народовластия, — Константинович крутил в руках банку коктейля, присев всё же рядом.

— Так и есть! Но надо же вести просветительскую работу! Человек должен перестать быть безразличным к тому, что с ним делают! А то ведь все смутно сознают: одни грабят внаглую, другие грабят вежливо, «не соизволите ли продемонстрировать содержимое ваших карманов?», но всё равно грабят! Народ ещё должен стать сообществом граждан, отвечающих за тех, кого выбрали. Кого выбрали вы, мы, они — сами выбрали, так что страдать? А пока всё так, что «нам сказали «голосуй», мы и сунули!»

— Егор, иногда мне кажется, что тебе место не на вёрстке. Ты же пишешь что-то?

— Эх, кто сейчас не пишет?! Этот в нашем отделе, из Калуги, книжку свою всем дарит... Поговорил с ним. Издали его друзья из бандитов, а кто ещё сейчас при деньгах? Знаешь, да? А что он никуда на реализацию не может книжку пристроить? Все пишут!

— Он, кстати, предложил нам в ночную смену минимум фруктов обеспечить, представляешь?

— Ох, чёрт, а меня эта, по работе с персоналом, спрашивает: «Июлев, ты совсем загнался? Каких тебе ещё бананов по ночам?» А я и не пойму, о чём речь.

Константинович разогнулся, перестав хохотать:

— Прости, я так до истерики дойду. Как-то нас перегружать стали...

— Ну, мы же и есть советники, как Патрон сказал, а он лишь бренд! Дорогого стоят такие заявления, между прочим.

— Да, у меня прямо второе дыхание открылось!

И он не врал.

Георгий Константинович Соболев не врал. По крайней мере, в том, что касалось инициативности. Всем отделом смотрели выпуск новостей, и Соболев, щёлкнув кнопкой пульта, негромко объявлял:

— Так, Америка решила... Запросите подтверждения у наших

в МИДе... Егор Геннадьевич, у тебя есть наработки по временным линиям? Готовим документ по совпадению инициатив Белого Дома и Кремля.

Июлев вынес дискету с набросками домой.

На ноутбуке Кати графика подтормаживала, рисуешь линию — ждёшь, рисуешь облачко комментария — ждёшь. Ластёна поцеловала в затылок, приникла к плечам:

— А это что? Ого! Тебе не влетит? — и присела рядом, расширенными зрачками впитывая блоки текста. — Егорка, ты понимаешь, что такое продукт Фонда в глазах «Комми»? Одни вас за богов считают, другие — что зря кремлёвские деньги проедаете... Давай устроим инсайдерский слив. Утечка так утечка!

Июлев замер, потирая подушечками одних пальцев другие:

— А что это тебе даст?

— У нас вакансия главы отдела расследований открыта.

— Постой, ты же говорила, что всё, с «Комми» никаких связей?

— Ну, конечно, милый мой Егор, никаких! Три года отработала и просто так уйду! Да и директорат весь обновился. Я так понимаю, это контролируемая оппозиция теперь. Ну брось! Мне премию дадут. В двушку переедешь. Я с тобой буду оставаться. У тебя будет кабинет для работы как бы...

Никакой боли. Приехал в столицу по её приглашению. Столько лет ждала... и вот так поссориться?

— Отредактировать надо. Нашу линию реакции упростить. Чтобы вроде и документ прямо из Фонда, и вроде фальшивка...

Егор выкурил полпачки, глядя на улыбку Кати во сне.

— Представляешь, Геннадьич, нашу работу по линии инициатив кто-то из Администрации слил.

Егор сделал пять глотков кофе, прежде чем почувствовал ожог языка.

— Не представляю.

— Патрон смеётся ходит. Вот, дескать, и правда нас всерьёз воспринимают, а то всё «дармоеды, нахлебники»...

Скрипнула дверь в кабинет нач Светы.

— Так, ребята, всем минутку внимания! — Света даже прихлопнула в ладоши. — Во-первых, поздравляю наших Егориев! Сейчас поймёте, за что. Президент Украины негласно прилетел к Заказчику. И у него на столе увидел наш недельный документ. Тот, который в небесной расцветке. Перелистал и захотел себе такой же. Но мы-то знаем, что всё можно улучшить? Работаем!

— Ну вот, Егорий, — Соболев подошёл с распечатками, — выходишь на международный уровень.

Что предлагаешь? Я что? Вот такой блок надо взять, диаграммы вот на эту же тему, чёрт побери! Опять самому пересчитывать! Таня весь отдел развалила! Ну и вот это, аналитические заметки. Цвета ночного неба? Интересно! Пробуем!

Катю, маленькую такую, аккуратную, Июлев заметил, выступая на поэтическом фестивале. Она сидела в первом ряду, чуть приоткрыв ротик, полупоказывая ровные ослепительно белые зубы, поглощая его нескладную фигуру бездонными глазами. После выступления подошёл:

— Вам понравилось? Распечатку могу дать. Нет, стихи у меня не выходили, только сборник рассказов.

— Так, Катерина, класс в сборе, ты чего застряла? — это класрук, что ли?

— Так вы... учитесь?

Где-то позади тихо пропел Цой: «Восьмиклассница...»

Что вам рассказать? Ещё чего! И так завсегдатаи дворов напряглись: «Со школьницей гуляет...» Не тронул он её. Неправда. А иначе разве бы ушёл жить к «невесте»? Чакры, господа, даже и высшие, от первобытных питаются. Мужчина и женщина — дружба возможна?

Катя ворвалась в квартирёнку маленьким штормом, всюду ставя охапки цветов, следом грузчики

внесли коробки с телевизором и акустикой для компа.

— Живём, Егорка! Я твой оригинал чеченцам продала! А ты не знал? Новый директор «Комми» из них, из нохчи! Видел номер? Там отредактированные тобой данные. А полная версия — ту-ту! К горцам уехала! Ты чего? Егор, врача вызвать?

Июлев заперся в туалете — жёё распечатки и дискеты.

Украину мутило.

— Коллеги! — Патрон остановился у двери в стекляшку Светы. — Поднажмите! У нас конкурирующая фирма, так сказать, появилась. Нет. Не скажу пока, кто. Но от сегодняшнего проекта будет зависеть, кто получит заказы на следующий год.

Соболев, отойдя к выходу в холл, поманил Егора. Что?

— Я предлагаю, — костяк отдела заперся на кухне, — подчеркнуть роль Светы в изготовлении документа. А по содержанию — ребята, надо что-то делать с вопросом Ичкерии. Народу интересно это в первую очередь, а не дружба с самостийной Украиной. На Кавказе наших убивают, реально! А Крайна ещё долго будет сотрясаться.

— Логично! Молодец! Но ответственно так... — зашумели.

— То есть проект по представлению настоящего народного мнения, а не мнение о мнении, не

голос спецов вместо голоса простого люда? — засмеялся Июлев.

— Да, Егорша, да!

И разлетелись по насиженным местам.

Соболев носился от стекляшки к кабинету Патрона, что-то бормотал на бегу, вылетая от Светы, рвал распечатки и призывал всех сконцентрироваться наконец...

— Егорий-победитель, что у тебя с макетом? Придумал?

— Внимание, друзья! Внимание! — Патрон, бледный и глядящий в одну точку, взмахнул подборкой аналитических записок. — Мы не успели. Контракт с нами разрывают. Расходимся по домам. Простите меня, но иногда Заказчики меняют бренды...

Пахло валерьянкой и десятками таблеток валидола.

Отключили мониторы новостей.

Карина разносила пачки сигарет и травяной чай из успокоительного сбора.

Офис потихоньку пустел...

— Нет, это невозможно! — Константинович грохнул по столу кулаком, огляделся — ой. — Все так вот и сдадимся?

— Русские погибают, но не сдаются, боец Соболев! — через силу улыбнулся Егор.

— Я хочу доказать, Егорий, что и один в поле воин! — Константинович подсел к дизайнеру. — Ну-ка, что у нас готово?

В проводнике было видно файл с тремя восклицательными в названии.

— Видишь, товарищ Июлев, тебе даже успели доступ к закрытым для широкого просмотра файлам дать. Открывается? Погнали! Время, время, время против нас!

Карина застыла с подносом:

— Господа, я вам заварные сладости купила, сахар интеллекту нужен!

— Кариночка, милая, проверь как-нибудь, по базам, что ли, пропуск твой везде в Кремле работает? Надо будет самой до Заказчика дойти! Минуту! Распечатки, две. Ему и премьеру. Гони, красавица, гони.

Егоры уселись в кухоньке. Константинович сжал чашку чая и наклонился к ней, прихлёбывал, пальцы-то побелели и не разжимались. Июлев потряс опустевшей сигаретной пачкой:

— Вовремя. Как раз к выходу. Что? Каринка!

— Всё! Пресс-секретарь при мне занёс бумаги Самому в кабинет!

Шумело шинами такси.

— Егор, ты как? — Соболев обернулся с переднего сиденья.

— Пойдёт для сельской местности, — Июлев еле улыбнулся. — Я же теперь на Каширке. Так что приехали!

Катя не спала, обвила его шею:

— Мне что-то сегодня так тревожно, и чудится, что ты сидишь на кухне и ругаешь меня... Егор, проснись, соговый звонит!

Егор разлепил веки:

— Уже утро?

— Егор Геннадьевич, это Карина. Приезжайте. Вас ждут. Вы победили!

История: крона

Театр Егор не любил.

Условные декорации, на что-то такое намекающие, актёры, переигрывающие и оттого искусственные, ненатуральные... Нет, понятно, эмоции должны быть не обозначены, а показаны ярко... Но нет, не любил. Телеспектакли — это да, с детства замирал перед экраном, вот там не было этой натужности, вы-мо-ро-чен-нос-ти.

Не любил.

Но Достоевский! Князь Лев Николаевич Мышкин, порвавший сердце на жалость к «падшей» и нежность к «расцветающей», как пройти мимо афиши? Заветные билетки заложил в томик «Идиота», да так и преподнёс школьнице Катюше.

Пока шли по припорошённом снежком льду, грохнулся, выпустив её локоть, раз семь. Она даже засмеялась наконец:

— Ну вот и как, молодой человек, вы планируете вести меня по жизни? Тоже не в шаг, спотыкаясь и падая? Фу ты, белее снега стал!

Егор промолчал — я-то на фигурное катание не ходил, а впрочем... Нелепая претензия.

— А теперь красный, как варёный! Да что такое, Егор? Может, не пойдём дальше?

А он вдруг глубоко вздохнул и, разбежавшись, проскользил до светофора и обратно, обхватил Катю за талию, закружил, вот и смех, вот и радость, и нечего было скрипеть!

— Скрипеть? — расхохоталась девушка. — Да, ты настоящий писатель! Такие словечки только от тебя слышу. Вставишь в рассказ какой-нибудь? Буду читать и вживаться в прошлое! Наше, наше прошлое!

Она сидела в тёмном зале, где только сцена сверкала улыбками и сумерничала отчаянием, и жмала его ладонь, и когда женщины «идиота» делили его, путаясь в злобе и мнимом великодушии, рука её каменела, но становилась легче пуха, когда Лев Николаевич отвечал на шутки Аглаи, и прямо жгла воспалённо, когда Настасья Филипповна бежала от венца, и...

— Обе! — прошептала, притянувшись к уху Егора. — Обе во мне!

— Это всё было с нами, так ведь? — просипел пересохшими губами уже в гардеробе, что-то надевая, эти нелепые одежды, прикрывающие стонущее сердце...

— Что с нами было? — поцеловала Катя под сорванный с ритма стук в груди, разбросала Егору чёлку на пробор и едва коснулась «третьего глаза». — Мы просто дружили или это уже была любовь?

— По-моему, любить начинаешь, когда понимаешь, что с тобой некто исключительный. Такой или

такая, что вот только для тебя, и ты только для них.

— Мне мало было прикладывать свои ладони к твоему сердцу, — промурлыкала она. — Мне кажется, ты самый-самый-самый!

— Самый лучший? В чём? — Егор даже отстранился. — Так важно превосходить окружающих?

— Может, и так! — Катя щёлкнула его по носу и, спрыгнув с раскинутого дивана, нарочито громко прошлёпала босыми ступнями в душ.

Московская заря.

Наше бывшее...

Егор и Катя договорились — в прошлое глубоко не вникать. Каждый волен помнить, что за благорассудится, ценить или нет бывших, встречаться ли со старыми друзьями — ведь это было ДО ТЕБЯ. Я так росла, а я так рос, и теперь срываем цветы, выросшие от других соков. Но Июлев знал, что... Да много чего знал — ведь тогда Инна, заметившая разговор жениха с какой-то школьницей, пробралась к выходу из концертного зала и там просто налетела на Катю: ах, вы познакомились с моим будущим мужем, да? А кто вы, а что, слушай, по-дружески, ты интересная, по кофейку?

— У неё спина располосована.

— Чего-о-о?

— Да что ты так изумляешься?

Девочка в свои пятнадцать вполне сформировалась, так сказать,

созрел персик. Ну и этому её художнику нравится подстёгивать подростка. Странно, но так.

Катя потом и не скрывала:

— Представляешь, сиюю на истории, и такие сюжеты рассказывают... Возжелал одну — пошёл войной на город, взял в жёны. Надоела — в монастырь! А сам на другой город осадой, пока новую не отдадут. Ну и, конечно, хотелось петь и кричать: люди, со мной вчера такое было! Какая учёба, какие там дисциплины! Дожить бы до ночи!

А теперь Июлев днями отдыха сходил с ума, ожидая Катиного звонка, — перемывал посуду, чистил до блеска чайники, всё должно быть аккуратно и красиво, восемнадцать давно минуло, её большущие глаза неопределённого серо-голубого оттенка, пасмурное небо, но она так смеялась, так, словно лучики брызгали на открытые плечи, поглаживала себе талию и бёдра, и взгляд — скромница? — падал на полуоткрытую грудь.

Невыносимо.

— Знаешь ли, я с тобой не ради интима.

Июлев скрипнул зубами:

— А ради чего?

— Брось! Неужели не понимаешь? — Катя извлекла из сумочки здоровенный цилиндр с шариками на концах — туалетная вода «Винд Патрон». А Егор ещё

кипел раньше: «Подарили? Кто? Я не могу себе такие подарки позволить!» Извлекла, брызнула на ключицу... И:

— Серьёзно, ты хорош другим!

Впрочем, Егор и сам понимал, что часами слушать его новый черновик или любоваться дизай́н-шаблоном, набросанным за несколько часов, замороженная на сексе просто не стала бы. Всё это ясно, и только саднило, горло перехватывало: «Кто тебе об Инне рассказывает?» Пстой-ка...

Это ведь на дне рождения Евгения Вадимовича Катя появилась со своим любителем хлыстов и плёток, и Егор канул в её глубокие глаза, там, в Ори же, она вытерпела схватившие её выше левого локтя горячие руки Егора — горячие от алкоголя? от страсти? — и расцвела в улыбке вот этим своим загадочным светом, когда Июлев прошептал: «Бежим! Бежим немедленно!»

И парки запомнили пару сумасшедше смеявшихся, до утра бродивших, до солнца, и чего только не было, и все планы приезда в столицу родились там.

— Ты ходишь по грани, — говорила она.

— Ты словно ведун среди рабов Бога, умеющий нечто, скрытое от них, — и так говорила.

— Ты мой поводырь среди звёзд. Без тебя я просто захлебнулась бы земными соками. Тупо пропала бы, — признавалась Катя.

Егор расправлял плечи, и казалось — раскидываются крылья.

— Значит, Егорушка, у тебя обо мне ничего не болит?

— Нет, ничуть. Ну я, конечно, переживаю, волнуюсь, примут твою статью новую или нет, но страдать... У нас же всё отлично?

— Как бы тебе сказать... — Катя нахмурилась и словно что-то чертила на ладони изящным пальчиком. — Вот ты для меня самый-самый... Лучше всех... Я тобой горжусь! Ты такие красивые вещи дизай́нишь и пишешь тоже, в этом же что-то общее есть, так? Выстраивание нагрузки, что ли, перераспределение центров значимости для всей композиции в целом... Гармоничное сочетание форм и размеров... Ну, в общем, так.

— А при чём тут дизайн? А-а-а... Ну да, ты моя красавица! Глаз радуется! Душа с тобой отдыхает... Правда! Эстетика, в общем, я понял.

— Вот да. Но я же состарюсь рано или поздно. Ты-то хоть всю жизнь будешь такие прекрасные вещи создавать, а я? Женщина в детях продляется. Красиво — некрасиво, то, что близко, вот что важно. Что родно. У тебя рука похолодела! — Катя приникла лобиком к ладони Егора.

— Я с тобой становлюсь слово благородным в чём-то... Разве это не связано? Благородство и родство? И ты у меня такая... аристократичная, что ли... Дети — да. Но у меня есть шанс ещё

вырасти в Фонде. А сейчас я... Опасаюсь, в общем, что всё рухнет, — Егор оглаживал ей пальцы, так легко скользившие обычно по его плечам, когда...

— Мне кажется, Заказчик очень надолго в Кремле уселся. А вы же с Соболевым на себе всё тащите. Так что, пока вы придумываете нечто новое, вас танком не сдвинешь с вашего положения.

— То есть... Если я не потяну — содержать детей... Это же три-четыре года мне одному работать... — Егор сжал кулак. Её пальчики... Такие... хрупкие... нестойкие... Катя высвободила кисть из его руки.

— Потянешь. Я уверена. Ну, или надо как-то использовать Фонд в своих собственных целях.

Егор всматривался в её глаза, когда... И навстречу дышала Бездна.

Поезд метро мчал Егора от станции, в которую входили за просто, как в подземный переход, шли мимо попрошаек-беженцев, диких торговцев с копеечным товаром на раскладных столиках, мимо цветочных киосков и ларьков с дешёвыми книгами... Мелькали огни и вагоны поездов на встречно-параллельных путях. Егор, уже и не прислушиваясь к рокоту гитар в наушниках, никак не мог отвлечься от... Да от неё же, от неё! Она теперь всегда

была рядом, призрачно, прислушиваясь к каждому его слову, и язык не поворачивался высказать обидку на некоторые долгие отсутствия, когда ждала встреч для интервью, когда дожидалась в своей редакции утверждения новых скандалёзных статей — их Егор прочитывал до запятой, до многоточия. Привнести в голый информатизм начатки чувственности и сопереживания посоветовал он: не Заказчику же пишешь, там вот информация, очищенная от субъективности, от личного взгляда — под материалами аналитических документов, даже и многостраничных, подписей не ставили. Конечно, хотелось добавить выходные данные, чтобы Заказчик знал работавших над выпусками хотя бы пофамильно. Ты что, прикинь, он тут обсуждает рост ВВП от торговли с белорусскими партнёрами, и — оп! Соболев, Июлев...

Но нет.

Патрон был против выпячивания кого-то одного. Фонд! И всё тут.

Катя мерещилась рядом даже в эти предутренние посиделки Егоров в ресторанчике на Третьяковской.

— Слушай, Константиныч, завтра выходной, давай я сейчас свою приглашу! Спит, конечно, но сделает исключение ради наших достижений!

И Катя сделала, и Егор, не сводивший глаз с любительницы

«самого-самого», выдохнул — ни капли заигрывания с прямым начальником Георгием Константиновичем, ни лишней смешинки! Егор любовался её припухшей нижней губой — покусывала красную ткань, пожирая его распахнутыми глазами, выслушивая похвалы «самому адекватному дизайнеру»...

Они шлёпали босиком втроем по мостовой, свежепромытой поливальными машинами, майское утро провело их через Каменный мост к кинотеатру, где сладко пахло ванилью и шоколадом от соседней кондитерской фабрики, ммм, запе-вай! Ну конечно, «утро красит нежным светом стены древнего Кремля», и Егор вдруг выкрикнул: «Тихо! Смотрите — мы в песне!»

Стояли на подъёме к Красной площади. Розовели кирпичные стены и словно отсвечивали на бульжник мостовой лёгким сиянием. Сверкали кресты на церквах и переливались в лучах поднимавшегося солнца звёзды и орлы на шпилях башен. Воздух слегка волновался от нежного ветерка, целующего стены и купола Василия Блаженного. Играли солнечные зайчики в стёклах магазинов, глядевших на огромное пространство площади. Словно лучистый цветок раскрылся, выпустив из розового бутона изящество нерушимых стен.

— Запах зари, — вдохнул любитель лёгких линий и внушительно весомых шрифтов.

— Знаешь, Егор, зачем мы работаем? Для чего? — улыбнулся Георгий Константинович, философ двадцати пяти лет, Егору Геннадьевичу, дизайнеру двадцати семи. — Да чтобы по утрам вот здесь стояла такая божественная тишина.

Хрустально прозвенели куранты.

— Понимаешь, Егор... Самое главное, что твердит нам Патрон на летучках... Только между нами! Что до тех пор, пока народ, избиратель, не откроет в себе чувство ответственности за всё происходящее, можно будет сколь угодно долго продлять сроки правления Заказчика.

— Патернализм?

— Ну, если под этим понимать ожидания народа-сына от правителя-отца, то да. Вот коммунисты говорят: «Нас зомбируют, развращают, насаждают чуждые ценности». Я смеялся. Пока не увидел этот фильм. Ну тот, в котором говорят: «Не мы такие, жизнь такая!» Вот-вот-вот! Кто-то где-то там делает жизнь, а они к ней подстраиваются. Пока это есть, ими можно играть, как куклами! Что ни придумай, всё съедят без остатка.

— Это хорошо, что вы всё вот это так видите! Только народ что вам скажет? Опять мы плохие, царь добрый, бояре казну расхищают, где правда? Про депутатов что говорят? Слуги народа,

а катаются у людей на горбу. Это ещё надо понять, что пока рвутся во власть, чтобы удовлетворить свой вечный тёмный инстинкт, и ни за чем более. Наказы избирателей так называемые — на это смотрят-то как на просьбы детей Деду Морозу. Нихтдёнген!

— Знаешь, Геннадьич, я пришёл в Фонд студентом, так горел, хотелось строить страну... Если даже не что-то абсолютно новое, то хотя бы улучшить то, что есть. А потом привели Заказчика на трон. Он круто взял, проблемы решает, нет слов. Но что-то в этом всё странное... Подвох какой-то... Кажется, что Патрон прав. Питерские в Кремле прочно уселись.

— Статистики надо мной смеются... Дескать, вы же с Урала, потеснили вас, зачем помогаете чужой тусовке?

— Да плонь на них! Я из Сибири, и что? Тупая местечковость. Правит мафия, воду выпили евреи, родина ждёт героев, а бабы рожают дураков! Самое простое объяснение — самая глобальная ложь! Поехали?

— Ага, по домам.

— А ещё говорят, один в поле не воин!

— Воин везде воин, — вполне так серьёзно пожал Июлев ладонь Патрону. — Особенно в Смысловом Поле. Нет, не ошибся, не в информационном. В смысловом,

по Юнгу. У меня-то в запасе — да, Юнг и Ницше.

Чокались бокалами с шампанским, Июлев взвешивал на ладони конверт с премией, ну дела, и Июлев таблетками валерьяны заглывал тревогу, потому что любовь всеильна, потому что Катя просит распечатку файла по Чечне. Дескать, славные бойцы утихающего Кавказского фронта подготовили им двоим путь отхода хоть в Швейцарию, лишь бы узнать, что наговорили Заказчику советники из Фонда.

Июлев пил, перешли на красное вино и коньяк. Как потом сказали, после пятой рюмки коньяка он схватил Соболева за шею: «Где я возьму вторую, как она? Где? Такие встречи раз в жизни!» Никто не понял, но Света прошептала якобы: «Не трогайте, нервный срыв от стресса!» А Июлев уже кричал в отделе статистики: «Вы, золотая молодёжь! Вас откуда сюда занесло? Папочки-мамочки за ручку привели? Ко мне очередь в Ори стояла за дизайном и копиями документов, я сам, всему сам выучился, сюда руки привели, и только они! И текст, да, про деспотию текст, чёрт с вами!» Чуть не падающего уложили на раскладушку в секретариате.

Соболев уже дописал материал по Украине и тряс тёзку: «Егорушка, блин, вставай! Все что-то перепили, коньяк адский, вставай, международье ждёт!»

Президент Украины ждал факса. На Майдане уже ставили палатки.

Палатки ставили, а решения советников Заказчика по кризису так и не было.

Нет, отпуск ему дали, а как же! Только... Две недели, Егор, уложишься? Зубы? Починить в Ори зубы по провинциальным расценкам? Успеешь? Ну звони! Успел? Всего-то три недели прошло, без тебя зашились просто, другой дизайн не принимают, и всё тут.

Среди ста сорока миллионов не нашлось никого другого такого же. Понимаете?

Отпуск, отпуск, если бы как психологам, два раза в год, по шесть недель, не-дель не-дел...

— Егорушка, я понимаю. Только, прости, я даже не пытаюсь рекламировать тебя в наших кругах. Ну как... Ваш фондик так и называют: «фондик». Никто не верит, что вы что-то полезное для страны делаете. Всё больше газеты и журналы зачищаете в пользу Заказчика. Нам вот аренду подняли. Слушай, может, подружим нашу газету с вашим Патроном? — ластилась Катя.

Неделя.

Утром писали про события ночных временных поясов. Днём — про события утра и ожидания ближайших дней. Вечером — итоги событий в медиапространстве

центральной полосы России и Урала. Ближе к выходным — недельные результаты и прогнозы.

Егор потерялся во времени.

Текли новости, текли чьи-то рассуждения, резко, рублено звучали заявления и решения, жизнь поворачивала в новый изгиб русла.

Новый изгиб. Новые перегибы.

Остатки коммунистической России в несколько голосов твердили о грядущем безвременье. Дескать, затянется эта власть удавкой на горле страны, не вздохнуть, не то что гимны расцвету и росту петь... Дескать, пара идеалистов хочет как лучше, но Ленин тоже много хотел, пока не пришли люди во френчах.

— Какое безвременье, о чём это вообще? — Егор тряс свежей распечаткой перед носом зависшего над яичницей Константиновича. — Время — когда о нём говорят в политическом смысле, то обычно имеют в виду «чье», чье время! Имеют в виду эпоху, эру. Ренессанс, Реставрация, Войны Роз, эра Сталина, эпоха Гитлера, в конце концов. Смута, Семибоярщина. Так ведь грядёт время нового культа сильной личности, решающей, что делать массам, и зарабатывающей на этом бешеные деньги, вообще блага, сумасшедшие блага. Время нашего Заказчика. Это очень интересное время будет, с некоторых точек зрения, уж поверь мне, Георгий. Почему? Потому что он и правда Заказчик, в этом его суть. И его друзья,

клан Заказа. У них нет своей программы действий, но есть фонды, центры анализа и планирования, которые изучают любой вопрос, только закажи задачу. И править страной, а то и миром, будут наши тихие и скромные интеллигенты, никому не известные, но способные взлететь над страной, и обозреть её всю, и создать для Заказчиков новые жизненные теории вместо коммунизма, перестройки, дикарского ельцинизма... Почему без-временно-то, что за глупость? Время тихих умных. Время неизвестных. И только им будет ведомо, кто вынес Заказчика из массы таких же неизвестных людей, а то и господ.

— А кого ты называешь господами? Надеюсь, не этих... Арестократов... — Георгий намешал... а, да, последнюю на сегодня... дозу кофе.

— Пришла пора аристо становиться аресто! Заказчику просто придётся показать зубы ещё и ещё раз, одного Осиновского мало, надо доказать, что никаких олигархических влияний новая власть не потерпит в принципе. Только придётся молчать о реальных олигархах, тех, кто его привёл и ждёт от него госзаказов. А там как пойдёт! — горячился дизайнер, подтверждая свои выкладки невидимыми линиями в воздухе и на столешнице.

— Вот что, Егор. Откуда ты всё это берешь, не пойму. Собственные рассуждения? Давай

так! С ребёнком вы, надеюсь, не спешите? Не надо. На бюджет тебя уже не продвинем, но за умеренную плату в универ устроим. Учись, прости, переучивайся, если не хочешь всю жизнь за дизайном горбатиться, и я тебя возьму в отдел, да как выйдет там! Новая эра грозит неожиданностями. У Заказчика личный фактор очень, очень силен. Клан Заказа, как ты говоришь, мечтает его своим рупором сделать, ты прав. Заметил? О них всё меньше и меньше новостей, зачищаются газетки, да. Слушай, насчёт твоей просьбы... Завтра Патрон в 16.15 вернётся с заседания в Администрации и до 16.30 будет у себя. Чем могу...

— Аж мурашки! — провела Катя ладонью по предплечью. Это от «Одного из этих дней» «Пинк Флойд» — гитара хохотала, выла пургой, рыдала ветром, или в шторм лодка боролась с волнами под грохот грозы? На окружном звуке тягучий звон струн вламывался в сознание, врвался, вползал, стоная и скрежеща... — Просто в душе прямо беснуется!

Они не ходили ни в кино, ни в театры. Да, бывали в гостях, но переутомившийся Егор после бокала вина или чашки кофе с коньяком умолкал, слушал беседы рассеянно, глаза смыкались, осень вышла чудовищной, он стал терять линии событий, где что

взорвали, а где перед баррикадами жгли покрывки, всё это кричало и рвалось куда-то под сердце, глухим ропотом копилось, и он несколько раз не выдержал:

— Какой тебе дом?

— Одноэтажный пойдёт. Можно даже вместо машины байк взять, я согласна.

— Ты думаешь, я заработаю на дом?

— Думаю, тебя повысят. Невозможно так ухлёстываться постоянно. Даже если дополнительно кого-то возьмут — у тебя уже опыт уникальный!

— Домовину мне вместо дома соберут!

Егор глядел в зеркало: когда-то голубейшие белки покрылись кровавой сеткой, а на визит к окулисту расходов он не предусмотрел.

— Где я рожу, там будет Родина. Родина моих детей. А историческому месту рождения предков я не нужна, — Катя сквозь сощуренные глаза вот так смотрит, как из танка стрелок, и затягивается «Винстоном» — синий орёл на белом поле.

Егор молчит. А что сказать?.. А, вот:

— В таком случае спасибо этой земле, что приютила, но планета мне чужая. Я хочу на своё историческое небо.

— А, ну да, ты же у нас Мечтатель, да ещё и с Ориона! — и прыснула... слезами.

— Что ты, милая? — Егор всеми своими ветвями к ней, но Катя поникла, а вот вырывается:

— Что мне дала ваша родина, кроме насмешек всё детство: еврейская шлэндра? Я ваших мужиков ненавижу, борщи поганые! Ах, девочка, ах, лучшая во Вселенной, и скорее своих удавов совать! Ты один не тронул, но пытался же, что остановило-то только?

Больно.

Вот теперь — больно.

Будто смотришь, как рушится с неба Ангел.

— Проходите, присаживайтесь. На чашку кофе время есть?

Егор не сводил с Патрона глаз, начал говорить и запнулся:

— На чтобы... Нет, почему же?.. Есть!

— Я слышал, вы сами пишете что-то, и не просто пишете. В Ори это вы запустили проект «Странные Люди»? — Патрон улыбнулся. — Когда только успеваете? Как к Светлане иду — вы в своей кабинке за монитором безвылазно.

— Ну да, я... В отпуске же был. Успели напечатать. Три книжки. Друзья, конечно, — Егор силился улыбнуться, но скулы сводило, и пересохший язык заплетался. — Как сказал в областном комитете по печати, что у вас работаю, — сразу решили взаимозачёт провести с типографией. А вот печатники спросили: «Москвич?» — и напортачили. Решаем, перепечатывать или нет.

— «Странные Люди»... Вообще, концептуально. Я так понимаю, это что-то из Моррисона? Люди странны, когда странствуют... С другой стороны, чем странны? Фрики, как модно говорить? Бог ведь сотворил нас по образу и подобию Своему, странности не от Него, думаю... Не находите? Тут речь о концепции жизненного пути верующих, а не просто о причудах. Если о Пути, то вы с кем? С подвижниками или с праведниками?

— Я выбираю подвижников. Может, в рай и не попадут, и не сядут одесную Господа, но историю склонят в нужную сторону. Подвижник сродни ангелу. Плану Творца служит, а Он хочет, чтобы мы преобразились в Воинов Света. А праведник что? Праведник просто следует предписанным правилам. Тоже исполнитель Воли, только послушный донельзя. Ни влево, ни вправо, не вздумай самостоятельно решать.

Патрон покрутил в руках опустевшую чашку:

— Мне ведь всё-таки передали про авторство идеи о Форуме. Как вы видите Путь Заказчика? В обществе ведь силён запрос на образ всезнающего разведчика. Всезнайка всевидящий. Бог и царь в одном лице. Россия монархична по своей сути. До сих пор. Рюриковичи, Романовы, Сталин. Теперь вот он, наш клиент.

— Вы хотите сказать, что мы выполняем общественный заказ?

— Ну, с одной стороны, что хотите в большинстве своём, то и получайте. С другой стороны, народ не учит, как жить. Народ ждёт учителей. Поводырь нужен. И вот здесь надо выстроить баланс между требованиями эпохи и личными желаниями Заказчика, а они есть, у него и его друзей, понимаете? Когда они подчинят себе все силовые структуры, волнения станут невозможны. Идеальная ситуация, конечно. Многое зависит от первых ходов. Кавказ, война, мафия. Чечня, покой и замирение. Не согласны?

Что-то невидимое навалилось на шею и гнуло, гнуло. Егор попытался выпрямиться, но позвоночник пронзило молнией.

— Ну, к делу. У лидеров Чечни непомерные аппетиты. И либо они отхватят от российского пирога наибольший кусок, как самые буйные, либо их же народ их и осадит, если наберётся смелости, что вряд ли, поскольку — Ахмат, Ахмат, Ахмат, кругом Ахмат. Им подробности нужны: верить Заказчику или нет? Сдержит обещания или после примирения со всеми и покончит? Хотят получить данные — пусть получают. Мы готовы. А вы?

Звенело в ушах, и сполохи светов перед глазами — словно чёрные и белые крылья мелькали. «Кто победит?» — пробормотал про себя Егор. — А победят те, с кем буду я».

— Что? Готовы?

— Полностью! — улыбнулся Егор, и сумрак в кабинете озарился светом фар с улицы.

Катя: — Уже 16.28, пора, пора, понимаю, ещё несколько вопросов — и всё. Извините, а кто вы по образованию?

Патрон: — Историк.

Катя: — Политология в основном наука современная и о современности же. История как знание о прошедшем сильно помогает?

Патрон: — Некоторые политические ситуации повторяются на протяжении всего развития человечества, те же комбинации и ходы. Это особо интересно, здесь стык с социальной психологией. Иногда кажется, что повторяются целые циклы событий. Но ещё Платон говорил, что нами движут Принципы из мира Идей. Многое сегодня заимствовано из прошлого.

Катя: — Вам как человеку, сделавшему себя, приятно быть советником вашего Заказчика?

Патрон: — Кому-то кажется высоким место, которое для других презренно. Вот вы гордитесь своей работой?

Катя: — Когда как. Иногда приятно представлять такое солидное издание. Иногда стыдно быть сотрудницей организации, которая отошла от рук человека, сбежавшего за границу.

Патрон: — Может настать день, когда вы будете заказчицей наших скромных услуг. Я же вот

начинал с заметок в студенческой газете и с организации идейных кружков, хоть при Советах это и было подсудно. Что с того?

Катя: — Спасибо за беседу.

Патрон: — Подождите, я вот вам чаю с мёдом принесу!

Катя: — Егор, алло! Всё получилось! Он мне чай пошёл делать, я вообще на седьмом небе!

Егор: — Хорошо. Я вижу, он тут, у кухни, растерянно-счастливым. С твоей красотой ещё и не такого очаруешь! Всё, конец связи, он в кабинет возвращается.

История: корни

— Егор, привет. Не мешаю? Ты на работе или...? — Ильдара узнал по номеру — циферки на дисплее, код дружбы.

— По улице иду, из перехода вышел. Купил только что кассету Осборна, «Оззмозис», там эта песенка, помнишь: «Нет ничего невозможного, я просто жду тебя»? В тему так, надеюсь. Дом у нас с Катей будет! Нет, продавать я никого не собираюсь, Георгий сказал: «Вероятно повышение!»

— Я вот об этом и хотел спросить. Ты её любишь за что-то или вообще? Она для тебя дом, или вы с ней про Дом говорите как Дом касты, зодиака, сословия, родословной, династии, что ли?

— Это да, хороший вопрос! Ты же знаешь, я так смотрю, что любить — значит признавать

исключительность, наибольшую важность, выделять из всех интересующих. Мы же любим качества, достоинства. Ну то, что достойно в нашей системе ценностей. А любить вообще — это подростково так, смех один.

— То есть ты отдаёшь себе отчёт, что есть в ней нечто, достойное твоей любви. А что это?

— Э-эм... Красота. Понимаю, что красота — это абстрактно, да и она чаще всего в глазах видящего. Ум. Грация. Она же в танцевальном кружке занималась.

— Ты же понимаешь, что женская красота преходяща. Я помню твои взгляды. Красивый человек производит впечатление благородного, лучшей крови. Соответственно, дети в него. Ну родит она, а потом что?

— Думаю, она будет хорошей матерью.

— В этом я как раз не сомневаюсь. Но просто... Ты от неё млеешь, а она же — ветер! Ты огонь, да, она разжигает твоё пламя, извини за цитату, но она же в любой момент — ффух! — и понесло в ещё неведомое.

— Она говорит, что я сама стабильность. И рост. Что я для неё мировое дерево с множеством вселенных в ветвях...

— Вот вы двое сочинителей... Короче. То, что между вами есть, — это обычное между женщиной и мужчиной, как Библия говорит. А вот что в вас необычного? Ага, я об этом. Круто дизайнить ты и

в журналах сможешь. Высокий пост занять — министерства есть. А вот допуск к файлам...

— Да-да, я сейчас приду и скажу: «Сударыня, вот бумаги кардинала Ришелье! Доставьте их королеве!»

— Хорошо, что настроение хорошее. Но ты это... Знаешь, подумай.

Оззи протянул: «Я не тот, кто ты думаешь!» Егор замер.

Катя не та? Не судьба?

«Я просто жду!» — подпел Егор, а вот и дверь, вот и ключи, вот и Катюша спит. На экране ноутбука: «...студент Одесского института».

«Теперь вы становитесь частью моей биографии, Патрон!» — прошептал Егор.

«Обычное? А что обычное? Эротика — два ротика? Так это топливо, энергия для отношений. А из неё вырастают этика, эстетика и экзистенция. То есть хорошо-плохо, красиво-страшно и приемлемо-невозможно. Понимаешь? Отсюда всё. И штука-то в том, что хочется — не хочется потому, что всё ещё считаешь красивой, да просто милой, и есть место в жизни для неё, и замуты твои с ней никому не мешают и не вредят! А вот если та же красота перестала быть исключительной, для тебя, конечно, или потянуло вдруг на те самые свинцовые мерзости русской жизни,

по Горькому, если глобальные отношения к Богу, смерти, тайне жизни вдруг разнились стали, — привет, тоска! Сложно? Нет? Вот и мне кажется, что многое проясняется. Это не я придумал, это у Кьеркегора было. Я вдруг вспомнил всё это применительно к любви, а у него любое полное смысла событие на этих трёх началах стояло».

Егор занёс курсор над кнопкой «Отправить письмо» и... Тайна жизни в России...

Мурашки. От пят до затылка.

Словно какие-то жаркие волны по телу заходили. Перед глазами вспышки.

Будто выглянул за небо, стеклянное, хрупкое...

Спать невозможно.

— Она, Света-то, вызвала меня и говорит: «Егор, у тебя проблем со здоровьем нет? Ты весь бледный, глаза как у вампира. Стресс? Перерабатываешь? Ну, давай придумаем что-то. Давай так. С нового года ты будешь отвечать за новые дизайнерские разработки, да, полноценное повышение. Только работать тогда с девяти до шести, но без переработок, идёт? Ты нам ещё пригодись!» Конечно, я согласился, только попросился в ещё один отпуск, а она: «Катя твоя? Заподозрила что-то? Я же говорила, на переработку линейки инициатив клонут, доложили, что копия из

«Комми» в Госдеп ушла, ну и великолепно! Кушайте и не обляпайтесь, как говорится». Но это же Катя! Катенька! С восьмого класса её ждал. Скажут: дурак, валил бы в Швейцарию, да с любимой, да с деньжищами. Но я прикусил губу, аж в голову отдавало острым чем-то, и говорю Свете: «Она хочет большего. Полную копию планов по Ичкерии». Понимаешь, Ильдар? Я дурак, да, но Родина! Народ мой, мы же отвечаем каждый своей головой друг перед другом, иначе зачем это всё? Зачем отцы и дети, зачем Фёдор Михайлович страдал, зачем, не смейся, зачем Бердяев твердил: «Жить по собственным ценностям, подтверждённым всем нашим опытом»? Вот что такое боль, а не ссаное одиночество, в котором, кроме гордыни и нежелания делиться с другими, нет ничего! Я, может, сердцем надорвусь без Кати, ну и пофиг! Заказчик? Заказчики рано или поздно меняются и перестают приходить именно к тебе, а вот ты, Константин, Святослав Геннадьевич — вот это всё остается!

— Ты с сотового говоришь?

— Нет, с междугородки. Сотовый отслушивают.

— Я не могу тебя учить. Слушай, а можешь бросить всё и просто вернуться? Уж тебя-то Святослав здесь пристроит, и на виду будешь, из Ичкерии не дотянутся, и мы с тобой...

— Прости, дружище, не могу,

я больше на такой верх нигде не поднимусь. И меня в Ори ненавидеть просто будут коллеги — из грязи в князи. Как пить дать, прохода не будет.

— Но вариант с дезинформацией Кати и её контактов... Это же мука какая для тебя!

— Прости, расчувствовался. Надо пройти через этот вариант. Надо. Не ради Заказчика. Ради совести своей!

Июлев повесил трубку, не веря собственным словам.

Они позвонили на сотовый сами, всем коллективом секретариата редакции газеты «Орь утром»: как ты, Егор? Ильдар сказал, собираешься обратно. Редактор только тебя и вспоминает на разборе очередного номера, новые дизайнеры злятся: дескать, наделал такого, что сверх стандартов и нормы, теперь не повторишь за ним ни живописно, ни в сроки не уложишься, москвич новоявленный, нас на колбасу променял. И только Евгений Вадимович поинтересовался: мол, опять в одну втрескался и ни шагу влево-вправо? Хех, откуда знаем? Бывшая твоя в редакцию заметки о столичном спорте присылает, чтоб на региональные новости не замыкались. Говорит, я ему эту Катю не прощу, за ней отсюда дружба с кавказцами тянется. По её рассказам выходит,

что Кате со школы некий благодетель внимание пристальное уделяет. Как её Егорка ради Инны бросил, так и понеслась вразнос. Ты там чего, вообще с оръчанами не общаешься, новостей не знаешь? Оторвался от народа? Правду, что ли, говорят, Москва — город холодный и жёсткий? Ну ладно, приезжай, если что. Помним, любим, пока-пока.

Егор вошёл, тихо прикрыв дверь, и вдруг понял, что в комнате горит лампа.

Катя сидела на кровати, подбрав ноги, подтянув колени, положив на них голову. И глаза! Глаза сверкали — то ли от ярости, то ли в слезах...

— Что-то случилось? — Егор застыл, опасаясь почему-то приближаться.

— Мама твоя, Егорушка, меня осаждают звонками. Когда свадьба, когда дети? Я что, корова, рожаящая по свистку? Квартиру, Егор, нам надо квартиру! И тогда будут и дети, будет и уют, и всё будет по-нашему!

— Ты ужинала? Я пельмени купил. Супермаркет круглосуточно теперь.

— Егор, ты меня вообще слышишь?

— Я сейчас! — Июлев закрылся на кухне.

Да, мама, поговорить надо, Катя у меня, да. Понимаешь, мам,

не всё так просто. Мне надо какую-то профессию для подстраховки получить, вот именно, мам, не понимаешь. Интернет развивается, в конце концов, издания туда уйдут, и останусь я у разбитого корыта. Курсы, мама, денег стоят, а я хочу психологом стать, времена нервные, спрос долго будет. Я понимаю, что ты хочешь внуков, но Катя мне пока ещё не жена, не надо давить на неё, не надо, мама, я говорю, не надо! Мама! Кто меня на Инне женил? Вот и всё! Одного вмешательства мне хватило! Папу дай! Привет. Привет, говорю. Работаешь? Как — нет? А мама говорит, вы при деньгах... Что? Долги? Сколько? Чёрт возьми, почему вы молчали? Что в порядке? Что вы все со мной делаете?!

Егор уже замахнулся трубкой, чтобы расчертачить об стену, но Катя:

— Егорка, идём спать. Утром всё решишь. Идём, усталыш мой...

— Евгений Вадимович? Привет, это я, Катя.

— Привет-привет, недавно тебя вспоминал. Богатой будешь!

— Если Егор не спит, то буду. Я что хотела спросить... Ты Егору не рассказывал про мои встречи с этим моим? Я твою квартиру навек запомню! Запах тысячи женщин, от него одного голова кругом...

— Нет, с чего бы я тебя сдал?

— Ну, мало ли? Мужская солидарность и всё такое.

— С кем солидарность? С Егоркой? Егорий свою тыкалку узлом завязал. Хоть бы раз кого привёл, пока здесь был. Ни себе, ни товарищам. Хотя и без него дурищ находил и нахожу.

— Надеюсь, ты меня к этим дурищам не относишь?

— Да Бог с тобой, Катюша, ты у нас реактивная девушка, хе-хе... Как там с Егорием — срослось? В цель хоть попадает? Хо-хо... Про него вообще тут говорили, что вяловатый паренёк...

— Это мне всё равно, мы, Катюши, — мобильные установки, понимаешь, о чём я? Мне главное, чтобы не лягнули, что мой Святославу напел Егора с политконсультантами московскими свести.

— А некому, кроме Святослава, вспоминать. Тем более, он не в курсах насчёт тебя, что ты есть вообще. Инна здесь объявлялась, знаешь? Вот она тут похвалялась, да, что подноготную твою знает. Но что твой этот... как его... нохчи? Про это всё молчок.

— Ладно, успокоил. Говорят, Ильдар к вам в редакцию забредает по старой памяти?

— Он тоже тебе чем-то мешает?

— Без подробностей вообще.

— Твой говорил, что ты тут симпатявыми неформалами увлеклась, но чтобы до такой степени...

— До какой? Это всё было до Егора. Вадимович, уж ты-то не подкальвай!

— Да очень надо!

— Ну всё, пока-пока. Пришлю почтой графический планшет, как обещала. Пока.

Начальник службы охраны выключил магнитофон. И:

— Это всё, что удалось записать такого, привлекающего внимание. Что с вами, Егор Геннадич? Эй, ребята! Валидол у кого есть?!

— Да, Егорша, я слушаю! — прошуршало в трубке.

— Константинович, встретиться надо. Мне одна идея покоя не даёт. Я тут смотрел новости местные с собрания Союза писателей Москвы, и меня поразило кое-что. Если бы твердили: «Небо голубое, вода мокрая — всё плохо», было бы ровно то же.

— Не понимаю, о чём ты. Правда.

— Есть у нас один авторитетный писатель... Ага, уже смешно. И вот он, приглашённый гостем и наблюдателем на этот слёт, выходит на трибуну и говорит: «Я не понимаю, как можно ненавидеть и презирать свой город, и больше — свою страну? Это же всё равно, что пренебрегать своей матерью!» Я не понимаю, честно, над чем тут голову ломать. О ком идёт речь, скажи мне вот ты, а то вдруг я совсем с ума сошёл?

— О славянофилах и западниках. Точнее, о русофобах.

— Вот! Ты делаешь ту же почти ошибку! Славяно-фила, но

русо-фобы. Русские — нация, в которую вплетено множество этносов, так? Славяне включены в русскую нацию, так? Но знака равенства между двумя именами народов ставить нельзя! Почему? А вот сейчас я начну говорить очевидные вещи, которые считаются крамолой! Потому, что русские — потомки варягов! Даже если это полукровки — славяне-датчане, славяне-норвежцы! Ва-ря-ги! Всё! Во времена Рюрика славянофилы и были русофобами, поскольку боялись буйной варяжской дружины, крутейших воинов, как раз и смотревших свысока на ремесленников, пахарей и прочих грибников! Понимаешь, западник — проваряжской ориентации, заточен на выдающиеся личностные качества, на исключительность талантов, способностей, умений! А славянофил — всё тот же коллективист, общинец, соборянин, как они ещё себя называют. Примирение наступает только в точке соединения Западной и Восточной Европы, граничащей с мусульманами и огнепоклонниками! В евразийстве! И я так вижу, что кто-то из-за пределов Фонда, повторяющего во многом идеи космополитов, известному-кому-родных, предлагает другую идею! Евразия против Атлантиды! Мне кажется, они-то Фонд и вытесняют. У них нет программы внутренней политики, они, как те же самые варяги, обречены своим мировоззрением готовить военный, силовой оплот

России и её дружественных соседей. Рюриковичи вообще решали проблему укрупнения территорий под князем всея Руси. Романовых интересовало уже другое — обустройство этих территорий. И это просто другая история!

— Ты хочешь сказать, что Романовы и Рюриковичи...

— Я хочу сказать, что Рюриковичи-варяги и Романовы-домоупроители никак не поделят сферы ответственности.

Георгий Константинович вот так вот повёл левой рукой с трубкой, правой потирая лоб, потом вот так и вот этак, но шок не проходил.

— Ты хочешь сказать, Егор...

— Я хочу сказать, что Бог нас оставил, и никакого Дома нам уже не будет!

Гукало и пикало.

Егор Июлев оборвал связь.

Мама, алло! Мама, мне кажется, у меня предынфарктное состояние, я четыре ночи уже не сплю, мама! Позвонить? Кому? А они нам родственники? Что ж ты молчала, мама? Ну пусть! И что? Они отвезут к врачу? Мама, сколько вы должны? Мне платить врачу или вам переслать, я ничего не понимаю, ма-ма!

Егор вывалился из подъезда. Из подъехавшей малолитражки советского ещё производства водитель помахал. И правда, за мной.

— Плохо? Совсем плохо? Молчи, силы экономь! Не спал? То дома... Ехать далеко, прикорни, хоть полчаса поспишь...

Плыли перед глазами автобусные остановки, сентябрь, у всех включены фары, света слева и справа, света в глаза, что?

Рекламный щит. И на громадном полотне шрифтом из игры: «Фараон, где золото Ориона?»

— Орион эт чё? Созвездие? А какое у него золото может быть? Ой, извини, спи! — водитель сосредоточенно вцепился в руль, четыре полосы, но рискни перестроиться — получишь в бочину!

— Орион — место зарождения жизни в разных религиях. Небесная родина наша...

— В смысле, мы инопланетяне? Все или только избранные?

Егор вздрогнул — новый щит в глаза: «Фараон — неизбежный исход!»

— А сколько мне готовить врачу?

— Сто мне, двести ему.

— Круто, — прошептал Егор. — Золото Ориона...

— Что говоришь?

— Я говорю, остановите! Вон там работа моя. Зайду туда за деньгами. И отгул надо взять...

— Билеты бери!

У Егора расширились глаза:

— В Швейцарию?

— На Орион! В Орь, конечно!

Егор прихлопнул за собой дверцу авто.

— Егор, всё в порядке? — вскинула глаза Карина.

— Мне в Орь надо, срочно! Сможешь нашу бронь на билеты использовать? — Егор уцепился за столешницу — не падать, всё плывёт!

— О, Егор, привет! — Света вырулила из кабинета спецов по персоналу. — А я ищу твой городской номер, сотовый молчит, идём-ка!

В стекляшке своей приспустила жалюзи.

— Садись за мой комп. Открой папку «Патрон». Читай файл. Только предупреждаю: ты, я, он и Заказчик. Четверо будут знать. Прочитай и подумай, как это по-дать.

«Возможные сценарии продления срока управления... Финансирование... Поддержка правящих династий... Интересы долгосрочных инвесторов... Заключение: рекомендации на 8-летний срок».

— Горе патронам, в обойму не вложенным, — прошептал Егор, меняя раскладку страницы, вызывая панель шрифтов и эффектов. Замер:

— Копия есть?

— Я себе сохранила на шифрованную дискету.

— Тогда вот так! — Егор побежал по тексту, удаляя фразы, переиначивая в маркированный список.

Пузыри, значит? Так вот же

вам! И возле списка появилось облачко с самым негативным ожиданием.

— Ты Мастер, Егорушка, с большой буквы! Проси, чего хочешь сейчас.

— Мне бы в отпуск, в Орь, на неделю, деньги родителям отвезти...

— Ты уже три отпуска брал по три дня, что с тобой? Здоровье? Или пьёшь?

— В Орь, в Орь, только в Орь! — замахал Егор и выбежал, свалив компьютерное кресло, задев стопку документов небесной расцветки.

Он бежал к станции «Полянка», мимо «Президент-отеля», мимо обменников, мимо офиса «Билайна» с пчёлкой на вывеске и шептал: «Тайна жизни России, Патрон готовит вечный трон, фараон отплывает на Орион, молчать про Орь, молчать...» И с топотом сбежал под землю, чуть не сбив кого-то в форме, прокричавшего: «Эй, ты у меня сейчас постоянным клиентом станешь!»

Просто прыгнул в разверстые двери поезда.

Егор кружил по веткам метро. Так она до сих пор налево ложится, не может быть, на кого оглядываться? Иноплеменные лица, в Москве? И что? «Следить может любой», — сотовый Егор ещё утром разобрал и спустил в разных подъездах в мусоропровод по частям.

«Вот те вон двое, присмотрись!»

Он ещё не знал, что файлы с невероятными планами замирения уже распечатывали в Ичкерии прямо сейчас, что Катя уже летела в Швейцарию, а его после нечаянного бардака в кабинете Светы искали российские силовики по всем станциям, вокзалам и остановкам...

Ильдар обрывал по редакционной междугородке телефоны столичных знакомых: кто видел Егора? И жена его, онемевшая было («Июлев пропал с радаров!»), спохватилась и трезвонила в больницы с аппарата Святослава Геннадьевича, по другой линии проверявшего заведение правопорядка. Нет, изощрённый ум Июлева должен найти Путь, пусть и экстравагантный, но только свой выход!

А Июлев выскочил из перехода на Красной Пресне недалеко от неврологической клиники, выскочил прямо на странных двоих, открывших рты и тотчас же спротививших друг друга: «Ну вот он, и что теперь?»

Егор, смеясь, оглядел их: переодетые? Что ж не ловите?

Он смахнул слёзы и обернулся на слово «преемник». Из магазина телетехники, из огромной рекламной плазменной панели в углублённой нише в стене доносились: «Преемник предложил, и Дума большинством голосов приняла законопроект об отмене прямых выборов губернаторов и о введении практики назначения менеджеров городов вместо их избрания горожанами».

— Что я вытащил на этот свет? — прошептал Июлев.

Бросился на другую сторону улицы под визг тормозов и мерцание фар, следующий перекрёсток — горел зелёный. Егор ступил на зебру — зажётся красный. Отступил — зелёный. Вперёд — красный.

— Издаётеесь, значит? — прошептал невзрачный худыш в утробе мегаполиса. — Загоняете, значит, как зверя? Ты думал, значит, это свет в конце тоннеля?!

Он успел услышать, как из подъезжающей легковушки в мегафон прокричали: «Июлев, остановитесь, вам ничего не угрожает!» — и шагнул прямо на свет фар несшейся без ума многоколёсной фуры.

Лидия ЛЕВИНА

ВРЕМЯ ЛЮБИТЬ

*Лидия Евгеньевна
Левина родилась в Тольятти,
детство провела в селе
Большое Алпаево, школу
окончила в селе Аксаково
Бугурусланского района,
а педагогическое училище –
в Бугуруслане. Училась в
Литературном институте
им. А.М. Горького в Москве.
Стихи печатались в районной
и областной периодике,
поэтических сборниках,
антологиях «Вечный берег»,
альманахе «Гостинный двор».
Автор книги стихов «У края
дождя». Живёт в селе
Аксаково Бугурусланского
района Оренбургской области.*

Мне снова снится, что с тобой
беда,
А я не успеваю, хоть разбейся, —
Внезапно с рельсов сходят
поезда,
Аэропорты отменяют рейсы,
Упала сеть, захвачен телеграф,
Закрылась почта, спущены
колёса...
Снам всё равно, кто был из нас
неправ,
Они другие задают вопросы:
Что я отдать готова, чтобы жил
Тот человек, что нужен,
как дыханье? —
Здоровье, деньги, радость,
кровь из жил,
С родными и друзьями
расставанье?
В который раз я отвечаю:
— Жизнь,
Единственное, чем ещё владею.
... Держись.
Держись.
Пожалуйста, держись —
Не знаю как,
Но я к тебе
Успею.

Что я не расстанусь с друзьями
 моими,
 Что все расставания —
 к радостной встрече,
 Что яркими лентами каждое имя
 Вплетёт в свои косы влюблённая
 вечность.
 И станет неважно, что встречи
 нечасты,
 Ведь связь между нами уже
 не прервётся,
 И мы будем вместе и в горе,
 и в счастье,
 И будет светить незакатное
 солнце...
 ...В тяжёлые дни, в бездне
 личного ада
 Невзгоды стучатся то в окна,
 то в двери.
 Всему вопреки в темноте
 непроглядной
 Себя заставляю
 Верить.

Что весна, что осень —
 под этим безликим небом
 Не поймёшь, пока не согласишься
 на календарь.
 Из соседней булочной пахнет
 горячим хлебом,
 Пропускает сердце очередной
 удар.
 Сразу в памяти — смех, варенье
 из земляники,
 Чай с густым молоком
 и открытый, как небо, взгляд...
 В этом мире, таком огромном,
 многоязыком,
 У кого мне спросить, как найти
 дорогу назад?
 Дважды в реку одну не войти,
 и пытаться поздно,

И потрачены шансы впустую
 до одного.
 ...Но пока мы смотрим с тобой
 на одни звёзды,
 Ничего ещё не кончилось.
 Ничего.

Это время пришло — и стоит,
 и молчит,
 Гнезда выют по берёзовой роще
 грачи,
 Оседают снега, плачет с крыши
 капель,
 Тихо входит в долину туманный
 апрель,
 И река начинает оковы ломать.
 ...Это время вставать.

Пахнет мокрой землёй
 от бессонных ночей,
 Напевает бегущий вприпрыжку
 ручей,
 Протекает сквозь щели рассвета
 тепло,
 Лебединые клики зовут
 на крыло,
 Ветер мёртвой судьбы
 по бурьяну свистит.
 ...Это время расти.

Это время посева — картошка
 и лук,
 Время трудных мозолей,
 грубеющих рук,
 Раскрываются почки, на волю
 спеша,
 И за ними насквозь прорастает
 душа,
 Чтобы снова надеяться,
 верить и быть.
 ...Это время любить.

Запах поздних цветов полевых.
Беззащитная, хрупкая прелесть...
Мы их видим средь колкой травы,
Только если всем сердцем всмотрелись,
И, заметив, не верим глазам:
Так пленительна скромная свежесть!
Их, последний подарок тепла,
Не пугает зимы неизбежность.
Так порой улыбается нам
Вся природы прощальная нежность.

Оксана ВАСИЛЬЕВА

ИСТОРИИ В СУМЕРКАХ

Оксана Владимировна Васильева родилась в Новотроицке. Закончила филологический факультет Орского государственного педагогического института имени Т.Г. Шевченко. Работает педагогом дополнительного образования в городском Центре развития детей и юношества. Руководитель клуба авторской песни «Васильевский остров». Печаталась в местной и областной периодике, журнале «Гостинный Дворъ», альманахах «Вечерние огни», «Стихотерапия», сборнике «Красный угол» и др. Автор книги прозы. Член Союза российских писателей. Живёт в Новотроицке.

Предисловие

В конце марта, когда мы все угодили в самоизоляцию, я предложила своим ученикам из клуба авторской песни «Васильевский остров» написать в комментариях какое-нибудь ключевое слово, например, РЫБА. И пообещала на каждое присланное слово придумать историю. Так появился проект #Историивсумерках.

Вишнёвое дерево

Ромка привёл домой Лиду. И познакомил с родителями. Никого раньше не приводил, тусил с кем-то в городе, а сюда, в частный сектор на окраине Новозаводска, не звал. Далеко, да и делать здесь нечего. А Лиду привёл.

Прикатали на великах, оба тонкие, запылённые, светловолосые, в шортах и майках:

— Мам, пап, эт Лида.

И тут же схватили вёдра и пошли на участок собирать вишню.

На семи расплётках по периметру забора её назрело много. Не на один час работы.

Ромке нравилось собирать вишню. Она была крупная, ведро наполнялось быстро. Это тебе не с малиной возиться, когда все руки в кровь исцарапаны, а счастья — с полкружки. Вишня — другое дело. Сладкая, когда потемнеет, наберётся солнца. Не такая сладкая, как с папиного дерева, но всё равно вкусная. А из-за того, что Лида, — нравилось ещё больше.

Она собирала ягоду сосредоточенно, не пропуская ни одной ветки. Он смотрел на след от сока, засохший у неё на щеке, и улыбался, как дурак.

К концу подустали. Вишня надоела. Не хотелось тратить на неё весь день. Лениво собрали последние полведра.

— Всё, — сказал Ромка. — Хватит на сегодня. Поехали купаться.

— А там, на дереве, собирать не надо? — спросила Лида.

— Нет, там дерево особенное. Папа сам собирает.

— Почему особенное?

— Не знаю. Он не рассказывает. Всегда говорит, что рано ещё рассказывать, что я маленький и глупый. Не пойму.

— Ничего себе маленький. А что глупый, спорить не буду.

— Ах, ты ж! — Ромка бросил в неё ягоду.

Лида увернулась и рассмеялась.

Пока она мыла руки, он украдкой сорвал несколько вишен с папиного дерева. Ягоды там были помельче и посуше, с резким и чуть терпким вкусом.

— Напополам, — предложила Лида, когда он протянул их ей на ладони, взяла сразу две ягоды, отправила в рот. — Ух ты!

— Да, папина вишня. Поехали?

Он вернулся домой к вечеру, завёл велик во двор, закрыл калитку на щеколду.

На лавочке у дома сидел отец. Ромка плюхнулся рядом, блаженно вытянул ноги и закрыл глаза, проживая заново весь сегодняшний день с вишней, озером, со дна которого бьют холодные ключи, и если проплываешь над ними, ноги как будто проваливаются в холодный погреб, с возвращением в город в сумерках, когда зажигаются фонари на улицах. И город становится если не красивым, то уютным, домашним.

Лида с мокрыми от купания растрёпанными волосами вскакивает на велик и кричит:

— Догоняй!

И они несутся по парку. Он настигает её перед самыми ступенями центральной лестницы, но тут она делает строгое лицо, соскакивает на землю, они чинно выходят из парка и пересекают главную улицу города. Он уже забыл об игре, а Лида вдруг снова вскакивает в седло и летит дальше — по малолюдным переулкам

до самого её дома. И он снова её нагоняет, и возле подъезда они долго ещё стоят, прощаясь.

— Я тебе рассказывал про моё дерево, про вишню? — спросил отец.

— Не-а, — ответил Ромка, не открывая глаз. Он так разомлел, что даже говорить было лень.

— Это было летом девяносто третьего. И мне нравилась одна девочка.

Ромка хмыкнул и приоткрыл один глаз.

— Её звали Катя. Такая, знаешь, — отец изобразил в воздухе что-то неопределённое, — интересная.

Ромка снова хмыкнул.

— У нас на первом курсе компания сложилась. Как-то неожиданно. Серёга, Алик, Пашка с Олеськой, Катя, Оля, ну и я. Новый год ещё отмечали порознь, а ко второй сессии уже были неразлей вода. Ждали друг друга после экзаменов, потом затаривались газировкой, пирожками с ливером и шли купаться. Когда сессию сдали, остались в городе на лето. Времена были безденежные, по заграницам не накатаешься. У всех, кроме Алика, огороды. У Серёги ещё бабка решила баню около дома обновить. Встречались по вечерам, чуть ли не каждый день. Гуляли. Серёга гитару приносил. Мы все понемножку бренчали, включая девочек. Из нас парой были только Пашка с Олеськой, ещё со школы. А остальные присматривались. Мне Катя нравилась,

Алику — Оля. С Серёгой иногда появлялись какие-то девушки со стороны, в автобусе, что ли, он с ними знакомился, но в компании не приживались.

Недели через две мы взвыли от городской жары и пыли. И я предложил сходить в поход. Поначалу ляпнул от нечего делать, но увидел, как Катя посмотрела заинтересованно, и вдохновился. Решил сводить ребят на место бывшей деревни Кустовки. Мы с отцом туда часто на рыбалку ездили. Километров семь от электрички, через две горки.

Как по друзьям и родственникам искали рюкзаки и палатки — это отдельная тема. Настоящая снаряга была исключительно у настоящих туристов. Они собирали её годами, мастерили и шили на заказ, и таким маграсникам, как мы, никто, конечно, приличных рюкзаков и палаток не дал бы. Мне отец, дед твой, выпросил у друга-охотника коричневый рюкзак-желудок и брезентовую трёхместную палатку с прожжённым углом. Серёга нашёл у бабки в сарае армейский котелок, Пашке с Олеськой выделили дома мятую алюминиевую кастрюлю. Ну и плюс топор, одеяла, о спальниках мы и не мечтали, консервы, вода, хлеб, половник.

Когда встретились на вокзале, рюкзаков оказалось всего два: у меня и у Алика. Правда, он ещё в трамвае одну лямку оторвал, хорошо так оторвал, с мясом. Остальные отправлялись в поход

с сумками, пакетами и одеялами вскрутку. Короче, все консервы, кастрюлю, топор, а также другие тяжёлые предметы сгрузили мне в рюкзак, и мне стоило умереть тут же, на перроне. Но идти в поход предложил я, на меня смотрела Катя. Так что я собрал силы и втянул себя в электричку, хотя неподъёмный рюкзак настоятельно рекомендовал мне упасть на спину и замереть.

Наверное, тогда ещё стоило понять, что этот поход не самая удачная моя затея, но я был решительно настроен поговорить с Катей на берегу реки под звёздным небом и героически оберегать её от посягательств комаров. На нашей станции расстояние от ступенек электрички до земли оказалось в два раза больше, чем на перроне. Я спрыгнул удачно. Рюкзак всеми консервными банками приложил меня по голове, и благодаря этому первую половину пути я помнил смутно и прошёл её в лёгкой эйфории. После первой горки сознание вернулось. Я обнаружил, что не чувствую рук, потому что лямки рюкзака пережали плечи, а моя Катя беседует с Серёгой, и в руках у неё букет из тысячелистника и пижмы. И тогда я выложил последний козырь. Приберегал его под конец, чтобы всех удивить, но раз такое дело:

— А ещё там есть вишнёвое дерево, огромное, на краю деревни. Чей-то огород раньше был. И ягод на нём всегда столько, что листьев не видно.

И снова поймал заинтересованный взгляд Кати.

Вторая половина июля, полдень, солнце, рюкзак, горка, ну, ты понимаешь. Я сам уверовал в это дерево, как в спасение. Я мог думать только о том, как доберусь до него, сброшу чёртов рюкзак, сяду в тени, отправлю в рот целую горсть горячих от солнца ягод, и они будут лопаться на языке, сладко, выпуская из себя мелкие круглые косточки.

Я рассказывал, как дерево цветёт весной, напоминая издали бело-розовое облако, а если подойти поближе, можно услышать, как оно гудит сотнями шмелиных голосов, как будто рядом работает какое-нибудь устройство с мотором. А осенью, говорил я, оно сначала желтеет, а потом края листьев становятся бронзово-вишнёвыми, и среди них всё ещё висят подвявшие ягоды, не склёванные птицами. А зимой...

Тут мой поток красноречия прервался. Потому что мы взойшли на вторую горку, и я почти умер под рюкзаком. Но это было не самое страшное.

Внизу, около речки, на том месте, где мы с папой рыбачили всё моё детство, появился основательный забор, огораживающий территорию бывшей деревни. На месте старых, заросших крапивой и кленовыми побегами фундаментов велось новое строительство, деловито фырчал трактор, между кучами песка, щебня и силикатными блоками сновали

рабочие с загоревшими до черноты спинами.

— Да-а, дела, — сказал Алик, и все посмотрели на меня.

— Ну и что, река-то большая, спустимся и свернём налево, — скомандовал я.

Ещё тогда, наверху, в мою душу закралось нехорошее предчувствие. И пока мы спускались, я вглядывался в то место, где нас всегда встречало вишнёвое дерево, вглядывался и не хотел понимать то, что видел. Но когда мы спустились и подошли к реке, отрицать очевидное стало бессмысленно. Моё любимое вишнёвое дерево было покалечено трактором или другим безжалостным инструментом новых хозяев места. От него осталась часть ствола и две ветки, густо усыпанные ягодами.

Мы ушли влево, вниз по реке, километра на два по еле заметной тропинке. Нашли место для стоянки и небольшой пляжик, правда, без песка, с крупной речной галькой на берегу, но пригодный для купания. Поставили палатку — жуткое кривобокое брезентовое сооружение, похожее на миниатюрный шатёр передвижного цирка. Я взял топор и пошёл заготавливать дрова для костра, стараясь выглядеть мужественно. На самом деле мне больше всего хотелось заплакать от обиды за моё загубленное дерево.

И даже то, что вечером Катя ушла гулять к реке с Серёгой, не

показалось мне уже чем-то непоправимым. Непоправимое произошло раньше. Я чувствовал себя так, будто меня самого переехали трактором. Олеську укусила за щёку оса. Щека надулась, Олеська тоже, и они с Пашкой полдня просидели в палатке. Вечером Алик утопил в реке Серёгин котелок. Пришлось заваривать чай в кастрюле. Я заварил его, как учил отец: насыпал в кипящую воду заварку и сунул в кастрюлю горящую головню. Это было эффективно, но чай отдавал супом. Серёга взял гитару. На третьем куплете четвёртая струна издала прощальный звон и лопнула.

А ночью пошёл дождь. В городе он выглядел безобидно: мелкий, морозящий. Но в походе совсем другое дело. В пять утра стало понятно, что купол палатки не держит воду, мы вылезли из-под мокрых одеял.

— Я хочу домой! — сказала Катя.

— Да, Паш, мы же можем успеть на утреннюю электричку? — подхватила Олеська. Щека у неё всё ещё была припухшая, а вид несчастный.

Мы засобирались, упихивая в рюкзаки и сумки наспех отжатые вещи. Палатка упорно не хотела помещаться в чехол. После третьей неудачной попытки мы с Серёгой просто увязали её в скатку вместе с чехлом, справедливо рассудив, что донесём и так, а вот время, оставшееся до электрички,

дорого. Девчонки побросали в воду размокший хлеб, и мы двинулись в обратный путь, постепенно согреваясь на ходу.

Когда подходили к строительству, Оля чуть забежала вперёд. Я не обратил на это особого внимания. Она весь наш несчастный поход была молчалива, не ныла, как другие девчонки, ёжилась под дождём, тащила свою сумку и одеяло. В начале похода одеяло было яркое, в зелёную и белую клетку, а к концу, когда мы взбирались на вторую горку по раскисшей дороге, поменяло свой цвет на грязно-жёлтое.

До станции мы добрались вовремя. Электричка подходила через двадцать минут. Мы были мокрые, грязные, уставшие и невыспавшиеся. Катя с Олесью мечтали о ванне. Серёга приду-мывал, как будет сообщать бабушке о пропавшем котелке. Я чувствовал себя виноватым за всё, что случилось, и это меня страшно злило.

Вдобавок ко всему, пока мы брали билеты в кассе, дождь вдруг закончился, небо расчистилось, обещая впереди чудесный летний день, а солнце уставилось так, будто хотело сказать: «Чего, дурачки, испугались?»

Алик уселся на перроне прямо на мокрую палатку, вытянул ноги и вздохнул:

— Да-а! Сходили в поход.

Первой прыснула Оля, за ней

рассмеялся Пашка, а через минуту вся наша компания уже хохотала, заставляя раскормленных привокзальных голубей лениво вспархивать над асфальтом.

Я тоже смеялся. Смотрел на товарные вагоны на запасном пути и смеялся. А что оставалось делать? Так по-дурачки всё получилось. И Катя. И дерево жалко.

Кто-то легко тронул меня за локоть. Я оглянулся. Рядом стояла Оля:

— А дерево можно своё вырастить, из косточки, — сказала она и протянула мне раскрытую ладонь. На ней лежало несколько небольших примятых вишен. — Это я на обратном пути сорвала.

Отец замолчал. Ромка тоже помолчал для приличия, но надолго его не хватило:

— Оля — это мама моя. А дерево из косточки — вот, — ткнул он пальцем в сторону вишни.

— Да.

— Ну и что из этого я должен был не понять? Невероятно запутанная и таинственная история, — съехидничал он.

— Да понять-то, может, и понял бы, а вот почувствовать по-настоящему... Ладно, иди спать.

Ромка поднялся.

— Ромк, — позвал отец.

— А.

— Вишни хочешь?

— Давай, — Ромка протянул руку, и отец положил ему в ладонь ягоды.

«Странный папа, — думал Ромка, засыпая, — какая может быть Катя, когда мама!»

Ночью ему снилась вишня. Много вишни. И Лида.

Цапля

К тридцати годам Ната всё ещё была одинока и находилась в поисках себя, плавно курсируя от занятий йогой и плетения из лозы кривоватых корзинок к обучению танцам с шаманским бубном и трём зимним лыжным походам, два из которых закончились потерей лыжи. Родственники не без основания считали Нату странной, сумасбродной и не от мира сего, что, впрочем, не мешало им пользоваться её временем и силами. Потому как, а кто, если не она, посидит с детьми, поможет с приготовлением праздничного стола к юбилею и съездит в больницу с бабушкой? Остальные не могут, у остальных серьёзная взрослая жизнь.

Но Ната не жаловалась.

Сегодня ей нужно было дождаться племянника Кирюшку после занятия с логопедом и отвести домой, проконсультировать бабушку по актуальным в сезоне рецептам салатов, а также пробежаться по обновлённому списку онлайн-курсов.

Курс по самопознанию содержал предварительное задание: заполнить анкету из двадцати

вопросов. Все вопросы звучали одинаково: «Кто я?» На первые восемь Ната ответила легко: имя, гражданство, гендерная принадлежность, родственные связи, работа, хобби. Дальше процесс застопорился.

Дверь логопедического кабинета распахнулась. Кирюшка выскочил в коридор, кинулся к Нате, ткнулся головой в её живот так, что у неё перехватило дыхание, и зарыдал. За ним, отчаянно цокая каблучками, выбежала логопед Анна Аркадьевна.

— Что случилось? — спросила Ната у обеих.

Кирюшка помотал головой.

— Я не знаю! Всё было хорошо, — защebetала Анна Аркадьевна, — мы работали над буквой «ц», начали учить скороговорку «Цапля чахла, цапля сохла, цапля сдох...»

— У-у-у-у! — взвыл Кирюшка.

— Не продолжайте, я поняла! — Ната погладила коротко стриженную голову племянника. Кирюшка продолжал орошать слезами её новую любимую юбку. — Всё дело в цапле.

Это был их большой-большой секрет. Белая цапля Августа.

В последнюю неделю августа, перед началом учебного года, Ната с Кирюшкой провожали лето: сходили на утренний спектакль в кукольный театр, заказали пиццу и молочные коктейли в «Пиццерии-буфф». А под вечер забрели в зоопарк. Кирюшка тут

же рванул к попугаям. О попугае он мечтал страстно, почти с рождения, и потому потащил Нату к летнему птичнику сразу, как только они купили билеты в кассе. И провёл там не меньше двух часов, смакуя каждое движение птиц и каждый звук, издаваемый какаду, ара, амазонами и неразлучниками.

В конце концов Ната устала стоять, отыскала лавочку в тенилке и села, растегнув босоножки. Строго говоря, Кирюшка приходился ей двоюродным внучатом племянником. Ему недавно исполнилось восемь. И это была огромная радость. Всё осталось позади: страшный диагноз, месяцы в больнице, неясные прогнозы врачей. Семья тогда сплотилась вокруг маленького больного человека и вы ходила, отвела беду. А когда развеялись последние страхи и с Кирюшки сняли инвалидность, родственники с облегчением занялись своими делами: его мама — разводом и новым замужеством, отец — поисками работы, бабушки и дедушки — огородами и сериалами по вечерам.

Здоровый Кирюшка сам по себе оказался интересен только незамужней и бездетной Нате. Они обожали театр, кошек, творожную запеканку и старые детские пластинки. А если Кирюшка гостил с ночёвкой, перебирали книжки для чтения вслух и каждый раз, не сговариваясь, сходились на приключениях кролика

Эдварда. Читала, конечно, Ната, а Кирюшка слушал, но если бы его спросили, что дальше, он смог бы продолжить историю слово в слово. О болезни сейчас напоминало лишь то, что мальчик оставался впечатлительным, беспокойным и ранимым. Отчим воспитывал в нём суровость. Но при Нате Кирюшка оттаивал и не стеснялся плакать.

Она смогла выманить его из птичника, клятвенно пообещав, что они обязательно вернутся. Зоопарк был небольшим, они успели до закрытия нагуляться по дорожкам между вольерами, съесть по стаканчику мороженого и погладить кролика. Потом Ната так впечатлилась карликовым бегемотом в бассейне, что совсем забыла бы о времени, если бы Кирюшка снова не потащил её к попугаям.

Пожилой работник с кустистыми бровями, похожий на филина, заканчивал уборку клетки у сине-жёлтых ара. Он покашливал, как будто и вправду ухал, недобро косился на Кирюшку и наконец спросил:

— Нравятся птички наши?

— Нравятся! Особенно какаду! — закивал Кирюшка.

— Вот! А птички — они кушать хотят! А кто их кормит? Не знаешь? А ты вот стань у них опекуном, тогда и узнаешь. Будешь денежку им присылать. Птички будут кушать. А на табличке надпись сделают. Видишь вот, как здесь, — он ткнул загорелой рукой

в табличку соседнего вольера с бассейном, — Вася Пескарёв — опекун кряквы. Доброе дело и вам, глядишь, зачтётся, — это уже было адресовано подошедшей Нате.

Говорил он угрюмо, как будто заранее знал, что Ната будет против.

Она взяла Кирюшку за руку, чтобы увести подальше и в очередной раз напомнить, что нельзя разговаривать с незнакомцами. Но племянник вдруг запрыгал, затряс её руку:

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Ната, давай станем опекунами, давай будем помогать попугайчику? У меня копилка есть. Давай, а?

В администрации выяснилось, что все попугаи заняты.

— Чего ты расстроился? — директор зоопарка смотрела на Кирюшку сочувственно. — У нас много других животных и птиц. Вот гляди-ка.

Она разложила по столу ворох календариков с фотографиями небогадетельствованных питомцев.

— Лучистая черепаха. Нет? А австралийская голубая квакша? Тоже нет?

Кирюшка, в мечтах уже ставший опекуном попугая, качал головой.

— Паук-птицеед?

— Точно нет! — встряла в разговор Ната.

— Что же вам предложить-то? Вот из птиц ещё есть цапля. Большая. Белая. Недавно у нас появилась.

Кирюшка поднял голову, посмотрел на календарик, просиял и обернулся на Натю:

— Можно я назову её Августа?

Цапля ослепила их белизной и обдала холодом презрения. Ната подумала, что со стороны птицы это сущая неблагодарность — так смотреть на людей, которые собираются заботиться об её благосостоянии. Но Кирюшка был очарован. Он полюбил цаплю с первого взгляда и навсегда. Мысль о том, чтобы ещё раз рассмотреть кандидатуру австралийской голубой квакши, отпала сама собой.

Ната подписала договор, внесла две тысячи за текущий месяц на содержание птицы, и они бросились на остановку, потому что цапля — цаплей, а до дома добираться ещё минут сорок. Кирюшка всю дорогу счастливо вздыхал и не выпускал из рук календарик. Опекунство они договорились держать в секрете от родственников. Вряд ли бы кто-то в семье одобрил эту странную затею.

Чаще раза-двух в месяц вырваться к цапле не получалось. Но в зоопарке их уже знали. Работник, похожий на филина, подобрел и с удовольствием пересказывал Кирюшке последние цаплины новости. Цапля по-прежнему была царственно равнодушна. Кирюшка убеждал Натю, что когда они приезжают, цапля смотрит на них особенным взглядом, не как на всех, и Ната кивала. Ну, в самом деле, не разочаровывать же племянника.

— Кирюш, ну всё-всё, хватит рыдать.

— Ната, а вдруг она умрёт? Ты говорила, помнишь, что можно сказать что-то, а оно сбывается. А я сказал это вслух. Я просто повторял за Анной Аркадьевной и сказал это вслух. И теперь Августа... Она...

— Да ничего не будет с твоей ненаглядной Августой.

— Ната, давай поедем к ней, и я попрошу у неё прощения. Завтра.

— Кирюш, завтра никак: у бабушки день рождения, ты помнишь? Поедем на той неделе.

Кирюшка замолчал. И молчал всю дорогу, пока они шли к его дому.

— Хочешь, я завтра позвоню в зоопарк и узнаю, как она там? — спросила Ната у подъезда.

Позвонить в зоопарк она не успела. С утра её саму разбудил телефонный звонок:

— Ната, Кирюшка у тебя?

— Нет.

— Куда же он мог деться? — из динамика доносилось шумное дыхание Кирюшиной мамы. — Встали с утра, а его нет. Копилка пустая на столе. Бабушек всех уже обзвонили. Одноклассников тоже.

— А ему позвонить пробовали?

— Да нет у него телефона. Мы вчера забрали за «тройку» по математике.

— Понятно.

— Ната, ты знаешь, где он?

— Догадываюсь.

Ната была уверена, что Кирюшка уехал к цапле, и всё-таки переживала всю дорогу. Водитель такси, глядя на неё, врубил для азарта «Радио Шансон» и прибавил скорость. Они домчались минут за двадцать, подлетели к воротам. Зоопарк только что открылся, и посетителей было немного, а в зимнем птичнике и вовсе никого. На вешалке в гардеробе одиноко болталась красная Кирюшкина куртка. Увидев её, Ната выдохнула и сбавила шаг.

Кирюшка стоял за стеклом вольера, протягивал цапле раскрытую ладонь с кусками рыбы и, кажется, не дышал. Цапля, не теряя достоинства, брала с его ладони один кусок, заглатывала, надолго замирала, как будто уходила в себя, потом, очнувшись, осматривала еду блестящим глазом и брала следующий кусок. У входа в вольер улыбался сотрудник зоопарка, похожий на филина.

— Она меня простила. Ты видела? Видела? Она брала рыбу у меня из рук. Я сказал ей, что никогда в жизни больше не произнесу эту ужасную скороговорку. А потом я придумал свою: «Цапля — чудо, цапля — сказка, цапля — счастье». Правда, здорово? Ей понравилось. И если так говорить каждый день, то цапля будет жить долго-долго. Потому что эта скороговорка про хорошее. Ната, ты меня слышишь?

— Слышу. А ещё думаю, как мы будем про Августу дома рассказывать.

Кирюшку по младости лет быстро отругали, накормили пюре с котлетой и отправили в детскую к двоюродным и троюродным братьям и сёстрам пережидать семейный совет, в который плавно переросло празднование бабушкиного юбилея. На повестке дня был один животрепещущий вопрос: «Что нам делать с непутёвой Натой?»

В воздухе, как большие стрекозы, летали устойчивые словосочетания «несчастье семьи», «дурь в голове», «пора угомониться». Стрекозы сталкивались и падали в лоток с холодцом. Ната с невозмутимостью цапли наблюдала за их полётом, расковыривая в тарелке остывшую котлету. Похоже, родственники решили взяться за неё всерьёз: найти мужа, устроить на приличную денежную работу, записать в салон красоты и к астрологу. Таков был их план на ближайшую неделю.

В дверях мелькнули виноватые глаза Кирюшки. Ната без сожаления оставила котлету и спорящую семью за столом и сбегала в коридор.

— Опять замуж выдают? — спросил Кирюшка.

Ната кивнула:

— Да ладно, переживём! Сочини и для меня, что ли, скороговорку про хорошее. Вдруг, если её произносить каждый день, я из несчастья семьи превращусь во что-нибудь приличное.

— Я сочиню.

— Спасибо.

— Ната?

— Что?

— Несчастью семьи никогда бы не доверили цаплю.

До анкеты по самопознанию Ната добралась ближе к ночи и восьмым пунктом, отвечая на вопрос «Кто я?», набрала «Олекул цапли».

Зонтик

Даша торопится. Зонтик у неё всегда с собой, но дождь лучше пережидать дома. Можно даже сидеть на подоконнике с чаем и «Милквэй», пока папа не увидит и не начнёт дразнить её «типичным хипстером».

Ника тоже любила сидеть на подоконнике. Но про Нику она запрещает себе думать, потому что начинает плакать.

Из крайнего подъезда выходит женщина с чёрной повязкой на голове и нетвёрдой походкой идёт навстречу Даше. Мама Ники. В руках у неё большой белый пакет из «Пятёрочки».

— Здравсьте, — говорит ей Даша.

— Здравствуй, — женщина смотрит пристально и, наконец, узнаёт. — Даша, — от неё пахнет алкоголем и несчастьем. — А я вот вещи Никусины перебираю. Что оставить, что выбросить. Тетрадки собрала. Полку Богдану освобождаем. Для школы.

Дашу захлѣстывает волна бесильной ненависти. Эта женщина никогда раньше не называла Нику Никусей. И, кажется, не всегда помнила, сколько вообще у неё детей.

Но Даша — вежливая девочка из благополучной семьи, с папой, мамой и котом Плюшкой. Даша не будет грубить, как бы ей ни хотелось.

— Давайте я помогу, — говорит она и протягивает руку к пакету.

— Помоги-помоги.

Даша берёт пакет, прощается и уходит.

Мама Ники смотрит ей вслед, хочет что-то сказать, передумывает и бредёт к подъезду.

Даша доходит до мусорных баков, огибаёт их, оглядывается. Женщины в чёрной повязке уже нет. Даша возвращается к дому вместе с пакетом и успевает забежать в свой подъезд до того, как с неба начинают падать редкие капли.

У них были планы на лето. Сдать ОГЭ и вплотную заняться ПП. ПП — это Проект «Плюшка». Комиксы про Дашиного кота.

— Он няша. Смотри, какая морда! — Ника любила тискать Плюшку.

Плюшка не возражал. Он редко делал лишние движения.

— На самом деле твой кот по ночам, когда ты спишь, спасает мир, — говорила Ника.

Даша смеялась. Она знала Плюшку с детства. Единственным

его геройским поступком была попытка спрыгнуть с дивана. Плюшка поднялся на ноги, долго стоял в задумчивости, а потом снова лёг, ожидая, когда его заботливо спустят на пол.

Но идея Даше нравилась.

Даше нравились все Никины идеи. Ника умела мечтать широко, масштабно. Она врывается в тихую, комнатную Дашину жизнь в мокрых кедах, потому что гуляла под дождём, в заношенной чёрной футболке, доставшейся по наследству от старших Вики и Лики, с дикой музыкой в хрипящих наушниках, вернее, в одном из них, потому что второй не работал. Взлетала на подоконник, опиралась тощей спиной на откос и выдыхала:

— Да-а-ашк? А давай...

И дальше могло последовать самое неожиданное предложение: давай сделаем портреты всех собак нашего двора и устроим выставку;

давай за лето обойдём все дворы города, в каждом мелкамы нарисуем что-нибудь красивое и напишем «С добрым утром!»;

давай пойдём гулять от нашего дома на север или на юг, будем идти три часа и посмотрим, куда дойдём, город-то маленький;

давай снимем фильм, как мы с тобой делаем рисунки на одну и ту же тему, а потом запустим в ускоренном режиме...

Идей у Ники было так много,

что её голова просто взрывалась от их количества. Даша служила резервуаром, куда идеи можно было выплеснуть, чтобы освободить в голове место для новых. Они разноцветными рыбками резвились в огромном бассейне-аквариуме, Даша через стекло наблюдала за ними и выбирала тех, с которыми они с Никой готовы были пуститься в большое плавание. Именно Даша придавала идеям подруги весомость и основательность.

Часто Нику озаряло поздно вечером, когда все приличные люди либо уже спали, либо готовились ко сну. Она набирала Дашу и спрашивала:

— Спишь?

Дашину маму возмущали эти поздние звонки. И к самой Нике у неё отношение было неоднозначное. Как ответственная мама, она понимала, что у дочери должны быть друзья. И когда в шестом классе Даша подружилась с Никой, мама приняла эту дружбу. Девочки чаще всего были у них дома, в своей семье Никой мало интересовались. Может быть, поэтому она росла чересчур свободной, чересчур независимой, чересчур одержимой идеями.

Ника была стихийным художником, рисовала, сколько себя помнила, училась по роликам на ютубе. А Даша, как и положено девочке из интеллигентной семьи, окончила художественную школу и в рисование влюблялась

постепенно, осмысленно и робко. Она боялась бездны, смотревшей на неё светло-зелёными глазами Ники.

— Бездна поглотит меня, — говорила Даша.

— Бездна — это приключение! Ты со мной? — отзывалась Ника.

Белый пакет, который Даша спасла от помойки, на треть заполнен школьными тетрадками с одинаковыми синими обложками, любимый цвет Ники, а между ними лежат несколько скетчбуков, ворох мягких рисунков на альбомных листах и пухлый блокнот на спирали. Содержимое скетчбуков Даша знает хорошо. Она сама дарила их Нике, а та постоянно таскала с собой и умудрялась делать зарисовки на уроках, переменах и чуть ли не на ходу, по дороге от школы до дома. Она так истрёпывала их, что последний, сиреневый, Даша выбрала из-за рекламы износостойкой обложки. Сиреневый скетчбук изрисован не до конца.

Синие школьные тетрадки Даша сначала откладывает в сторону. Но одна из них падает, раскрывается на последних страницах, и Даша видит, что и она наполовину занята рисунками. Даша начинает открывать все тетради подряд.

В последний год Ника бредила комиксами. Придумывала героев, отрисовывала, хмурилась, иногда комкала и вырывала листы из скетчбуков. Одним из персонажей комиксов должен был стать

Плюшка. И с ним всё было понятно. Не хватало главного героя. Весной она потащила Дашу «на охоту». Целые вечера, как только стало тепло, они просиживали на скамейке на Молодёжной аллее, разглядывали прохожих и делали зарисовки.

В тетради по физике Даша на рисунках находит и себя, прячущуюся под зонтиком. Вокруг кипит жизнь: мчатся скейтеры и велосипедисты, длинноволосые мальчики поют Цоя, воркаутеры проделывают на турниках невозможные трюки, динозавры ловят сачками астероиды и играют с ними в футбол, а она стоит под зонтиком, словно пытается отгородиться от всего мира.

Рисунок забавный и так точно передаёт вечную Дашину осторожность, что она смеётся. И тут же плачет.

Они уехали всего на две недели. На море, своим ходом. Папа за рулём, мама — штурманом, Даша и бабушка на заднем сиденье. Всё удачно совпадало: и отпуск родителей, и каникулы. С Никой не прощались. Даша собирала чемодан, Ника сидела на подоконнике и что-то рисовала. Потом попили чай с шоколадкой. Обсудили последние ролики одноклассника Брюлика на «ТикТоке». И Ника ушла домой, бросив у дверей своё обычное «Бай-бай, бэби!» Даша посылала ей короткие ролики с моря и везла в подарок большую розовую шипастую

ракушку. А когда они вернулись домой, Ники уже не было.

— «Скороую» поздно вызвали, — сказала Даше старшая сестра Ники Вика. — Ну, болит живот и болит. Она же всегда со странностями, Ника. Два дня ходила, молчала. Потом сказала мамке: живот болит. Есть не стала вечером. Мамка ей говорит: лежи. А утром проснулась белая вся, за живот держится и скулит. Пока довели, пока в операционную, а там, говорят, сердце не выдержало. — Вика рассказывала буднично. Даше смотрела на неё и думала, что Вика говорит как будто не про сестру, а про малознамого человека. — Ты приходи в субботу, девять дней будет.

Смерть Ники была таким ошеломительно огромным событием, что первые дни Даша не могла уместить её в голове. И всё время думала, думала. Этого не должно было быть в её тёплом, солнечном мире с широким подоконником, толстым Плюшкой, пахнущей морем ракушкой и зонтиком. Ника ввинчивалась в жизнь дождевым осколком, отражала и преломляла в себе всё вокруг, и мир вокруг дробился на тысячи мелких разноцветных миров. И теперь Даша выхватывала части своего мира по отдельности. А когда соединяла их вместе, горе обрушивалось на неё всей своей тяжестью и становилось невозможно дышать. И Даша опять прокручивала в голове по отдельности:

подоконник, Плюшка, ракушка. Все вокруг словно пытались убедить её, что Ники не было. Вот и старшие сёстры Ники — Вика и Лика, она видела у подъезда, уже чему-то смеялись, и Богдан, младший брат, бегал с другими мальчишками по двору, и мама Ники несла на мусорку пакет с рисунками младшей дочери, как что-то ненужное, что будет мешать ей жить дальше.

А она была: сидела на подоконнике, тискала Плюшку, смеялась, рисовала Дашу под зонтиком. И для Даши не переставала быть.

До пухлого блокнота на спирали Даша добирается в последней очереди. Там рисунков меньше. Это скорее дневник в заметках. Много коротких записей ровным, отрывистым, похожим на шрифт почерком.

«Пересматривали с Дашкой «Гравити Фолз». Раз пятый, наверное. Снова ржали как ненормальные. Алекс Хирш подарил сестре мультяшного поросёнка, как она мечтала в детстве. Я бы тоже хотела сделать что-то такое про нас с Дашкой, комиксы или мультитик. Мы ведь почти как сёстры».

«Ненавижу физику!»

«Дашка — как всегда! Иногда хочется взять её за плечи и потрясти, чтобы проснулась!»

«Дашке подарили на ДР графический планшет. Можно рисовать комиксы. А Плюшка — идеальная модель, умеет лежать без

движения сутками. Ха! С утками. Дурацкая шутка!»

«Мятные леденцы — ад!»

«Уже можно подолгу рисовать на улице и не мёрзнуть. Ходили с Дашкой на «охоту». Брюлик — кретин!»

«Ночь пахла сиренью».

«Если бы можно было быть, но не здесь! Быть здесь уже невозможно!»

«Каникулы! Да! Да! Да!»

«Молодые ириски — лучшее изобретение человечества! Дашка ничего не понимает!»

«Где же взять главного героя? Не Брюлика же рисовать!»

Последняя запись:

«Дашка берёт зонтик на море. На море! Зонтик!»

Даша откладывает блокнот и плачет до прихода родителей.

Дождь за весь день так и не проливается по-настоящему. К вечеру тучи рассасываются и исчезают, как леденцы со вкусом кокоса на голубом языке неба.

Даша сидит в комнате и раз за разом пролистывает Никины тетради и скетчбуки.

Мама садится рядом, гладит дочь по голове.

— Надо научиться отпускать дорогих тебе людей, — говорит мама. — Это непросто, но жизнь продолжается.

Мама говорит правильные слова. И папа, который заглядывает к Даше перед сном, говорит правильные слова. И бабушка по телефону приглашает в гости на

булочки с изюмом и говорит правильные слова. Даша всё понимает. Но эти слова не работают. Она не хочет отпускать.

Даша перечитывает на ночь блокнот на спирали и засыпает с ощущением, что ответ где-то рядом, простой ответ.

А когда просыпается, за окном пасмурно. Дождь поначалу медленно раскачивается, делает на асфальте наброски отдельными каплями. Потом смеется, смывает всё нарисованное и лупит от души по листьям, крышам, дорогам, людям и собакам.

«Если бы можно было быть, но не здесь», — повторяет Даша про себя фразу из Никиного блокнота, берёт новый скетчбук, точит карандаши, закрывает дверь в комнату.

На первой страничке она делает запись «Страна дождя» и ниже «Комиксы».

Под дождём по пустынной дороге идёт девчонка-подросток в чёрной футболке, потрёпанных джинсах и кедах. Один наушник у неё в правом ухе, другой, за необходимость, болтается на груди. Под футболкой она несёт толстого дымчатого кота.

«Ника, твоя футболка промокла насквозь. Почему ты никогда не берёшь с собой зонтик?»

«Плюшка, не ворчи! Зонтик не защищает от всего на свете».

На горизонте видны очертания города. Этот город девочка и её кот идут спасать.

— Даша, сбегаешь за хлебом? — кричит мама с кухни.

— Да, — Даша кладёт карандаш, смотрит на рисунки. — Я скоро, в магазин и обратно. Никуда не уходите без меня, — говорит она им.

На улице всё ещё дождь, хотя уже не такой сильный, как пару часов назад. У подъездной двери Даша вспоминает, что забыла зонтик, и замирает на несколько мгновений, раздумывая, не вернуться ли за ним. Потом решается и шагает из подъезда.

Дождь обнимает её за плечи тёплыми каплями.

День яблочный, день молочный... (Кит)

В Яблочный день Принц показывал «Девушку в красном и Серого Монстра». Кит знал все истории цикла, но «Девушка в красном» ему нравилась особенно. В ней видимое не было тем, чем являлось на самом деле, и это приводило Кита в странное возбуждение.

— Почему у тебя такие большие уши? — спрашивала Девушка в красном.

— Чтобы лучше слышать тебя! — отвечал Серый Монстр.

«Чтобы лучше слышать тебя!» — шёпотом повторял за ним Кит.

— Почему у тебя такие большие глаза? — спрашивала Девушка в красном.

— Чтобы лучше видеть тебя! — отвечал Серый Монстр.

«Чтобы лучше видеть тебя!» — вторил Кит за шторкой кулис.

Напряжение в голосе Принца нарастало. Кит знал, что после третьего вопроса, про зубы, Серый Монстр предстанет в своём истинном обличье, набросится на Девушку в красном, и по зрительному залу пронесётся «Ах!» Страх, удивление, восторг! Как будто в первый раз.

— Разве они не помнят? — спросил как-то Кит Старого Муха.

— А может, они не хотят помнить, чтобы испугаться и удивиться снова.

— Не, они точно не помнят. Но почему тогда помним мы с тобой?

Старый Мих пожал плечами. Он был не слишком разговорчивый и на большинство вопросов отвечал, глубокомысленно уперев в небо кривой когтистый палец:

— Принц.

Это означало: «Принц — великий человек! Люди идут к нему за историями. И не залипают. И память рядом с ним живёт дольше. Дай Вселенная ему много осмысленных дней наяву!»

Кит понимал Старого Муха без слов. Что говорить, Принц — великий человек.

Да и сам Старый Мих был свидетельством этой чудотворной силы. Люди его возраста стали залипать первыми. Сначала считали, что зараза косит только

стариков, но теперь залипали и молодые, и даже младенцы. Хотя и реже взрослых. А Старый Мих всё жил и жил, уже много дней, и продолжал помнить весь цикл, а то и больше. Остальных же хватало дня на три от силы. А если в памяти оставалось меньше дня, это был верный признак, что человек в скором времени залипнет.

Кит тоже помнил больше цикла, даже ранние времена, ещё до того, как прибил к театру. Не очень ясно, но всё-таки помнил Город до болезни, фонтаны и людей в кафе вокруг озера, и звёзды в светящейся гирлянде на ёлке, и мягкие руки женщины с ласковыми глазами, и птиц на площади.

А потом залип первый старик. В супермаркете перед полками с консервированными овощами. А за ним ещё двое на лавочке парка. Женщина с ласковыми глазами плакала по ночам и запрещала Киту выходить из дома. Тогда на улицах ещё стреляли, потом перестали.

Однажды она не вернулась, и Кит вышел. Он целый день бродил по городу и недалеко от пункта раздачи еды набрёл на одноэтажный домик с вывеской «Шоу Принца». Буква «а» в конце отвалилась и цеплялась за «ц», как забытая под куполом воздушная гимнастка.

Всего представлений было семь, по числу дней цикла.

Картофельный день — «Круглый беглец».

Морковный день — «Человек-насекомое».

Молочный день — «Девушка и Монстр в башне».

Рыбный день — «Нора Белого Кролика».

Гороховый день — «Девушка и семь карликов».

Яблочный день — «Девушка в красном и Серый Монстр».

Капустный день — «Змея и яблоко».

Мало кто мог удержать в памяти целиком и каждый вечер рассказывать зрителям новые истории. А Принц мог. И делал это много дней, много-много дней подряд. Всё это время в зале ни разу никто не залип. Слух о целебной силе его историй передавался от человека к человеку. Многие зрители ходили в домик «Шоу Принца» каждый вечер, но не помнили, что смотрят одни и те же представления уже который цикл.

В течение дня Кит Принца почти не видел. Тот заперся в комнате с глухо занавешенными окнами и появлялся лишь к началу шоу. Он был уже далеко не молод, худощав, в длинной чёрной чёлке, спадавшей на лоб, блестя седина. Но близко посаженные голубые глаза и глубокий голос обладали невероятно мощным воздействием, как будто заглядывали в самую душу. Люди, уставшие от страха за свою жизнь, выходили от него готовые держаться дальше.

Кит не поручился бы, что Принц знает его в лицо, но готов

был служить ему до конца дней. Старый Мих нагружал мальчишку несложной работой, в основном связанной с беготнёй по городу. С утра Кит ходил за едой и водой на пункты раздачи, после обеда помогал Старому Миху по хозяйству, а вечером ждал спектакля. В обязанности Кита входило также оттаскивать в утилизатор залипших на их улице перед домиком. Он выполнял это без особого сожаления (все рано или поздно залипнут), иногда досадовал, если они мешали ему попасть на шоу.

Вот и сегодня он оттащил двоих и чуть не пропустил начало. Нужно какое-нибудь сооружение на колёсах, типа коляски или каталки, чтобы управляться с залипшими стало проще. Не забыть бы обсудить это со Старым Михом.

А представление между тем было в самом разгаре.

— И Монстр раскрыл зловонную пасть и проглотил Девушку в красном! — загремел голос Принца.

— Ах! — выдохнул зал.

— В это время... — начал Принц.

«Шёл мимо домика Весёлый Дровосек», — продолжил про себя Кит, но на сцене вдруг воцарилось молчание.

Принц стоял с открытым ртом и тяжело дышал. Глаза его растерянно бегали по залу.

— Шёл мимо домика Весёлый Дровосек! — раздалось с двух сторон голоса Старого Миха и Кита.

— Да, шёл мимо домика Весёлый Дровосек! — подхватил

Принц. — Услышал шум, ворвался в домик и разрубил Серого Монстра! Напополам!

Он рубанул воздух рукой.

Зал охнул!

— И вышли из брюха Серого Монстра Девушка в красном и её бабушка, живые и невредимые.

Обычно Старый Мих оставлял поднос с едой пред дверью Принца, но в этот вечер решил и понёс яблочное суфле собственноручно. Дверь была приоткрыта, и Кит, который незаметно для себя оказался рядом с ней в коридоре, услышал весь разговор от начала до конца.

Принц сидел у гримёрного столика. Лбом он упёрся в руки, длинная чёлка касалась столешницы.

— Ты видел? — глухо спросил он, не оборачиваясь.

— Видел, — Старый Мих поставил поднос у зеркала и встал за спиной Принца.

— Я забыл текст на сцене.

— Тебе надо отдохнуть. Сколько дней работаешь без перерыва.

— Много.

— Пора остановиться.

— Если я остановлюсь, то уже не смогу вернуться. Меня и сейчас хватает только на одну историю. На одну. Короткую историю. На жалкие полчаса. Знаешь, что я делаю целыми днями? Учю текст. Я забываю, Мих.

Принц отнял руки от головы. Взгляд его упал на поднос:

— Что это?

— Суфле из яблок. Яблочный день.

— Суфле из яблок. Красиво звучит. Суфле из яблок! Все так боялись голода. М-м-м. Вкусно.

— Доставка работает отлично.

— Да, отлично. Спасибо, что помог сегодня.

Кит отошёл от двери, пропускающая Старого Муха.

— Принц не остановится? — спросил он немного погодя. Они сидели во внутреннем дворике у костра. Старый Мих смотрел на огонь, а Кит всё поглядывал на занавешенные окна Принца, почти не различимые в темноте.

— Не остановится до последних дней, — в голосе Старого Муха звучала гордость пополам с тревогой. — Принц!

Дни покатились дальше, не быстрые и не медленные. Кит ходил к доставке и ждал вечерних представлений. На всякий случай был наготове, чтобы подсказать Принцу текст. Принц за это время запинался пару раз, но справлялся сам.

В Молочный день ближе к вечеру залип Старый Мих. Кит проветривал зрительный зал и ровнял ряды. Старый Мих подметал улицу перед домиком. Через открытые двери доносились шаркающие звуки и скрип его метлы. Кит закончил расставлять стулья, когда вдруг понял, что наступила тишина. Старый Мих так и залип, стоя с метлой в руках. Глаза его, как у всех залипших, уже

подёргивались голубой плёнкой. Это было неожиданно. Кит знал, что залипнут все, но Старый Мих в последние дни вызывал у него гораздо меньше беспокойства, чем Принц.

Залипших после многочисленных исследований принято было считать мёртвыми. Хотя на мёртвых они походили мало. Тело залипшего на ощупь превращалось как будто в плотную резину. Оно не разлагалось, но и ожидать, что залипший выйдет из этого состояния, не было никаких оснований. Перед закрытием в городе поставили утилизаторы, куда можно было скидывать тела. Впрочем, никто уже особо не следил, все ли залипшие утилизированы.

Кит провозился со Старым Михом дольше, чем рассчитывал. Тело было большое, дородное, его сапоги с набойками чиркали по асфальту и цеплялись за бордюры. Когда Старый Мих вместе с метлой провалился, наконец, в люк утилизатора, Кит присел рядом и несколько минут переводил дух.

Сегодня Принц показывал «Девушку и Монстра в башне». Зал был набит битком: все четыре ряда и два дополнительные табуретки заняты. И Кит, поскольку всё-таки опоздал к началу, прокрался на своё привычное место и встал за шторкой сбоку от сцены.

— Отец девушки обернулся и увидел перед собой... Монстра! — произнёс Принц. Зрители вскрикнули как один человек.

Принц обвёл зал задумчивым взглядом.

— Я отпущу тебя... — зашептал ему Кит следующую фразу.

Актёр молчал. Молчал и зал, не смея пошевелиться.

— Я отпущу тебя... — сказал Кит громче.

Никакой реакции не последовало.

— Я отпущу тебя! — закричал Кит, выглядывая из-за шторы.

— Эй, парень! — раздался из зала молодой здоровый голос. — Если ты знаешь, в чём там дело, расскажи всем.

— Давай-давай, народ ждёт, — поддержали остальные.

Кит вышел на сцену, неловко поглядывая на замершего Принца.

— Я отпущу тебя, сказал ему Монстр, если ты пришлешь ко мне вместо себя первого, кто встретит тебя дома. Хорошо, сказал отец девушки, пусть так и будет.

Кит рассказал историю «Девушка и Монстр в башне» до конца. Всё это время Принц стоял на сцене, и Кит ужасно переживал, что он залип. Но когда зрители стали расходиться, Принц развернулся и медленно ушёл в свою комнату. Кит выдохнул.

Ближе к ночи он принёс Принцу стакан молока и кукурузные хлебцы. Тот сидел в кресле с закрытыми глазами, как будто спал. Кит тихо опустил поднос на гримёрный столик.

— Как тебя зовут? — раздался голос Принца.

— Кит.

— Кит? Это что-то связанное с океаном?

Кит пожал плечами.

— Кит. А где Мих?

— Залип. Сегодня днём, — Киту показалось важным добавить подробностей. — Я отнёс его в утилизатор.

Принц кивнул, но спросил не про Миха:

— Ты помнишь историю наизусть?

— Какую? «Девушку и Монстра в башне»? Помню.

— А другие слышал?

— Да. Все. Весь цикл.

— Какая история должна быть завтра?

— Завтра Рыбный день — значит, «Нора Белого Кролика».

— Как она начинается?

— «Алисе наскучило сидеть без дела...»

— Да, верно, ты помнишь. — Принц надолго замолчал. Кит уже было собрался улигнуть, но тут услышал невероятное:

— Завтра ты пойдёшь на сцену вместо меня.

— Нет! Смеёшься, что ли? Люди придут смотреть на Принца, а выйду я? Да кто меня будет слушать?

— Сегодня тебя слушали. А завтра многие из них уже не вспомнят, как я выгляжу на самом деле. В сущности, все мы не то, чем кажемся. И я, и ты. А возможно, и сама болезнь.

— Я не смогу. Я не актёр.

— И я не актёр. Ненастоящий актёр. Я всегда любил театр. Тогда, ещё до болезни, я так его любил, — Принц оживился, голос его стал глубоким и вязким, как шоколадная паста. — Я бредил театром. Я мечтал о сцене. Режиссёр сказал «нет», но я продолжал любить театр. Я хотел служить только ему. И устроился рабочим сцены. Знал наизусть все спектакли, мог подсказать любую реплику. Я, — Принц усмехнулся, — я благословил болезнь, потому что меня попросили заменять залипших актёров. Меня! Да никто и не верил, что это надолго. А потом я остался один. А-а-а! Слышишь? Так звучит эхо в пустом зале. Я хотел бы залипнуть там, на сцене, читая монолог... монолог...

Принц нахмурился и затих. Кит старался не шевелиться и дышать бесшумно. Эту историю он слышал в первый раз.

— Я ушёл из мёртвого здания, и моя любовь ушла вместе со мной, — снова заговорил Принц. — А потом, когда все устали бояться и на улицы вернулась жизнь, я сделал то, на что раньше никогда не решился бы. Да, я сделал свой театр. Как странно и страшно! Болезнь появилась, чтобы отнять жизнь, но подарила мне счастье. Я научился смотреть в глаза зрителям, каждому человеку, что приходит сюда. Я научился быть им необходимым. Знал бы мой режиссёр, каких немислимых

трагедийных высот я достиг. Вот только память, проклятая память!

Он неожиданно вскочил с кресла и навис над Китом:

— Я отдам тебе всё, что у меня есть.

Принц кинулся в угол комнаты к тумбочке, торопливо раскрыл её и вытащил ворох тонких цветных книжечек.

— Смотри, смотри, вот здесь все мои истории, — торопливо зашептал он, протягивая их мальчику. — Они помогут тебе помнить.

Это были потрёпанные комиксы по сказкам «Белоснежка и семь гномов», «Красавица и Чудовище», «Красная Шапочка», а также «Библия для малышей в

картинках», сокращённый вариант «Алисы в Стране Чудес» без четырёх последних страниц, сказка «Колобок» и краткий пересказ «Превращения» Кафки, написанный от руки.

Кит когда-то умел читать, но на свою память надеялся больше.

— Пусть пока у тебя будут, — сказал он.

Принц с облегчением прижал книжки к себе.

Они помолчали.

— Завтра ты пойдёшь на сцену вместо меня, — снова сказал Принц. — И мы будем держаться дальше. До последних дней!

— До последних дней! — повторил за ним Кит.

Виталий МОЛЧАНОВ

НОВОСВЕТЛОВКА*

Светлане Мячиной

Аεòάεεé Ι εòðí òáí Γάε-
Í Γε-áí Γά ðí áεεñŷ á 1967 áí äò
á Άάεó. Í εí Γí-εε Ι Γñεí áñεóρ
áεάάáí ερ Γάóòε è áαçà.
Νεóæεε á äðí εε. Í á-àòáεñŷ
á «Έεòάðáòòðí Γε áαçáòá»,
á æóðΓ áεάó «Άάòε Ðá», «Άáí ŷ
è Γ Γ-ü», áεüí áí äòáò «Έ, á è
í εάí áí ü», «Í äðí áí çü», «Άí ñòε-
í üε Άáí ð», «Άάóí ŷ», «xàøà
εðóáΓ ááŷ», á «Άí òí εí áεε
ðòññéí é í ŷçεε XXI ááεá» è äð.
Έáóðááò ðááεí Γ áεüí Γε èεòάðá-
òòðí Γε í ðáí εε èí . Í . Έ. Ðŷ-
éí áá (2014, 2020), í ðáí εε èí .
Ν. Õ. Άεñáεí áá (2014), í ðáí εε
«Í ðáí áóðáñεáŷ εεðá» (2014),
Í áæáóí äðí áí Γάí εεòάðáòòðí Γ-
áí εí Γεóðñá èí . Á. Έ. Έóí ðεí á
(2016), Άñáðí ññεéñéí é í ðáí εε
èí . Á. Í . Í áí εí á-Νεáέðŷεá
(2016), Άí εí øéí ñεí é í ðáí εε
(2016), í Γ ááεòάεü εí Γ εóðñá
εñòí ðε-áñεí é í ŷçεε «Νέí ááí -
ñéí á í Γέá» (2018). Í ðáññááòάεü
Í ðáí áóðáñεí áí ðááεí Γ áεüí Γάí
í òááεáí εŷ Νí ρçá ðí ññεéñεεó
í εñáòάεáé, áεðáεçí ð í ðáí áóðá-
ñεí áí Γάεáñòí Γάí Άíí à èεòάðá-
òí ðí á èí . Ν. Õ. Άεñáεí áá.

Пьют облака рассветы, красят
бледные дали.
Только бы тучи где-то в небе
не заплутали,
Вылили б дождь холодный
и остудили раны
Скорбной земли бесплодной,
ужас познавшей бранный.

Танками пропахали без
сожаленья нивы,
Зёрен бы вместо стали —
стал бы весь край счастливым.
Взорванного асфальта режут
по сердцу грани.
Голубь, исполнив сальто,
сгинул в густом тумане.

* 13 августа 2014 года украинские каратели вошли в посёлок Новосветловка Луганской области. Немало ополченцев попало в плен, некоторые из них были расстреляны, местные жители подверглись террору со стороны карательного батальона «Айдар»

Рядом слепые хаты, дыры
и гарь на стенах.
В этом посёлке каты с лютой
отравой в венах
Праздник справляли бесу,
смерти подняли веки:
Солью крутой — к порезу,
годных парней — в калеки.

Били, в лицо стреляли, вешали
и топили,
Будто любви не знали, матери
их не растили.
Холод вместо прохлады —
осени злая мета,
Близкой зимы засада:
нет ни тепла, ни света.

Выпьет рассвет обмана —
сгустки тумана в глотке.
Голубю в клетку рано, флаг
ЛНР на высотке,
Выше него бы к солнцу —
вволю в лучах купаться.
Туча в ответ смеётся:
«С тьмой ли тебе тягаться?»

Снова между миром и войной
крыльями в небесный свод
стучится,
Прошлое оставив за спиной,
будущего раненая птица.
Нелюди, забывшие про стыд,
вырвавшие вековые корни,
Каждый клят, нет — проклят...
мят... не мыт... застыт свет
спасительный и горный.
Им плевать на слёзы чад и жён,
не тревожит матерей страданье,
«Гиацинт» злой волей заряжён —
в отчий дом прямое попаданье.

Голубь, распахни свои крыла,
защити, спаси родную землю!
Вновь в церквах разбиты
купола, вновь сердца чужому
горю внемлют.
Между миром и лихой войной...
Беззащитной школой и прицелом.
От обстрела редкий выходной.
И душа, расставшаяся с телом.

Можно прожить вслепую,
Вешать замки на двери
И, ни во что не веря,
Молча считать гроши.
Или в минуту злую
Маленькой стать потерей
В битве больших империй,
Светом сверкнуть души.

— Бог, милосердный Боже,
Правых ведут на плахи...
Крылья певучей птахи
Сломаны дробью влёт.
Родины нет дороже.
Кару приняв металлом,
Преданный идеалам,
Верный, за них умрёт.

Там, в неизвестной выси,
Здесь, в неизвестном грунте —
Телу покой, до сути
Хочет душа дойти.
Живы стихи, в них мысли:
— Смерть моя не напрасна?
Стала ли жизнь прекрасной?
Счастье смогли найти?

Можно прожить, жируя,
Тявкать, что люди — звери,
Хитрым аршином мерить
К выгоде личной дни.

Ты так не мог, впустую.
 Смело шагнул за двери,
 Став роковой потерей —
 Светочем для семьи.

...она молила извергов:
 «Не надо, я маленькая»,
 Худенькую спину стирая
 о жёсткий матрас,
 Спутанные волосы на диванном
 валике,
 Мокрые от пота...
 Крики закрытых глаз.

Её никто не слушал, прижав
 коленями руки,
 Только ножонки дёргались
 птицами в злых силках.
 Первый, второй, двадцатый...
 Нескончаемо длятся муки,
 Она отделилась от тела, забыв
 про стыд и про страх.

Сороковой... Когда внутрь
 проникла монтажная пена,
 Она была ещё жива.
 В свои четырнадцать лет
 Разорванная, окаменевшая.
 В крови обои на стенах —
 В алой крови Богородицы,
 чище которой нет.

И людская и Божья ждёт
 насильников кара,
 Пусть будет она страшнее всех
 существующих кар.
 ...на дверце шкафа — молний
 запараллеленных пара
 И штык-ножом вырезано:
 «Новосветловка» и «Айдар».

Был бы птицей — пел бы песни
 соловьиным языком
 Всё залиvisteй, чудесней,
 вдохновением влеком.
 Пел бы дому, пел бы саду,
 речке быстрой и мосту.
 Но вчера попал в засаду —
 повязали на посту.

Мыслью — в небо, носом —
 в камень новосветловской земли,
 Снайпер острым глазом славен —
 опознали, повели.
 Били так, что еле помню, как
 я встал тогда с колен,
 Кровь утёр с лица ладонью...
 Смерть меня ждала, не плен.

Был бы в силах — спел бы песню
 на орлином языке,
 Духом — ввысь, минуя веси,
 горы, степи вдалеке,
 И пришла б на помощь стая
 славных родичей-орлов,
 Разбежалась б нечисть злая,
 разорившая мой кров.

БТР взревел и дёрнул —
 натянулся чёрный трос,
 Ополченцу прямо к горлу
 он петлей-змеёй прирос,
 Разрывая плоть на части,
 красную впитал струю...
 В небе, жаворонок, властвуй,
 Богу скорбь неси свою.

Пусть душа услышит песню
 вновь на русском языке,
 Прилетели с доброй вестью
 птицы в рай не налегке:
 В трелях их и боль, и отклик,
 клёкот — плачи матерей,
 И замученного подвиг,
 и свобода у дверей!

Àëáí à ÒÀÐÃÃÃÁ ÊÎ

ДЕД

Рассказ

Елена Николаевна Тарасенко родилась в Оренбурге. Окончила Оренбургский государственный педагогический институт, преподавала гуманитарные дисциплины в школе. Учитель высшей категории, кандидат педагогических наук, 18 лет проработала на кафедре философии, культурологии и религиоведения ОГПУ. Публиковалась в альманахах «Башия», «Гостинный Двор», «Паровозъ». Член Союза российских писателей, победитель областного литературного конкурса «Оренбургский край – XXI век» в номинации «Автограф» (2011), лауреат литературной премии имени П.И. Рычкова в номинациях «Поэтическая книга» и «Выбор читателя» (2017). Автор двух педагогических монографий и четырёх поэтических сборников. Живёт в Оренбурге.

– Ваше любимое занятие?
– Отдых!
– Любимый цветок?
– Гвоздика.
– Ваше жизненное кредо?
– Да здравствует хорошая пенсия!

Ёлки-палки, это уже восемнадцатый вопрос. Какое у меня, однако, ангельское терпение. Впрочем, чего только не сделаешь для родимой внучки.

– Любимое имя?

– Разумеется, Алла. А как ещё я могу ответить в присутствии дражайшей супруги?

– Любимое блюдо?

Ура, наконец-то я дождался приятного во всех отношениях вопроса. Отвечаю со страстью и воодушевлением:

– Пельмени!

Внучка закрыла тетрадь.

– Спасибо, дед. Извини, что время отняла.

– Да ничего, пташечка моя облезлая. Ты не первый раз это делаешь.

— Рада стараться, дирижабль мой нелетающий!

Я смотрю на сидящее передо мной ехидное существо двадцати двух лет от роду. Невозмутимая улыбка, бешено сверкающие очки, прямая спина вечной отличницы. В институте ей выдали достаточно дурацкую анкету и велели опросить как можно больше народу. Я ответил, на очереди бабушка, мама и соседи. Но, откровенно говоря, я счастлив, что сегодня не двадцать третье февраля и не девятое мая. Иначе мне пришлось бы вновь пересказывать эпизоды своей военной биографии, чтобы внучка могла сдать очередное сочинение.

— Скажи, сколько раз ты писала о моих приключениях на войне?

— Четыре. В первом классе, третьем, седьмом и десятом.

— Ты помнишь текст?

— Смеёшься, что ли? Нет, конечно.

— Да не наизусть, а хоть приблизительно — о чём там говорилось?

— Не помню.

Вот и всё. «Никто не забывает, и ничто не забыто». А она не помнит. Студентка, умница, языковед, ну её к козе. Я тогда тоже был студентом.

— Больше не проси меня рассказывать о войне.

Внучка включает телевизор и выходит из комнаты. Мне хочется крикнуть, что фронтовики нынче воспринимают в качестве

справочников, в которые заглядывают лишь два раза в год. Но эта фраза слишком трудна для меня, и громко произнести её не хватает дыхания. Что ж, скажу тихо, сам себе.

Когда началась война, я был второкурсником педагогического института в городе Якутске и строго соблюдал любопытный распорядок дня. А именно: с утра на занятиях, с 14-00 до 18-00 на строевой подготовке, стрельбах и лыжных маршах, в том числе и в пятидесятиградусный мороз. А в два часа ночи — вызов в горвоенкомат для разноски мобилизационных повесток по квартирам. В свободные вечера все ребята ехали на пристань разгружать баржи, вмёрзшие в лёд. Отец работал в колхозе и получал за трудодень двести граммов хлеба и двадцать копеек денег, которые шли на уплату различных налогов. Я был должен сам зарабатывать на жизнь, спал по четыре часа в сутки, остальное время вёл борьбу за существование.

В то время мне шёл восемнадцатый год. Я был секретарём комсомольской организации института, внештатным заведующим студенческого клуба и учился на отлично, за что получал Калининскую стипендию (в переводе на современные деньги — пятнадцать рублей в месяц). Студенту полагался паёк — триста граммов сырого чёрного хлеба с отрубями плюс тарелка супа с картофельной шелухой. Мы не унывали:

был «приварок» — заработки по чистке туалетов, работа на пристани, рыбалка, охота на сусликов. Тяжелее было положение у слабой половины человечества, ведь наши девчонки не имели возможности таскать на себе из трюма шестипудовые мешки с углём.

Вот пришла моя очередь: вызвали в военкомат, после чего я тридцать дней добирался до Читы. Восемь месяцев учёбы, звездочки на погонах, эмблемы танкиста — и младшие лейтенанты разъехались по частям на трёхмесячную стажировку. Я проходил её на станции Домна Иркутской области, в авиадивизии, однако в своих ботинках с обмотками и в солдатской замусоленной гимнастёрке никоим образом не походил на молодцеватого лётчика. После стажировки я получил назначение в 583-й стрелковый полк помощником начальника штаба в Борзинском укрепрайоне, что на границе с Манчжурией. В то время японцы держали на рубеже полутораmillionную армию, готовую по первому приказу наброситься на Дальний Восток. Нашу страну обороняла со стороны Забайкалья одна лишь 17-я стрелковая армия, и большинство границ прикрывалось слабо.

Чтобы произвести внушительное впечатление на японскую разведку, применялись своеобразная имитация и тщательная её охрана. Вырывались артиллерийские и танковые окопы, в них ставились фанерные танки и деревянные

пушки. Мы создавали шумовую иллюзию работы авиационных и танковых моторов, то есть специально брали отслужившие своё и списанные моторы, устанавливали их на санки или в повозки и ночью возили вдоль границы. Днём подтягивались стрелковые, артиллерийские и танковые части, которые начинали на виду у японцев строить оборонительные сооружения. Чтобы враги могли верить в реально существующего противника, наши части совершали постоянные переходы, учения, инженерные и земляные работы, воздушные полёты. Ночью же все бесшумно уходило обратно, подальше. Утром тот же самый батальон с шумовыми эффектами подтягивался к границе в другом месте. Мы даже проводили обманные радиопереговоры по простейшим таблицам, чтобы японцы могли расшифровать беседы, но не сумели догадаться, что им подсовывают «жареного барана» (так в военном фольклоре называлась фальшивка).

В таких условиях я пробыл в полку полгода, а потом меня перевели в 41-ю запасную стрелковую бригаду, в шифровальное отделение, где пришлось работать по 16-18 часов в сутки. Это был уже настоящий труд, а не имитация. Термин «скрытое управление войсками», применявшийся к нашему делу, внушал мне особую гордость. В эфире звучал язык цифр, но мы из этих цифр делали слова и создавали документы.

Вскоре я был командирован в штаб Первого Прибалтийского фронта к маршалу Баграмяну и, добираясь до города Полоцка на автомашинах, получил боевое крещение. В белорусских лесах минами было напичкано всё придорожное пространство. Передовые части расчищали дорогу, но по её краям не успевали проводить разминирование. Когда наша машина была вынуждена съехать на обочину, раздался взрыв, и я очутился на земле в клубах пыли, получив лёгкую контузию. Спасли меня, как ни удивительно, мешки с мукой, отгородившие седоков от шофёра. Водитель погиб, а от машины осталась куча металла.

Однажды наша дивизия после захвата немцами города Биржая оказалась в тылу врага, за сорок километров от линии фронта. Девятнадцать дней мы держали круговую оборону в лесу. Половина личного состава была ранена, и поэтому в окопах находились все, вплоть до начальника штаба. Перед выходом из окружения тяжело ранило начальника шифровального отделения капитана Ляпунова и его старшего помощника лейтенанта Цветова. Мне было дано приказание лететь на кукурузнике ночью и на парашюте спуститься в расположение дивизии.

Парашот я никогда в жизни не видел, как пользоваться им — не знал, а тренироваться было некогда. Меня привезли к аэродрому, подвесили к парашюту, и мы полетели. Передний край удалось

проскочить без происшествий, и через несколько минут лётчик произнёс удивительную команду, которая очень хорошо мне соответствовала. Он воскликнул: «Вываливайся!»

Я вывалился как мешок, услышал над собой хлопающий звук, и меня подбросило. Откуда-то снизу внезапно надвинулась громада леса, я получил удар по ногам и завис в полуметре от земли, спиной к дереву. Всё стихло, лишь вдалеке стрекотал мотор самолёта. В небесах, столь же уныло, как и я, висела осветительная ракета. Я не помню, сколько времени прошло: пять минут или тридцать; но когда раздалось бормотание, сопение и брань, я понял, что пришли наши.

— Где-то здесь он должен шлёпнуться...

Ругань и приглушённые смешки. Я узнал московский говор сержанта Мартыана Русова из разведроты.

— Ребята, я здесь! — завопил я. — Снимите меня с ёлки!

Они быстро подошли ко мне, обрезали стропы парашюта, и я двинулся за своими проводниками. Вот таким оказался мой первый подвиг. Героически я выглядел в нём? Не думаю.

В июне 1944-го года я очутился в Москве с важным военным донесением. Я вновь пытался совершить подвиг, но вместо этого прямо с Ярославского вокзала попал на городскую гауптвахту. За что такая немилость? Да угрозило меня прямо на вокзале

расспрашивать людей из толпы, как пройти в Восьмое управление Генштаба СССР.

На войне меня преследовало чувство весёлого ужаса. Особенно остро я ощутил его, когда увидел воочию самое грозное советское оружие — гвардейские миномёты «Катюша» и «Ванюша». Недаром бытовал на фронте солдатский вариант песни о Катюше, написанный от имени перепуганного немца: «Уходи ты с берега, Катюша, не стреляй по берегу кругом». Недаром кричали фашисты: «Капут, Иван воротами бросается». Это означало, что массивная батарея «Ванюш», действительно похожая на громадные ворота, взлетала вместе с установочной рамой и рвалась в тылу противника.

В июне 1944-го года, находясь в белорусском городе с простодушным названием Городок, я видел, как население возвращалось из лесов к своим очагам. На развалинах копошились люди: разбирали уцелевший кирпич, складывали его в тачки и увозили на строительство жилья. Рядом заделывалась стена, разбитая снарядом. Напротив когда-то был небольшой дом, от которого осталась одна русская печка с полуразрушенной трубой. На кирпичах у печи сидела женщина с узелком. Ветер кружил золу и пыль, но она не обращала на это внимания. Деда этой женщины на глазах у всей семьи повесили немцы, мужа ожидала та же участь, двух маленьких дочек закололи штыками, а её саму, пытавшуюся

спасти детей, ударили прикладом по голове. Односельчане подобрали еле живую соседку и вывели её.

А на городской площади уже всё готово для народного суда. Поставлены девять виселиц, сооружены импровизированная трибуна и столы для судей, установлена берёзовая загородка для подсудимых — полицаяв и предателей. Около неё толпятся их родственники: жёны, сёстры, дети, родители. И хотя женщины рыдали, а старики грязными платками смахивали слёзы, народ на них глядел отчуждённо. Доносились крики: «Что ревёте над своими зверёньюшками? Вместе с ними и вас, сволочей, вешать надо». Вездесущие мальчишки подбегали поближе и кривлялись: «Рыжий-конопатый! Криворукий дубина! Эй, тётка Марья! Вот он сидит, убийца твоей семьи». Приговор выносился немедленно; подсудимого подводили к виселице, надевали на голову петлю и выбивали скамейку из-под ног. Весь народ на площади скандировал: «Смерть! Смерть!»; после такого зрелища я два дня не мог нормально разговаривать — заикался.

Капитуляцию курляндской группировки немцев я тоже наблюдал собственными глазами. Представьте себе: по шоссе медленно движется колонна танков. На танках сидит десант автоматчиков. Вооружённые немцы выстраиваются в колонны, командир подразделения или части подходит к бронетранспортёру

нашего генерала и на немецком языке докладывает, что, подчиняясь приказу и видя бесполезность сопротивления, складывает оружие и отдаёт себя на милость победителя. И в конце речи каждый с горечью выкрикивает фразу, которую сегодня почему-то считают анекдотической: «Гитлер капут!»

Оружие складывалось в автомашины, а каждую колонну пленных немцев конвоировал на восток взвод автоматчиков. К заходу солнца не было ни одного нашего солдата, который бы шёл пешком. Я как сейчас вижу: медленно и величаво, словно готовясь к Параду

Победы, катятся автомобили, повозки, велосипеды, мотоциклы. Едут даже старые баронские кареты, неизвестно где разысканные. В какой это пьесе я слышал такую фразу: «Кареты... Кареты с гербами!»? Бубнит телевизор, транслируя хоккейный матч. По-моему, я сплю...

* * *

Мой дед, ветеран и инвалид Великой Отечественной войны Василий Александрович Рудых умер в 1995 году. Простите мне эту неловкую попытку говорить от его имени.

Ἐραῖ αὖ ΝΟῶΔἘἌΑΑ

«ЛЮБОВЬ – ЭТО ПРОСТО СВЕТ»

*Любовь Викторовна
Сухарева родилась в Орен-
бурге. Окончила Оренбург-
ский областной колледж
культуры и искусства
(красный диплом). Печа-
талась в альманахе «Го-
стинный Двор», в сборнике
«Истории вдохновений».
С 2015 г. – резидент по-
этического сообщества
«Другая среда». Признана
лучшим молодым поэтом
на Межрегиональном
семинаре-совещании «Мы
выросли в России» (2017).
Живёт в Оренбурге.*

УЕЗЖАТЬ

Очень нужно уезжать
Очень очень
От вот этого всего
Между строчек
От болезненно-сквозных
Многоточий
Очень нужно уезжать
Очень очень
Промывать себя дорожным
Пейзажем
Доставать себя
Трясти
Будоражить
Увозить от остановок
И станций
Нужно просто уезжать
Не прощаться

Проглотив очередную страницу
Загореть
Похорошеть
Обнулиться

ТАНЦЫ

«Русская тоска обрывается
в пляске» ©

Самое время про пустоту –
Третий бокал долой:
«Порвали мечту, убили мечту»,
«Пей, моя девочка» –
Пой.
Боль у тебя, как вчерашний
пожар, –

Сажа да чернота.
Всадит острее любого ножа,
Шастает по пятам.
Смотрит, когда же уже,
Ну когда?
Жертва падёт к ногам.
Кровь запекается на ноже,
И мироточит храм.
Жертва хохочет, несётся в пляс,
Лица мелькают в такт.
Сколько же, сколько убитых нас
В танце сгорают так?

Ты не смотри ей в глаза, отведи –
Лучше танцуй один.

ПЯТЬ ЛЕТ

Пять лет как мертва
Пять лет без нутра
Ты знаешь, какие тут воют ветра
И гнутся деревья и крыши летят
И куришь беззвёздное небо
взатыг
И демоны штурмом берут
изнутри
Их зубы острее разбитых витрин
Смыкаются пасти в районе
ключиц
Пять лет не считая ни пальцев
ни лиц

Субстанция боли без дна и границ
Стекает из выжженных страхом
глазниц

Ты самый прекрасный
из мерзких убийц
Ты самый навязчивый жуткий
флешбэк
Мой самый позорный никчёмный
забег
Пять лет возвращаться к убитой
себе
Рассыпаться целым на горстку
дробей

Мы полые люди без яви и сна
Наживки для тех, кого манит
блесна

Пять лет я барахтаюсь в этом
котле
Как будто пять жизней
А только
Пять лет

СИЛЬНАЯ

Сильная
Такая сильная
Что давно не чувствует
В сжатых кулаках
Боли от ногтей
Боли
От
Плетей
Крови по локтям
Сильная упрямая
Подбородком к самому
Хлещет горлом истина
Поражает выстрелом
Ни тоски ни жалости
Боль пружинной сжалась в ней

Рубит рубит падает
И какого надо ей?

Кто с такою выстоит?

Поражает выстрелом
Ни тоски ни жалости
Что так страшно жжалось в ней?
Рубит рубит прошлое
Сильная
Хорошая

БЕГЛЕЦ

Не бывает своих и чужих городов
Под небесной застиранной
простынёй.

Ты опять засыпаешь без ног
и без снов,
Укрываясь бессильем своим,
как бронёй.

Загоняя до пены и до хрипоты
Своих вольных, когда-то
ретивых коней,
Ты всё дальше от яркой заветной
звезды,
В глупом страхе ослепнуть
под ней.

Тебе больно смотреть,
тебе страшно прозреть,
Засыпает душа, помертвевши
на треть.
Как тебя разбудить, мой усталый
беглец?

Как тебе объяснить, что ты жив,
Наконец?

Ты ведь даже не знаешь, где сон,
а где быть.
У тебя на устах первобытная
пыль.

Тебя скоро уьёт твой неистовый
бег,
Твой ребёнок стал сед,
как декабрьский снег.

Эту жизнь ты вернёшь,
как ненужный билет.
И, пошарив в карманах,
почувствуешь боль —
Это острые звёзды среди звона
монет —
Ты повсюду носил их с собой
И ни разу не смел сжать ладонь
и извлечь
То, что жгло и кололо острее,
чем меч.

Замерев среди касс и под
грохот колёс,
Задохнёшься от воя
и собственных слёз.

ПУНКТИРЫ

Я точно знаю запах не/объятий
Зажатых как экспандер в горле
слов

Мы говорили, а в висках
стучало — хватит
Пунктиры пауз —

лезвия сквозь шов
Мы говорили о плохой погоде
Как резко наступили холода
А между фраз банальное —
уходит

А между рёбер глухо — навсегда

Я точно знаю запах не/объятий —
Невыносимый запах пустоты
«Ты сильная» — страшнее всех
проклятий —
Стальная точка в ряби запятых

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Время перевернуто. На часах
Стрелки встали кошками на дыбы
Солнце раскалённое в волосах
Облака ошметками из трубы
Мы стоим открытые как гробы
Нас сюда поставили для толпы
Целовать бумажно/сухие лбы
Причитать и пить нам вдогонку

яд
Аккуратно ровненько точно
в ряд

Говорят что это и есть тот ад
Где снаружи холод – внутри
горят

Много тысяч жизней вот так
подряд

То ли это кладбище, то ли сад
Пахнет древесиной и чабрецом
Залиты по самую грудь свинцом
Рядом шоколадки, фужер
с винцом

Это сложно даже назвать концом

Потому что крышки стоят и ждут
Бесконечность этих земных минут

ХОРОШО

Если я не пишу
Значит всё хорошо
Если я не пишу
Значит больше не жжёт
Пригласи себя в бар
Закажи себе шот
И прими себя в дар
От меня. Хорошо?

Если я не пишу значит нечего
ждать мне тебя как багаж
посчастливилось

сдать и подняться на борт где
ручная лишь кладь это видимо
спорт

Находит
И терять
Значит всё хорошо если я не
в сети если я не онлайн значит
где-то в пути

Хорошо не до гроба
и не до седин

Хорошо что одна
Хорошо что один

СВЕТ

В этом мире выжженных до черта
Каждому свой залп и своя черта
Погоди, присядь, если ты устал
Досчитай до ста
На ладонях линий не перечеть
Вот одна про счастье

А вот про месть
Про надежду, веру
Про ложь, про лесть
Что тебе прочесть?
Про любовь?

Любовь это просто свет
Либо он в тебе, либо его нет
Ни закон не действует
Ни запрет
На ладони линии
Такой нет

Это вокруг рёбер закручен жгут
Световым диодом тугих минут
Озарений, вспышек,
Сладчайших пут

...
Что ты ухмыляешься,
словно плут?
Ну, иди – зовут!

КАРТЕЧЬ

Я-то думала нас двое
 В череде не/встреч и встреч
 Я пустая
 Ты — пустое
 Слов досадная картечь
 Передёргиванье плеч

Разреши себя сберечь

Лжи хрустальные осколки
 Жалят вспухшие виски
 Мы болезненно жестоки
 Мы бессмысленно близки

ОТРИЦАТЬ

Буду тебя отрицать
 Сразу
 И до конца
 С первой улыбки вскользь
 С первым люблю насквозь
 С пальцами в волосах
 Спутанных у лица —
 Всё буду отрицать
 Как заведённый шут

Если я соглашусь
 Тотчас и пропаду
 Всякую ерунду
 Я на себя возьму
 Ты же — тугой хомут
 Сердце небрежно сжав
 Пошло пропел my love

Вот тебе мой свежак

Помнишь, у Цоя *в кулак*?
 Вот так
 ...
 Эта ладонь тяжелей свинца
 Буду
 Тебя
 Отрицать

ЧТО?

Слишком цельная,
 чтобы дробиться,
 Половиниться, собираться

в пазл.
 Расскажи мне, кто твой убийца,
 Крик, спазм?
 Расскажи, как холодно

в этом пекле,
 Если нутро — решето.
 Звёзды к утру непременно
 блекнут.

Что остаётся?
 Что?

...
 Нет никакой константы
 Факты сменяют факты
 Даты сменяют даты
 Ёлки
 Салют
 Салаты

Время
 Аллё
 Куда ты?

Вячеслав МОИСЕЕВ

Георгий ГОРЛОВ

КАСАЕТСЯ НЕБА

Драма-притча в трёх действиях

И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх её касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней.

И вот, Господь стоит на ней и говорит...

(Бытие. 28:12-13)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иванов

Лера, она же **Жена Иванова**

Рыжий

Хозяин

Пианист

Скрипач

Депутат

Бывший интеллигентный человек

Гиви Арсенович

Профессор

Учёный

Лара

Женский голос за дверью

Голос в трубке

Танцующие пары

Люди на полотах

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

ПЕРВАЯ КАРТИНА

Квартира Иванова. Иванов лежит на кровати. С трудом встаёт, идёт, шаркая, по квартире, подходит к холодильнику, открывает, заглядывает внутрь. Вздыхает, закрывает дверцу.

Иванов. Ну хоть бы что-нибудь!

Идёт в ванную, умывается. Возвращается. Звонок в дверь.

Иванов. Боже, как давно я не слышал этого звука! Кто бы это мог быть?

Идёт к двери, долго возится с замками. Открывает дверь. В квартиру входит высокий, широкоплечий рыжий детина, лучезарно улыбаясь.

Рыжий. Приве-е-ет!

Иванов. Вы, собственно, к кому?

Рыжий. К тебе, родимый! Разве не ты тут живёшь? Ну-ка давай соображай! Ну?

Иванов. Я. Живу.

Рыжий. Ай, вот и молодец! Значит, я к тебе!

Иванов. А в чём, собственно?..

Рыжий. Хорошая у тебя квартирка, дорогая. Но запущенная. Чё так с недвижимостью-то обращаемся, а? Деньжат нету? Понимаю. Так мы поможем. Если ты нам пособишь.

Иванов. Простите... Как посо...?

Рыжий. *(Обрывает Иванова на полуслове.)* Да всё просто: дружба, братан. Понимаешь: дружба! Святее ж нет уз... этих самых... Ну ты помнишь со школы, да?

Иванов. Да в чём, собственно, дело?!

Рыжий. Да, братан, дело. Дело конкретное. Надо помочь одному

очень хорошему человеку. Очень хорошему. Въезжаешь?

Иванов. Пока нет.

Рыжий. Короче, есть у меня друг. Я за него чё хошь — хошь на перо, хошь на ствол.

Иванов. Всё так серьёзно?

Рыжий. *(Жизнерадостно треплет Иванова по голове.)* Да ладно ты, огурец, не бойсь, всё пучком. Покамест. Просто надо моему другу устроить маленький такой сабантуйчик. Поляна, тёлки, все дела. Ну врубись: его баба с детками умотала в Турчляндио, и чё теперь — мужику простаивать, что ли? Не, ты не думай — он семьянин такой, что прям это!.. И детей своих любит. И ваще. Но при жене не распрямается. Ну эт беспонтово по его понятиям.

Иванов. Ну а я при чём?

Рыжий. Не въезжаешь конкретно?

Иванов. Не понимаю.

Рыжий. Тёща.

Иванов. Что?

Рыжий. Всё! Прикинь: накрыл мой дружок полянку у себя в хате, подруг по работе пригласил. А тут в дверь — дrrрынь! Тёща!

Иванов. Начинаю догадываться.

Рыжий. Вот! Умняк! Не зря мой друган говорил, что ты хороший человек. Короче, мы у тебя корни пустим. Временно. Да не переживай ты так, мы люди хорошие, можно даже сказать, интеллигентные. Посуду не побьём, мебель не поломаем. А если поломаем, то возместим. А-га-га! Шутка!

Иванов. Как же так?.. Я не готов...

Рыжий. Как говорит мой друг, счастье всегда внезапно. А-га-га! Ты, кстати, как насчёт выпить?

Иванов. Могу. Немного.

Рыжий. Это как: сколько ни пей, всё немного? А-га-га! Шутка обратно, не парься. Хорошо, хоть что-то пьёшь. Не люблю непьющих: все или падлы, или шпионы... (*Оглядывает обстановку.*) Голяк у тебя тут, конечно, конкретный, но ладно, мы всё принесём. Иди на диванчике посиди, не мешай людям работать.

Иванов. Каким... людям?

Рыжий. Ща уви-идишь.

Звонят в дверь.

Рыжий. Опаньки — людишки-то уже пришли!

Рыжий идёт открывать дверь. Входят две девушки средних лет, навьюченные пакетами.

О зашибись! Лера, Лара, привет, заходите! Не-не, в холодильник ничё не надо, сразу по тарелкам и на стол. Тарелки принесли одно-разовые? Прально! Давай, режь и мечи.

Иванов. (*С трудом сдерживается, чтобы не наброситься на еду.*) А... (*делает заметное глобальное движение.*) Может, я помогу?.. Всё же?

Рыжий. (*Пристально смотрит на Иванова.*) А помоги. На-ка вот тебе хлеба с колбасой — и пожуй.

Рыжий и девушки накрывают на стол. Иванов сидит на диване и, отвернувшись от остальных, жадно ест. К нему подходит Лера, садится рядом, кладёт руку на плечо.

Иванов. (*Вздрагивает от прикосновения женщины.*) Что?

Лера. Вы один живёте?

Иванов. Да вот...

Лера. Бедненький. (*Берёт его за руку.*) А жена?

Иванов. Жена ушла.

Лера. Неужели? Как она могла бросить такого хорошего мужчину?

Иванов. Так получилось. Я, в общем-то, и сам виноват...

Лера. *(Вытягивает из-под юбки бесконечные ноги в чёрных колготках. Осуждающе.)* Как это жестоко! Я вижу, как вы страдаете. Давайте выпьем. Немного.

Лера встаёт, идёт к столу, приносит две рюмки и два бутерброда. Иванов принимает угощение.

Иванов. *(Робко.)* За знакомство?

Лера. Нет, давайте за вас и за избавление от страданий.

Иванов. «Она его за муки полюбила...»

Лера. *(Вытив.)* Извиняюсь, кого за что?

Звонок в дверь. Рыжий бросается к двери, кричит.

Рыжий. Барин пришли! Все за стол!

Затемнение. Звон рюмок и бокалов, громкие голоса, женский истерический хохот.

ВТОРАЯ КАРТИНА

Иванов нетвёрдой походкой выходит в коридор, открывает дверь и оказывается на лестничной площадке.

Иванов. Пить! Пи-ить!

Сознание покидает Иванова. Он оседает на ступени. Свет гаснет, через полминуты разгорается вновь.

(Очнувшись.) Где я? Где мой дом?

Иванов с трудом поднимается и звонит в дверь квартиры. Дверь открывается. Зрители не видят того, кто стоит за дверью, слышат только женский голос.

Женский голос. Вам кого?

Иванов. Мне кого? Мне себя. Я тут живу.

Женский голос. Нет, это я тут живу!

Иванов. *(Заглядывая за дверь.)* Ничего не понимаю. Ведь это должна быть моя квартира... А она не моя. А почему вы тут?..

Женский голос. Потому что это моя жилплощадь, я хозяйка квартиры! У меня все документы есть, я её купила на честно заработанные средства! А ты кто такой?! Ходят тут!.. Залил zenки с утра пораньше!

Иванов. Я? Залил? А что, уже утро? Простите... Простите...

С треском захлопывается дверь перед носом Иванова.

Иванов. Боже, я ничего не понимаю. Почему в моей квартире живёт эта сварливая баба? И по какому праву там всё поменяли? И даже запах другой... Да я просто ошибся дверью!

Иванов начинает звонить во все двери подряд. Никто не открывает. Он взбегаёт по лестнице, звонит в квартиры этажом выше, но и там никто не открывает. Он садится наверху, просовывает голову между прутьями лестничного ограждения.

Я вообще-то живой или нет? Всю жизнь прожил здесь и вот — потерялся. Это же моё первое и единственное жилище. Сюда меня принесли из роддома, отсюда и отправят в последний путь... Я так думал. Получил эту квартиру мой дед, физик, академик и лауреат, директор НИИ. Человек чрезвычайно одарённый, целеустремлённый. Властный. Всему в своей жизни был обязан советской власти. Сын бедного крестьянина, рано осиротел, пережил и голод, и холод, и тиф. Если б не чекисты, собиравшие беспризорников по подвалам и помойкам, сгинул бы. А так попал в колонию, где ему дали путёвку в жизнь. В одиннадцать лет впервые попал в школу и на всю жизнь влюбился в науку. Читать и писать ещё толком не умел, а задачки уже решал, словно орешки колот. Студентом был замечен самим

Петром Леонидовичем Капицей и начал работать в его лаборатории. Вступил в партию и оставался верным ленинцем до конца дней своих. Его миновали репрессии и гонения. Во время Великой Отечественной продолжал заниматься наукой, потому что работал на оборону страны... Дед всю жизнь и во всём был верен основам и шёл в русле. Кроме одного — женился на женщине явно не рабоче-крестьянского происхождения. По всему было видно: кровь у неё благородная, возможно, дворянская. Воспитание, образование, кругозор, облик — всё выдавало несоветского человека. Кто были её родители, где училась — тайна. Лишь однажды мы с ней гуляли, а был я ещё совсем мальшом, и остановились возле большого двухэтажного особняка. Бабушка вдруг расплакалась и сказала: «Здесь я жила, когда была такая же маленькая, как ты сейчас». И всё...

Иванов встаёт и спускается по лестнице.

Однако же где мой дом?

Звонит и стучит во все двери. Одна дверь открывается, появляется Рыжий.

Рыжий. Чего надо?

Иванов. Это вы? Наконец-то (пытается пройти в квартиру.)

Рыжий. *(Отталкивает Иванова.)* Вали отсюда, бомжара.

Иванов. Подождите, ну как же? Это же я...

Голос Хозяина. Впусти его.

Рыжий пропускает Иванова в квартиру и скрывается. Сцена разворачивается, и зрители видят совсем другой интерьер, нежели жилище Иванова. Куда более богатый. За большим обеденным столом сидит Хозяин. Возраст его определить сложно — ему может быть и сорок, и пятьдесят лет, и больше.

Хозяин. Проходи, садись.

Иванов. Спасибо *(садится за стол и в изумлении оглядывает обстановку.)* Извините. А когда вы успели сделать ремонт... в моей квартире?

Хозяин *(пристально смотрит на Иванова).* Давно пьёшь?

Иванов. Да вы что? Я не пью... вообще-то. Только сегодня... Или вчера... немного позволил себе...

Хозяин. Ладно, не суть. Вижу, что человек нормальный, не профессиональный алкаш. Просто беда случилась, да? Из дому выгнали?

Иванов. Можно и так сказать.

Хозяин. Ну так залей горяшкото. Да и закуси. Глядишь, развиднеется. Тебя как звать?

Иванов. Иванов. А вас?

Хозяин. Зови, как все, — Хозяином.

Иванов чокается с Хозяином, пьёт и ест. Потом встаёт, проходит по квартире, оглядывает её.

Иванов. Теперь я вижу... И правда — развиднелось. Большая у вас квартира, просто огромная. Не моя. Не представляю, как она помещается в нашем подъезде.

Хозяин. Да не такая уж и большая — комнат десять, что ли. Как размещается в доме, не знаю. Есть архитекторы, риэлторы, дизайнеры всякие — это их дело. А я счета оплачиваю.

Иванов. Скажите... Хозяин, а зачем вам столько комнат?

Хозяин. Как тебе объяснить? Мне конкретно столько не надо. Я пользуюсь максимум тремя: спальней, кабинетом, столовой. Ну, иногда выкурю сигару в зале перед камином. А в остальных комнатах и не бываю. Но меньше жильё иметь мне нельзя. По статусу не положено. Я предприниматель. Бизнес у меня не малый и не средний — крупный.

Значит, иметь я должен большой дом, крутые машины, яхту, статусную жену, любовницу, собаку, часы, трусы и всё такое. Принадлежишь к определённой кругу — должен соответствовать.

Иванов. Это всё обязательно?

Хозяин. А как же? Что-то у тебя не в тренде — значит, бунтарь. На великосветскую тусовку не явился — своих не уважаешь. Подрыв основ! И кто после этого со мной дела будет иметь на миллионы и миллиарды? То-то.

Иванов. Выходит, вы заложник своего положения?

Хозяин. Наверное. Но это добровольное мученичество, правда, удобное и комфортное.

Иванов. Я думал, деньги дают свободу.

Хозяин. Полной свободы вообще не бывает. И даже с очень большими деньгами не всё можно себе позволить. Это сначала, когда ты заработал первые приличные деньги, так радостно их тратить! Покупать то, что раньше не мог себе позволить, делать подарки родным, близким и друзьям! А потом становится скучно. Интерес к жизни пропадает. Ничего нового в ней как будто уже нет. Всё видел, всё попробовал. Самое страшное — когда

тебя начинают воспринимать как туго набитый кошелёк. Твоя личность, твой внутренний мир, душевные переживания всем по барабану. И вот тогда понимаешь: нет, не они тебе принадлежат, а ты им!..

Иванов. Вижу, вы один живёте?

Хозяин. Да, временно один. Развёлся с очередной супругой. Оставил ей дом, потому и оказался в этой квартире. Пока строится новый дом, поживу здесь.

Иванов. Выходит, вы уже не с первой женой расстались?

Хозяин. С четвёртой. Ради первой я, дипломированный инженер-конструктор, в бизнес и ударился в конце восьмидесятых. Организовал с друзьями кооператив по ремонту автомобилей. Потом торговля хорошо пошла, раскрутились, деньги посыпались. Но и с бандюками приходилось разбираться. С налоговой, с милицией, прочими органами, которые в те годы от бандюков иногда мало отличались. Ни сил, ни нервов не оставалось, лишь бы до подушки доползти и рухнуть, хоть немного поспать... А жена недовольна: «Ты нас забросил! Мне не уделяешь внимания. Дети растут без отца». И всё такое. Меня бы по головке кто погладил, ласковые слова в ушко шепнул перед сном...

Иванов. И нашлась такая?

Хозяин. Конечно, нашлась. Великолепная женщина. Никто так меня не любил, как она. Всякая прихоть, самое безумное желание исполнялись мгновенно. Жил, как в раю, окружённый лаской и заботой. Только со временем и это надоело, захотелось адреналина, фейерверка! Молодой ещё был. Третья жена была человек-праздник. Вся порыв, гламур и блеск. Каждый день тусовки, приёмы, балы, карнавалы, фестивали. Надолго, правда, меня не хватило. Скоро почувствовал себя чужим на этом празднике жизни, да и состояние от безрассудных трат подтаило, как весенний снег... Потом была ещё одна, молодая, красивая и немногословная. В постели творила чудеса. В остальное время в бассейне любила плескаться. Там я её с компаньоном моим и застучал. У меня же дома. Потому и жить там не хочу. Теперь вот, как говорят женщины, я в поиске *(нервно смеётся.)*

Иванов. А совсем без жены нельзя?

Хозяин. Нельзя. Статус!

Иванов. Ах, он, статус!

Хозяин. Теперь понимаешь, что жить в богатстве не всегда радость?

Иванов. Ну а если не в радость, так раздайте деньги нуждающимся!

Хозяин. Ты думаешь, я не жертвую? Я учредитель благотворительных фондов, председатель попечительских советов. Не перечсть всех мной построенных церквей, отремонтированных больниц и детских домов, учреждённых мной грантов, премий, стипендий и прочего разного. Была у меня даже безумная идея о совершенном обществе — что-то вроде коммунизма или Царства Божия на земле. Купил островок в Тихом океане, построил бунгало и всё остальное, что необходимо для счастливой жизни — кроме банка и администрации. Ведь деньги и власть в совершенном обществе не нужны! Всё можно было получить просто так, даром и управляться доброй волей. Психологи отобрали полтора десятка лучших семей — в основном всё люди творческих профессий: художники, музыканты, писатели и другие служители чистого искусства. Хорошая идея?

Иванов. По-моему, прекрасная.

Хозяин. Вот-вот. Живи и твори! Так только Адам в раю жил... Да ничего подобного! Не прошло и двух недель, как пошли конфликты. Сначала творческие разногласия, зависть непонятно к чему, ревность, неприязнь. И наконец —

желание подчинить себе подобных. Творцы поделились на группы, разграничили территорию, чуть не дошло до мордобоя. Сначала я пытался примирять их, взывал к совести, к светлой идее, чистым человеческим чувствам. Зачинщиков изгонял на материк. На время страсти угасали, а затем разгорались с ещё большей силой. Наконец остров разделился надвое, и все только ждали, когда прольётся первая кровь, чтобы начать резню. Примирить их было невозможно, пришлось всех вывезти с острова. И эта эвакуация их объединила — в ненависти ко мне.

Иванов. Трудно быть Богом?

Хозяин. Теперь я понимаю: хоть в чём-то заменить Бога глупо и грешно. Не нужно вмешиваться в Божий промысел о каждом из нас. Нельзя насильно пытаться изменить человека, даже к лучшему. Невозможно против воли сделать его счастливым. Поэтому теперь стараюсь действовать избирательно в благотворительности. И здесь, как в медицине, должен быть принцип «не навреди».

Иванов. Наверное, в чём-то вы правы, но...

Хозяин. Чего-нибудь ещё хочешь?

Иванов. Да нет. Я вам очень благодарен за хлеб-соль и за беседу...

Хозяин. И тебе спасибо. Вот что, дам я тебе пятьдесят баксов. Можно, конечно, купить тебе жильё, помочь начать бизнес. Только промысел Божий я менять не стану. Ведь зачем-то даёт тебе Господь испытания, и ты их должен пройти до конца. А пятьдесят долларов — не та сумма, чтобы резко изменить жизнь, но на всякий случай полезна. Я и сам начинал когда-то с суммы немногим больше.

Иванов. Спасибо (*засовывает деньги в карман брюк.*)

Хозяин. Ну, всё. Ступай с Богом. (*Рыжему.*) Проводи.

Рыжий молча выпускает Иванова в подъезд.

ТРЕТЬЯ КАРТИНА

Иванов поднимается на этаж выше, присаживается на ступеньки, снова просовывает голову между прутьями ограждения лестницы.

Иванов. Что мне богатые с их проблемами, когда я не могу найти свой дом родной? Где он? Может, я попал в соседний подъезд? Был пьян, вышел проветриться и вернулся не в ту дверь? Но почему тогда я вижу знакомые, не стёршиеся за целый век мозаичные плитки на полу, вот это окно

с многожды крашеным-перекрашенным переплётом и треснувшим стеклом, которое не меняют уже лет двадцать пять, эти старые почтовые ящики с номерами квартиры — и с номером моей квартиры?! А моей квартиры нет! Это ловушка. Западня. Или я схожу с ума. В любом случае выхода нет. А если выхода нет, значит, нет конца и начала. Тогда всё вообще лишено смысла. Не нужен опыт прошлых лет, не о чем мечтать, не надо строить планы. Напрасны боль и радость. Созидание — пустая трата сил. Любовь — иллюзия! Бессмысленна жизнь, а смерть — не исход. Но ведь зачем-то меня родила мама.

Где-то со скрипом открывается дверь, слышны шаги по лестнице. Сверху появляется Рыжий с сигаретой в зубах, в майке-алкоголичке, растянутых трениках и тапках на босу ногу. Волосы на голове его всклокочены. Видно, что он основательно вытир. Подходит к Иванову и садится рядом прямо на пол, просунув ноги сквозь лестничную решётку вниз.

Рыжий. Мам-ма? Она всех родила. А зачем — нас не спросила. Живой — живи. Сы-пички иесть?

Иванов. Нет. Не курю.

Рыжий. Да у меня у са-амого они где-то, а не помню, куда заховал

(жуёт сигаретный фильтр.)
А Расскажи про маму.

Иванов. Зачем вам? Вы что — свою маму не помните?

Рыжий. Не, не помню! Я детдомовский. Всегда хотел понять, как это — чтобы семья: и мама, и папа, и с детьми они каждый день. Как это? Я вот женился, сына родили с моей жёнкой, а через два года она ушла и пацана забрала. Чуррбан ты, грит, бесчувственный. И умотала. А у меня вот здесь *(бьёт себя кулаком в грудь)* ни-че-го не шелохнулось. Ушла и ушла. Ведь я ждал: у людей же, грят, сердце после такого болит. А я живу один, и всё мне по фигу. Как и не было никого. Только алименты снимают — тик-чик, чик-тик... Ну Расскажи ты про маму и папу! Может, я не понимаю чего в этой жизни вашей... правильной!

Иванов. Вы ещё скажите, что вы не Рыжий.

Рыжий. Ну, рыжий *(приглаживает шевелюру)*. А про мамку с папкой всё равно Расскажи.

Иванов. Ох... Мама... Она была просто чудо, а не ребёнок, послушна родителям во всём. Училась старательно, была комсомольской активисткой. Окончила школу с золотой медалью, подала, не раздумывая, документы на физтех. А как иначе? Она всегда

исполняла волю отца — моего знаменитого деда-учёного. По его совету поступила в аспирантуру, защитилась, устроилась на работу к нему в институт. Послушно вышла замуж за любимого им ученика. Конечно, не без любви, но главным для неё было доброе отношение отца к её избраннику. Это же его ученик, отец любил его, и все были счастливы. Пока отец не разошёлся с зятем в вопросах теории. Правда, не естественнонаучной, а марксистско-ленинской. Молодой ум исследователя просто не мог не заметить несовершенства царившей в стране идеологии и системы, образованной ею.

Рыжий. Против линии партии, значь, попёр?

Иванов. Выходит, так. А тут хрущёвская оттепель, затем Пражская весна и внезапное брежневское оледенение. Вот тогда отец и поскользнулся, вывихнув мозги. Потянулась цепочка размышлений и выводов. Но до поры до времени отец оставлял свои выводы при себе. Пока не появился пример другого учёного — академика и трижды героя, открыто выступившего против существующих порядков. Хотя и это вполне могло пройти мимо молодого физика, занятого своими опытами. Но власти требовалась реакция научной общественности. Все — от академика до младшего

научного сотрудника — в едином порыве должны были облить отщепенца презрением. Началась травля, в которой преуспел мой знаменитый учёный дед. А отец не стал подписывать коллективные осуждающие письма — наоборот, прилюдно высказался в поддержку опального академика. Не громогласно, но и не шёпотом. Имеющие уши услышали.

Рыжий. Выперли?

Иванов. Да, причём отовсюду — с работы, из дома. На работу даже в школу не брали. Кое-как устроился кочегаром в котельную — и это уже был подарок судьбы. Появилось время поразмышлять, пока швырял уголёк в топку. Подал документы на выезд из СССР. Долго мурьжили, отказывали. Пока не началась «разрядка международной напряжённости». Да и секретов особых за отцом к тому времени не числилось. Отпустили. Уехал на Запад, получил лабораторию и занялся любимым делом. Пытались его идеологи тамошние пригласить в эфир покритиковать «тоталитарный режим» в России, да он отказался. Нобелевскую премию не получил, но пару раз номинировался.

Рыжий. Да ты чё? Нобелевскую? Хрена се!

Иванов. Я же говорю — не получил. Пока. Мне было четыре

года, когда он ушёл из семьи. Но вот уж сколько лет, как железный занавес рухнул, а от него ни звонка, ни весточки. Значит, так я ему нужен.

Рыжий. А мамка что?

Иванов. Мама, конечно, страдала. Но не на людях. Только плакала по ночам — я это слышал. И меня невзлюбила. Наверное, я ей отца напоминал. А потом вдруг появилась модная одежда, яркий макияж. Начались задержки по вечерам с работы, походы в театры и рестораны. Однажды дед вернулся с работы, клокоча, как вулкан. Позвал мою маму в кабинет для серьёзного разговора. Кричал, что она не имеет права разрушать чужую семью, что она бросает тень на него... А мама вдруг твёрдо напомнила, что именно по воле отца лишилась счастливой семейной жизни. Этот аргумент подействовал на деда оглушительно. Мама вышла из кабинета с гордо поднятой головой. После этого я вообще почти не видел её дома. Возвращаясь из отлучек, она пыталась навёрстывать упущения в моём воспитании. Кидалась проверять дневник, листала тетрадки, и всё ей не нравилось. По-моему, она просто искала повод сорваться на мне. Ругала, плакала, обвиняла меня в чёрствости и непонимании того, как ей тяжело одной. Я молчал. Тут ещё дед присоединился

со своими назиданиями. В конце концов, мама уехала с новым мужем к нему на родину — в Бангладеш. С дедом мы вообще перестали разговаривать. И только бабушка всегда меня утешала. Она и оставалась до самой смерти моей семьёй.

Рыжий. Значит, ты такой же сирота, как и я.

Иванов. Выходит, так.

Рыжий. Огонька, значит, нет у тебя.

Иванов. Выходит, так.

Рыжий. Ну, я пойду тогда.

Иванов. Стой! Покажи хоть, где выход отсюда.

Рыжий. Там (*машет вниз.*)

Иванов спускается на этаж ниже и бьётся в двери. Внезапно одна из них с лёгким скрипом приоткрывается.

Иванов (*заглядывая за дверь*).
Есть кто живой? Хозяева!

Из квартиры доносится музыка. Она становится всё громче и отчётливей. Это красивая классическая музыка. Иванов входит в квартиру. Сцена разворачивается, и зрители видят рояль, за которым сидит музыкант, а

второй, со скрипкой, стоит рядом. Звучит финальный аккорд.

Это просто потрясающе! В нашем великом и могучем языке нет таких слов, которыми можно выразить восхищение вашей музыкой. Огромное вам спасибо!

Пианист. Как вы сюда попали?!

Иванов. Шёл мимо и услышал, как вы играете. О, это было так божественно, что я не мог не остановиться. Дверь была приоткрыта, и я вошёл.

Скрипач. Опять дети не захлопнули дверь! Сколько раз я им говорил!

Пианист. Однажды всё это закончится плохо.

Иванов. Но почему? Вы... *(С удивлением)* Так это вы?! Я много раз видел вас по телевизору. Но вы же всегда исполняете попсу! Извините, конечно.

Скрипач. Да не за что вам извиняться, мы действительно исполняем попсу. Дружим с детства, вместе ходили в музыкальную школу, вместе окончили консерваторию. Становились лауреатами разных конкурсов, ездили на фестивали. Казалось, вот-вот перед нами распахнутся двери лучших концертных залов. Только время шло, а пробиться на большую

сцену не получалось. Оказалось, у нас масса талантливых и амбициозных музыкантов, жаждущих успеха, но пробиться без помощи продюсера сейчас невозможно.

Пианист. А продюсеры там, где можно заработать большие деньги!

Иванов. На попсе.

Пианист. Да! Потому что классическая музыка нужна тысячам, а попса — миллионам...

Скрипач. ...Вот и пришлось делать выбор: или с любимой классикой где-нибудь в симфоническом оркестре шестнадцатым номером, или первым номером, но с попсой. А жить-то хочется сейчас, годы идут. Семьями обзавелись, деток кормить надо. Вот и стали петь-играть всякую ерунду про любовь-морковь. Но зато сразу появился продюсер, началась раскрутка, альбомы, ротация на ТВ и радио. В общем, популярность...

Пианист. ...И деньги. Собираемся, правда, иногда вот так, подальше от чужих глаз, и вспоминаем любимые произведения. Прячемся. Не дай Бог, кто признает, или пресса прознает — вся наша легенда вмиг разрушится. Так что эта квартира у нас тайная. Только здесь или за границей мы можем расслабиться и побыть самими собой.

Скрипач. Надеемся, вы не выдадите нашей тайны?

Иванов. Что вы! Конечно, не выдам!.. Извините, вы сказали, у вас есть семьи?

Пианист. Да. Жёны, дети.

Иванов. Но... Но по телевизору говорили, что вы эти... ну эти...

Скрипач. Голубые, что ли?!

Иванов. Ну да.

Музыканты громко и с удовольствием хохочут. Иванов в недоумении.

Скрипач. Да это просто пиар! Понимаете? Это просто рекламный ход такой. Мы собирались в большое заграничное турне, а там, на Западе, эта тема сейчас очень в моде. Ну вот продюсер и решил запустить такой слух, чтобы привлечь побольше публики.

Иванов (с облегчением). Ах, вот как!

Пианист. Ну конечно. Надеемся, мы можем рассчитывать на полную конфиденциальность?

Иванов. Я ведь уже обещал.

Скрипач. Мы вам верим.

Пианист и скрипач жмут Иванову руку. Иванов выходит из квартиры.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТАЯ КАРТИНА

Иванов снова сидит на верхней лестничной площадке, просунув голову между прутьями ограждения.

Иванов. Жаль, что музыкой раньше не интересовался. А чем я вообще интересовался? Сколько важного прошло мимо и никогда не вернётся. Почему мне всё было безразлично? Сил и здоровья — хоть отбавляй. Ума, таланта тоже не занимать! Не было времени? Да было. Попусту растрчено! Сколько лет пролетело в праздности и лени! За всю жизнь не совершил ничего стоящего, да и не стремился. Жил, будто жёг листки календаря. Хоть на что-нибудь бы тратил силы! Но нет — существовал, сторонясь всего и всех, словно бродил по берегу житейского моря, не решаясь войти в него и поплыть, даже ноги замочить. Что вспомнить? Чем оправдаться? Зла особо вроде никому не делал, но и добра не совершал. А за спиной всё чётче холодок конца и края... Ну что, отхлестал себя по щекам? (*Прислушивается.*) Вон как звенит пустота внутри. Ясно одно: выход из лабиринта надо искать внутри себя. Только там тьма крошечная, беспросветная. И вместо сердца ледышка. Запалить бы свечку, от которой свет и тепло. Да только где же её взять? Ни веры, ни любви. Вот и приходится искать выход из лабиринта на ощупь да

ещё ползком... (*Принюхивается.*) Чем это так пахнет... красиво? Селёдка? Точно она! Что же мне есть-то хочется, будто неделю ни крошки во рту не было? А в самом деле, сколько времени я тут сижу, с тех пор, как отобедал у Хозяина? Час? День? Два?

Иванов встаёт и идёт на запах. Утыкается в простую филёнчатую дверь, выкрашенную краской мерзко-землистого цвета.

Иванов. Видно, что живут обычные люди. Может, не откажут в гостеприимстве?

Иванов нажимает на кнопку звонка. Дверь тотчас открывается. На пороге возникает Рыжий. Он подтянут, элегантно одет, вокруг шеи обвит красный шарф.

Рыжий (*радушно*). Ну наконец-то! Проходи скорее! А где группа?

Иванов. Какая группа?

Рыжий. Стёмочная, конечно!.. Подожди, так ты не журналист?

Иванов. Нет.

Рыжий (*раздражённо*). Тьфу ты! А тогда кто?

Иванов. Иванов. Живу я в этом подъезде. Вы разве меня не помните?

Рыжий. Ивановых у нас, как грязи. Вас всех помнить — головного мозга не хватит.

Из глубины квартиры появляется известный Депутат.

Депутат (*Рыжему*). А ты спинным мозгом поработай, если головным не вышел. Иванов — это же самый что ни на есть простой человек из народа! Ты что, не пускаешь ко мне народ? (*Иванову.*) Проходи давай. Ты откуда, Иванов?

Иванов. Я жил тут и потерялся.

Депутат (*воодушевлённо*). Вот! Народ потерялся и пришёл ко мне, своему народному избраннику, за помощью. (*Рыжему*) А ты не пускаешь. Э-эх! А куда ещё народу податься? Давай-ка накорми его, налей чаю сто грамм. А телевизионщики приедут, так замечательная картинка выйдет — потерявший ориентир народ приходит к своему депутату как к последней надежде. А? Оценил сюжет? Каково?

Рыжий (*без энтузиазма*). Прекрасно.

Депутат. То-то.

Разворачивается на каблуках, уходит в одну из комнат и закрывает за собой дверь.

Рыжий. Ну давай, народный Иванов, располагайся, угощайся.

Рыжий усаживает Иванова за стол, пододвигает к нему тарелки с селедкой, варёной картошкой, домашними соленьями, крупно нарезанной докторской колбасой и кусками чёрного хлеба. Иванов начинает жадно есть. Рыжий достаёт дорогие сигареты и закуривает, с некоторой брезгливостью поглядывая на гостя. Наконец Иванов замечает его взгляд и перестаёт жевать.

Иванов. Вы, может, тоже покупаете? А то одному как-то неудобно.

Рыжий. Ещё чего! У меня от этого всего (*показывает на стол*) сразу отравление случится. У нас с шефом ужин в ресторане заказан. Вот отстреляемся с телевизионщиками, так сразу в родимый кабак и рванем.

Иванов. А вот это угощение для кого же?

Рыжий. А вот это, Иванов, буффория для народа. И квартирка эта задрюпанная, и костюмчик на избраннике нашем — фабрики «Красный швец», и пальтишко — дежурное, для митингов и поездов к избирателям. (*Вполголоса в сторону.*) Достал уже шеф своей народностью.

Иванов. А мне показалось...

Рыжий. Тебе показалось. Нет, я понимаю, имидж у него такой: «человек из народа, близкий и понятный избирателям». Но он столько лет просидел в депутатском кресле, что уже давно не знает, как и чем простой народ живёт.

Иванов (*робко*). Но вы-то знаете.

Рыжий. И я не знаю! Но и не скрываю этого. А у него сплошное лицемерие! Надоело всё до одури! (*Спохватывается и сбавляет тон.*) Меня вон сам лидер другой фракции звал в помощники. И зарплата больше, и командировки за границу, а не по региону мотаться. Да я не пошёл. Потому что везде один хрен. А здесь всё-таки партия власти — глядишь, заметят, продвнут, а может, завтра сам депутатом стану. Хотя... станешь с ним, как же!

Иванов. Всё равно не верится. Ну, для виду и еда простая, и одежда дешёвая, и квартира в обычном доме. Но ведь живёт же в ней наш народный депутат. Просто, оказывается, живёт, как все люди.

Рыжий (*еле преодолевая хохот, вполголоса, жестикулируя*). Он... тут... живёт!.. Да у него коттедж трёхэтажный посреди лесопарка!.. С лифтом! С бассейном на втором этаже!..

Иванов. Почему на втором?

Рыжий. Потому что так ему захотелось — из спальни сразу в водичку, от государственных забот отмокать. А эта квартирёшка у него явочная — он тут народу является! Понял? Эх ты, Иванов-Народный!

Рыжий хохочет. Иванов тоже начинает смеяться, словно внезапно ему отчего-то стало легко. Широко распахивается дверь, появляется депутат.

Депутат. Чего ржёте, как лошади на параде?

Рыжий. Да вот — народ меня смешит.

Депутат. Странно. Обычно народ безмолвствует.

Депутат по-дружески толкает Иванова локтем в плечо и смеётся громко и раскатисто. Рыжий хохочет с шефом. Иванов внезапно замолкает.

Депутат (Иванову). А ты чего?

Иванов. Безмолвствую.

Депутат и Рыжий хохочут снова.

Депутат (утирая слёзы, Иванову). Ну ты молодец, не теряешься. (Оглядев стол.) О! Селёдочка! (Берёт рукой из тарелки огромный кусок и отправляет

его в рот). Вкуснотища! (Ры-жему.) Что, не хочешь селёдочку попробовать? Брезгуешь простенкой пищей! Вам фуа гра подавай. (Иванову.) А тебе, землячок, вижу, по вкусу моё угощение?

Иванов. Да, спасибо, очень вкусно.

Депутат. Вот — человек понимает в правильной пище толк!

Рыжий. Пятно!

Депутат. Какое пятно?

Рыжий. На галстук посадили огромное пятно.

Депутат. А-а, ничего. Главное — совесть не запятнать! Я же из простых рабочих, не то, что эти все... И галстук этот у меня старинный, с заводских ещё времен.

Иванов. Явочный.

Депутат. Чего?

У Рыжего в кармане звонит со-товый телефон.

Рыжий. Да. Да! Да ждёт уже чуть не целый час! А вы куда поехали-то? Эдик, ну я же сказал: в квар-ти-ру! Молодцы, что развернулись. Выхожу встречать. (Депутату.) Съёмочная группа через пять минут будет. Они сдуру сначала к вам в коттедж поехали... (прикусывает язык).

Депутат. Гм!.. Иванов, ты насытился?

Иванов. Более чем. Спасибо.

Депутат. Ну вот и славно. Тогда давай-ка до дома, до хаты, а мне со средствами массовой информации поработать надо. *(Рыжему.)* Покажи дорогу.

Рыжий выводит Иванова на лестничную площадку. Они остаются вдвоём.

Рыжий. Про коттедж тебе послышалось. Да и в квартире этой ты никогда не был. Врубился?

Иванов. Как тут не врубиться...

Рыжий хлопывает дверь. Иванов опять один. Он поднимается на верхнюю площадку, занимает свой «пост» за решёткой.

Иванов. Знал я, что политика — дело лукавое, но не до такой же степени. Кто нами руководит! Попался бы этот «рабочий» моим мужикам с участка, мало бы ему не показалось. Какое было прекрасное время, когда я на заводе работал! Какие люди были! Простые и по-настоящему честные. Вот уж где истинная интеллигенция — инженеры и рабочий класс... Правильно всё-таки я сделал, что в пику деду пошёл сначала на производство, потом в армию и только после этого в институт.

Без его протекции. И всё мне удавалось, сил было много, перспективы открывались необозримые... А теперь моё существование сузилось до рамок этого подвезда! Всё знакомое и всё чужое. *(Горько усмехается.)* Я вот уже и разговариваю сам с собой вслух. И вроде бы живой: руки-ноги двигаются, голова работает. А жизни нет. Может быть, я и правда давно уже умер?

Затемнение.

ПЯТАЯ КАРТИНА

Иванов сидит на верхних ступенях лестницы, положив голову на руки, обхватившие колени, и будто бы спит. Внезапно снизу доносятся голоса, шум борьбы. Они нарастают и в итоге будят Иванова. Он поднимается со ступенек, быстро сбегает вниз, но останавливается на полпути. Внизу на сцене появляется Лера, которая отбивается от Рыжего. На этот раз Рыжий похож на только что освободившегося рецидивиста.

Лера. Пусти, гад! Тебе говорю, отстань!

Рыжий. А вот не пущу!

Лера *(вырываясь).* Да отвали же ты от меня, придурок! Чего тебе надо?

Рыжий. Сама знаешь, чего.

Лера. С тобой? Никогда!

Рыжий. Почему?

Лера. Не хочу — и всё!

Рыжий. А я хочу. И всё-о-о! Ну лан, хорош кобениться.

Лера. Ишь ты, какой шустрый нашёлся! Сказала нет, значит, нет!

Лера вырвалась и побежала, но Рыжий нагнал её и опять плотно-одно обхватил за талию.

Иванов (*спустившись на сцену*). Оставь её в покое.

Рыжий (*едва повернув голову в сторону Иванова*). Чего? Не понял, кто там вякнул?

Иванов. Ты опять меня не узнаёшь?

Рыжий. Ты кто ваще?

Иванов. Значит, не узнаёшь. Женщину отпусти. Видишь ведь, она в твоих услугах не нуждается. Иди своей дорогой.

Рыжий. Шчас, только дорогу расчищу.

Рыжий с размаху бьёт Иванова в лоб. Иванов падает и лежит без движения.

Лера. Ты что натворил, дурак?! Ты же убил его!

Рыжий (*неуверенно*). Да ничё, очухается.

Лера. А если нет? Вали отсюда, пока не замели!

Рыжий. Твоя правда, надо ноги делать. Давай, бывай, ещё свидаемся.

Рыжий быстро уходит. Лера наклоняется над Ивановым и шарит у него по карманам. Находит пятьдесят долларов, подаренных Хозяином.

Лера (*негромко*). О-о, денежка американская. Да ты, мужичок, не бедненький. А по виду и не скажешь.

Иванов стонет.

Живой, мужичок, живой! Вот и молодец. Полежи тут, отдохни, а я пойду, хорошо? Ну, пока.

Лера исчезает. Иванов с трудом садится, держась за голову. Стонет.

Иванов. О-ох. Вот это нокаут!.. А женщина где?

Суёт руку в карман.

А деньги где? Меня что — просто развела эта сладкая парочка? Да вряд ли. Разве по мне скажешь, что у меня хоть копейка есть?

Зрители слышат звон в ушах Иванова. Постепенно звон меняется на тихую, печальную мелодию.

О-ох. Я сошёл с ума — у меня уже музыка в голове играет. Или это от удара? Или просто где-то музыка играет?.. Ба, да это же Шарль Азнавур поёт... про вечную жизнь любви.

Обхватив голову руками, Иванов нетвёрдым шагом двигается к квартире, из которой всё громче звучит музыка, и открывает дверь. Набирает побольше воздуха и кричит.

Хозяева!

Тут же начинает кашлять почти до рвоты. Наконец, зажимает рот и нос и с трудом решает переступить порог. Квартира выглядит, как приют бомжей или наркоманов.

Ну и вонь! Ну и жуть! Как тут можно жить?

Постепенно из полутьмы проступают очертания двух пар, медленно танцующих под музыку, совершенно не обращая внимания на вошедшего Иванова. В глубине квартиры становятся видны грубо сколоченные полати. На них возлежат люди разного пола и возраста с характерными для обитателей ночлежки

следами порока на одинаково угрюмых лицах.

Прав Достоевский, прав Фёдор Михайлович: ко всему-то подлец-человек привыкает! Вот и меня от здешнего амбре вроде бы уже не очень выворачивает.

Загорается лампочка и выхватывает из тьмы стол, за которым сидят с бутылкой дорогого коньяка двое. Один из них — Рыжий, другой — Бывший интеллигентный человек. Рыжий машет Иванову.

Рыжий. Здравствуйте. Заходите, присядьте. Согреетесь коньячком?

Иванов (с опаской). Да я не замёрз вроде.

Бывший интеллигентный человек. А душа? Душе-то ведь зябко!

Иванов. Не без этого.

Бывший интеллигентный человек (заплетающимся языком). Но что такое душа? И что такое жизнь? И каждую ли жизнь надо уважать? Мою, например, — за что?

Иванов. Уважать надо любую жизнь. Хотя бы потому, что её дал Бог.

Бывший интеллигентный человек. Уважать — значит, поддерживать или следовать традиции,

идти, так сказать, в русле. Но тогда сам не создашь ничего, ибо всякое новое ниспровергает отжившее, не чтит авторитеты, разрушает привычный уклад. Если бы Коперник уважал систему Птолемея, до сих пор бы Солнце вращалось вокруг Земли. А возьмите Эйнштейна...

Рыжий. Уймитесь, господин Бывший интеллигентный человек, разрушитель основ! На понятиях всё держится. Если не будет уважения к авторитетам, такой беспредел начнётся, что мама не горюй. А оно тебе надо?

Бывший интеллигентный человек. Что мне надо?

Рыжий. Беспредел! Это страшная штука — когда брат на брата и рвут друг друга, как хотят!

Бывший интеллигентный человек. Эх, жизнь наша... *(Ложится головой на стол и засыпает).*

Рыжий (закуривая). Жизнь. А что это такое?

Иванов. Путь, который мы проходим за определённый отрезок времени — от рождения до конца.

Рыжий. Путь, говорите? Время? Думаете, жизнь измеряется временем?

Иванов. Ну а чем ещё? Время — величина постоянная.

Рыжий. Может, вы и правы. Но время — величина постоянная, оно бывает очень изменчивым: то тянется, как учебная четверть в школьном детстве, то летит с неимоверной скоростью. А с высоты прожитых лет само оно кажется лишь скоротечным мигом. Распадается на до и после. Живое время безостановочно бежит вперёд, при этом оставаясь в памяти. Казалось бы, прошлое минуло, отжило, но память отбрасывает тебя назад, и ты чувствуешь, переживаешь точно так же, как в тот миг, когда случилось событие, ставшее воспоминанием. А бывает, что и острее. Время не властно над прошлым, оно отмерило его, и прошлое продолжает жить своей, не зависящей от времени жизнью. Так же живёт и будущее. Только время не добралось ещё до него, не расставило там всё по местам. А вот настоящее не может существовать без прошлого и будущего. Накопленные знания, опыт общения, побед и разочарований формируют у человека сегодняшнее отношение к жизни. Время никогда не останавливается, но может становиться вязким в моменты великих душевных потрясений, например, когда теряешь очень близких людей. Понятно, что нельзя измерить жизнь одним временем, как отмеряем мы километрами путь от пункта А до пункта Б. Чем измерить расстояние от сердца к сердцу, от любви до ненависти и самый длинный путь — от себя к себе?

Иванов. Чем же? Вы знаете ответ?

Рыжий. Вехами: обретениями, событиями, достижениями, борьбой, предательствами, разочарованиями. Можно продолжать бесконечно. Но, по моему мнению, главное — это встречи! Только ими можно измерить глубину жизни. Встречами и разлуками, слезами и радостью, ссорами и любовью. Глубина жизни определяется тем, сколько и каких было у тебя в жизни встреч с людьми. Больше хороших и любящих людей тебе встречалось — счастливая была жизнь. Подлых и завистливых — мучительная. С тем, кто лучше и выше тебя, поднимаешься, с павшим — и самому не устоять. С кем, как говорится, поведёшься... Иная встреча, пусть совсем короткая, может согревать памятью о ней всю оставшуюся жизнь, наполнять её смыслом, поддерживать в трудные моменты, не давая впасть в отчаяние. Встречи бывают не только с людьми, но и с книгами, фильмами, природой. И главная встреча — с откровением. Состоявшаяся или только ожидаемая.

Иванов. Не ожидал от вас таких философских глубин... Простите (*хватается за голову*).

Рыжий. Голова заболела? (*приглядывается к Иванову*). Какая гематома, ого-го! Кто вас так приложил?

Иванов. Он не назвался.

Рыжий. До чего же люди стали злыми и агрессивными. Чуть что — взрываются, как порох. Может, приляжете?

Иванов (*покосившись на полати*). Да нет, спасибо. Всё пройдет... Агрессия? Да просто жизнь теперь трудная.

Рыжий. Жизнь трудная, это правда. Но когда она была лёгкой? Проблемы, неудачи, разочарования бывали всегда.

Иванов. Да, конечно. Только раньше, в той нашей прежней жизни, была хотя бы надежда, что они разрешатся. Хоть какая-то уверенность в завтрашнем дне.

Рыжий. Немного наивно звучит.

Иванов. Да пусть наивно! Но теперь-то проблемы есть, а надежды, что мы их решим, нет! Главное — у людей нет уверенности в завтрашнем дне...

Рыжий (*усмехаясь и обводя пространство руками*). Ну-у... Завтрашнее дно всегда с нами.

Иванов. Не ёрничайте, пожалуйста... Без этой уверенности нет причины жить! Можно сжать кулаки, затянуть пояса и перетерпеть тяжкий день сегодняшний,

только если знаешь, что завтра придёт облегчение. А если нет, зачем терпеть проклятое сегодня? Нет уверенности в светлом будущем у бедных, но нет и у богатых: слишком непредсказуемо и быстро меняется ситуация. Старики с нищенской пенсией, с болезнями и немощью страдать привыкли. А молодые? Они жить хотят здесь и сейчас! Они стремятся в будущее, подгоняют время. Но что им уготовано? Карьеру сделать чрезвычайно трудно. Получить отдельное жильё, чтобы создать семью, практически нереально. Молодёжь — будущее нации, а если у молодых нет надежды, значит, нет её и у всей страны!

Рыжий. Я бы не стал так сгущать краски. Вот вы говорите про надежду на завтрашний день. А вы вообще уверены, что он будет? Конкретно для вас? Или для всего мира? Разве вы хозяин своей жизни? Вы способны заглянуть в будущее, изменить его? Не по вашему желанию она началась и не вашим произволением закончится. Вы что — в наследство её получили или в лотерею выиграли? Ложится человек спать и не знает, проснётся ли. Один строит планы, спешит, торопится, а другой не отрегулировал тормоза у своей машины. Встретились на перекрёстке, бац — и все планы порушены! Что зависит от нас, тем более от власти? Да ничего. Все ходим под Богом, и наше будущее и настоящее зависят только от Него. Жить надо сегодняшним

днём. Конечно, надо думать о будущем, строить планы, мечтать. Но надо и помнить, что судьба или промысел Божий, как хотите назовите, реально воздействует на нашу жизнь, вернее, формирует её. Доверяясь промыслу и ощущая в своей жизни благодатное участие, мы обретаем уверенность в себе, в жизни, в торжестве добра. Тогда становится легче переживать испытания в настоящем и с уверенностью ждать будущего. А будущее у каждого своё, и в нём нас ждёт то, чего мы достойны, что готовы принять. Почему вы решили, будто кто-то кому-то должен что-то обеспечивать, гарантировать? Нужно каждому думать самому за себя.

Иванов. А государство? Оно же как раз и существует для того, чтобы защищать своих граждан, обеспечивать их права и свободы, заботиться о стариках и детях. И ведь так было! Мы помним, как раньше государство заботилось о нас: бесплатное образование, бесплатная медицина, детские сады, квартиры...

Рыжий. На телевидении в брежневские годы не довелось поработать?

Иванов. Простите?

Рыжий. Вы говорите, как советский диктор в программе «Время». Те же интонации, та же безапелляционность, а на самом деле профанация.

Иванов. Да в чём профанация?! В том, что у нас были социальные гарантии?

Рыжкий. Государство тогда многое давало, конечно. Но при этом, поверьте мне, забирало не меньше: веру, свободу, правду. А это превыше всяких ваших социально гарантированных пряников. Хотя и пряников никогда не хватало на всех. Куда как мудрая политика была: сначала отняли всё, затем стали возвращать по крупицам. Ясное дело, народ счастливы — вчера не было ни гроша, а сегодня алтын! И алтын этот кажется огромным даром.

Иванов. Разве теперь лучше?

Рыжкий. Нет, конечно, нет. Не хочу я быть судьёй ни власти, ни народу, ни времени, в котором мы живём. Каждый может иметь свои убеждения — и пусть. Нужно спокойно относиться к чужому мнению. А вот с этим у нас проблема. Никто не хочет слушать чужое мнение, тем более мириться с ним. Оно же чужое! Значит, станем биться с ним до смерти. Вместо того чтобы попытаться понять и, может быть, принять. Вдруг мнение-то вполне здоровое и имеет право на существование? Кстати, дух разделения, порождающий ту самую агрессию, во многом отсюда, из нашего прошлого. Как начали саблями страну рубить на белых и красных

в революцию и Гражданскую, так до сего дня не остановимся. Мне кажется, многим нашим согражданам для счастья просто необходимо иметь образ врага — это ж добавляет адреналина в кровь! Чего это сосед поставил машину поперёк двора? Айда шины проколём! А может, у него жена рожаёт, или дома пожар? Об этом никто не подумал?

Иванов. Вы хотите всех оправдывать...

Рыжкий. Хочу. Да, хочу! И считаю это нормальным. Необходимо принять за аксиому, что мир в душе может быть только у человека, живущего в мире с другими людьми. Пытающегося их понять, оправдать, помочь им. Пока не примиримся друг с другом, пока не поймём, что общественное согласие важнее личных убеждений, что никого нельзя насильно сделать своим единомышленником, что невозможно бесконечно плодить врагов, не будет счастья в нашей стране.

Иванов. Страна может быть сильной, только когда счастливы её граждане. А разве могут быть счастливыми люди несостоявшиеся, лишённые надежды на будущее?

Рыжкий. Счастье — понятие относительное. Оно зависит от времени года, от природных явлений,

состояния здоровья, финансового благополучия, взаимоотношений с людьми и многого другого. Для кого счастье — вилла на взморье, яхты, дорогие машины. Для кого — власть, слава, успех. Кому-то взаимной любви довольно. А кто-то счастлив служить другим, бывают и такие. Но, на мой взгляд, счастье — это внутреннее состояние человека. Мир с самим собой. Знал я людей известных, популярных, богатых, добравшихся до вершин власти. Казалось бы, чего ещё желать? Но тогда почему они искали забвения в пьянстве, наркотиках и других пороках, губили свою жизнь? Многие заканчивали вольным или невольным самоубийством. За всё нужно платить. Себя не обманешь. Сколько ни пытаешься усыпить совесть, сделать это невозможно. Наступает момент, когда её голос везде следует за тобой. И здесь только два пути: или в петлю, или покаяние.

Иванов. Покаяние?

Рыжий. Да. Покаяние — единственный путь очистить совесть и примириться с Богом, с ближним и с самим собой. Удивительный парадокс — нельзя обрести мир с самим собой, не примирившись с Богом. В Евангелии сказано: «Придите ко Мне все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас». То есть дам мир душам вашим.

Иванов. Вы читали Евангелие?

Рыжий. Что вас так удивляет? И не только Евангелие. Я многое читал и знал когда-то. Теперь, конечно, многое забыл, пропил. Раньше у меня была совсем другая жизнь. Окончил институт международных отношений, работал собственным корреспондентом нашего телевидения за рубежом. Находился, так сказать, на переднем крае идеологической борьбы. Загранкомандировки, телесюжеты из Лондона, Нью-Йорка, Парижа, дом — полная чаша, куча высокопоставленных друзей. Жизнь прекрасна!

Иванов. Не могу сказать, что ваше лицо мне знакомо.

Рыжий. Не вглядывайтесь, узнать меня трудно — годы и количество выпитого сделали своё, и я сам себя порой не узнаю. Так вот, я свято верил в идеалы, которые нёс с экрана. В отличие от многих своих коллег, говорил только то, во что верил, и верил в то, что говорил. А потом всё рухнуло: страна, идеология, телевидение, которое я любил. И семья развалилась в итоге. Но даже потерю работы и семьи я не так сильно переживал, как крушение идеалов. Люди, на примерах которых я вырос, оказались совсем не героями, а наоборот — полными упырями. Преступниками, ворами, безжалостными убийцами,

растлителями. Это был сокрушительный удар, от которого я до сих пор не оправился. Бывшие друзья и приятели начали как-то устраиваться. Удивительные трансформации стали происходить с людьми. Певцы советского строя вдруг оказались чуть ли не диссидентами, всю жизнь положившими на борьбу за свободу, и начали хаять всё, что раньше превозносили. Ярые борцы с капитализмом заделались эксплуататорами. Зарубежные гости заскользили по коридорам власти. Те, кого считали, и не без основания, врагами, вдруг оказались главными советниками на самых высочайших уровнях. Бандиты с насиженных нар переселились в шикарные офисы...

Иванов. Понимаю — противно...

Рыжий. Именно! Противно было на всё на это даже смотреть, а не то чтобы участвовать. Жить в таком мире стало тошно, захотелось куда-нибудь спрятаться. За границу уезжать не стал, хотя вполне мог там прекрасно устроиться. В монастырь уйти — веры не хватало. Остался только алкоголь. Пошел проторенным путём русской интеллигенции. И смысла жить по-другому не вижу. В один прекрасный день выкинул записные книжки и телефон, вытащил замок из двери и стал жить, как Бог на душу положит. Ем, пью, что люди принесут. Вон их сколь-

ко, скитальцев. Всех пускаю, платы не беру, но если кто поставит бутылочку, не отказываюсь.

Иванов. И вы считаете себя счастливым человеком?

Рыжий. Разве не видно? (*Пауза.*) Конечно, нет. Если бы у меня был покой внутри, разве бы я пил горькую? Хотя, знаете, по-разному бывает. Иногда думаю, что я счастливее, чем в той, другой жизни. Чаще, правда, чувствую себя Иудой, предавшим что-то главное в себе. Покинувшим поле боя солдатом, что залёг в подполе у сердобольной старухи. Сидеть в погребке уже невыносимо, но и на свет Божий показаться — срам.

Иванов. А как же покаяние?

Рыжий (*тяжко вздыхает*). «Покаяния несть во мне». Сложный вопрос. Каюсь, вроде, каждый день, а сделать решительный шаг, пойти на исповедь не решаюсь. Покаяние — это не только признание своей вины, но и твёрдое решение изменить свою жизнь. Не то чтобы я не мог бросить пить. Боюсь! Спадёт защитная пелена с глаз, и что станет с моей душой? Содрогнётся от ужаса. Да и поздно мне уже меняться. Лучше уж с этими странниками и бродягами. Одна надежда: может, согрею кого из них, и мне Господь что-нибудь простит.

Иванов. А что за люди?

Рыжий. Да кто их разберёт?! Паспорта не проверяю. Не я им судья, не я прокурор, и не я адвокат. Что спросят — отвечу, кто расскажет — послушаю, а в душу не лезу.

Иванов. Не боитесь постояльцев?

Рыжий. Чего мне их бояться? Красть у меня нечего, всё, что было, давно продал, пропил или украли. Убьют? Это вряд ли. Да и всё в руках Божиих, когда-то же придётся помирать...

Дверь в квартиру распахивается. Входит Лера.

Лера. Привет, мальчики! Хорошо сидите?.. Ой!..

Лера узнаёт Иванова и пытается сбежать. Иванов кидается вдогонку. Оба выскакивают на лестничную площадку.

Иванов. Погоди! Стой!

Иванов догоняет Леру этажом выше. Крепко обхватывает за талию.

Попалась!

Лера. Отпусти немедленно!

Иванов. Вернёшь деньги — отпущу.

Лера. Какие деньги? Вы что, мужчина?

Иванов. Пятьдесят долларов, которые вытащила у меня из кармана.

Лера. Какие доллары? Уйди, больно! Ничего не брала, тебя вижу в первый раз. (Продолжает вырываться.) Нни-че-го не дока-ажешь, свидетелей нет! Отвали-и!

Иванов. Верни деньги по-хорошему.

Лера (*перестаёт сопротивляться.*) Слушайте, мужчинка, может, договоримся полюбовно?

Иванов. Как это?

Лера. Не понимаешь? Ты что, маленький? Объяснять надо? Короче, денег твоих у меня уже нет, могу отработать долг по-взрослому. Только я без спецодежды не буду! У тебя есть «изделия»?

Иванов. Нет.

Иванов отпускает женщину и делает три шага назад.

Лера. Так, может, подождёшь, пока я сбегаю?

Иванов молчит.

Лера. Что, чистюля такой?

Иванов. Какой есть. (*Садится на ступеньки.*) Иди куда шла.

Лера. Ну и сиди здесь один, как дундук. Пока, малахольный!

Лера уходит. Затемнение.

ШЕСТАЯ КАРТИНА

Иванов сидит наверху, за решёткой.

Иванов. Почему у меня никогда ничего по-человечески не получается с женщинами? Я их обожаю, превозношу, боготворю. Влюбляюсь глубоко, на всю жизнь. А им это не нужно. Им как будто нужна только сила. И не важно, взял ты женщину силой, или властью, или деньгами. Всё равно — покажи силу, и она твоя. Мерзко. Поэтому и не делаю первого шага. Жду, что Она догадается сама о моих чувствах. А Она догадывается редко. И едва догадается, как Её прекрасный образ начинает тут же разваливаться на части: то возлюбленная водку хлещет стаканами, то тупит, то пошлит, то просит денег «на колготки» или долг заплатить. Понимаю, мы все материальны, все хотим есть-пить-спать. Но где же тогда любовь? Чего ради мне сближаться с этой вот конкретной, реальной девушкой, женщиной, если она при мне может выmaterиться, как извозчик, или слевать на тротуар?

Значит, не так уж я важен для неё? Значит, она, прекрасная, воздушная, — просто фантазия моего измученного одиночеством разума? Как и моя единственная жена? Она у нас на заводе была инженером ОТК. И однажды в новогоднюю ночь сидели мы тесной компанией за столом... Вот не то чтобы она была красивой, а тянуло меня к ней. И утром, когда проснулся с ней рядом в постели, понял: и её ко мне тянуло. И уже Восьмое марта мы встречали как муж и жена. Прожили вместе целых пять лет. А потом всё рухнуло: сначала страна, потом завод, и последней развалилась наша семья.

Иванов спускается по лестнице и толкает первую попавшуюся дверь. Входит в квартиру. Сцена поворачивается, и зрители видят комнату, заваленную клетчатými сумками, в которых торговцы-«челноки» возили свой товар. У стены стоит поместительный платяной шкаф.

Вот в этом самом шкафу всё и произошло. Всё и выяснилось... После развала страны я на заводе организовал кооператив. Делали всё то же, что и раньше, и даже немного больше, только продавали не государству, а кому попало: и гражданам в розницу, и первым коммерсам оптом. А ещё гнали отходы производства за границу. В этих отходах и таились главные

доходы: серебро, золото, платина, редкоземельные металлы. Просто у нас в стране никто не знал, как их выковырять из курганов, образовавшихся на территории завода. А за кордоном знали! И с руками отрывали эшелоны «шлака», как числились эти вагоны на таможне... Главное — деньги появились. Было на что жить. Да, жили мы хорошо, но недолго. Однажды пришли крепкие ребята с бритвыми черепами и заявили, что наше теперь не наше, а некоего Антона Артуровича. Я попытался задавать вопросы, но получил в ответ только пару ударов в зубы и рекомендацию собрать манатки в течение часа... Если бы не жена... Она занялась торговлей, самой простой челночной торговлей: Турция — Китай — Польша. Тряпки покупала за копейки там, за рубли продавала здесь. Я ей помогал, ну и подрабатывал где мог. Так мы и выживали. Но однажды бес забрался мне в голову и начал зудеть: «А что это за чернявый добрый молодец вьётся вокруг твоей жены? Что-то ему надо, кроме тряпок, от неё!» И тогда я от беспросветной ревности залез в шкаф. В этот самый шкаф, чтобы проследить за ней. И за ним! Вроде как ушёл на биржу труда, а сам — в шкаф. Туда, где обычно прячутся любовники, забрался я, муж!

Иванов залезает в шкаф, закрывает за собой дверцу. Вскоре в

квартиру входит Жена Иванова, очень похожая на Леру. Раздаётся дребезжащий звонок чёрного эбонитового телефонного аппарата сталинских времён.

Жена Иванова (*снимает трубку*). Иванова, слушаю. Да, Катя... Ну мы же договорились — снимаем место возле мясного павильона. Как возле «Овощей-фруктов»? Да там же после обеда вонь страшная от гнилья! Кто это решил? Директор рынка? Сволочь! Да не ты, а он! Я же этой твари двести баксов на лапу дала за место!.. Мало? А сколько надо? Ну скоги-ина! Да успокойся — не ты, а он! Ладно, сегодня я уже на рынок не вернусь, завтра решу. Чем решу? Да хоть натурой. Не твоя забота. Всё, пока.

Звонок в дверь. Жена Иванова идёт открывать. Возвращается с Гиви Арсеновичем, в руках у которого букет цветов и бутылка шампанского. В этот момент дверца шкафа злобно скрипит.

Гиви Арсенович (*протягивает подарки Жене Иванова*). Цветы и вино — моей обожаемой даме!

Жена Иванова. Гиви Арсенович, Восьмое марта прошло, до Нового года далеко — в честь чего дары?

Гиви Арсенович. Ай, какие это дары?! Просто не могу к такой

красивой женщине приходиться с пустыми руками.

Жена Иванова. Спасибо. Извините, не приглашаю за стол — очень много работы.

Гиви Арсенович. Вы меня простите, что пришлось побеспокоить дома, но вы мне продали майки-футболки...

Жена Иванова. Какие майки? Какие футболки?

Гиви Арсенович. Три... Нет, четыре месяца назад продали турецкие майки. Футболки. Они половина с дырками! Под мишка! (*Показывает на подмышку.*)

Жена Иванова. И вы только сейчас это заметили? А может, у них подмышки погрызли мышки? Вы же товар на бывшем хлебоприёмном пункте храните. Мышей там много. Так что не надо мне выкачивать эти предьявы!

Гиви Арсенович (*от волнения начинает говорить с сильным акцентом*). Какой хлебоприём? Какие миши-крисы? Это брак! Пятьдесят процент брак. Неустойка с вас по договор.

Жена Иванова. Вы, Гиви Арсенович, договор хорошо читали, когда подписывали? Претензии по качеству принимаются в течение месяца. Дальше — ваши проблемы.

Гиви Арсенович. Нет, дорогая, это наши общие проблемы!

Жена Иванова. Общего у нас с вами — Центральный рынок. Всё. Претензии принять не могу. Не хотите со мной работать — удачи с другими поставщиками.

Гиви Арсенович (*укоризненно*). Э-э-э... Ну хоть маленькую неустойку, а?

Жена Иванова (*распалаясь*). Гиви Арсенович, вы же умный, немолодой уже человек. А такую хрень порете! Знаете же прекрасно: не за что мне вам неустойку платить. На арапа решили взять? Не выйдет. Извините, устала я, а мне ещё квартальный отчёт для налоговой делать. До свидания. Дверь захлопните.

Гиви Арсенович (*безнадёжно*). Э-э-э...

Гиви Арсенович уходит. Жена Иванова садится за стол и начинает работать с бумагами. Иванов тихо приоткрывает дверцу шкафа и высказывает наружу.

Иванов (*радостно*). А вот и я!

Жена Иванова падает со стула на пол и лежит неподвижно. Иванов бросается к ней, тормозит, бьёт по щекам, целует.

Милая моя! Что с тобой? Милая,

ты что? Ты как? Я сейчас, сейчас «скорую»...

Иванов бросается к телефону, трясущимися руками набирает номер на диске. Жена Иванова медленно поднимается с пола, сгребает бумаги со стола, захихивает их в женскую сумочку и уходит, не повернув головы в сторону Иванова. Пока она идёт к двери, бумаги выпадают из сумки, но она этого не замечает.

Ми... Милая!..

Иванов выскакивает на лестничную площадку. Она пуста. Он некоторое время стоит, а потом медленно совершает восхождение к своей решётке и садится на пол, обхватив руками прутья.

Она не вернулась. Больше я её никогда не видел... Но и не пытался найти, понимая, насколько я глуп и несовершенен... (Пауза.) Бог сотворил совершенный мир и бессмертного человека в качестве мудрого управителя его. А тот, отпадая от Бога, начинает изменять окружающий мир, разрушая гармонию, этим уничтожая мир. Достичь гармонии человека с миром невозможно без Бога. Значит, Бог есть! Он, создав мир из ничего, продолжает управлять им и каждой тварью в нём. И моей жизнью тоже? Хочу верить и боюсь ошибиться. Если моей

жизнью управляет Бог, наимудрейший и всесовершеннейший, почему я здесь? Что это — проклятие Божие или посланное Им испытание? Ошибка судьбы или проигрышный жребий? Насколько моя жизнь зависит от моих действий, и что есть воля Творца? О каждом из нас есть промысел Божий, но мы сами вольны выбирать свой путь. Человек сам отвечает за то, как проживает собственную жизнь. Он ответственен перед всеми: собой, близкими и Богом. Как использовал полученные дары, чем приумножил, что в сухом остатке. За всё будет держать ответ. То, что торчу в этом пустом подъезде и не могу найти выхода, — не наказание, но вразумление. Ещё один дар долготерпения Божия. Видя, как погибаю в пустоте моих дней, Господь протянул руку помощи, открыл разум к изменению жизни...

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ СЕДЬМАЯ КАРТИНА

В подъезде раздаётся отчаянный вой. Иванов идёт вниз, на звук. На ступеньках сидит мужчина зрелого возраста — Профессор — и, горько рыдая, раскачивается, как маятник.

Профессор. Зачем? За что? Разве я хотел чего-то плохого? Куда мне теперь?

Иванов. Вы потерялись?

Профессор. Угу.

Иванов. Ну ничего, это не так ужасно, как может показаться. Я вот тоже не могу найти свою квартиру, и ничего, живу как-то...

Профессор. Где моя квартира, я прекрасно знаю, вон она (*показывает в сторону одной из дверей.*) Я семью потерял! (*Рыдает.*)

Иванов. С вашей семьей случилось... непоправимое?

Профессор (*нервно*). С чего вы взяли? С ними всё хорошо.

Иванов. Ну так и слава Богу! Что же вы расстраиваетесь?

Профессор. Непоправимое стряслось со мной... Видите ли, я экономист, доктор наук, профессор университета, одновременно руковожу консалтинговой фирмой, небольшой, но весьма доходной. У меня прекрасная жена, с которой мы прожили почти тридцать лет, двое сыновей, оба женаты уже, внуков народили.

Иванов. Могу только позавидовать тому, как у вас всё прекрасно сложилось. А что же произошло? Отчего вы тут?

Профессор. Я влюбился! Да, словно мальчишка, до умопомрачения! Как это ни банально,

влюбился в молоденькую студентку. Ума не приложу, почему это могло случиться со мной! Ты-ся-чи! Тысячи студентов выучились за время моей педагогической практики, и никогда ничего подобного со мной не происходило. Всю жизнь я очень сильно любил свою жену и об измене даже не помышлял. А тут, как наваждение, затмение рассудка!

Иванов. С кем не бывает — сиди на в бороду...

Профессор (*дрожащим голосом*). Не-ет, вы не понимаете. Это не какое-нибудь приключение — это настоящее, очень сильное чувство, это любовь с первого взгляда! Я и не верил, что такое бывает. Большую часть времени я отдаю работе в фирме, а в университете нагрузка у меня небольшая. Преподаю, чтобы не потерять форму, оставаться в тонусе, так сказать. В вузе особая, ни с чем не сравнимая атмосфера. От студентов подпитываешься зарядом энергии, молодости, бесшабашности... И общение со своим братом учёным весьма полезно: надо быть в курсе современных тенденций в науке. Нигде не успеваю катастрофически, везде бегом-бегом. Прочитал лекцию, принял зачёт — и бегом на другую работу. В этой суеде студентов запоминать нет никакой возможности. Они существуют как единая масса. Не безликая, но вникать в

личность каждого нет возможности... А её-то я сразу выделил из всех. Была ранняя весна. Солнечные лучи согревали землю, снег начинал только подтаивать, ещё не превратился в слякоть, воздух наполнялся ароматом свежести и чистоты. Люблю в такую погоду пешие прогулки — просто так, без цели и смысла. Идёшь и ни о чём не думаешь. Такая бодрость в теле и надежда в душе! Так было и в тот день. И вот в таком состоянии души я вдруг увидел её. Она опоздала, тем и обратила на себя внимание. Влетела в аудиторию, как ангел: рыжие волосы в сиянии солнечных лучей, лёгкая, словно летящая по весеннему воздуху. И этим воздухом мне вдруг стало трудно дышать... Но о шагах к сближению я даже не думал, что вы! Если бы не случай. Еду как-то на машине, дождик льёт. Смотрю: она, мой ангел, бежит, перепрыгивая через лужи, намочила вся. Остановился, предложил подвезти. Она согласилась, села в машину. И я поехал — и вот до сих пор не могу остановиться!

Иванов. Так хороша?

Профессор. Нет слов, как хороша! Понимаете, я таких в своей молодости не встречал. А может, не находил в себе сил ухаживать за такими ангелами, не верил, что я их достоин. И вдруг вот это нежное, голубоглазое, рыжеволосое создание мне говорит, что любит!

Мне, старому идиоту! А какой она прекрасный, чистый, светлый человек! Скромная, не испорченная, не капризная. Очень выгодно отличается от этих современных дерзких, незакомплексованных девушек. Я её люблю! Люблю просто безумно. Мне с ней интересно, радостно — счастливо, одним словом. Каждая наша встреча — как праздник, расставание — пытка. Я с ней будто заново родился. Вдруг открылось столько нового и неизведанного в жизни и во мне самом. Такая, оказывается, во мне сохранилась бездна нерастроченной нежности!

Иванов. Ну и не расставались бы.

Профессор. А жена? Я ведь и её тоже очень сильно люблю! Мы с ней счастливо прожили три десятка лет. Понимаем друг друга без слов, до мельчайших подробностей друг друга изучили, чувствуем боль один другого на расстоянии. Сколько всего пережито вместе! В самые трудные моменты жизни она оставалась рядом, была мне опорой. Наконец, у нас дети, внуки, друзья, общие воспоминания. Как с этим расстаться?

Иванов. Да уж. Замкнутый круг.

Профессор. Безвыходная ситуация! С женой тоскую по той, другой. А когда с ней, тянет неимоверно к жене, домой! Там бросить не могу, и отсюда уйти

невозможно. Всех сделал несчастными. Понимаю, что только один я виноват во всём, но как изменить ситуацию — не знаю.

Иванов. А жене о вашем романе известно?

Профессор. Теперь да. Сами понимаете, не от меня, я никак не мог решиться. Но мир не без добрых людей. Конечно, стукнули. Она только спросила, правда ли это. Я кивнул.

Иванов. И что, не отпускает?

Профессор. Она-то отпускает. Я уйти не могу! Ни слов от неё, ни слёз, молча собрала мои вещи, и вот я здесь, под дверью, как выкинутый на улицу котёнок.

Иванов. Да уж, положение...

Профессор (*опять закачался маятником*). Что делать? Что делать?

Иванов. Раз выгнали, так, может, теперь со спокойной душой пойти к любимой девушке?

Профессор. Да разве я смогу забыть жену? Буду страдать и только мучить этим её, молодую, нежную. Ничего радостного я ей сейчас не смогу принести.

Иванов. Ну тогда вернитесь домой, попросите прощения.

Профессор. Как я могу просить

прощения, если понимаю, что опять меня потянет к другой, а теперь, зная о её существовании, жена будет страдать вдвойне.

Иванов. Куда ни кинь — везде клин... А может, не возвращаться ни к одной?

Профессор. То есть как?

Иванов. Если невозможно выбрать, так может, и не выбирать? Поживите отдельно от всех. Есть где?

Профессор. Да, есть дача за городом.

Иванов. Вот и поезжайте туда на время. Надо скрыться от всех, ни с кем не встречаться, даже не звонить. Пусть сердце отдохнёт, а потом само выберет, кого оно больше любит.

Профессор. Да, наверное, вы правы, надо абстрагироваться от ситуации. Съеду на дачу, и как раз мне надо скоро в командировку за границу на две недели, а там поглядим.

Профессор оживлённо вскочил, благодарно пожал руку Иванову и засеменил вниз. Иванов продолжает сидеть на ступеньках и размышлять.

Иванов. Странная штука любовь. Казалось бы, несёт свет и радость, возвышает человека, и вдруг такая боль и такие страдания!

Многообразна любовь! Ради любви совершали великие подвиги, открывали континенты, покоряли горы, сочиняли лучшие произведения. И ради неё безжалостно убивали соперников, предавали друзей, совершали множество преступлений. Каждая предназначенная судьбой встреча — заоблачное переплетенье душ и фейерверк чувств в лавине счастья. И каждая супружеская измена — снежный ком скандалов, сплетен, ненависти и душевной нищеты. Одно и то же чувство делает одних и тех же людей неизмеримо счастливыми и безгранично несчастными. Может быть, всё оттого, что люди извратили сам смысл слова «любовь», саму суть этого великого чувства, низведя всё до уровня одних эмоций? Любовь — это не только радость общения и обладания, но и ответственность, и верность до подвига. Влюблённость и страсть скоро проходят и часто разрушают брак. А если гармонично перерастают в любовь-привязанность, не только сохраняют семью, но и открывают новые, неизведанные грани супружеской жизни. А вот я свою семью сохранить не сумел. И детей мы с женой завести не успели...

ВОСЬМАЯ КАРТИНА

Сверху по ступеням спускается Учёный и останавливается возле Иванова.

Учёный. Вы себя хорошо чувствуете?

Иванов (*вздвигнув от неожиданности*). Что? Да. (*Пауза.*) Хотя — нет.

Учёный. Может, я могу чем-нибудь помочь?

Иванов. Ничем вы мне помочь не можете. Это не по силам никому. Понимаете, я потерял свой дом. Вот брожу по этому подъезду и не могу найти родного жилища. Да и не только его. Кажется, я потерял что-то самое главное в своей жизни.

Учёный. Так вы мой клиент! По-моему, я знаю, что вам нужно. Давайте зайдём ко мне, и я всё объясню.

Иванов и Учёный входят в квартиру, которая напоминает компьютерный склад. Вся техника, соединённая между собой переплетающимися проводами и кабелями, работает, мигая лампочками и жужжа кулерами. На авансцене стоит кресло.

Я, конечно, не маг и не волшебник, но кое-что могу вам предложить. Садитесь, пожалуйста, в кресло.

Иванов (*садясь*). Вы часом не экстрасенс?

Учёный. Ни в коем случае. Я программист. Самый обычный программист.

Иванов. И у вас есть программа, чтобы мне помочь?

Учёный. Именно так — есть специальная программа...

Иванов. Ну вы даёте! (*Пытается встать.*)

Учёный. Подождите (*усаживает Иванова обратно*). Выслушайте меня! Я пишу разные компьютерные программы. Компьютер, великое изобретение человека, похож на своего создателя в области мыслительной деятельности. Постоянно совершенствуясь, и процессоры, и программное обеспечение продвигаются к созданию искусственного разума, подобного человеческому или даже превосходящего его.

Иванов. Это, конечно, интересно. Только я не пойму, как компьютер может помочь мне сейчас.

Учёный. Не сам компьютер, а программа, которую я создал. Я много занимался компьютерной памятью, проблемами сохранения и восстановления информации. Вот и подумал однажды: а что если попробовать использовать элементы компьютерной программы для воздействия на сознание человека? Начал изучать физиологию, строение головного мозга, психоанализ. В общем, провёл большую работу на стыке многих наук. В итоге мне удалось создать программу, которая помогает восстанавливать человеческую память.

Иванов. Верится с трудом.

Учёный. Ну да, я пока ещё захожусь на стадии эксперимента, продвинутых опытов, так сказать.

Иванов. Есть хоть какие-нибудь результаты?

Учёный. Окончательные выводы делать ещё рано... Но результаты есть: у склеротиков память улучшается, больные амнезией, с которыми я работал, вспоминали своё прошлое. Кроме тех, конечно, кто просто косил под потерю памяти. Бывают и самые неожиданные случаи.

Иванов. Какие случаи?

Учёный. Люди вспоминали то, чего с ними никогда не происходило.

Иванов. Как это?

Учёный. Пусть не все, но многие, случается, проходят мимо чего-то самого важного в жизни. Не решаются на поступок, выбирают неверное направление, идут на сделку с совестью. Всё это мешает им быть самими собой, занять подходящее место, сделать открытие. Как в сказке: стоит человек на распутье и решает, куда идти. Налево пойдёшь — костей не соберёшь, направо — удачи не жди, а прямо — лучше бы совсем

не родиться. Сколько людей ошиблось, выбирая неверное направление! Так вот некоторые пациенты вспоминают, когда и куда им нужно было свернуть.

Иванов. И что?

Учёный. А то, что у некоторых появляется возможность вернуться и изменить свой путь. Ведь пока человек жив, всегда остаётся шанс.

Иванов. Хорошо, я согласен стать вашей очередной морской свинкой. Что нужно делать?

Учёный. Ничего особенного. Устраивайтесь поудобнее, а я закреплю у вас на голове датчики, которые будут излучать волны на участки мозга, отвечающие за память. Расслабьтесь, закройте глаза и внимайте.

Учёный закрепляет на голове Иванова датчики, подключает их множеством проводков к компьютеру.

Ну что — готовы?

Иванов. Готов.

Учёный. Включаю.

Учёный, глядя на экран монитора, кликает мышкой, делает несколько шагов в глубину сцены и скрывается в темноте. На авансцене остаётся Иванов

в кресле. Немного поёрзав, он находит удобную позу, расслабляется и закрывает глаза. На заднике медленно разгорается экран, на нём зритель видит картины, появляющиеся в мозгу Иванова.

Большой луг — разноцветье трав, залитое солнечным светом. Среди высокой травы мальчик лет шести в белой майке и шортах песочного цвета гоняется с сачком за бабочками. Мальчик всем своим видом излучает счастье. Когда ребёнок поворачивается к зрителям лицом, Иванов вздрагивает от неожиданности.

Иванов. Это я?! Когда и где это было?

На луг выбегает девочка, она года на два помладше мальчика. Дети вдвоём бегают и резвятся на лугу, плетут венки из цветов. Им хорошо вместе.

А кто эта девочка? Она словно бы похожа на меня. Но у меня никогда не было сестры, даже двоюродной! Меня что — обманывали всю жизнь? У мамы я точно единственный ребёнок. Неужели отец прижил дочку на стороне?

Прекрасный луг начинает меняться. Внезапно налетевшие тучи закрыли солнце, подул сильный ветер, пригибая траву

и цветы к земле. Вот-вот прольётся дождь. Небо озарили первые всполохи грозы. Дети в ужасе замерли посреди луга.

Бегите скорее домой! Спасайтесь!

Первые крупные капли дождя привели мальчика в чувство, он схватил сестру за руку и потянул за собой — к краю луга, где растёт огромный старый дуб. Дети бегут к нему, чтобы спрятаться под его кроной от дождя. Небо озаряется яркими вспышками молний, вода лавиной обрушивается на детей.

Только не туда, не под дерево! В него ударит молния!

Но дети продолжают что было сил бежать к дубу под струями ливня. Мощный разряд небесного электричества озарил луг и лица детей, повернувшихся к Иванову.

Это же мои дети! Мои неродившиеся дети!

Дети добегают до дуба и прячутся под его ветвями. Ещё один сильный разряд озаряет небо, молния входит в землю совсем рядом с деревом.

Осторожно! (Пытается вскопчить.)

Учёный подбегает к монитору и выключает программу. Экран на заднике гаснет.

Учёный (*удерживает Иванова за плечи*). Осторожно! Вы ломаете мне всю аппаратуру! Успокойтесь, это всего лишь сон.

Иванов. Там же дети в опасности!

Учёный. Придите в себя! Какие дети? Где «там»? Вам всё пригрезилось, это был лечебный сон, эксперимент по восстановлению памяти. И, как я понимаю, он удался.

Иванов (*успокаиваясь*). Более чем. Ваша программа замечательно работает.

Учёный. Что-то увидели?

Иванов. Как вы и говорили — самое важное событие, мимо которого прошёл в жизни. Спасибо вам огромное! Если бы не ваша чудо-техника, так бы и провёл всю жизнь в неведении. Прошу прощения, но мне сейчас нужно побыть одному.

Иванов, словно сомнамбула, выходит за дверь, поднимается на один лестничный пролёт и занимает привычное своё место для размышлений.

ДЕВЯТАЯ КАРТИНА

Иванов (*почти рыдая*). Виноват! Виноват! Виноват! Перед неродившимися детьми своими виноват: не позволил им жить, радоваться свету солнца, дру-

жить, любить, творить и верить. Перед собственной женой виноват: не дал ей возможности испытать самое главное в жизни женщины чувство — материнство. И даже если она не сильно хотела стать матерью, то это всё равно моя вина! Значит, не видела во мне надёжной опоры, настоящего главу семьи, способного окружить близких людей заботой. Виноват перед бабушкой и дедом, перед родителями: некому будет хранить воспоминания о них и полоть траву на их могилках. Виноват перед прошлым и будущим, потому что разорвал цепь событий. Не может дерево расти без корня, и корень не плодоносит без ствола и веток. А если дерево, даже имея корни и ствол с ветвями, не приносит плода, зачем оно? Виноват перед небом и землёй, ветром и дождём, солнцем и луной, лесом и травой. Перед всем миром — виноват! Ибо если человек не будет рождать себе подобных, мир перестанет быть...

На лестнице появляется Лера.

Лера. Вот он! Ищу, понимаешь, его по всему подъезду, а он тут посиживает себе спокойненько и в ус не дует!

Иванов. Это ты? Не ожидал.

Лера. Я сама от себя не ожидала, что буду бегать за мужиком по ступенькам.

Иванов. Кстати, с чего бы вдруг?

Лера (*смущённо*). Ну это... Вот, возьми свои деньги.

Иванов (*печально*). А говорила, не брала.

Лера. Да я, может, их на площадке нашла. Ты, может, их сам обронил...

Иванов (*не дослушав, поворачивается к ней*). Скажи, а почему ты всё-таки решила их вернуть?

Лера. Решила и решила. (*Помолчав.*) Просто показалось, что ты не такой, как все.

Иванов. А какой?

Лера. Да ну тебя! На, заberi свои деньги. Бегаю тут за тобой, а ты вроде и не рад.

Иванов (*прячет деньги в карман*). Да я рад. Только не деньгам, а тебе... Встретить тебя рад.

Лера (*смущённо*). Скажешь тоже...

Молчат. Иванов исподволь пытается получить рассмотреть Леру.

Ну что, я пойду?

Иванов. Скажи, а у тебя дети есть?

Лера. Нет. А что?

Иванов. А хотела бы завести детей?

Лера. От кого?

Иванов. Да какая разница, от кого! В принципе — да или нет?

Лера. Что значит «завести»? Дети же не моль, сами собой не заводятся.

Иванов (*разочарованно*). Понятно.

Лера. Да что тебе понятно? Это же серьёзное дело! Сначала надо всё хорошенько обдумать. Где жить, на что жить, как жить? А главное — с кем. Знаешь, как бывает: наобещает какой-нибудь ухарь златые горы, а после, стоит только ребёночку в тебе шелохнуться, тут же в кусты. Мол, наше дело — не рожать...

Иванов. А если со мной, к примеру?

Лера (*нерешительно*). С тобой? Жить? Смеёшься, что ли? Ты посмотри на себя и на меня.

Иванов. Да, понимаю. Но я же не всегда был...

Лера (*перебивает*). Тебя ведь за версту видать — порядочного, умного. Ты вон даже заступился за меня перед этим кобелём. Просто так заступился. Потому что я

женщина, а ты мужчина, значит, защитник. Тебя же чуть не убили из-за меня! А я? Ты же не знаешь, какая я. Ты же меня через неделю выгонишь! Нет уж, спасибо. Пойду я.

Лера встаёт и начинает спускаться по ступенькам.

Иванов. Я знаю, какая ты. Ты красивая.

Лера замедляет шаг.

Ты хорошая и добрая. Ты сострадательная, какой и должна быть настоящая женщина.

Лера останавливается.

Я вижу, что ты умеешь любить. Что ты будешь любить детей.

Лера. Чьих детей?

Иванов. наших! Может быть, однажды и меня полюбишь.

Лера. А ты?

Иванов. Что?

Лера. Ты меня полюбишь?

Иванов. Ты мне... нравишься. Очень. Если бы с самого начала, с того самого первого раза, когда я тебя увидел, ты мне не понравилась, мы бы здесь... В общем, ничего бы сейчас не было. А ты ведь тогда меня пожалела.

Лера. Правда, что ли?

Иванов. Ты тогда сказала — «бедненький». А мне и это уже очень много. Я много лет ни от кого доброго слова не слышал. Тем более от женщины. Особенно от такой... Такой прекрасной, как ты.

Лера (*подходит к Иванову вплотную*). Ты серьёзно? Не шутишь?

Иванов (*обнимает её*). Вполне серьёзно.

Лера. И предлагаешь вроде как семейно жить?

Иванов (*уверенно*). Да. Я чувствую, нет, я знаю, что ты дана мне Богом. Как Ева Адаму.

Лера (*тихо и светло смеётся*). Я не Ева, я Лера.

Иванов (*смакуя каждый звук*). Ва-ле-ри-я. А ты знаешь, что означает твоё имя?

Лера (*кладёт голову ему на плечо*). Не-а. Знаю, что оно вроде бы римское.

Иванов. Точно. А в переводе — сильная, здоровая. И телом, и душой. Так ты согласна стать моей женой?

Лера. Да. Согласна.

Иванов. Мы будем счастливы вместе, обязательно. Правда, у меня ничего нет, даже дом свой я потерял.

Лера. Ничего, вдвоём мы его найдём скорее.

Тишину в подъезде взрывает дребезжащий телефонный звонок.

Иванов. Это же мой телефон! Точнее, моего деда! Таких сейчас уже ни у кого не осталось. Значит, он звонит в моей квартире. Бежим!

Иванов хватая Леру за руку, и они вместе бегут по лестнице вверх и вверх, оказываются перед распахнутой настежь дверью, врываются в квартиру. Иванов хватая трубку чёрного эбонитового аппарата сталинских времён.

Иванов. Да! Алло! (*Пауза.*) Слушаю, говорите!

Голос в трубке (*сдавленно*). Здравствуйте.

Иванов. Здравствуй, папа.

Голос в трубке. Ты узнал меня, сынок!

Иванов. Просто почувствовал, что это ты. (*Пауза.*) Папа, я очень рад тебя слышать.

Голос в трубке. И я очень рад. Прости, что всё так сумбурно. Не надеялся, что смогу дозвониться. А тут сразу ты ответил. Я немного растерялся.

Иванов. Папа, где ты? Ты приехал?

Голос в трубке. Нет, но скоро буду у вас. Очень хочу встретиться.

Иванов. Я тоже. Как ты?

Голос в трубке. Хорошо... (*Пауза.*) Прости, сын, что я столько лет не давал о себе знать. Я очень виноват перед тобой.

Иванов. Тебе не надо оправдываться.

Голос в трубке. Надо, ещё как надо! Я бы хотел, чтобы ты меня простил.

Иванов. Я люблю тебя, папа!

Голос в трубке. Что? (*Вскликивает*).

Иванов. Очень люблю и жду с нетерпением.

Голос в трубке. Я тебя тоже очень...

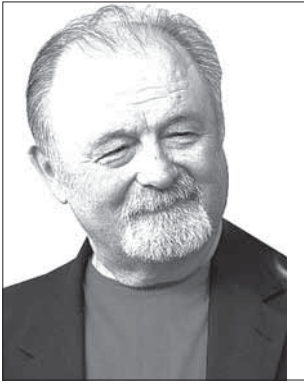
Связь прервалась. Иванов стоит ещё немного, слушая гудок в трубке, затем кладёт её на аппарат и возвращается к застывшей в нерешительности Лере.

Иванов. Заходи, что же ты? Это наше с тобой жилище.

Лера. А говорил, потерялся.

Иванов. Было дело. А теперь вот нашёлся. Для Бога никто не потерян, все наперечёт. Входи смелее.

Занавес.

Павел РЫКОВ

НАШ ДВОР ПОСЛЕВОЕННЫЙ

Ἰ ἀὰὰἔ Ἀὰἰ δὰἔἀἀἔ- Δὺἔἰ ἄ
δἰ ἀἔἔἡἡ ἄ Ἰ ἰἡἔἄ ἄ 1945
ἀἰ ἄἔ. Ἰ ἔἰ ἰ +ἔἔ Ἰ ἰἡἔἰ ἄἡἔἔἔ
ἀἰ ἡἔἄἄἡἡἡἡ ἰ ἡἔ ἔἰ ἡἡἔἔἔἔ
ἔἔἔἡἡἡἡἡἡ. Ἰ 1988 ἰ ἰ 2012
ἀἰ ἄ δἔἔἰ ἄἰ ἄἔἔ Ἀἰ ἡἔἄἄἡἡἡἡ -
ἰ ἰ ἔ ἡἔἔἄἄἔἔἔἔἣ ἰ ἰ ἄἣ ἔἔἔ
«Ἰ δἄἣ ἄἔἔἄ». Ἰ ἰ ἡἡἡ, ἰ δἣἣἔἔ,
ἄἔἄἣ ἄἔἔἔἄ. ×ἔἄἣ Ἰ ἣ ἣἣἣ
ἰ ἔἡἡἡἡἔἔἔἣ Δἣ ἡἡἔἔ. Ἐἔἔἔἄἄἔ
ἰ ἰ ἣἣἔἣ ἰ ἄἄἣἣἣ ἄἣἣ ἄἣ ἡἡ ἔ
δἣ ἡἡἔἣἣἣἣἣἣ ἰ δἄἣ ἔἔ ἄ ἣ ἄἔἔ-
ἡἡἣἣ ἣἣἣἣἣ ἣ ἣἣἣἣἣἣἣ ἔἣ,
ἰ δἄἣ ἔἔ ἔἣ. Ἀ. ἰ δἄἄἄἣἣἣἣἣ ἄ
ἄἔἣἣ ἄἣ ἄἣἣ «Ἀἣ ἡἣἣἣ ἣἣ Ἀἣἣ δ»
(2010), δἄἣἣἣἣ ἣἣἣἣἣ ἣἣ ἣἣἣἣ-
ἣἣἣἣἣἣἣ ἣἣ ἣἣἣ ἣἣ ἣἣ. ἰ. Ἐ.
Δὺ-ἔἣἣἣ (2012), (2017), ἰ δἄ-
ἣ ἣἣ Ἀἣἣἣἣἣ ἄἣἣἣἣ Ἰ δἄἣ ἄἣἣἣἣ-
ἣἣἣἣ ἣἣἣἣἣἣ «Ἰ δἄἣ ἄἣἣἣἣἣἣἣ
ἣἣἣἣ» (2016), ἣἣἣἣἣἣἣ ἣἣ
ἣἣἣἣἣἣἣἣἣἣ ἣἣ ἣἣἣ ἣἣ
ἣἣ ἣἣ ἣἣ. Ἀἣἣἣἣἣἣἣ (2016).
Ἀἣἣἣ, ἣ ἄ Ἰ δἄἣ ἄἣἣἣἣἣ.

ВИОЛОНЧЕЛЬ И СЛАВА

Памяти М. Ростроповича

Городок тыловой замечает
метель,
И война городок замечает.
А парнишка, настроивая
виолончель,
Перед киносеансом играет.
А игру его слушает разный
народ —
Так приманчиво струн трепетанье.
В вестибюле нетопленном веет
парок
Изо ртов от людского дыханья.
Вальс играют. Держите покрепче
меня —
Тётки в ватниках, валенках,
шубах,
Инвалид-морячок, офицеры
в ремнях —
Никакого ненужного шума.

Летало, клювы изостряя,
Готовилось тела клевать...
— Москву уже не отстоять! —
Вопили сволочи, сбегая.

Дед, инвалид войны Германской,
Презревши груз обид на власть,
Не стал поклоны немцу класть —
Оборонял район Таганский.

Да! Силы деда вроде жалки:
Пронзая ночь, зенитки бьют,
О смерти «Юнкерсы» поют
И сыплют с неба «зажигалки».

Но дед, войны чернорабочий,
Спасает от огня район.
И гасит «зажигалки» он,
И погасил их, между прочим.

Дед не кричал: «Москва за нами».
Хромая, лямку он тянул,
Вождя сквозь зубы матюгнул
За то, что не сумел с врагами

Расправиться там кровью малой,
Как обещал, в чужой земле.
Но всё же не сбежал. В Кремле
Был — не в тылу под одеялом.

За труд во дни великой битвы
Медалью дед был награждён.
Но не просил награды он,
А лишь о здравии молитвы.

СЫН

В храм, что ни утро, ходила.
В очи глядела Христа,
И у подножья креста,
Встав на колени, молилась,

И, уповая на милость,
Слов не жалела своих:
Истовых, страстных, святых,
Тайных, заветных, простых.
Должен услышать Он их!

Должен...
Но не отмолила.
Видно, слова не дошли:
Сына германцы сожгли
Пленного. И не осталось
Даже и холмика ей...

Сын средь небесных огней,
Глядя сам в очи Христовы,
Снова, и снова, и снова
Тихим, заветнейшим словом
Молит о маме своей.

ТАНКИСТ

А у Кузьмы опять запой.
Об этом весь наш двор судачит;
Израненною головой
Трясёт и пьяным плачем плачет.

Кульгями обгоревших рук
Он слёзы по щекам размает.
— Кузьма! О чём рыдаешь, друг?
В ответ и полсловца не скажет.

Да и о чём тут говорить!
Кто эту правду одолеет:
Подбитый немцем танк горит,
В нём командир погибший тлеет.

А он каким-то чудом жив
И выбрался, огнём охвачен,
И на снегу пластом лежит,
У изголовья смерть маячит.

Но, видно, милостивый Бог
Узрел его среди метели
И от кончины уберёг,
И санитары подоспели.

О чём тогда танкист рыдал?
О ком скорбел он, в голос воя?
Я, как малец, не понимал:
Да как же может плакать воин?!

Сосед ему твердит: «Кузьма!
Да успокойся, бедолага!
Победа, брат! Прощай, война!
И ты — с медалью «За отвагу».

Где он сейчас? В каких краях?
Причислен ли к святым за муки?
Знать, в райских тешится садах,
Святой водою лечит руки.

МОРПЕХ

Матвейстепаныча хоронят.
Его осколок доконал.
Холодный ветер тучи гонит
И морщит волнами Урал.

Хотя сказать, ну что за волны...
Он нам рассказывал про Крым:
Там волны берег хлещут больно,
И немец бьёт. Да чёрт бы с ним!

Боекомплект десантный полный...
Прицельно немец бьёт опять.
И ты пред ним, как будто голый;
Матрос, не время загорать!

За берег надо зацепиться,
Хотя б зубами за песок.

— Эй, друг! — решил оборотиться,
А друг навек в песок залёг.
Теперь он сам вослед за другом...
Лежит середь двора в гробу.
Соседи встали полукругом
И что-то шепчут про судьбу.

А перед гробом на подушке —
Там орден Славы и медаль.
Вдове зарёванной подружки
Помогут пережить печаль.

Соседка наварила бражку,
Чтоб чин по чину помянуть...
Надев заветную тельняшку,
Моряк уходит в дальний путь.

Ему вослед платком не машут
И с пирса не кричат: «Ура».
В молчании Победа наша
Уходит с нашего двора.

ХЛЕБНЫЙ ДУХ

Как пахло от хлебозавода,
Какой нестерпимый соблазн
Идущему мимо народу
По разным народным делам.

Но наперво — в хлебную лавку.
И в очередь — вдруг подвезут.
— Буханочка! — Скажешь —
и сладко!

И к «Хлебному» ноги несут.

По карточкам хлеб и внарезку:
Внимательно очи глядят
И рады горбушке-довеску,
И слюни во рту закипят.

Война отошла, отревела.
Не все, но вернулись домой
Солдаты. И требует тело
По норме паёк фронтовой.

Начпрод пусть приварок отмерит,
Но только где этот Начпрод?
А карточки скоро отменят.
Готовьтесь, разинувши рот.

По прописям слово признанья
Вождю заталдычит народ...
Пока же с утра обонянье
И душу рвёт хлебозавод.

НАШ ДВОР ПОСЛЕВОЕННЫЙ

Наш двор послевоенный,
Далёкий, незабвенный,
Скрещенье всех дорог.
В нём бедность не порок:
Стекольщик стёкла носит
И дорого не просит.
Точильщик точит нож.
Тут удивляться что ж!
Войны итог таков —
Побило мужиков,
И во дворе не тесно:
Кравцов пропал безвестно,
Василич — тот убит,
Под Киевом зарыт.
От тёти Раи сына
Осталась половина.
А руку дядя Павел
В Германии оставил,
И левый глаз — Рахим.
Смеётся: «Хрен бы с ним.
Не важно, что кривой,
А важно, что живой».
А Гоша уцелел:
У немца он сидел.

Сам в плен под Минском сдался
В рабы. Но жив остался.
Там бауэр баварский
Кормил его по-царски:
Что свиньи — то и он,
И потчевал кнутом.
Но Гоша сдюжил, выжил.
Он в плен сдавался рыжим.
Там выбелен он мелом
Немецким, чистым, белым.
Проверен, и прощён,
И маме возвращён.

Двор наш послевоенный:
И скорбный, и победный,
Небесный и земной!
Я жив — и он со мной.

Нам Победы никак не простят;
Не по правилам мы победили.
Судят, как о незваных гостях,
Что без спроса и ели, и пили.

Сиволапые, быдло, русня,
Сыромятина, валенки, глина!
Кто позволил восстать из огня?
Как посмели дойти до Берлина?

И, купаясь в сигарном дыму,
Погрузившись в мягчайшие
кресла,
Всё твердят: «Ну, никак
не пойму
Эту Русь, что из пепла
воскресла».

Вам, убогим, понять не дано
То, что знали участники битвы:
И отваги хмельное вино,
И слезу поминальной молитвы.

ПЕРЕПРАВА

Последние уходят на войну
Навеки, в победившую страну,
Сумевшую сломить и обратять
Чужую исполчившуюся рать,
Увенчанную мёртвою главой.
Уходят к тем, кто продолжает бой.
По мокрой пашне путь лежит туда,
Где переправа, где кипит вода,
И где ребята всё ещё плывут
И маму перед смертью всё зовут.

Теперь и он догонит их в пути,
Чтоб вместе всем в солдатский рай войти.

Редакционный общественный Совет журнала «Гостиный Дворъ», коллектив областного Дома литераторов имени С.Т.Аксакова поздравляет писателя, поэта, драматурга Павла Георгиевича Рыкова с 75-летием со дня рождения и желает крепкого здоровья, вдохновения, новых творческих сил, дальнейшей работы на писательской ниве Оренбуржья!

Юлия СТРЕЛЬНИКОВА

СЛАБОЕ ЗВЕНО

Рассказ

Π εὐὺ Ἀεὲὸὶ δὶ αἶ ἀ
Νὸδᾶεὺί εὲί ἀᾶ δὶ ἄεεᾶνῦ
ἀ αἶ δὶ ᾶ Ἀόçóεὸέα Ἰ δᾶί -
ἀὸδᾶñεἶ εἶ ἰέᾶñòè. Ἰ εἶ ἶ -è-
εᾶ Ἰ δᾶί ἀὸδᾶñεὲε αἶ ñὸᾶᾶδ-
ñὸᾶᾶί ἶ ὕε ἶ ἰᾶᾶᾶί ἄε-ᾶñεὲε
ὀί εᾶᾶδñèçᾶç. Ḃᾶᾶί çᾶεᾶ
ἄεᾶεὲί çᾶεᾶδᾶί, ó-èçᾶεᾶί
δὸññεἶ ᾶί ὕçὕεᾶ è èèçᾶδᾶ-
çòðὕ, εἶ δδᾶñἶ ἶ ἶ ᾶᾶί çᾶί ἶ
ἶ ᾶ çᾶεᾶᾶεᾶᾶί èè. Ḃᾶᾶᾶεὸὶ δ
ᾶᾶçñεἶ ᾶί ᾶὸδἶ ᾶεᾶ «Ἰñçè-
ἶ ὕε Ἰᾶἶ δèè», ἶ δèèἶ ᾶᾶί èὕ
è èèçᾶδᾶçòðἶ ἶ ἶ ᾶὸδἶ ᾶεὸ
«Ἰñçèè ὕε Ἰᾶἶ δὕ».
Ἀεᾶ, ç ᾶ Ἰ δᾶί ἀὸδᾶᾶ.

Ночь медленно отступает, унося с собой холодный дымно-синий туман. Тёплое августовское солнце величественно поднимается над горизонтом, его первые косые лучи уже проникают в квартиру Хрусталёвых, расположенную в одной из старых панельных многоэтажек.

На плите аппетитно шипит и скворчит яичница с ветчиной и гренками, издавая бесподобный аромат, но Лена держит сковороду на вытянутой руке и старательно отворачивается: совсем недавно вид и запах пищи стали вызывать у неё отвращение.

Чтобы отвлечься и не смотреть на еду, она подошла к окну и прижалась лицом к холодному запотевшему стеклу. Капли воды медленно скатывались вниз, в пути соединялись друг с другом, образуя на стекле причудливые дорожки слёз. Лена рассеянно водила пальцем, соединяя эти дорожки в одну. Неужели опять?

Неужели ей придётся пройти через всё это ещё один раз?

— Ленуль, завтрак готов? — Андрей быстрым шагом прошёл на кухню и обнял жену за плечи. — Что это с тобой сегодня?

— Ничего. Я просто думаю... В общем, мне кажется, что я... — забормотала она.

— Давай потом, ладно? — Андрей взглянул на часы, садясь за стол. — Опаздываю на работу. Ты для Насти пакет собрала? Я в сад её завезу.

— Да, конечно, около двери стоит.

Громко топая, вбежала двухлетняя Настя.

— Ма-ам! Пока! Двель закрой кьепко-кьепко, чтобы волк не плишёл. А мой дьякон будет тебя охлянять, — и сунула в руки матери мягкую игрушку.

— Конечно, закрою, — улыбнулась Лена, расчёсывая её мягкие непослушные кудряшки.

Андрей подхватил дочь и побежал к машине. Повернув защёлку, Лена прислонилась спиной к двери и уткнулась лицом в мягкого зелёного дракона. Как только она осталась одна, тошнота навалилась с удвоенной силой.

— Уж лучше бы вырвало, — с отчаянием подумала она, — но не чем, в желудке-то ничего нет.

И тут её осенило.

— Хлеб! Надо пожевать немного хлеба. Пожевать и проглотить. И тогда всё пройдёт. Желудок будет занят привычной работой и перестанет безудержно содрогаться.

Отломив кусок хлеба, Лена тщательно прожевала его, ощущая, как рот заполняется противной сладковатой слюной, и тут вдруг поняла, что проглотить всё это просто не может. Выплюнув хлебную кашищу в мусорное ведро, она швырнула дракона на диван и быстрым шагом заходила по коридору, стараясь смотреть в потолок и постоянно сглатывая слюну.

— Ведь уже хотела выходить из декрета, Настюшку к садику приучила, — с тоской думала она. — Да и Тамара Ивановна недавно звонила, говорит, пятый класс брать некому, ждут меня. А мне, похоже, ещё раз придётся пройти этот «квест» с прелестями токсикоза, бессонными ночами и кучей грязных ползунков. Я всё время одна, — распалила она себя, не замечая, что уже говорит вслух. — Никому нет до меня дела. Сколько мне ещё мучиться? Вот сделаю аборт, и ничего этого не будет!

И тут... Как будто холодная змейка проползла по шее... затем скользнула на грудь и, не задержавшись в складках лёгкого халатика, с печальным металлическим звоном упала на кафельный пол.

Девушка вздрогнула и замерла в оцепенении, прижав руки к груди. На полу лежала её золотая цепочка с крестиком.

— Фу-ух! — наконец выдохнула Лена. — Ну я и испугалась! Чуть душа в пятки не ушла. Цепочка разошлась... да такое бывает сплошь и рядом. Но чтоб именно

в такой момент? Вот уж совпадение! Ничего, — успокаивала она сама себя, — сейчас закреплю, и всё будет в порядке.

Подхватив с пола цепочку, она положила её на комод и внимательно осмотрела. Конец цепочки был ровным, с аккуратно закреплённым последним звеном. Схватив другой конец, Лена с удивлением обнаружила то же самое. Странно! Впечатление такое, что одно звено просто исчезло.

Опустившись на колени, она обшарила пол, перетряхнула всю одежду и обувь. Бесполезно! И вот тут ей стало по-настоящему страшно.

— Что это такое? Что происходит? Ничего не понимаю!

Лена растерянно взглянула в зеркало. На неё смотрела худенькая темноволосая девушка с бледным лицом и испуганными глазами. Несмотря на свои двадцать семь лет, она казалась подростком, а толстые линзы очков лишь подчёркивали её незащищённость. Выпрямившись в струнку и в упор посмотрев на своё отражение, Лена тихо произнесла:

— Я больше так не могу. Не могу быть одна!

Она быстро накинула плащ, влезла в узкие лакированные туфли и опротясь выбежала из квартиры. Через полчаса она стучалась в дверь Светки Рожковой, своей подруги детства.

Светлана, высокая жизнерадостная девушка в спортивных шортах и майке открыла дверь и тут же весело схватила подругу за руки.

— Ленка! Молодчина, что пришла. Сейчас вместе будем игру по телеку смотреть. Проходи, садись, — тараторила она, — наливай колу, бери печенье, чипсы. Сейчас я ещё бутеров нарежу.

На экране телешоу было в самом разгаре. Участники решали, кто из них должен покинуть игру, а телеведущая с ледяным сарказмом подстёгивала их:

— Итак, кто сегодня вылетит из команды, как пробка из шампанского? Кто не смог издать ни одного членораздельного звука? У кого голова только для того, чтобы в неё есть?

Игроки ухмылялись и многозначительно переглядывались.

— На что поспорим, — хихикала Светка, хрустя печенькой, — выкинут вон того вихрастого, он ещё в самом начале игры цепочку из вопросов завалил.

Лена села в мягкое ворсистое кресло и задумчиво покрутила в руках чипсинку.

— Слушай, Свет! А чего она такая злая?

— Кто? Ведущая? А, ну это просто образ такой. А что, многим нравится.

— Ей бы ещё хлыст в руки дать... Для законченного образа.

— Да-а! — захохотала Светка. — Вот это здорово будет!

Лена тяжело выдохнула и медленно сглотнула слюну. Тошнота всё ещё не отпускала её. Отодвинув бокал с колой, она задумчиво произнесла:

— Как-то всё это неправильно. Ты же помнишь, Свет, как мы

играли в детстве? У нас даже девиз был мушкетёрский: «Один за всех и все за одного». А сейчас во всех играх только и обсуждается, кто будет следующей жертвой.

— Ну, что же ты хочешь? То время уже не вернуть. Но знаешь, Лен, и у нас многие игры были довольно жёсткими. Царь горы, например, казаки-разбойники, вышибалы. А как я тебя в «кандалы» учила играть, помнишь?

...Ух! Как же не помнить! Перед глазами сразу встают маленькая спортивная площадка перед школой и цепь ребят, крепко держащихся за руки. Слышен жаркий шёпот Светки: «Ты только не разжимай рук, слышишь? Ни за что не разжимай!» Их команда тоже выстроилась в цепочку и начинает игру протяжным речитативом: «Кан-да-лы за-ко-ва-ны, раз-бей-те нас!»

В центр выходит Генка из третьего подъезда. Это самый лучший вышибала в их дворе. Когда он бежит, привыкшись и прижав к груди крепкие кулаки, многие в страхе заранее разжимают руки.

Опять шёпот Светки: «Ленка, держись! Выбивают всегда самых слабых. Очки хоть сними, дурочка! Ногами упрись! И это... рожу какую-нибудь зверскую сострой, что ли... А то вон Генка уже к тебе присматривается!»

Лена зябко поёжилась и зажмурила глаза. Точно так же, когда на неё стремительным метеором мчался Генка. Встречный

удар тогда сшиб её с ног, она упала навзничь, продолжая судорожно сжимать Светкину руку.

— Ничего-ничего! — суегилась вокруг неё Светка, отряхивая пыль с одежды и обтирая платком сбитые в кровь локти. — А ты молодец, не сдрейфила! Хотя и шлёпнулась, а рук не разжала. Значит, считается, что Генка не разбил цепь и теперь у нас в команде! Наши победили! — приподнявшись, громкогласно завопила она.

Лена глубоко вздохнула. Воспоминания детства постепенно таяли и исчезали, как лёгкая утренняя дымка в осенний день.

— Света, знаешь, я к тебе вообще-то по одному делу... — неуверенно начала она. — Сегодня утром я сделала одну вещь... подумала... ну, в общем... очень плохое. И моя цепочка с крестиком... Представляешь, она разорвалась просто так, сама собой!

— Так... Я что-то не поняла, ты подумала или сделала?

— Подумала.

— Вот что, подружка... — Светлана побарабанила пальцами по столу. — Ты хотя бы представь, сколько мерзостей у нас проносится в мыслях за всю жизнь? И что, за каждую мысль ждёт расплата? Я так считаю, надо на дела больше обращать внимание... А мысли, что они? Прилетели-улетели...

Светлана остановилась, подошла и обняла её за плечи:

— Лен, ты что-то не в себе. Ничего не болит? Голова? Может, тебе прилечь?

— Перестань, я в порядке.

— Нет, ты не в порядке. Ты бледная как смерть. Это что, происшествие с цепочкой так тебя напугало? Ну, Ленка, нельзя же быть такой впечатлительной!

Немного подумав, она добавляет:

— Знаешь что? Идём сейчас к моей соседке тётке Нине. Она травы собирает, составляет всякие целебные сборы и наверняка тебе чем-нибудь поможет. Кстати, она в церкви работает, заодно и спросишь у неё о своей цепочке.

— Да ты что, Свет, неудобно как-то... — протянула Лена, но подруга уже схватила её за руку и потащила вниз по лестнице через несколько этажей.

Лена ожидала увидеть сухонькую старушку в платочке с чопорно поджатыми губами, но Нина Григорьевна Пожидаева оказалась женщиной средних лет, добродушной, полнозатой, с круглым румяным лицом, на котором улыбка была так же естественна, как солнце в погожий майский день.

— Проходите, проходите, девочки! — приглашала она, подняв вверх перепачканные мукой руки. — Садитесь за стол, не стесняйтесь, а я сейчас с пирогом управлюсь.

Квартира Нины Григорьевны представляла собой нечто среднее между оранжереей и ботаническим садом: мало того, что все окна были заставлены горшочками с фиалками, фикусами и геранью, а углы занимали огромные кадки с раскидистыми

пальмами, так ещё и с потолка свисали ароматные пучки лекарственных трав.

Пушистый белый кот мягко вспрыгнул на диван и, мурча, потянулся к девушкам любопытной усатой мордочкой. Очевидно, чужих в этом доме не боялись.

Только сейчас Лена почувствовала себя спокойно и уверенно, куда-то исчезла противная тошнота, она с удовольствием пила душистый травяной чай с малиновым вареньем, а когда появился знаменитый тётки-Нинин пирог с капустой и рыбой, то уплетала его за обе щеки.

После чая Светлана увлеклась игрой с котом, а Лена подседа ближе к Нине Григорьевне и рассказала о разорванной цепочке.

— Как вы думаете, — тихо произнесла она, — это мне в наказание?

— Это не наказание, Леночка, а предупреждение. Ты же знаешь, что у каждого крепёного человека есть Ангел-хранитель, который старается уберечь нас от дурных поступков. Его помощь мы обычно не замечаем, а вот у тебя получилось и увидеть, и почувствовать.

Лена опустила голову и задумчиво теребила край узорчатой скатерти.

— Я вот чего не понимаю. Многие люди не носят крестик, да и вообще в Бога не верят. И с ними ничего не происходит, никаких предупреждений.

— Но ведь ты веришь... И крестик носишь. Значит, тебя есть за что дёрнуть. А их и не за что.

— А это маленькое звено от цепочки? Я его уже никогда не найду?

— Может быть, и найдёшь, — улыбнулась Нина Григорьевна. — Но, подумай, разве это так важно? Главное, что ты не сделаешь того, за что будешь раскаиваться всю жизнь.

Потом она вздохнула и уже серьёзно посмотрела на Лену:

— Леночка! Тебе обязательно нужно исповедоваться и причаститься. Сегодня в пять часов вечерняя служба, приходи, я отцу Иоанну о тебе скажу.

— Ой, нет! — испугалась Лена. — Он меня отругает, прогонит...

— Да ты что! — засмеялась Нина Григорьевна. — Батюшка никогда ещё никого не прогонял. А уж если новый человек в храм приходит, он особенно радуется.

— Ну, хорошо... — прошептала Лена. — Я приду. Спасибо вам большое за всё.

Домой она возвращалась успокоенная, прижимая к груди пакетики с сушёным шиповником, мятой и зверобоем.

Разорванная цепочка так и валялась на комод, сиротливо поблёскивая в лучах заходящего солнца. «Так... Что же с ней делать? — задумалась Лена. — В церковь ведь надо с крестиком идти». Она взяла тоненькую иголку и маникюрные ножницы, осторожно разгнула звено цепи на одной половинке, соединила с оставшимся отрезком цепочки и плотно прижала с помощью ножниц. Вот и закончена «операция»!

Правда, сердце сжимает необъяснимый страх: «А вдруг опять упадёт?» Ах да, вспомнила, что надо сделать. Лена надела цепочку и, придерживая её рукой, тихо, одними губами прошептала: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную». Потом глубоко вздохнула и разжала руку... Цепочка осталась на своём месте.

Когда она подошла к храму, служба уже началась. Даже через закрытую дверь слышался протяжный слаженный хор певчих. Лена в нерешительности остановилась. Ей казалось, что она находится на пороге какого-то нового, неведомого ей мира.

— Ладно, — подумала она. — Сейчас обойду вокруг церкви, чтобы с духом собраться, а уж потом зайду.

Шагая по узкой вымощенной дорожке, вспомнила, как впервые мама взяла её с собой в храм. Был праздник Троицы, и Лену восхищало всё: пол, покрытый мягкой душистой травой, обилие цветов, сверкающее паникадило с множеством свечей. А когда запел хор, она покрутила головой и, не найдя взглядом поющих, дёрнула мать за юбку и громко сказала: «Мама, слышишь? Ангелы запели!»

Вспомнив это, Лена грустно улыбнулась: когда она была маленькой, всё было так легко...

Обойдя вокруг храма, она робко остановилась у высокой чугунной решётки. В этот момент к воротам, крестясь, подходила

пожилая пара. Худой сутулый старик бережно поддерживал под руку свою прихрамывающую супругу, помогая ей преодолеть высокие каменные ступени. Они удивлённо взглянули на одинокую девушку, стоящую с потерянным видом у церковных ворот, но ничего не сказали.

— Что это они на меня так смотрят? — с раздражением подумала Лена. — Я, может быть, здесь просто гуляю. Что же, мне погулять нельзя, что ли?

И она снова зашагала по дорожке вокруг храма. Только сейчас заметила, сколько здесь цветов! Пышные огненно-красные георгины тихо склонили свои головы, строгие гладиолусы выпустили нежные розовые стрелки, колышутся на ветру разноцветные махровые астры, а в центре царственно раскинулся куст темно-бордовых роз.

— Наверно, это тётя Нина здесь хозяйничает, — решила Лена. — Сразу чувствуется её рука.

Тут круг закончился, и девушка снова оказалась на том же месте.

— Да что я здесь делаю, в конце-то концов? — со злостью подумала она. — Мне домой давно пора, там дел куча, я уже столько всего переделала бы. Вот только перед Ниной Григорьевной неудобно как-то...

Она подошла к воротам и прижалась пылающим лбом к чугунной решётке. Сразу вспомнилось всё: мучительная изнуряющая тошнота, холодный блеск падающей цепочки и металлический, обдающий ледяным презрением голос телеведущей: «ВЫ САМОЕ СЛАБОЕ ЗВЕНО! ПРОЩАЙТЕ!»

— Ну уж нет! — Лена решительно трянула головой, стремглав взбежала по каменным ступенькам и рывком открыла дверь.

Полина КУЗАЕВА

КРЫЛЬЯ В ПОДАРОК

Полина Ивановна Кузаева родилась в Магнитогорске. Выросла и получила образование в Оренбурге, окончив факультет журналистики Оренбургского государственного университета. Трудилась в областной газете «Южный Урал». Последние годы работает в газете «Оренбуржье». Публиковалась в периодике, альманахе «Башня» (Оренбург), журнале «Мир фантастики». В 2009 году вышел сборник её прозы «Волчи сны». В 2016 году при поддержке Министерства культуры России и Союза российских писателей выпустила сборник рассказов «Юм».

«Золотая капля» завтра покинет Землю.

Её жёлтые бока радостно сияют на солнце. Я долго смотрю на корабль. Скоро люди заселят его, словно ещё один многоэтажный дом. Из моей родни никто не захотел присоединиться к ним.

Трижды обойдя «Золотую каплю» со всех сторон, я подумал, что она напоминает мне шприц с толстой иглой, которую скоро чья-то опытная рука воткнёт в небесную плоть.

Будущие пассажиры коротают время неподалёку от взлётной полосы. Ни один из счастливицков не осмелился уйти домой.

Среди них я отыскал Даньку. Лохматый, с зарёванными глазами, он сидел рядом с родителями. Положив на колени руки, смотрел куда-то далеко-далеко.

Я подобрался поближе.

— Не канючь, тебе там понравится, — говорит Даньке отец.

— Откуда ты знаешь? Ведь ты там не был, — вздыхает Даня. —

Не хочу я лететь без Фила. Как он тут без меня?

Понятно, мышонку не сказали, что эта неделя — последняя на Земле. И кто не улетит завтра, тому не пить больше финикового пива и не есть цимеса. Впрочем, в городе, кроме Вени Вибера, никто не пробовал такого. Это я загнул. Кстати, чего-то он не торопится к «Золотой капле». Неужели ещё надеется продать оставшиеся билеты? С него станется...

В нашем городе я всех знаю. И дольше всех Вению Вибера. У него длинная седая борода. И волосы тоже длинные. Неаккуратно подстриженные. Особенно на висках. Вообще-то он ревностно относится к своей внешности. Чёрные брюки со стрелочками, белая рубашка хрустит. А вот волосы — да, торчат.

По утрам у Вени на кухне пахнет яичницей с помидорами. Мне нравится её запах. Кисло-пряный, волнующий. Я пью его, как воздух, предвкушая хороший день. Вени Вибер — мой талисман. Редкое утро я не у него. А ведь в его доме и крошкой не поживишься. Ничего там не падает мимо тарелки. Завтракаю я обычно у Марты Оуэн. Вот где раздолье. Только Марта — вон, дремлет в спальном мешке. Рядом коробки и сумки. Из одной торчит рукоятка сковороды. Видно, и там, в космической неизвестности, Марта собирается готовить. Жаль, мне уже не попробовать её фирменных блюд.

— Можно я к Филу сбегаю?

Лететь же только завтра. Ну, пожалуйста! — Данька умоляюще смотрит на родителей.

Мне хочется сказать, что зря он старается. Но на моё удивление, а я бы усы заложил, что не отпустят, его мама — рыжеволосая бледная женщина — кивает в ответ:

— Беги, сынок. Только билет оставь здесь. Чтобы не отобрал никто.

Отец Даньки аж покраснел. Он-то уж точно понимает, что опасно мальца отпускать в город. Только Даньки уже и след простыл. Лишь жёлтый картонный кругляш лежит на том месте, где он сидел.

— Ты дура, — шипит муж. — А если он не вернётся? Сама побежишь за ним?

— Всё хорошо будет. И не сердись, у тебя сердце, — говорит мама Даньки. На её всегда уставшем лице проступают тревожные красные пятна.

— Нет, ты невозможна, — продолжает ругаться он.

И чем печальнее становится её лицо, тем довольнее его собственное. Но вот она прижимается щекой к его плечу и замирает, будто наивысшее её желание исполнилось. Тьфу ты! Не хочу смотреть. Может, специально сплавляли пацана? Ей-Богу, не удивлюсь.

Насмотревшись на завтрашних космических путешественников, я решил-таки поскорее вернуться в город. Не привык не знать, кто что делает.

Улицы, истомлённые непри-
вычным осенним зноем, исходят
пылью. Всё в запустении. Боль-
шинство горожан уже улетели.
Остались те, кто не смог наскре-
сти на билеты. Продажей зани-
мался, как вы уже поняли, упо-
мянутый Венья Вибер.

Скажу честно, не понимаю,
как это его ещё не убили. Люди
— странные существа. Какие би-
леты, когда на кону жизнь? Ото-
рвали бы Вене голову да и сели
в корабль. Но куда там! Как ми-
ленькие шли и несли золото Ви-
беру. Да, я ведь не сказал, что
«Капля» сделана из золота? От
первого и до последнего винтика.
В городе не осталось ни крупинки
жёлтого металла. Когда объяви-
ли, что к Земле летит огромный
астероид и шансов остаться в
живых — один из десяти, а Венья
Вибер знает тех, кто строит небес-
ные корабли, и для этого нужно
золото, жители добровольно по-
несли свои «золотинки». Отдали
всё, а потом узнали, что вход-то
платный, и просто так корабль не
повезёт пассажиров. И опять ни-
кто даже не возмутился. В вы-
грыше остались те, которые утаи-
ли ценности. Им одним было чем
заплатить за спасение.

Кто и где строил корабли —
неизвестно. Каждый раз они по-
являлись прямо на аэродроме.
Всего четыре. Огромных, цвета
полной луны.

Последний — «Золотая капля»
— хоть и велик с виду, а самый
маленький. Я видел его изнутри.

Больше двухсот человек не поме-
стится. А билетов на него Венья от
силы двадцать продал.

Торопился я вернуться в город
не зря. На главной площади толпа
собралась. Я сразу всех опознал,
кроме одного. И это меня сразу
насторожило. Чужак, значит.
Всех местных я до чёрточки изу-
чил. У незнакомца медная кожа,
длинные чёрные усы и окладистая
борода. Голову прикрывает остро-
конечная шляпа. Таких я ещё не
видывал, хотя после разлома мира
каких только чудес не случилось у
нас. К Марте Оуэн в окно, пом-
нится, залетел попугай размером
с телёнка. И как только сумел?
Теперь живёт в здании филармо-
нии. И поёт, и разговаривает на
неизвестном языке. И это ещё что!
Привыкли мы, что прямо из ниот-
куда может шагнуть к нам в дом
какой-нибудь эскимос или араб.

Треснул прежний мир, всё
изменилось. Потому, когда Венья
Вибер сказал, что у него есть ма-
стера, которые построят спаси-
тельные корабли, никто не уди-
вился. Пожалуй, кроме меня и
моей родни. Уж мы-то старались
всё разведать. Да куда там... Я
от Вени носу не казал, думал, с
голоду помру, но тайны так и не
раскрыл.

Сейчас же, глядя на незна-
комца, почувствовал, как зажгло
у меня внутри. Вот она — разгад-
ка. Уж не один ли из неведомых
строителей?

— Вы предлагаете нам... золо-
то? Просто так?

Голос Феди Инокова дрожал. Оно и понятно, у него детей пятеро, а ни одного билетика купить не сумел. Его жена Маргарита первой Вене все семейные украшения отнесла. Цепочки и кольца не из какого-то там современного золота — толстые, старинные. А что за сбережения могут быть у Феди-кровельщика? Долговые расписки да полуистлевшие простыни, на которых спит его дедовра. Я видел, с каким удовольствием её подношение принимал Веня. Крючковатыми пальцами гладил золото да щурился, глядя на Маргариту. А та только краснела и глаза опускала.

— Берите скорее. Мой Федя и не знает о них, а то заложил бы давно. Это мне от мамы досталось, прятала я, хотела для дочек сохранить. Да важнее сейчас корабли построить.

(Хорошо, что только я был этому свидетелем. Иноков бы точно жену прибил за такое. Тяжёлый нрав у него).

— Да, я дам вам сколько нужно, — улыбнулся смуглолицый. — У меня здесь, в мешке, на всех хватит.

Федя, растерянно обернувшись, провёл рукой по лицу. Словно умыл себя холодной водой. И шагнул к незнакомцу. А тот ещё шире разулыбался.

— Федя, стой!

Тот обернулся. И я вместе с ним. Смотрю, к площади спешит Маргарита. Бежит из последних сил, того и гляди сердце выронит.

— Не соглашайся! — кричит издали.

А Фёдор, сначала обрадованно отступивший назад, сдвинул гневно брови и ещё ближе к чужаку подошёл.

— Нашим детям помирать прикажешь? — прошипел он. — Как ещё мне, на что эти билеты купить? Можно было бы, так из собственной кожи бы сделал.

— Знаю, знаю, Феденька, но не надо.

Маргарита хватает мужа за руку и тянет к себе.

— Пойдём домой. Нельзя так. Сами спасёмся, а других пропадать оставим? А родители как же?

— Отстань, дура убогая, — отталкивает он жену. — Где ваше золото? Дайте скорее, — бросается к чужаку. И смотрит на него жадно, как бездомный пёс, которому показали кусок мяса.

Незнакомец насыпает ему полные пригоршни золотого песку.

Фёдор растерян. Он не знает, куда его спрятать. Кто-то из стоящих на площади даёт ему пакет. Дрожащими руками Иноков пересыпает золото.

— Я точно вам ничего не должен? — переспрашивает странного дарителя.

Тот, улыбаясь, качает головой.

— Даю золото даром. Кому ещё?

С протянутыми руками, плача, к нему идут люди. Один только, оторвавшись от других, мчитя в сторону серой хламиды многоэтажек. Этого человека я толком не знаю. Ни разу не забирался к нему домой. Уж очень гадкое у него выражение лица.словно

пропитавшееся густым сиропом, в котором глаза, как застывшие мёртвые мухи. Странно, что этот тип раньше не улетел. Сейчас же наверняка за чемоданом рванул...

Решив, что тут мне делать больше нечего, я поспешил за Фёдором — к Вене.

Дом Вибера стоял на самом откосе. Небольшой, но крепкий. Таких давно не строят. Деревянный, с широкими дубовыми окнами.

Незаметно проскользнул внутрь. И раньше Инокова понял, что хозяина нет. Пошевелил я усами, взвесил всё и решил, что скоро придёт обладатель спасительных билетов. Ждать надо. Что ж, отдохну.

Фёдор уселся у порога. Кулаки о закрытые двери он изрядно оббил.

А я весь дом проверил. На кухне пару хлебных крошек нашёл. Подивился про себя несвойственной Виберу щедрости. Поспал чуток на хозяйской подушке.

Вернулся, вопреки моим ожиданиям, Вень только под вечер. Сразу провёл Инокова на кухню.

— С чем пожаловали, Фёдор?

Вибер всех жителей по имени знал. Был у него такой удивительный талант. И всегда всех вежливо величал. Впрочем, за это его не любили ещё больше.

— Сам не догадываешься? — спросил Инокос сквозь зубы. Зайти в комнату он отказался. Так и остался стоять на пороге.

— Я посижу, если вы не против. Устал. Да и выпью, пожалуйста, — сказал Вень.

Достав из навесного шкафа запылённую бутылку вина, он медленно и очень долго вытирал её салфеткой. Потом едва ли не по капле наливал в хрустальный бокал. И когда прошла, как мне показалось, бездна времени, сказал:

— А билетов, голубчик, больше нет. Вы зря утруждали себя ожиданием.

От такой наглости я обомлел. Про Фёдора вообще молчу, он бело-серым стал, как отцветший одуванчик. Но я-то, в отличие от него, знал, что билетов ещё много. Бери — не хочу. Хоть даром отдавай.

— И если у вас ко мне всё, то, пожалуйста, уходите. Там у дверей уже очередь собралась. Эх я всем сегодня понадобился, — медово улыбнулся Вень.

Я думал, Федя его убьёт. Уверен был. Но он, как-то странно кивнув, вышел. С таким лицом, наверное, топиться идут.

Выглянув наружу, я охнул. Человек сто пришли. У кого сумка в руках, у кого рюкзак. Всех тот чужак золотом одарил. Ну и дела!

Тут меня прямо на части разрывать стало. И за Федей хотелось проследить. И здесь что будет посмотреть. Ещё проверить, вернулся ли Данька к родителям.

Дёрнув себя за ус, я побежал за Инокосым.

Длинный, нескладный, с налитым кровью лицом. Он шёл, не глядя вперёд. Оттого спотыкался и краснел ещё больше. Видно было, что какая-то необычная

мысль терзает его. Глаза, всегда безмятежные и наглые, сейчас выражали подлинное страдание. На поддороге к дому Федя развернулся и побежал назад.

От Вени как раз вышел тот, с сиропом в глазах. Судя по его ликующей маслянистой улыбочке, место на корабле Вибер ему обеспечил.

Фёдор схватил его за шиворот.

— Купил билет?

— Твоё какое дело? — тот попытался было вывернуться из Фединых рук. Да проще было дом с места сдвинуть. — Спасите! — тоненько закричал он.

Инокова обступили собравшиеся. Один из них, с барашковой головой и бешеным цыганским взглядом, известный в городе катала и бабник, давний приятель Фёдора, сказал:

— Уйди лучше сам. Вибер сказал тебя взащей гнать. Уж чем ты так ему насолил, не знаю. Но мы не хотим из-за тебя здесь подохнуть, если он вдруг лавочку прикроет.

Ничего не ответил Иноков. Только странно дёрнулся. Будто яда глотнул. Отвернулся я. Неловко было смотреть, как текла из его глаз жидкая соль. Не люблю я такого. До тошноты. Развернулся я и к Данькиному дому рванул. Ну его, этого Вибера с его тайнами. Успею всё узнать.

У Даньки горел свет. Значит, не вернулся к родителям. И тут всё неладно. Занервничал я. А зря.

Все сидели на кухне. Даже Фил — кудлатая, довольная, беспородная псина. Он сразу покосился на

меня золотисто-чёрным глазом, но вида не подал. Наверное, от счастья размяк весь. Тут же, привалившись к нему боком, полуспал Данька. Лицо в вишнёвом варенье. Такое же сумасшедшее блаженное, как у собаки. А рядом сидела... Данькина мама. Вот те раз! Но, честно говоря, я не расстроился.

— Иди в кровать, — поцеловала мама Даньку.

— Мы точно не летим? Правда же? — Ребёнок уже едва шевелил губами. — А дядя Дима? Он улетит?

— Да, сынок.

— Ура!

Мама Даньки печально улыбается.

— Я знала, что ты не любишь его, но чтобы так...

Данька целует сначала пса в нос, а затем маму в щёку:

— Не, он нормальный. Но это так здорово, что не надо звать его больше папой.

— Я же не заставляла, сын.

— Да, но ты бы переживала. И потом он терпеть не мог Фила.

— Иди спи, малыш. Я ещё посижу одна.

Я составил компанию Данькиной маме. Посидел рядом. Поел пирога. Пока подбирал крошки, всё потихоньку на неё поглядывал. С зелёными бездомными глазами, она долго плакала, испуганно озираясь на дверь комнаты сына. Боялась разбудить, напугать. Сама-то ещё девочка.

Страшно мне за них стало. Этот астероид... он же прилетит.

Не пощадит. Рассердился я на себя. Не удавалось мне по-хорошему посмотреть на будущее. Всё казалось неверным каким-то. А от таких мыслей и заболеть недолго. Встряхнулся я — и бежать из Данькиного дома. Прямоком к «Золотой капле». По дороге увидел Фёдора. Он спал под мостом в старой лодке, надвинув на глаза кепку. Пакета с золотом я нигде не приметил, зато издали ощутил запах спиртного. Судя по валяющимся рядом бутылкам, Федя нашёл-таки применение золотому песку.

До взлёта корабля оставалось часов пять, не больше. На рассвете я был уже на аэродроме. Серовато-синее небо задавало тревожный настрой. Никто не спал.

Но где же Веня Вибер? Его нигде не было. Я всё обыскал, всё проверил. Столкнувшись нос к носу с давним приятелем Джо, который здесь живёт последние месяцы, спросил, что же вчера произошло с Данькиными родителями.

Тот удивлённо на меня посмотрел. Заверил, что всё было тихо и гладко. Это уже моя Мэри, тоже не отходившая эти дни от «Золотой капли», рассказала. Она видела, как мама Даньки молча ушла. Погладила спящего мужа по щеке и, не оглядываясь, поспешила к сыну.

— Думаешь, он расстроился, когда проснулся? Достал из сумки бутерброды в фольге. Шуршал тут, как бегемот. А жирные пальцы вытер о забытый платок жены, — фыркнула моя радость. От негодования у неё усы задрожали.

Хотелось мне задержаться с Мэри. Но, сорвав пару-другую поцелуев, я со всех ног понёсся к Виберу.

А Вибер спал. И когда «Золотая капля» взлетала — а рокот стоял такой, словно она стартовала прямоком из Вениной спальни. И когда она, оторвавшись от земли, тонко завибрировала-запела. И когда её прощальные ноты полностью растворились в воздухе. И когда прошла добрая половина следующего дня.

У меня уже в животе всё выло, скреблось и жаловалось, и лишь тогда Вибер наконец изволил проснуться.

На кухню Веня спустился в обычном своём наряде: выглаженные чёрные брюки, белоснежная рубашка, чёрный жилет, на котором ловили солнечные лучи круглобокие часы на цепочке. Обут он был в мягкие замшевые туфли на толстой подошве.

Мурлыча под нос какую-то неизвестную мне песенку, он принялся готовить свою любимую яичницу.

Когда открылись двери и в комнату вошёл вчерашний незнакомец, Веня тонкой соломкой нарезал перец.

Я от волнения задрожал, понимая, что скоро все загадки будут решены.

— Здравствуй, Ханох. Как у тебя дивно пахнет. Угостишь?

Веня, отвесив шутливый полупоклон, кивнул гостю на стул.

— Садись, дорогой. Ты знатно вчера поработал. И сколько ещё тебе предстоит, остаётся только догадываться.

Гость вежливо улыбнулся, обнажив крепкие белые зубы.

Завтракали молча. Я весь издёргался, желая поскорее узнать тайну, а они всё жевали и жевали. Наконец Веня изрёк:

— Это хорошие люди. Тебе будет приятно заботиться о них. Большинство погибнет, но кто-то обязательно выживет. Всё как всегда. Ты и сам это знаешь.

Незнакомец кивнул.

— Знаю. И не перестаю думать, что это несправедливо.

Вибер отпивает вино из бутылки. Красное пятно расплывается на белой-белой ткани. Он с неудовольствием глядит на испачканную рубашку.

— Несправедливости нет. Каждый отвечает или за своё будущее, или за прошлое. Потому я отвык от чувства жалости. Оно лишнее на этом свете.

Незнакомец деланно поднимает брови.

— Однако ты не продал билетов этому каланче с лицом мясника, полюбившего забывудки. Уж не пожалел ли? Не подарил призрачный шанс на спасение?

Веня качает головой.

— Разве я настолько глуп? Да он и недостоин жалости. Когда заяц приходит к волку и говорит: «Не ешь никого из бегущих и прыгающих, я принёс тебе другой вкусной еды из корней и фруктов», волку ничего не остаётся делать, как оставить косоного целым.

Гость смеётся. Да так завидно — откинул голову назад, и сочные звуки сотрясают маленькую кухню Веня.

— Уж не перемудрил ли ты сам себя, Ханох? Разве такое бывало когда-то?

— Бывало, бывало. Потому как и волк тоже, прожив долгую жизнь, начинает тосковать. Хочется и ему, как и человеку, разнообразия. Что зайчатина? Он с рождения ел зайцев. И всегда они убегали от него и боялись даже взглянуть. Скажем так: чем седее шкура, тем сильнее голод познания. Да, когда-нибудь волк съест зайца опять, но какое-то время может искренне верить в то, что полюбил кипарисовые листья и фиги. И такой вот необычный заяц спасал десятки тысяч других слабых и обижённых. И таких случаев немало.

Незнакомец глядит на Веню, и ни одна его чёрточка больше не смеётся. Он вообще выглядит так, будто не знает, что такое смех.

— Разве, Ханох? Об одном ли мы говорим с тобой? На одном языке? Волк всегда утолит голод. Даже если не слишком голоден. Ты ведь и сам не знаешь, кто из оставшихся переживёт падение астероида. Улетевшие — да, погибли все. И что тут твой или мой выбор? Какое разнообразие, скажи, когда мы бессильны, как дети? Вечные дети. Или ты забыл, как был выпорот молниями?..

Лицо Вени — живое, прыткое такое лицо, когда послушны движению мысли и глаза, и губы, и нос, — застывает, уподобившись старой маске.

— Я не забыл, Мельхиседек. Рад, что и ты помнишь. Слишком

опасны твои слова. Кого ты подразумеваешь под волком? Скажи...

Мельхиседек поднимает бокал и, кивнув Виберу, выпивает вино.

— Моя вера со мной, Ханох. Когда рядом ты, я не нуждаюсь во врагах.

— Рад, что мы понимаем друг друга, — говорит Вения. — Мы забрали из этого города лучшее. Золото... золото чувств, из которого я и выплавил корабли. Ты заговорил про того, кого я будто бы пожалел. Да ты ведь не знаешь, что самый большой корабль создан с помощью одной только женщины. Его женщины. Её порывы, её милосердие я обратил в жертвенный металл. Первой она принесла драгоценности. Мать, которая не припрятала ничего для своих детей. Всё отдала во имя спасения других. Не отчаялась, когда её дочерям и сыновьям отказали в спасении. Мельхиседек, да этот заяц стоит тысячи тысяч жизней. Её слёзы — золотые слёзы, как плата Господу нашему за новый чудесный мир.

Мельхиседек качает головой:

— Тот корабль уже разбился?

Вения кивает.

— Да, и скоро на этой в прошлом пустынной планете разгорится жизнь. И, может быть, всё станет иначе. В людях будет меньше зависти и зла.

Последние слова Вения проносит тихо-тихо. Кажется, что он сам не верит себе. Он берёт в руки часы и говорит:

— Через пять минут и 24 секунды астероид столкнётся с

Землей. Одновременно с этим «Золотая капля», достигнув очередной одинокой планеты, взорвётся. Кроваво-золотой дождь даст первые всходы. И тут, и там взойдёт первозданное семя...

Гость грустно улыбается.

— Сколько раз уже это было, Кохен ха-гадол*? Какой это город по счёту? Сотый? Тысячный? Я ходил вчера по улицам и вдыхал бесплодный, сухой воздух тишрея**. В нём ничего, кроме тоски и печали. Существование людей смешно и бессмысленно. И так же бестолково, как жизнь бездомной собаки, которая от рождения до смерти дрожит от холода и голода. И умирает неприкаянной в страданиях.

Незнакомец смотрит на Вибера, и в его взгляде тайная мука.

Вения молчит, глядя на залитый солнцем циферблат.

Я, ничего не понявший в их разговоре, умираю от ужаса. Ощущение потери накрывает меня, как сачок бабочку. Бегут последние секунды. Я считаю, ловлю их, нанизываю на свои усы и думаю о Даньке. О его маме. О городе. Моя родня должна выжить, я не боюсь за неё, а вот люди... Как, когда я так привязался к ним?

* Кохен ха-гадол — первосвященник (ивр.), в иудаизме — священнослужитель, возглавлявший службу в Скинии, затем в Первом и Втором Иерусалимском храмах.

** Тишрей (ивр.) — месяц начала года еврейского календаря. Приходится примерно на сентябрь-октябрь.

Я смотрю на часы Вибера. Уже скоро, вот сейчас... Я закрываю глаза и думаю о золотых пылинках на чердаке. Они падают и падают вниз. Экие золотинки. Мальчишка читает книгу, пёс лежит у его колен. Я посасываю яблочную дольку, оброненную на пол.

Вот оно — счастье. Мальчишкино, пёсье, моё! Мысленно я охватываю его собой и держу. Из последних сил. Всеми своими шестью лапками.

— Похоже, часы встали, — изумлённо говорит Вибер. — Поразительно.

— Что это значит, Ханох?

Вибер осторожно улыбается.

— Не знаю.

Он стучит пальцами по столу. Танцует ими. А потом обрушивает их на меня. Поднимает к лицу и долго смотрит мне прямо в глаза.

— Удивительно...

Мгновение, и он склоняет голову. А потом бережно опускает на пол.

— Ты спросил, какой это город по счёту. Не знаю. Но он первый, в котором Элохим***не принял кровавой жертвы. Я чувствую, что и «Золотая капля» совершила падку.

А это значит... Нам надо уйти. Ты жаждал чуда, Мельхиседек, и

вот оно. Смотри, дрогнули стрелки и замерли. Время застыло на моих часах. А вон на тех, что висят на стене, послушно бежит вперёд. Поспешим, нам опасно здесь оставаться.

Комната залита светом. Но он не тяжёлый, не иссушающий. Лёгкий ветерок колышет занавески. Ещё не набравшись смелости посмотреть по сторонам, я слышу далёкий, как дуновение, и ласковый, как дыхание матери, шёпот: «А тебе в подарок я оставляю крылья».

В тысячный раз я рассказываю малышам эту историю. Мы сидим под столом на кухне. За окнами южная ночь, томо играют на скрипках цикады. Слушая музыку, я не могу удержаться и призывно поглядываю на Мэри.

— Поэтому у мамы нет крыльев, а у нас есть? — пищит наш младшенький.

— Поэтому, — важно киваю я. — Доедай свой кусочек и ползи спать.

Тут раздаются шаги. Я тонко свищу, и моё потомство разбегается по углам.

Это Данька проснулся и притопал к холодильнику.

Когда он уходит, мы с Мэри ещё долго сидим рядышком и слушаем ночь. Я смотрю на небо, выплёскивающееся на меня из окна, и вспоминаю тот голос. И кажется мне, что в нём, в том шёпоте, всё моё маленькое вселенское счастье.

***Элохим (ивр.) — еврейское нарицательное имя Бога, Божества; множественное число от «Элоах» или «Эл», общего названия для божества у семитских народов.

Ирина ДЮГАЕВА

СУММА ПРОТИВ ОТЛИЧНИКОВ

Ирина Дмитриевна Дюгаева родилась в Оренбурге. Учится на факультете иностранных языков Оренбургского государственного педагогического университета. Свой писательский путь начала сравнительно недавно: её первая повесть «Кумир» вышла в 2019 году. Став стипендиатом Министерства культуры России, в июле 2020 года при содействии Союза российских писателей выпустила повесть «Мистическая сопричастность».

«Почему Бога нет?» — на такую тему мне задали написать сочинение в новой школе, куда я перешёл из-за переезда: моих родичей и меня переселили из центра города в пригород по переселенческой программе. Будь моя воля, я бы и шагу не ступил в эту «школу»: одно название, а на деле — допотопное заведение, мало отвечающее требованиям современности. Одно это сочинение говорило само за себя. Пока в нормальных школах на уроках конфессионального единства объясняли, почему Бога нет, здесь заставляли выдумывать свои силлогизмы, ставя в пример каких-то Блаженных и Аквинатов. 2099 год на дворе, а тут всё богов изучают...

Весь вечер я убил, пытаясь выжать из себя хоть одну умную или интересную мысль, но всё во мне противилось этому. Я чувствовал себя настоящим мучеником, подвешенным за извилины мозга к столбам науки. Обессилев и даже

несколько вспотев, я оборвал пытку, выключив компьютерный сенсор. Вместо этого начал выдумывать всякие оправдания, почему не прислал сочинение учителю.

«Языковая раскладка сбилась, и я случайно написал сочинение не на двоичном коде, а на азбуке Морзе; компьютерная система словила вирус, и у меня не было возможности заняться домашней...»

Нет, думал я, надо измыслить что-нибудь более правдоподобное... У бабушки упало давление, и мне пришлось сидеть около её постели целый вечер. «Но ведь домашний выравнитель давления быстро справляется с такой задачей», — нашёл я противоречие, проигрывая возражение учителя в голове.

Ну его, это сочинение и всякие выдумки! Скажу правду: не получилось, ничего в голову не идёт. Здесь же школа другая, «дотошно лояльная», как сказал папа. Может, меня поймут, не станут уведомлять родителей?

Следующим утром я неохотно поплёлся в школу. Слабое сентябрьское солнце едва пробивалось сквозь седые облака, и район приобрёл угрюмый вид. Район представлял собой равнину из невысоких частных домиков, опоясанных железной дорогой. За железной дорогой бежала река, а над ней висел мост, ведущий к центру города, такому недосягаемому, золотящемуся в лучах солнца своими небоскрёбами с поляризованными окнами.

Первый урок тёк скучно, я сидел за партой, как глухой, едва различая, о чём говорят. Всё ещё подбирал самые верные слова, которые могли бы спасти меня от неминуемой кары за невыполненное домашнее задание.

Но на уроке астрономии случилось нечто заоблачно фантастическое. Я не сразу понял, что меня толкнул в плечо сосед по парте Реле.

— Смотри, смотри! — требовал он, указывая в окно. — Это ж не бред? Я не один это вижу?

За окнами пылал пожар. Частные дома напротив школы пламенели, и их едва можно было различить из-за огня, объявшего весь горизонт.

— Спокойно, не следует разводить панику, — деловито обратился к нам учитель, даже не глядя в окна. — Мы все останемся на местах, согласно уставу. В случае опасности нас оповестит тревога...

Его прервал визг сирены. Все заволновались, некоторые повскакивали с мест.

— Хорошо, что я живу далеко от школы, — облегчённо выдохнул Реле.

Все высыпали на площадку перед школой, встав ровно по шеренге под командирским началом преподав. Вообще дисциплина в этой школе была на уровне: учителя имели спокойный, почти умиротворённый вид, словно не перед нами разыгрывалась драма, сравнимая с концом света для этого пригородного мирка. Или, может, учителей заменили роботами? Робототехника обростала

новинками не по дням, а по часам.

Все перешёптывались и находились в диком возбуждении, но никто не плакал, не стонал и не причитал — ровный тон преподав возымел эффект. Я смотрел на лоснящееся полотно огня с интересом, дух мой был слегка приподнят над происходящим, и я ощущал себя как-то спокойнее оттого, что все нервно трепещут, как крохотные птенцы. Обычно так себя чувствовал я, появляясь в новой школе, полной самоуверенных незнакомых лиц. А теперь все эти лица корчились и конфузливо морщились от неумения спрятать страх. Да и что мне за дело было до частных домишек, если мой дом стоял далекоовато от школы, как и у Реле?

В моей прошлой школе абсолютно всё было не так. Там ученики носили свободную форму, а тут развелось какое-то старобрядческое мракобесие строгих костюмов. Теперь мне приходилось надевать старую рубашку и потёртые брюки отца, ушитые бабушкой. Вот с туфлями вышла загвоздка, поскольку их у меня не было, и найти их было всё равно, что обнаружить доисторические окаменелости. В центре города подобные старомодные вещи не продавали, только здесь, в пригороде, да и то в разгар предшкольного сезона и по неприлично задранной цене. Мне разрешили первое полугодие проходить в обуви, которой я располагаю, — в истёртых кедах без подсветки и

датчиков скорости, тоже отцовских, которые были писксом моды лет сто назад. По обуви, собственно, и можно было отличить «новеньких» от «стареньких».

Ко всему прочему, повадки «стареньких» отличались вышколенной дисциплиной: стоило классухам встать около подопечных, как ропот стих, на пришкольной площадке замерла идеальная тишина. Даже от пожара не исходило ни звука, хотя пламя таких размеров должно было трещать, как базарная бабка, а проваливающиеся крыши горящих домов — громыхать, как вагоны поездов, и местные жители — визжать напереизжужав пожарной сирене.

Ровные ряды деревьев вместе с ажурным забором особенно отчётливо вырисовывались на фоне пожараица, их точно-зернистые силуэты колебались в мреющем воздухе.

Тут засмеялась одна старшеклассница. Я разглядел её со спины и заметно поразился бархатному смеху, нёсшему какое-то триумфальное возмездие.

Что-то во мне отозвалось на этот смех, как на умилительный аккорд, задевающий заветные струны души, и я сам рассмеялся до колик. Я тоже мстил, хотя и не могу сказать кому. Оправдываюсь тем, что разыгрываемая сцена выглядела комично и дешёво: перед нами творится ЧП, а все молча стоят, вымуштрованные «высоким» воспитанием, как будто заблаговременно хоронят близких. Никакой свободы чувств!

Тогда, в этот момент, в этом месте я ощутил себя одиноким, как никогда, и тут мне на выручку пришёл человек, по всей вероятности, испытывавший нечто схожее.

Я как будто увидел спасительный свет маяка, знаменовавший человеческую близость. И чтобы дать знак, что я, такой же живой человек, рядом, засмеялся в ответ.

Девчонка обернулась и зыркнула на меня испытующим прищуренным взглядом. «Киргизка», — тут же определил я. Она тоже была «новенькой» — носила кеды, светящиеся кислотно-зелёным цветом, и непозволительные гетры до колен.

Вот только наше поведение подтолкнуло остальных порвать молчание и излить душу.

— У меня бабушка там живёт! — какой-то мальчуган кинулся к деревьям, какой-то препод бросился за ним, какая-то часть учащихся заверещала, какие-то чёрные птицы издали крик, похожий на свист топора палача.

С центральной лестницы школы раздался голос директора в устаревший мегафон. Как раз вовремя.

— Дорогие учащиеся! — дружелюбно начал директор. — Прошу вас сохранять спокойствие и оставаться на месте. Сейчас мы все вернёмся в школу, поскольку, как видите, нам опасность не угрожает, и мы можем спокойно продолжить занятия.

Я проследил за взглядом директора. Его маленькие глазки, едва заметные на круглом лице,

выловили мальчугана, добежавшего до самых ворот. Директор снова заговорил:

— Прошу не разводить панику, мы же с вами цивилизованные люди! Перед нами разыгрывается необычайное зрелище, которым не каждый может насладиться на своём веку.

Истинный лидер цивилизованного сообщества. Его сладкий тон и свойскость обращения действовали, точно песнь матери на кричащее дитя: все несколько успокоились. А следующие его слова наконец разрешили загадку:

— Неужели вы не понимаете, что это иллюзия? Принюхайтесь. Разве вы чувствуете запах гари? Нет, потому что ничего не горит. Разве вы слышите сирену и видите пожарных? Нет, потому что если бы что-то горело, они бы уже давно были здесь. Разве ваши родители уже звонят вам, чтобы узнать, всё ли с вами в порядке? Нет, потому что опасности нет. Перед вами разыгрывается настоящий хрономираж, необычайное явление, которое, наверное, видят не все жители нашего района. Чтобы понять суть этого явления, мы все сейчас вернёмся в школу и стройно, без паники, как цивилизованные люди, пройдем в столовую, где поговорим о хрономиражах. Будем стойкими перед лицом страха и не обманемся оптической игрой, которая может одурачить только невежественные умы!

Я не поверил в эту прибаутку, пока пожар не рассеялся. Как

будто кто-то выключил проектор, и наложенная картинка пропала по щелчку пальцев. «По щелчку пальцев директора», — неприязненно подумал я, решив, что это была учебная тревога, а нас всех одурачили, чтобы проверить, как мы поведём себя в опасной ситуации. От пожара остался скучный фон из однотипных домишек, и мне отчего-то взгрустнулось...

Столовую оперативно превратили в актовЫй зал, сдвинув столы, и разместили всех на лавочках. Показали фильм о хрономиражах. Для себя я определил, что это временные дыры в пространстве, возникающие там, где четвёртое измерение особенно близко соприкасается с нашим и между измерениями стирается грань, так же, как штаны стираются до дыры. Больше меня волновало другое. По дороге в столовую я познакомился с той девчушкой-посмехушкой.

Все столпились у дверей в актовЫй зал. Девчонка заприметила меня первой, и мне не пришлось подбирать подходящие для знакомства слова.

— Ты засмеялся, чтобы подцепить меня?

— А может, потому что мне стало смешно? — отпарировал я. — А ты такая самовлюблённая, что думаешь, будто все смеются только, чтобы тебя подцепить?

— Самовлюблённая, но не настолько. Просто все всегда хотят общаться со старшиками.

— А может, старшики просто

любят привлекать внимание? — передразнил я.

— Ну и как тебя зовут, не привлекающий внимания?

Я назвал своё имя — Индрик — с неохотой, потому что оно мне до боли не нравилось и как будто не шло моей натуре. К тому же оно было совершенно непримечательное, устаревшее и пресное по сравнению с теми пёстрыми именами, которые дают детям в наши дни: мальчиков чаще всего нарекают именем Парабеллум, а девочек — Гильза.

Старшеклассницу звали Гамаюн. Я припомнил, что однажды на уроках уже встречал это имя, и решил, что её родители либо увлекались историей, либо отдали дань уважения какому-нибудь историческому лицу, в любом случае проявили фантазию, в отличие от моих родных.

И всё же у меня наконец-то появился знакомый (даже знакомая!) в этом чужом месте. Я чувствовал себя покорителем мира, который совершил нечто из ряда вон, требующее огромной силы и сноровки.

— Почему ты смеялась-то?

— Тайна, — она кокетливо улыбунулась.

— Ой, ну прямо сама загадочность.

— У тебя твоя тайна, у меня своя. Тебе понравился хрономираж?

— Ага, красивый. Как и все игры природы, которые можно научно объяснить. Пока остальные

орут, настоящие учёные и большие умы смеются, потому что знают: наука всё объясняет.

— Наука всему голова? — с недоверием спросила Гамаюн. — Ну и как ты объяснишь хрономираж?

— Насколько я знаю, здесь, в пригороде, ионизирующее излучение сильнее из-за химического следа, который оставляют АЭСки поблизости. Фотоны здесь ведут себя странно и шально, как пьяные, и творят невесть что со светом, поэтому возникают аномальные всплески. Как-то так. — Я не без самодовольства пожал плечами.

— Какие типичные разъяснения, и никакого следа для тайны. А может, всё намного проще? Может, это Бог подаёт знаки и намекает на что-то? У меня так мама иногда говорит — экивоками, когда хочет мне сказать что-то, что мне не понравится.

— Ты же несерьёзно?! Кто сейчас верит в Бога? Только дураки!

— Бог и не просит верить в него, он просто намекает, а ты по намёкам его находишь. Твоё объяснение, может, и правильное, да кто сказал, что эти игры природы не задуманы кем-то заранее? Законы в учебнике тоже записаны кем-то.

Она резко мотнула головой и прошла дальше. Я громко, во всеуслышание расхохотался, но

вышло натужно и жалко, совсем не как в первый раз. Я быстро пожалел о своих словах. Только обрёл друга и тут же умудрился отвернуть его от себя.

В первую секунду я не придал значения словам Гамаюн, но чуть позже надумал такого, что не мог нормально уснуть. Посреди ночи не выдержал, поднялся с кровати. Датчик движения мгновенно сработал, и свет озарил комнату. Я судорожно включил компьютерный сенсор и начал сочинение: «Почему Бог переселился в пригород, на окраину Ойкумены?..» И уже через два часа, даже не вычитав текст на ошибки, отослал учителю. Лишь после этого смог заснуть крепко и сладко, как и подобает человеку с чистой совестью.

На следующий день выставили оценки. Я получил «удовлет». Учительница указала, что нужно было своими словами и своими мыслями дойти до истины — почему Бога нет, а не доказывать обратное. Я безразлично махнул рукой и на том же уроке конфессионального единства погрузился в приятные, близкие сердцу мечты.

Незаметно для себя размечтался до того, что решил, будто тот хрономираж отразил близкое будущее пригорода, и представил, как всё здесь горит под громгласный хохот Его, потерянного и брошенного где-то в школе.

Ван ЦЗИНЬЛИН

«КОГДА БУДЕТ ЯСНАЯ ЛУНА?»

Ван Цзиньлин – доктор филологических наук, профессор, ведущий учёный провинции Цзилинь КНР, лауреат премии Чанбайшань провинции Цзилинь, лауреат звания «высококвалифицированный учёный провинции Цзилинь», член Союза российских писателей, директор института иностранных языков Чанчуньского университета, директор Культурно-образовательного Центра имени С.А. Есенина при Чанчуньском университете и Рязанском государственном университете имени С.А.Есенина. Переводчик русской прозы и поэзии на китайский язык и китайской поэзии на русский язык («Пьесы из России», повесть С.Василенко «Шамара», «Из стихотворений древнекитайской поэзии», «Китайская поэзия эпохи Тан: голос гармонии», «Переводы на китайский язык произведений малой прозы Серебряного века русской литературы» и др.).

1. 杜牧 Àó Ì ó

清明 Àáí ü Öèí ì èí

Î á ààòî ðà:

Àó Ì ó (803-853 ãã.) – ïíyò ïíçáí ááí ï'àðeí àà àèí àñòèè Õáí. Ááí í àçüááðò «Ì àèáí üèè Àó» á îðèè÷èà îò Áó Ôó, ñ èí òí ðüì ááí ñðáá-í èááðò. Àó Ì ó ñèààèòñý ñáí èñèí æí üì è èèðè÷èèè è ñòèè ðáí ðá-í èyì è, á èàæáí ì èç èí òí ðüì ÷àòüðá ñòðí èè (Ôçpyöçpé).

О стихотворении:

Цинмин является одним из 24 сезонов по календарю сельскохозяйственных работ. В этот сезон, 5 апреля, люди посещают кладбище всей семьёй для поминовения умерших родных. В этом стихотворении поэт выражает сложное чувство лирического героя, который пытался что-то сделать, оставаясь в полном одиночестве.

Qīng míng 清明

Dùmù 杜牧

Qīng míng shí jiē yǔ fēn fēn
清明时节雨纷纷，
Lù shàng xíng rén yù duàn hún
路上行人欲断魂。
jiè wèn jiǔ jiā hé chù yǒu
借问酒家何处有？
Mù tóng yáo zhǐ xìng huā cūn
牧童遥指杏花村。

День Цинмин

В день поминовения мелкий дождь
Вызывает грустное настроение.
Хожу по улицам сам не свой от печали.
Спрашиваю пастушка, где можно выпить.
«В селе Синьхуа», — отвечает пастушок.

2. 文秀 Вэн Сюй

端午 Праздник Дуанью

Об авторе:

Вэн Сюй был поэтом-монахом, который жил при династии Тан в период правления императора Танчжаоцзун в 867-904 гг. Он был чиновником-экспертом по литературе древнего Китая.

О стихотворении:

Праздник Дуанью приходится на 5 мая по лунному календарю — это смена циклов, конец весны, начало лета.

duān wǔ
端午**wén xiù**
文秀 (唐)

jié fēn duān wǔ zì shuí yán
节分端午自谁言，
wàn gǔ chuán wén wéi qū yuán
万古传闻为屈原；
kān xiào chǔ jiāng kōng miǎo miǎo
堪笑楚江空渺渺，
bù néng xǐ dé zhí chén yuān
不能洗得直臣冤。

Праздник Дуанью

Не знаю, почему стали праздновать день Дуанью?

Легенда гласит, что люди празднуют подвиг великого поэта Цюйюаня. Стою на берегу реки Чу одинокий. Гляжу на волны без конца и края. Я над ними смеюсь, и я их презираю.

Почему такая широкая и глубокая река не может наполнить и защитить сердце патриота?

Почему она не смеет смыть обиду, нанесённую тому, кто говорит правду?

3. 欧阳修 (宋)
О Янсю (Сун)**生查子·去年元夜时**

Шен чжа цзы • В ночь праздника фонарей прошлого года

Об авторе:

О Янсю (1007-1072 гг.) — политик, литератор северной династии Сун, за успехи в литературном творчестве он вошёл в первую восьмёрку прозаиков династий Тан и Сун. О Янсю стал лидером в преобразовании

литературных стилей поэзии и прозы и достиг больших успехов в сочетании древней поэзии с прозой.

О стихотворении:

Стихотворение «В ночь на 15 января» принадлежало жанру Шенчжацзы, форма которого строго регламентировалась количеством слов, определённым порядком рифмы и фиксированностью расположения каждого слога. Для этого жанра характерно определённое количество слогов (40), в каждой строке 5 слогов, рифмуются только чётные строки, причём последние слова в нечётных строках произносятся первым или вторым тоном.

В этом стихотворении поэт противопоставляет ночь 15 января прошлого года и ночь 15 января этого года, чтобы выразить безграничную любовь, которую он испытывал в прошлом году, и чувство одиночества и потери, которое он чувствовал в эту ночь этого года.

Shēng zhā zǐ qù nián yuán yè shí 生查子·去年元夜时

ōu yáng xiū

欧阳修 (宋)

qù nián yuán yè shí
去年元夜时，
Huā shì dēng rú zhòu
花市灯如昼。
Yuè shàng liǔ shāo tóu
月上柳梢头，
Rén yuē huáng hūn hòu
人约黄昏后

Jīn nián yuán yè shí
今年元夜时，
Yuè yǔ dēng yī jiù
月与灯依旧。
Bú jiàn qù nián rén
不见去年人，
Lèi shī chūn shān xiù
泪湿春衫袖。

В ночь праздника фонарей прошлого года

Все восторженно веселились среди цветов и фонарей
 Под яркой Луной, взошедшей над ивами,
 Шептались в любовных объятиях влюблённые.
 Пришла вновь такая же ночь.
 Светят та же Луна и такие же фонари.
 Но не пришла бывшая любимая.
 От слёз стали влажными рукава праздничного наряда.

4. 王安石 (宋)

Ван Аньши (Сун)

元日 Празднование Нового года

Об авторе:

Ван Аньши (1021-1086 гг.) — известный мыслитель, политик, литератор и преобразователь северной династии Сун. Он вошёл в первую восьмёрку литераторов династий Тан и Сун. Его индивидуальный поэтический стиль славился изяществом и одновременно убедительностью.

О стихотворении:

Стихотворение «Празднование Нового года» — о народных верованиях, традициях и ещё о том, что добро побеждает зло.

yuán rì
元日

wáng ān shí
王安石 (宋)

bào zhú shēng zhōng yī suì chú ,
爆竹声中一岁除，
chūn fēng sòng nuǎn rù tú sū
春风送暖入屠苏。
qiān mén wàn hù tóng tóng rì ,
千门万户瞳瞳日，
zǒng bǎ xīn táo huàn jiù fú
总把新桃换旧符。

Празднование Нового года

Взрываются хлопушки — уходит старый год.
Всей семьёй пьём водку Тусу из семи трав.
Тёплый весенний ветер.
Люди празднуют и караулят первый восход Нового года.
Семьи меняют персиковые доски над дверью.
На них боги, съедающие дьяволов.

5. 苏轼 (宋) Су Ши

水调歌头·明月几时有 Песня «Шуйдяо гэтоу · Когда будет ясная луна?»

Об авторе:

Су Ши (1037-1101 гг.) по прозвищу Су Дунпо — известный литератор, каллиграф, художник северной династии Сун. Он является представителем самого высокого уровня литературы династии Сун и получил большие достижения в написании рифмованного стиха Ши, свободного стиха в форме Цзы, прозы и живописи. Его стихотворения широки по тематике, свежи и порывисты, умелец использует гиперболу и сравнение. Он также вошёл в первую восьмёрку литераторов династий Тан и Сун.

О стихотворении:

Шуйдяо — стихотворение свободного размера. Оно состоит в основном из трёх частей и насчитывает 95 иероглифов, которые располагаются в соответствии с чередованием ритмов первого, второго, третьего и четвёртого тонов.

Вторая часть названия «Гэтоу» обозначает начало песни.

Песня «Шуйдяо гэтоу» принадлежит к жанру Цзы, который регламентируется 95 иероглифами, располагающимися в верхней и нижней частях стиха. Верхняя часть стиха содержит 9 строк, а нижняя часть — 10 строк. Стихотворение «Песня Шуйдяо гэтоу · Когда будет ясная луна» описывает, как лирический герой выражает свою точку зрения и шлёт прекрасное пожелание своим родным. В стихотворении чувствуются щедрая душа поэта и его любовь к жизни.

shuǐ diào gē tóu míng yuè jǐ shí yǒu
水调歌头·明月几时有

sū shì
苏轼 (宋)

míng yuè jǐ shí yǒu,
明月几时有,
bǎ jiǔ wèn qīng tiān。
把酒问青天。
bù zhī tiān shàng gōng què,
不知天上宫阙,
jīn xī shì hé nián?
今夕是何年?
wǒ yù chéng fēng guī qù,
我欲乘风归去,
yòu kǒng qióng lóu yù yǔ
又恐琼楼玉宇
gāo chù bù shèng hán。
高处不胜寒。
qǐ wǔ nòng qīng yǐng,
起舞弄清影,
hé sì zài rén jiān
何似在人间!
zhuǎn zhū gé, dī qī hù, zhào wú mián
转朱阁,低绮户,照无眠。
bù yīng yǒu hèn,
不应有恨,
hé shì cháng xiàng bié shí yuán
何事长向别时圆?
rén yǒu bēi huān lí hé,
人有悲欢离合,
yuè yǒu yīn qīng yuán quē
月有阴晴圆缺
cǐ shì gǔ nán quán
此事古难全。
dàn yuàn rén cháng jiǔ
但愿人长久,
qiān lǐ gòng chán juān
千里共婵娟。

Песня Шуйдяо гэтоу • Когда будет ясная луна?

Поднимая бокал, спрашиваю:
Когда появилась такая красивая, круглая, светлая Луна?
Сколько лет прошло с тех пор, как появилась такая яркая круглая Луна?
Какой день сегодня на Луне?
Я хочу полететь на Луну на ветре,
Чтобы любоваться её сияющими на морозе нефритовыми домами,
Но боюсь, что не выдержу лунной скуки.
Я в восторге танцую под Луной,
И моя танцующая тень очень красива и завлекательна.
Разве любясь нефритовыми домами, можно испытать такое счастье?
Глубокой ночью сверкают на Луне окна красных дворцов,
А люди на Земле страдают бессонницей.
Почему Луна круглая, а люди не собираются вместе?
Разве ты нас ненавидишь, Луна?
Почему ты вновь стала круглой, хотя родные души расстаются?
Почему соединяются свет и горе, радость и печаль, разлука и встреча?
У Луны тоже есть обратная сторона — соединяются вместе полнота и ущерб.
Испокон веков этого нельзя было избежать.
Я желаю всем здоровья и покоя.
Пусть разделённые морями и горами родные души наслаждаются общей Луной.

6. 古诗十九首·迢迢牵牛星 (汉乐府诗)

Из сборника «19 древних стихотворений»

(Юэфу)

О стихотворении:

Сборник «19 древних китайских стихотворений» составлен был поэтом Сяо Тунем династии Наньбэйчао в 5/6 веке нашей эры из анонимных древних стихов стиля Юэфу. Эти пятисложные стихи являются типичным символом преобразования жанра древней поэзии Юэфу.

День влюблённых, которому посвящены стихи, начинается по лунному календарю в ночь на 7 июля. Стихотворение принадлежит к числу девятнадцати древних произведений, отличающихся от других

как формой (ритм определяется пятью иероглифами в строке), так и содержанием. Это стихи о грусти, которую испытывают влюблённые, о неудачах творческих людей, о хаосе в обществе и о несправедливости, чинимой во время правления восточной династии Хань.

tiáo tiáo qiān niú xīng
 迢迢牵牛星，
 jiǎo jiǎo hé hàn nǚ
 皎皎河汉女。
 xiān xiān zhuó sù shǒu
 纤纤摸素手，
 zhá zhá nòng jī zhù
 札札弄机杼。
 zhōng rì bú chéng zhāng
 终日不成章，
 qì tì líng rú yǔ
 泣涕零如雨。
 hé hàn qīng qiè qiǎn
 河汉清且浅，
 xiàng qù fù jǐ xǔ
 相去复几许。
 yíng yíng yī shuǐ jiān
 盈盈一水间，
 mò mò bú dé yǔ
 脉脉不得语。

Находясь на разных берегах Галактики,
 Звёзды Цзяньню и Джинюй только смотрят друг на друга.
 Перебирая длинными пальцами, Джинюй ткёт ткань.
 Тоска и грусть на лице, слёзы на глазах, — не ладится работа.
 Между влюблёнными река, — так, ручеёк неглубокий,
 Но они не могут приблизиться друг к другу,
 Они не могут разговаривать друг с другом.

Юрий КЛЮЧНИКОВ

МЫ РОССИЮ В БОЯХ НИКОМУ НЕ ОТДАЛИ...

Р ðеé 1 еòаеéí àе-
ÊеР+í еéí á ðí àèèñу á 1930
áí áó á áí ðí áá Êáááаеí (Оеðае-
í à). Í еí í+еé òеéí еí àе+áñеéé
òаеóеúòáò Òí ñеí áí óí еááð-
ñеòáòá. Ðаáí òае ó+еòáеáí
еéòáðаòòòú, аеðáеòí ðí í
òеí еú, æòðí àеèñòí í á áаçá-
òá, ðááеí еí ððáñí í í ááí òí í,
áеááí ùí ðááаеòí ðí í í áí ñе-
áеðñеí áí í аеáñòí í áí ðаáеí е
çáí ááí í -Ñеáеðñеí е ñòáеè
еéí íòðí í еèè, ðááаеòí ðí í еç-
áàòáеúñòáá «Í áóеá» ÑÍ ÐÁÍ .
Í óаееéí áаеñу á óáí òðáеúí ùò
еéòáðаòòòðí ùò æòðí аеáò е
еçááí еуò «Í аò ñí áðáí áí í еè»,
«Ñеáеðñеéá í áí е», «Í í ñеí á-
ñеéé í áðí áñ» е áð. Ааòí ð 23
еí еá ñòеòí á, í ðí çú е í óаеёè-
ñòеéè. Аеáááí еé í áòòí áñеí е
Аеáááí еè í áóе, +еáí Ñí Рçá
í еñáòáеéé Ðí ññеè, еáòðááò
III Ñеááуí ñеí áí еèòáðаòòòðí í-
áí òí ðóí à-òáñòеááеу «çí еí-
òí е Áеòуçú», еèòáðаòòòðí í е
í ðáí еè еí áí е í .Á.Ааðеí а-í е-
òаеéí áñеí áí, í ðáí еè Ñí Рçá í е-
ñáòáеéé Ðí ññеè (2016). АЕá, ò
á í í áí ñеáеðñеá.

КОРНИ

И дух, и дых —
Родня по корню.
Душа, дыша, трепещет в нас,
Переболев, как в детстве корью,
Игрою слов, нарядом фраз.
И потому, чем дали мгlistей,
Чем ближе осень, тем верней
Сквозь шорохи опавших листьев
Мы ловим шéпоты корней.

ПОДСНЕЖНИК

Как улыбка ребёнка
Навстречу глазам материнским,
Словно озера блеск,
благодарный
Приходу весны,
Он на солнце глядит
Из-под снега осевшего с риском
Потерять свою голову
В грубых сугробах лесных.
С веток падает лёд,
Тёмный паводок буйствует
рядом,
Сухостой и валежник
Мы топчем в соседних кустах —

Всё угроза ему,
 Всё охрана ему и отрада,
 Всюду зелень надежды
 Растёт сквозь коричневый страх.
 Да, сломай стебелёк —
 Нарастут из-под снега другие,
 Пропадём все подряд,
 Чтобы встать через год,
 через два...

Ах, Россия моя,
 Вся в снегу почернелом Россия,
 Мой безмолвный подснежник,
 Ты всё же, родная, жива!

АЗ ЕСМЬ!

Когда облечься письменною
 плотью
 Пришёл душе славянской
 звёздный час,
 Ту плоть Кирилл и брат его
 Мефодий
 Определили первой буквой —
 Аз.
 «Аз есмь!» — мой предок тонкой
 вывел кистью
 Слова Творца, те самые, что Он
 Вписал нам в сердце, как венец
 всех истин,
 Как главный над законами
 Закон.
 Летели годы, дни, Россия крепла
 На радость Богу —
 сатане на страх,
 То поднимаясь Фениксом
 из пепла,
 То падая опять почти во прах.
 Когда же чужеземная зараза
 Вползла незримо в русские
 сердца,
 Мы отделили наше «я» от Аза
 И первым поместили от конца.

Сегодня мир охвачен общим
 тленьем.
 Но мы всему, что утратило честь,
 С российским нескончаемым
 терпеньем
 Ответствуем уверенно:
 — Аз есмь!
 Жива души уступчивая сила,
 Жива в душе торжественная
 песнь,
 Жива земля, пока жива Россия.
 Аз есмь!

МЫ – РОССИЯ

Берёзы и снега,
 Озёра и луга,
 Приветливое солнце
 в поднебесье.
 На много тысяч вёрст
 Под тысячами звёзд
 Звенит моя Россия,
 словно песня.
 По ней топтался вор,
 Душил её измор,
 Сгубить пыгались дух её и тело.
 Но нас нельзя убить,
 Продать или купить,
 А также в европейцев переделать.
 Мы не грозим войной,
 Мы не трясём мощной,
 Улыбки и слова у нас не лживы.
 Мы даже смертный час
 Встречаем без гримас,
 Мы верим в то, что вечно
 будем живы.
 Берёзы и снега,
 Озёра и луга.
 Небесная прохлада и отрада.
 Нам не о чем грустить
 И нечего просить.
 Бог подарил России всё, что надо.

ЧЁРНОЕ И БЕЛОЕ

Обхожу киоск табачный мимо,
Обхожусь без зелья с давних
пор.

Но купил сегодня пачку дыма
С памятным названьем
«Беломор».

Именно для памятного дела,
Ведь о нём почти не говорят,
Как страна соединить хотела
Белое и Чёрное моря.

Как она, изматывая жилы,
Проливая кровь свою и пот,
Потеснить пыталась мир
наживы,

За собой увлечь его в полёт.
Что потом? Потом был дым
табачный,

И в киосках наших с неких пор
Вычеркнули белое из пачки,
Всюду поминают только мор.
Но ведь Русь мою не переделать,
И на ней во все века подряд
Чёрное соседствовало с белым.

Был ГУЛАГ, но был
и Сталинград.
Смотрят, отвернувшись друг
от друга,

Две главы у одного орла.
Потому встревожена округа,
Наши непонятны ей дела.
А ещё от Финского залива
До чукотских тундровых полей
Белое в России молчаливо,
Чёрное кричит из всех щелей.

В деревянном старом доме
Мы ночуем на соломе,
В этом доме домовые
До утра в сенях стучат.

Что-то очень дорогое
И родное сердце ловит
Друг у друга в потонувших
В чёрном омуте очах.
Не спугнуть бы только словом,
Даже вздохом, даже думой
Из глубин души поднявшееся
Чистое тепло.

Много лет назад за Волгой
Или, может быть, под Тулой
Пролилось оно на сердце
И на дно его легло.

Мы его похоронили,
Нам казалось, и надолго
Заросло оно рубцами,
Да, видать, не до конца.
И теперь опять под Тулой
Или, может быть, за Волгой
Всколыхнула души память,
Растревожила сердца.

Нам бы утром да при солнце
Улыбнуться бы друг другу
И запомнить, и запомнить
Полуночные глаза.
До свидания, деревня,
До свиданья, пятый угол,
Там, где теплится лампада
И темнеют образа.

Прости меня, время!
За жалобы каюсь,
А также за свой антирыночный
крен.
Я вместе с народом своим
спотыкаюсь

На ямах и лужах дурных
перемен.

Мы с Родиной зреем в таких
переменах,
Без них не поймёшь ни России,
ни нас.

О чём она? О том, что солнце
 всходит,
 Что на исходе бесов торжество,
 Что никогда, ни при какой
 погоде
 Нет в мире, кроме правды,
 ничего.
 Всё остальное — тени, тени, тени.
 За них цепляться —
 только множить грусть.
 Опять увязла в тине заблуждений
 Поверженная демонами Русь.
 Что нужно ей и нам?
 Совсем немного
 И вечность без имён, без дележа.
 Воистину при жизни узрит Бога
 Сама в себя ушедшая душа.

2

Ушедшая в себя душа моя,
 Ты вовсе не пугливая улитка,
 Ты всем печалям собственным —
 улыбка,
 Чужой беде — надежда и маяк.
 Мы клетки одного большого
 Тела.
 Служить бы да служить Ему,
 любя.
 Но мы, как пауки, осатанело
 Едим друг друга и самих себя.
 И подмывает речка на излуках
 Терпенье самых кряжистых
 берёз,
 И Бог, как человек, в великих
 муках
 Больные клетки отторгает врозь.
 Да, от Творца нам никуда
 не деться,
 Мы дети Его любящей Реки.
 В Ней омываем собственное
 сердце,
 Вливаемся в Неё, как ручейки.

3

Но коль грехи нам не простятся
 наши,
 И вал шестой поднимет океан,
 И ангелы прольют на землю
 чаши,
 Как говорил апостол Иоанн,
 Я верю: мой народ не сложит
 крылья
 Среди ещё неслыханных тревог.
 Мы Божеские страсти
 проходили,
 Нам преподали дьявольский
 урок.
 Нас без конца мутило
 и штормило
 И по своей, и по чужой вине.
 Мы ношу, предназначенную
 миру,
 Несли за всех, и сил у нас
 вдвойне.
 Лукавые! Вам кажется,
 что плохи
 Дела у нас, но взвесит Судный
 день
 Всю трагедийность сталинской
 эпохи,
 Всё шутовство сегодняшних
 затей.
 Засветятся рассветные одежды
 Седьмого дня во мраке трёх
 шести.
 Терпения, смирения, надежды
 И красоты, чтоб крест свой
 донести.

Погремело вверху и заклинило,
 И опять безмятежная синь.
 Только молний далёкая линия
 Продолжает громами грозить.

Это родина, это Россия,
Это почерк её вековой.
Вечно движутся тени косые,
Соревнуясь с её синевой.
Слышу птичек весёлое пенье
У последней метельной версты.
И твержу себе, что нетерпенье
Не поможет приходу весны.
И звучит через явь нашу серую
Голос музы в небесной тиши:
— Умирая, рождаясь и веруя,
Улыбайся, живи и пиши!

ПИСЬМО ИЗ ТВЕРСКОЙ ГЛУБИНЫ

Над просторами шиферных
крыш
Кольца дыма, как ангелы, тают.
Самолёты отсюда в Париж,
А тем более в Тверь не летают.
Словом, царство зелёной тоски,
По понятиям нынешним нашим.
И всего двести вёрст от Москвы
Чудо-город по имени Кашин.
Чем чудесен? Петлёю реки,
В виде сердца закрученной
странно.
Жизнью предков смертям
вопреки,
Благоверной княгинею Анной,
Мудро правившей в этих местах
Среди вечных российских
раздоров...
Весь в сугробах и в древних
крестах.
Вот такой удивительный город.
Поседевший до самых бровей,
Словно кисти Васильева мистик,
Прячет лик среди хвойных
ветвей...
А ещё здесь заносы не чистят.
Город как из былин урал

Одна тысяча двести...
Не стану
Углубляться в былые туманы,
Сообщу, что с тоски не пропал.
По колено плутаю в снегу,
Размышляю, что город
мне ближе
И Твери, и Москвы, и Парижа.
Почему?
Объяснить не могу.

РОССИЯ ГРЯДУЩАЯ

На всех просторах Родины
огромных,
На каждом пяточке родной
земли
Не уступи ни пяди силе тёмных,
Но перед ней молитвенно замри.
Её неистребимы идеалы,
Она ликует, всех и всё любя.
Она опасна тем,
Кто одеяло
Упрямо тащит только на себя.
Радушна к тем, кто в каждом
видит брата,
В противнике — заблудшего
глушца.
Её ни ад, ни рай, ни тонны
злата
Не отвратят от Замыслов Творца.
И если ужас войн и революций
Не вразумил затейников вражды,
Под новым солнцем в лужи
разольются
Их ледяные души и следы.

Какой в тебе ни вызревал бы
план
Страну свою увидеть
Феникс-птицей,

Воображенья розовый туман
 В задуманную явь не воплотится.
 Русь возродится Богом и судьбой
 Прекрасней, чем задумано тобой.

ВЗГЛЯД ИЗ ОКНА В ПРАЗДНИК ПОКРОВА

Дождь лить не прекращает,
 Всё хмуро, всё намокло:
 Пустые тополя,
 Поникшая трава...
 О празднике забыв,
 Сереет через стёкла
 Шинельное сукно
 Святого Покрова.
 Я помню в сорок первом
 Ту осень тоже свято:
 Окно в сплошных крестах
 От взрывов вражьих бомб.
 В себе я приоткрыл
 Поэта в сорок пятом,

Подросток, охранённый
 Сибирью и трудом.
 Теперь я стар. И снова
 России гнут колени,
 А Бог опять зовёт
 Окно души на бой
 С неверием и страхом,
 С унынием и ленью —
 На главный для России —
 На бой с самим собой!

Среди полей, где воронье
 Расклёвывает душу русскую,
 Не уходи за тучу грустную,
 Надежды солнышко моё!

Не умирай в лучах закатных.
 Я слишком верю в свой народ
 И в то, что ливень благодатный
 На поле наше Бог прольёт.

Владимир БОНДАРЕНКО (Москва)

ПОЭЗИЯ РУССКОЙ ПОБЕДЫ

(Послесловие)

Я уже не в первый раз и с удовольствием пишу о творчестве Юрия Ключникова, удивительного долгожителя отечественной литературы. Русский сибирский поэт, относящийся к поколению детей войны, работник тыла, автор журнала «Наш современник», газет «Завтра» и «День литературы» издаёт итоговый сборник своих стихов «Душа моя, поднимем паруса!». Я вношу небольшую правку в своё предисловие ко второму изданию этой книги. Уже в самом названии сквозит этот удивительный для возраста поэта (ему скоро 90 лет) дух молодости, оптимизма и бодрости. Он очень нужен России в борьбе за своё достоинство и право жить, развиваться и смотреть в русское небо с надеждой и уверенностью в будущем. Поэзию Юрия Ключникова можно назвать поэзией русского сопротивления той пошлости и тьме, которая обступила Россию и пытается лишить её исторической перспективы. Разве не об этом строки поэта:

*Пора закончить долгий спор
с Европой,
Дуэль рассудка с высотой души.
Нам главное — родного неба
шёпот
И сказок наших старых миражи.
Мечта сильнее истины гниенья,
В ней проступают знаки новых
вех.
Нас окружили крысы и гиены.
Ну что ж, посмотрим,
кто одержит верх.*

Подчеркнём, что он не отрицает, а блестяще доносит всё лучшее, что накоплено Европой (речь идёт о переводах французской и английской поэзии, представленных здесь большими подборками, а в жизни целыми сборниками).

Отметим и другие строки в стихотворении, которое обращено к молодым людям нашей страны:

*Поучать не хочу,
жизнь сама вас научит:
Обломает рога,
шоры с глаз уберёт.*

а другой — в близкий сердцу русского человека Восток (переводы суфийской, в основном персидской и арабской, а также китайской и индийской поэзии). Но самым значимым для меня открытием в творческой Вселенной сибирского поэта стало его блестяще переданное ощущение непрерывности истории, воплощённое в стихах. А они показывают нам: главной жемчужиной нашего исторического пути является советский период и величайший подвиг нашего народа в войне с фашизмом. Это настоящая поэзия Русской Победы.

Сейчас мир вступает в полосу новых, так называемых гибридных и иных войн, и России, ставшей мишенью для многих хищников, ещё предстоит научиться воевать и побеждать в этих войнах, в основе которых — разрушительные идеи и образы. Русская литература всегда была мощным оружием, которое помогало одолеть самого сильного и опасного противника. Вспомним томик Пушкина в заплечном ранце русского солдата в Великой Отечественной войне. Я убеждён, что для победы в новых войнах России понадобятся и новые стихи современных поэтов, и духоподъёмная, патриотическая поэзия Юрия Ключникова. В наименьшей степени подобная поэзия будет нужна и после победы, которую мы обязательно одержим. В ней есть глубокое и точное поэтическое осмысление тех качеств национального характера, которые нам нужны для

того, чтобы ответить на небывалые вызовы, которые бросают нам время и противник. Это и трезвый разум, умеющий отличить истину от заблуждения («даже дьявол России не страшен, если ясно, где „нет“, а где „да“»), и сила национального духа («оставаться здоровым среди мёртвых, безумных, больных»), и опора на наши корни и нравственную высоту героев прошлого («как убедителен и грозен ушедших предков чистый глас»), и широта души, способная простить нашим противникам прежние обиды («но не вернёмся к мстительному пиру, по мёртвым не потопчёмся костям, в который раз Господь взывает к миру: Отмщение — Мне, и Аз всему воздам!»), и готовность к самопожертвованию во имя ближних и страны, звучащая в словах легендарного монаха-воина Пересвета:

*Я обет монастырский нарушу,
У посада вериги сложу
И надену кольчугу, и душу,
Как за други, за Русь положу.*

Юрий Ключников не идеализирует Россию и русский народ и даёт нам очень точную характеристику: «Мы странный сплав кнута, горба и бунта, свободы и Емели на печи». Он неоднократно возвращается к своим попыткам понять, что же мешает нашему движению вперёд и вверх. К числу наших пороков и серьёзных недостатков он относит наше неумение организовать жизнь в условиях комфорта и неопределённости («но в торговых

Алексей ОСТУДИН

БОЙ С ТЕНЬЮ

*Аεάεηάε Εάη δάαε+ Ι ηδóαεή
δī äeēñý á Εάçáí ε á 1962 áí áó.
Ο-εεñý á Εάçáí ηεήì áñ ηóááð-
ηòááí ííì óí εάáðñεòáóá, í á
Áññøεó εεòáðáòóδī úò
εóðñáò í ðε Εεòáðáòóδī íí
εí ηδεóóá εí . Α.Ι . Άí ðυεή-
άí . Ι óáεεήí äáεñý á æóδī äεáò
«Í íáúε ì εδ», «Í εòýáδú»,
«Ñì áí á», «Όðáε», äεúì áí äòáò
«Ááí ú ì íγυçεε», «Ááí ú ε
Í í-ú», «Εñòìεε», äáçáòáò
«Εεòáðáòóδī áý äáçáòá»,
«Εεòáðáòóδī áý Ðññεý»
ε ò.ä. Αάòíð áíñúì ε εí εá
ηδεóí òáí δáí εε. Εáóðááð
εεòáðáòóδī úò í ðáí εε εì .
Ι . Άí ðυεήáí (2007), Άí εí-
øεή ηεήε í ðáí εε «Εó-øáý
εí εάá áí äá» (2012), í äεáñòí í ε
εεòáðáòóδī í ε í ðáí εε εì áí ε
Ñ.Ο. Αεñáεí äá (2020) ε äð.
Ι δááí εçáòíð òð, ó óí ðóí í á
ñí áðáì áí í í ε í γυçεε, ηí ó-ðá-
äεòáεú óáñòεááεáε εì . Ι .
Εí áá-ááñεήáí ε Α. Οεάáí εεή-
áá. Αεéá, ò á Εάçáí ε.*

НА ВЕЛОСИПЕДЕ

Блестящий руль травой протру,
передний обод чуть люфтует.
В лесу сосновом поутру
ленивый ветер в ус не дует.

Весь мир — за здорово живёшь,
педали тикают послушно,
и дёргается правый клёш,
зацапан цепью и надкушен.

Крути, судьба моя, крути,
вилая втулкой по делянке,
лети в мишени паутин
с пустыми мухами в десятке.

Смолы сияние вокруг,
под шиной вздрагивают шишки,
на гриб заносит крест паук —
его замучила одышка.

Мне дятел говорит «да-да»,
кукушка намекает: «Скоро».
Сочится кислая вода
лесного яблока раздора.

Рублём бумажным на просвет
 кора сосны, и счёт оплачен.
 Неси скорей, велосипед,
 к любимой девушке на дачу.

Там-там жених её, сердит,
 глядит и говорит противно,
 а мне за шиворот летит
 сухая хвоя с паутиной.

Но кто твой ангел, выбирай —
 пока, застенчивый, к обеду
 лечу к тебе в пятнистый май
 на крыльях от велосипеда!

МОЙ ГОЛОС

Какие силы сделали меня,
 развили мышцы, вытянули
 кости?
 Расту... Устало пестует родня.
 И полон мир любви, добра
 и злости!

Во многом полагаясь на весну,
 разбрасываю почки между
 строчек.

И слово — не на вес, а на весу —
 не колокол пока, а колокольчик.

Зато воспитан искренностью он,
 а эти искры ночью не задуло.
 Имеет основания трезвон,
 когда в глазах темно уже
 от гула!

И в ноябре гриппую я не зря...
 Микстурой закалён,
 не полукровка,
 теряю шапку в дебрях декабря,
 когда в ноздрях мороз,
 как газировка!

ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ

Дело движется, видно,
 к развязке:
 посередке страны к фонарю
 прислониться нельзя без опаски.
 «Вот такие дела» — говорю.

Жду в засаде, в секрете,
 в разведке —
 надо мной полыхнёт горячо,
 и нагая ивовая ветка,
 как нагайка, ошпарит плечо.

Что же — в гуцу событий
 не лезу,
 достаётся и так дураку.
 Как язык прикипает к железу —
 из России удрать не могу.

Только вовремя нужно очнуться,
 прочихаться, рассеять наркоз —
 в организме моём приживутся
 кровеносные плети берёз.

БОЙ С ТЕНЬЮ

Мы с кем-то подрались
 до первой крови,
 а я плевать хотел на гололёд.
 Вон тень моя лежит с разбитой
 бровью
 и почему-то долго не встаёт.

Мой госпиталь — зима.
 Я на закате.
 Широкий снег прошёл через
 пустырь,
 как санитар в распахнутом
 халате,
 по капле проливая нашатырь.

Шестерёнки снежинок вращает
для нас
снегопада перпетуум мобиле.

УРОК НЕЖНОСТИ

Я думал так: вот груша спелая,
счастливей нет меня ребёнка,
когда всё было чёрно-белое
на однокорой киноплёнке.
Меня тогда манила чем-то
поляна за соседской дачей —
а там, в спортлагере, студенты
под вечер шнуровали мячик.
Великовозрастные мальчишки,
волейболисты, дули пиво,
покамест бегал я за мячиком,
упавшим в заросли крапивы.
И, загорелые, как дервиши,
бутылки с вывертом бросали —
им аплодировали девушки
с распущенными волосами.
Меня почти не замечали,
но было, в общем, всё в порядке —
какую свежесть излучали
они, транзистор у палатки.
Но самая одна, красивая,
на той площадке волейбольной,
поймала за руку, спросила:
мальш, тебе не очень больно?
Приблизила глаза зелёные,
ладонь лизнула остороженько,
и волдыри, слюной краплёные,
забинтовала подорожником.
...Что знают выросшие дети —
зашило в память поределую.
Она одна осталась в цвете,
всё остальное — чёрно-белое.

ЖЕНЕ

Снег первобытный магмой
бронзовеет,
грядущий день готовится
на взлёт.
Не повезло с Везувием Помпее,
да и тебе со мною не везёт.

Подряд курю — чай в ночи
гоняю,
прветриваю кухню в мороз.
В цветочные горшки твои
роняю,
ошпарив пальцы, пепел
с папирос.

Помазанник на трон царя
Гороха,
чихнёшь — он бубенцами
зазвонит.
В моей груди прошедшая эпоха
гуляет, как хронический
бронхит.

Распластанный на крыльях
птицы-тройки,
в какой момент зевнул я,
со смешком —
всех деревянных кукол
перестройки
осыпал враг волшебным
порошком.

Доколе нам теперь, терзаясь
прошлым
неизлечимым, хоть огнём гори,
обратный путь искать
по хлебным крошкам,
которые склевали снегири?

ПАМЯТЬ

Когда последний порох
отсырел —
Что толку неудачи брать
на мушку:
навалом их, их в самый раз —
из пушки.
Не этот подростковый самострел.
В моём вине остыл гемоглобин.
Сердечной смуты в этом есть
вина ли?
Я знаю, что в финале съем один
швейцарский сыр своих
воспоминаний.

Василий КИЛЯКОВ

Я ХОЧУ БЫТЬ СОБАКОЙ

Василий Васильевич Кильяков родился в 1960 году в Кирове. После окончания Московского политехникума работал мастером на заводе, служил в армии. Окончил Литературный институт имени А.М.Горького. Публиковался в журналах «Новый мир», «Наши современники», «Юность», «Октябрь», «Литературная учёба», «Подъём» и др. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция», литературной премии им.Б.Полевого, премии «Умное сердце» им. А.Платонова, премии «Доиче Велле» (Берлин) и др. Обладатель «Бронзового Витязя» (2019) Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Живёт в городе Электро-сталь Московской области.

Война вошла в наш дом после победы и примирения в Чечне. Я, пятнадцатилетняя девочка, повзрослела за один день...

Мы жили тогда в районном центре, в военном городке, одном из тех городков, которых много понастроили в стране, но не достроили, бросили, «не довели до ума», как говорит моя мама. В таких городках нельзя чувствовать себя уютно. Это ППЖ, походно-полевая жизнь. Мама часто так повторяла, а уж она-то знает, что говорит. Слова мамы оправдала и сама жизнь; сколько подруг я поменяла за несколько лет: та переехала в Сибирь, эта — на юг. Квартиры, в которых они жили, заселяются другими. Лучшая подруга уезжает из-за перевода отца в другой гарнизон. И я опять остаюсь в одиночестве. Сначала казалось, что такие расставания и есть самое плохое в жизни, что хуже и быть не может...

Но только казалось, пока не случилось то, о чём я здесь рассказываю.

— Ну что ты хочешь, мы живем в казённом доме, в казённой квартире, — отвечает мне мама. Когда мы все втроем прибыли в этот городок, подошли к подъезду с сумками и дипломатами, мама остановилась у дверей подъезда. Присела на скамейку, как-то сжалась вся и заплакала в ладошки.

— Папа твой — неудачник, — сказала она мне сквозь слёзы. — А главное, есть кем воспользоваться в штабе. Но он же ни в какую. Он же характер, он же Личность. А мы так себе. У него душа, а у нас — клюшка. Но отдуваемся все мы вместе...

И мне так жалко стало маму и непонятно, почему так? Почему и впрямь не попросить маминого брата и моего дядю Юрия Николаевича. Он бы точно помог, обязательно. Он всегда такой надутый, всё может. Он же предупреждал папу: «Из Москвы дорога широкая, а в Москву — узенькая тропочка. Не всякий сумеет вернуться». Но папа очень упрямый, это правда. Иногда он назло маме включал песню Трофима: «Мои друзья — начальники, а мне не повезло, который год скитаюсь с автоматом... Такое вот суровое мужское ремесло, аты-баты...»

...Вот и эта Чечня... Ну кто его туда тащил? За рукав, что ли?

«Уж кого-кого, а лётчиков там хватает. Сам президент полетал над этой страшной дырой и не был от неё в восторге. Ну, скажи ему хоть ты, доченька, ведь он любит тебя, и вы всегда понимали

друг друга, скажи: ну какой чёрт понёс твоего отца именно туда, вот туда именно? И вот мы опять мыкаемся одни в казённом городке, в казённой квартире, в которой отключают то свет, то воду. Без средств, без денег, без надежды на счастье... А ведь я ещё не старуха, правда? Нет, я не женщина, я походно-полевая жена. ППЖ. Ну поговори же с ним, если ему не жаль меня, может быть, он хоть тебя пожалеет?»

...Что правда, то правда. Мама не старуха. Она очень красивая, только немного нервная и быстро седеет. И казённые дома наши в городке, конечно, не загляденье. Их давно не ремонтировали, жёлтая шпаклёвка краски отваливается кусками, обнажает красный слоёный кирпич. Это неприятно и больно видеть, — будто с них стягивают и обрезают кожу, выставляя напоказ голое мясо стены. Бр-р-р, «это что-то с чем-то», как теперь говорят у нас в классе...

Нам ещё повезло: мы живём в пятиэтажке, на третьем, близко к водонапорной башне, которая торчит из земли, как огромная граната на ручке... Ручка этой гранаты круглая, красного битого кирпича. А сверху огромный бак-набалдашник. А вдали от проходной, подальше вглубь городка сохранились ещё приземистые домики в два-три этажа, где часто не бывает даже воды и где каждый год налаживают деревянные тротуары, чтобы прохожие не утонули в грязи. Там, недалеко

от центра, крытый рынок, большое движение по выходным дням. А за ним пустырь... Возле пустыря недавно выстроенная белая церковь, её строили солдаты... Вот и все наши достопримечательности.

А на пустыре, среди яблоньего сада — домик метеорологов. Иногда они пускают в небо воздушные шары, измеряют какие-то потоки и температуру. И когда я смотрю, как взлетает шар, я всегда вспоминаю о папе. В последние месяцы от него нет никакой весточки... А маме — хоть бы что!

В последнее время рынок и привокзальная площадь пестры от товаров. Натащили китайской электроники, игрушек, одежды...

— «Рай для нищих и шутов... Мы ж как птицы в клетке», — напевает полущутя мама. Она почти тащит меня, походя, увлекая с усилием мимо лотков, чтобы я чего-нибудь не попросила купить. Зря она так, я же всё-всё понимаю. И давно уже не прошу ничего. Знаю, что денег нет, а раздражать маму не хочется. Иногда я тайком вздыхаю, когда вижу на ней красивую блузку или серёжки.

Я бегаю на рынок без мамы. Просто так, поглазеть. Хитрый кавказец за лотком подмигивает мне с пониманием:

— Что, дочка, ни евриков, ни баксов? Рубли давай, за рубли продан. — И смеётся.

— Эта никогда ничего не берёт. Пустая. Пустая как барабан.

— А вы откуда? — спрашиваю я их. — Откуда приехали?

— Кизляр, слышала такой город? Хороший город. Чёрную икру ложками там едят...

— Это Чечня?

— Нэт, зачем Чечня, Дагестан. А дыни, арбузы какие! Половина сахар, половина мёд... А Ичкерия близко там, да...

— А почему же вы торгуете, а мой папа воюет за вас?

— Слушай, дочка, иди, иди, не мешай... Ты своим криком всех покупателей распугаешь... Какой война-майна, зачем стрелять, танки-манки. Живи, радуйся, продавай-покупай, да? Или я неправильно говорю?

Вот так. «Распугаешь». Они рядом, а не воюют. Мой отец за тысячу вёрст уехал воевать за чужую землю. Как в песне: «Зачем нам, поручик, чужая земля». Так часто русские воевали и воюют за чужие интересы. И непонятно мне до сих пор, то ли послали его, то ли сам он уехал. Чтобы на время дать «отдохнуть маме» и самому заработать на её лечение, а если повезёт, то и квартиру поменять. Мама не объясняет мне секреты взрослых.

Пустырь становится меньше день ото дня, вернувшиеся офицеры-фронтовики вскапывают его и сажают картошку. Целое картофельное поле — с холма оно заплатками. Интересно было бы посмотреть на всё это с высоты воздушного шара-метеоролога...

...И вот вспоминается мне одно майское утро, воскресное. Я крепко спала, а мама будила меня ласково и настойчиво:

— Да проснись же ты, котёнок. Проснись, наконец, дочка! Ну, что с тобой делать?

Я открыла глаза и сладко потянулась. В комнате было свежо и светло. На кровать, во всю её ширину, наискось, лёг прямоугольник света от солнечного окна. Солнце, какое солнце! Как я соскучилась по солнцу! А мама теребила, щекотала меня и смеялась, — совсем как девочка. И одета она была необычно, по-праздничному. На ней узкое платье со сборками по талии, в ушах серёжки большие и светлые, против солнца — изумительно хороши, папин подарок. На ногах туфли-лодочки. И всё это: и мама, радостная и растрёпанная, и распахнутое окно, и букет свежей, ещё влажной сирени на столе — всё это было так необычно, так празднично!

— Что? Что случилось, мама, — я прикинулась на всякий случай рассерженной. Я вообще-то люблю поспать.

— Одевайся, дочка. Мы идём встречать папу.

— Папу, с войны?

— Глупенькая, читай-ка вот...

Беру из маминых рук телеграмму, буквы пляшут и рассыпаются бисером, какие-то сложные номера, номера, и вдруг отчётливо, хоть и с пропусками: «Встречай пятнадцатого, девять ноль. Саша».

Прочитала — и онемела, вскочила, кинулась к маме, потом к окну, распахнула окно, и, как

беременные, пузато и мягко ветром поднялся тюль, и мы закружились по комнате, потом, задыхаясь, вместе повалились на подушки: «Мама, мама, мамочка! Постой, да погоди же... Тут телеграмма — она что, вчера пришла? И ты мне ничего-ничего не говорила? Как же ты смогла? Как ты стерпела, мама?»

— Глупенькая. Котёнок, ну ведь это же подарок...

Подарок. Конечно, подарок. И ещё какой... Я думала, моё сердце выскочит от счастья и упадёт, как синичка, ударившись о стекло... А я подниму его, положу в нашу корзиночку из-под цветов, ну ту, с высокой ручкой, что купили давно-давно, и я украшу первыми цветами, жёлтыми одуванчиками и белыми ландышами — и отнесу его папе. Господи, вот моё сердце... Папа... Папочка...

И на улице в тот день была прелесть, что за погода. Свежо с утра, но ярко. Вставало солнце, бодрое от холода. И я была словно пронизана этим солнечным холодным светом, я сама была и лёгкость, и свежесть. Мы шли, не чувствуя ног, порой переходили на бег, и тогда мамины каблочки стучали ещё звонче и поторапливали нас.

Я помню, как мама всё подходила к окошечку кассы, стучала монеткой и спрашивала дежурную, когда придёт поезд, и показывала телеграмму. Но поезд из Ростова задерживался, и вместо него подошёл мимолётный, скорый, затопил

И не успела я опомниться, как мы опять почти бежали, и я старалась, зацепившись взглядом, не отпустить им мамино сиреневое платье, с которого не спускала глаз, чтобы не потеряться вовсе за поворотами и изгибами сводчатых залов...

— Зачем ты так, — сказала я маме. — Может быть, он тоже воевал, как наш папа...

Но мама, не дав договорить, так дёрнула меня за руку, что я чуть не споткнулась, чуть не полетела со ступенек. Верно, она что-то узнала у дежурной. Отчего-то у неё тотчас переменилось настроение.

— Молчи лучше, Наташка, — сказала она в сердцах, — а то накличешь беду.

Потом в ожидании поезда мы сидели в скверике при вокзале и завтракали, чутко прислушиваясь к гугнявому громкоговорителю. Всякий раз, когда он начинал объявлять что-то, слышался сначала свист, потом две-три ноты музыки, мелодии, похожей на дверной звонок в квартиру: «Ка-пи-тан, ка-пи-тан...». Потом шипение и треск. И только затем можно было едва-едва по отдельным словам догадаться, о чём он хотел донести. Я старалась не допекать маму вопросами, она и так извлеклась от переживаний, а мама, наверное, думала, что я обижаюсь на неё, и тоже молчала.

Когда из-за поворота железной дороги показался опаздывающий скорый «Ростов — Владивосток»,

я вскочила и бросилась вперёд. Мама за мной. По пути я споткнулась о какую-то цыганскую укладку и чуть опять не полетела вверх тормашками. Но мама ловко подхватила меня под руку. Народу вышло мало.

— Он... — мама встала и вытянулась. «Как сеттер на охоте», — почему-то пришло мне в голову. — Он, Наташа, это он, — как-то вдруг растерявшись и уронив от висков руки, сказала мама. — Он не один...

Я тоже то и дело тянулась на цыпочки, норовила разглядеть что-нибудь через головы выходящих из вагонов. Мама сорвалась с места и бегом бросилась в ту сторону, откуда молодая незнакомая женщина в белом халате выводила под руку офицера в пятнистой голубой полевой форме и берцах. Один рукав у него был заправлен под ремень. Шёл он неуверенно, как-то слишком прямо и как бы вглядываясь и ища что-то поверх голов так, словно в эту минуту он видел что-то важное, видимое ему одному и невидимое другим.

— Саша! — крикнула мама и закусила кулак, чтобы не разрыдаться. — Саша, — повторила она шёпотом.

Офицер остановился вполоборота к нам. Я видела только его плечи да пустой рукав и лоб с лилово-синим глянцем зажившего ожога. Мама подбежала и остановилась в двух шагах от него. Он забеспокоился, ещё сильнее удерживая плечо провожавшей его

санитарки, так что ей стало больно, а мама смотрела на офицера, не моргая. Потом губы её крепко сжались, задрожали, и две быстрые слезинки упали одна за другой. Я смотрела на маму и ничего не могла понять. Я понимала только одно, что всё это долгое время, пока отец воевал, она многое от меня скрывала... Руки повисли плетью, и сердце колотилось.

Слёзы прокатились у неё до подбородка, и она кинулась отцу на грудь и заплакала так громко, навзрыд. Папа — это был он — обнял её и прижал. А я — я уже настолько забыла, как он выглядит, что стояла совсем растерянно.

— Наташа, ну что же ты стоишь, подойди к отцу, — крикнула мама ему в плечо.

Поезд скрипнул и тронулся. Санитарка хлопнула на ходу железным фартуком, взошла и сразу выросла над всеми нами, над толпой.

— Ну вот и ладно, вот и хорошо. Счастливо оставаться!

— А Наташа, где же Наташа? — волнуясь, позвал отец.

— Папочка, я тут, я же здесь, — с рёвом отозвалась я, уже понимая, что он не видит меня и ничего-ничего не видит, я разревелась, как дура, глядя на маму, зарывшись лицом в его камуфляж.

Папу было трудно узнать. Лицо было обожжено так, что я старалась не смотреть. Он как будто улыбался застывшей от ожога улыбкой. И не смотрели

глаза. Они были закрыты чёрно-зеркальными очками. Я видела в них своё отражение и, едва-едва дальше, его глазницы, которые казались мне глубокими и пустыми. Я пристально глядела на него и время от времени, стараясь не всхлипывать, так чтобы не слышал он, — беззвучно плакала. Он гладил меня по голове и молчал.

— Ну и рёва! — сказала мама, когда мы шли домой. Прохожие оборачивались на нас. Я крепко держала отца за ладонь. Незнакомая старушка в чёрном чепце, приколотом брошью к седым волосам, похожая на престарелую учительницу, остановилась перед нами, оперлась грудью на палку и проговорила-пропела во весь голос:

— Горе-то какое, Мать-Царица небесная!

Но мама так глянула на неё, что старушка спохватилась и зачастила своей дорогой дальше.

Дома я усадила папу на диван. Он попросил сигарету и жадно закурил.

— Вот сразу и зажёг. Да мимо, мимо... Дом-то не спали, — сказала мать. — Дай-ка я тебе прикурю, герой-инвалид ты мой. Дорогой.

Он кашлял и курил, курил и кашлял. Держал руку на отлёте, пепел сыпался на ковёр, и он, как бы чувствуя, спешил курить, чтобы накуриться.

— В госпитале-то не давали курить? — догадалась мама. — Отнимали сигареты, гоняли? Табак — плохой помощник больному.

Отец молчал. Только фильтр зажёвывал, видно, привык к папиросам. Сигарета дрожала, и он взял её так: между большим пальцем и указательным, зажав наподобие дула от пистолета.

— Что за марка — такие слабые? — спросил он.

— Сигаруни. Армянские. Женские.

— Ты куришь? — спросил он.
— И давно?

И спохватился:

— Ну, как вы жили без меня, Наташа, Лидочка?

— Куришь... Хорошо, что не запила... Живём ничего, хорошо живём. Что всем, то и нам. Я часто в церковь хожу, молюсь за тебя.

— Папочка, а я иногда помогаю, подпеваю на клиросе. Бегала помогать в соседнем госпитале, знаешь, у парка?

— Вот видишь, Лидочка, какая молодец дочурка у нас, — сразу повеселел он.

— А нельзя ли, ты меня прости, конечно, Саша... Нельзя ли восстановить зрение, хотя бы частично? Это что — окончательный и бесповоротный диагноз?

Она стояла против него, опершись локтями о спинку стула, пристально глядя сквозь полупрозрачные очки.

— Нет, Лида, меня полгода лечили лучшие врачи. Сначала в стационаре, в эвакогоспитале, в клинике... Нет, нельзя.

Папа стал затягиваться, но сигарета уже погасла, догорев

до самого фильтра. Он ожёгся и бросил. Мать поспешно подняла окурок и остудила, включив кран над умывальником.

— Ну почему, почему это именно нам, мне? Почему ты не уберёгся, почему ты не писал? За что мне это, боже мой, за что? Разве мало других? Ну чем они-то лучше меня? Почему другие счастливы...

— Мама! — громко сказала я.

— Да, да, Наташенька... Я сейчас. Извини. Это я так, разволновалась, детка...

Мама поспешно растирала слёзы, тушь для ресниц потекла, и она казалась такой жалкой, такой несправедливо обиженной, и я вспомнила, как тщательно и озорно она собиралась на вокзал, наводила ресницы.

— Не ссорьтесь, милые. Ради встречи, не ссорьтесь. Лидочка, я всё тебе расскажу. Потом. Обязательно расскажу. Скажите лучше, как тут, тяжело ли с работой? У Наташеньки все косточки слышны под платицем, как у цыплёнка. Хватало ли денег на жизнь?

— Хватало! — с каким-то убийственным спокойствием, стараясь казаться невозмутимой, сказала мама. — Буханка хлеба — сорок рубликов, хочешь бери, хочешь так уходи. Проезд на такси — двести. Да... хватало. С большой натяжкой. Сапоги ей осенние — десять тыщ... Хватает... А самой как быть? Хожу в старых. Наташка растёт. Там откусит, здесь

отломит... Так, где щипком да где хватком, и кормимся. На подрукавном хлебе не растолстеешь. Не о нарядах уж речь. Обучение с этого года — платное...

— Мама, мне ничего не надо, у меня всё есть!

— Конечно, есть. Тебе всё падает с неба...

— Мама!

— Помолчи, — попросил меня отец и неласково, до боли, сжал мне крепко пальцы.

А я нарочно громко сказала «всё есть». У меня теперь действительно было всё: со мной рядом сидел отец. Мой отец, которого я так долго-долго ждала. Теперь-то я понимала, что скрывала от меня мама. Мы часто с ней спорили, но обиды я на неё никогда не держала.

До Чечни папа мотался по командировкам, часто летал, а когда возвращался, привозил подарки: обновы, игрушки — и всегда нас мирил... «Перестаньте ссориться!» — говорил он, бывало. Щекотал меня и шутил: «Ну и обстановочка у вас, обе надутые... Каблуками застучу и на «Миге» улечу». Он принимался щекотать меня, я смеялась — и всю обиду как рукой снимало.

— Ах, она вся в тебя, вся в тебя, такая же упрямая! — упрекала мама. — Ни дать ни взять папина дочка.

...Внезапно затрещал звонок, резкий, как разматываемая железная цепь. К нам пришли соседи со своими угощениями и вином. Мамина подруга, тётя

Тоня, жена погибшего лётчика, папиного товарища, принесла в кастрюле суп из курицы. Когда уселись за стол, взрослые выпили какого-то вина с запахом гнилых яблок. Я уписывала за обе щёки картошку и время от времени поднимала взгляд на папу. Он черпал ложкой суп: не ел, а только купал ложку. Когда внезапно затрещал под его рукой мамин мобильный телефон с виброзвоном, от неожиданности он вздрогнул и опрокинул локтем маленькую хрустальную рюмочку, та, тонко пискнув, прокатилась по скатерти и хлопнулась об пол.

— Ах, Саша, Саша, ну что с тобой делать? — вырвалось у мамы.

Я пересела на противоположную сторону, к папе, стала кормить его с ложечки. Он послушно открывал рот, как маленький ребёнок. Положил ко мне на плечо руку, горячую и тяжёлую... Родную.

Соседи побыли недолго: закусили, поговорили — и разошлись, а мы сидели допоздна. Папа рассказал маме и тёте Тоне о том, как он спасся, едва не погиб. Как был сбит на «вертушке», над «зелёной» чеченцами — «Иглой». Он отстреливался, но был ослеплён взорвавшимся баком. Он успел закрыть глаза руками, но обожгло и руки.

Тётя Тоня говорила маме:

— А ты не больно переживай. Я вот про себя скажу. Я как получила пенсию на мужа, посчитала, прослезилась и пошла работать на завод. И отлично стояла

у станка, затем в горячий цех, на гальванику. Потом расписывала кружки глазурью. И деньги хоть какие-нибудь, и с людьми всегда, отвлекаешься, Лида, и оно всё же легче. И ничего, жива-здоровая, даже туфли новые справила. Купила микроволновку и DVD. И тебя, Лида, хочу пригласить в наш цех. Приходи, не заметишь, как привыкнешь.

— А знаешь, — сказала мама, — мне сегодня утром вдруг показалось, что Сашок и вовсе не придет, что-то случилось, и он не возвратится. Я думала, с поездом что-то... Или под поезд попал. Сам, случайно. Вышел покурить на перрон, и затащило под колёса.

— Наташенька, — с хрипотцой позвал отец, — принеси спички, дочка...

Он встал, хотел выйти на балкон или на кухню, стул загремел под ним.

— Да кури уж здесь, ей-богу. Мы выйдем, а ты себе дыми...

— Вот увидишь, всё будет хорошо, — сказала я ему на ухо шёпотом.

— Трудновато будет, дочка. Я теперь без крыльев... Так хочется тебя увидеть, хоть вполглаза взглянуть.

— Я всё такая же егоза, как ты говорил раньше. Конопатая, но уже взрослая. Скоро самостоятельно пойду в жизнь.

— Знаешь что, пойдём гулять?

— Конечно, пойдём. Мы пойдём в лес к нашему грибному месту, помнишь? Когда мы нашли это место, мы дудели в купыри.

Помнишь, ты вырезал две дудки из купыря?

— Ты тогда сильно наколола ногу и всё крепилась, чтобы не зареветь.

— А ты разорвал майку и перевязал мне ступню. А потом тащил меня на спине и щекотал, чтобы я не плакала. А всё же хорошо так было.

Я налила ещё вина в рюмки, а в свою — морс, и мы подняли тост.

— За счастье, папочка!

— За тебя, дочка... И за маму, за вас, мои дорогие. За то, чтобы жизнь у нас, да и у всех людей поскорее наладилась. А она наладится, верно?

— Конечно. — Я поцеловала его в щёку и вышла на кухню, чтобы подлить в тарелку суп. Помню ещё, я что-то напевала, и то, что я услышала, вонзилось в сердце острым ножом.

— Что же ты теперь делать думаешь, Лида?

— Ах, боже мой, если б я знала, что ты всё время спрашиваешь? Что от него теперь, копеечная пенсия? Комиссуют — и сгонят с жилья. Но только в цех твой, конечно же, я не пойду. Я всё забыла: и чему учили, и что умела. Боюсь, не смогу работать с тобой, с моим большим сердцем...

— Вот горе горькое, а ведь как жили до развала Союза...

— До этого чёртова капитализма на всё хватало. Будь они прокляты, эти «подписанты»... олигархи, рыжие, обрюзгшие...

— И ещё как хватало! И на

развлечения с этим, как его... с Лёвочкой? Газиевым? Не так, что ли?

— Тс-с. Ты с ума сошла, Тоня... Забудь ты всё. Ох, язык твой. Что знают двое — то знают все...

— Эх, Лида, Лида... Не больное у тебя сердце, и не болело никогда, не притворяйся...

Тарелка выпала из моих рук. Шкаф со всеми кастрюлями, мисками и бокалами качнулся перед лицом. Я выбежала из дома. Я побежала сама не знаю куда, только бы подальше от этой лжи, притворства, обмана...

Голова казалась холодной как лёд, и не было ни одной мысли. Всё мое знание о жизни, которое я собирала свои пятнадцать лет, разом рухнуло, и не осталось ничего, ничего... Как жить, кому верить? Выбившись из сил, я шла наугад, каким-то кустарником, среди репьев, вдоль серого и чёрного от дождя забора с гвоздями, потом оврагом, незнакомым бездорожьем через густую траву... Потом легла измученная, оглушённая. Лес чертополоха стоял до неба надо мной.

Встала, когда уже смеркалось, упала роса на траву. Меня знобило. Пошёл дождь, ноги саднило. Колени я где-то разбила и исцарапала, изожгла крапивой... Хотелось рыдать, но не было сил. И не хотелось домой. Я прордалась сквозь орешник и осины в тумане, лежащем слоистым дымом над тропой. Лучше было бы заблудиться. Я поскользнулась и упала, чуть не вывихнула ногу,

а когда поднялась, увидела на взгорке блестящие огни воинской части. Так, хромая, я и взбиралась по ступенькам. Оттуда на дежурной машине меня отвезли домой.

— Как ты меня напугала, дерзкая девчонка! — кричала мама. — Что с тобой делать, вот несносный характер, — и уже обращаясь к папе: — Ну, что я говорила? И впрямь твоя дочь — ни дать ни взять...

— Что случилось? — спросил отец, стараясь казаться спокойным. — Почему ты убежала из дома? Мать разыскивает, волнуется, что всё это значит, наконец?

— Волнуется? — крикнула я. — А ты спроси: нужны мы ей?

И разрыдалась. Мама, подзревая что-то, пыталась напоить меня вонючей валерьянкой...

— А это значит, это значит... — я всё размазывала по лицу слёзы.

— Ложись спать. Сейчас же. — Мама хлопнула дверь, чтобы я не сказала лишнего. — На тебе лица нет.

Они ушли в свою комнату, а я поспешно, как бы спасаясь от погони, разделась, легла и укуталась в одеяло. И долго ещё слышала, как мама говорила глухо, как в бочку: «Гу-гу-гу».

Вижу я: летим мы с папой на самолёте. Внизу причудливые очертания земли и ослепительно-зеркальный блеск озёр. Вверху — бездонное голубое небо. Папа плавно тянет на себя ручку — руль высоты, и земля пропадает, уходит куда-то вниз, и мы

поднимаемся всё стремительней. Небо хмурится. Слева и справа появляются ленивые, крутобокие облака, которые образуют очертания каких-то страшных, ужасных чудовищ. Но тут на огромной скорости мы влетаем в совершенную черноту тучи, грозовая туча словно затаила удар. Только рёв мотора, пустота, и вдруг — неожиданно яркая вспышка ослепила меня, ударил гром, и, резко вскочив, я закричала: «Папа!»...

— Ну вот, и эта кричит во сне, о, боже, боже...

— Что с тобой, Наташа? — наклонился надо мной отец, осторожно трогая ладошкой мой лоб. На руке у него висело мокрое полотенце, голова тоже была мокра от компресса.

— Нет, это сумасшедший дом, честное слово, — чиркая зажигалкой, громко сказала мама. — Две капли воды... О, горе, горе...

Папу я увидела на кухне за завтраком. На нём была белая шёлковая рубашка под тёмно-лиловым галстуком, тёмно-синие брюки и военные ботинки. Он сидел молча и прямо, и рукав пустой рубашки был заправлен за ремень. Мы поздоровались, но завтракать я не стала. И всю дорогу в школу мне было тяжело, я словно что-то предчувствовала, а в ушах не смолкал безнадежно-отчаянный голос мамы: «О, горе, горе...»

В школе, как обычно, было шумно илюдно. Я тотчас слилась с толпой, затерялась в ней,

стала похожа на всех остальных, знакомых и незнакомых. Стало как будто легче, словно и вся моя тревога тоже затерялась и слилась с общими радостями и заботами, тревогами — и растворилась в них.

В конце большой перемены я заметила девочку-мальшку. Она стояла в стороне у лестницы в столовую, стояла и беззвучно плакала: прищемила палец. Я подула на пальчик, вытерла лицо платком, утешила, приласкала. От её мокрых доверчивых глаз самой хотелось разреветься. И до самого конца занятий чувство одиночества и жалости не проходило...

Предчувствия мои горькие не оправдались. Отворив дверь квартиры, я поразилась мирной тишине: было тихо. Крутили циферблатом, тикали едва слышно китайские часы... Тишина была мягкая, ватная, как в библиотеке. Папа стоял у открытого окна, а мама сидела на диванчике в углу и чинила моё платье.

Изо всех сил я старалась казаться весёлой и радостной. Я громко шепнула папе на ухо:

— Пойдём на рыбалку?

Он с радостью согласился, видно, ему хотелось поскорее выйти из дома.

— Только вот наживки нет, — сказал он.

— А мы — на хлеб!

Я знала, что мальчишки таскают карасей и плотву на ржаную муку и хлебную мякоть.

— А где он, хлеб-то? — скусывая нитку, спросила мама. — Завтра обменяем последние евро из заначки, закушимся, тогда и пойдёте на свою рыбалку, рыбаки!

— Мы накопаем червей, правда, папа?

Через пять минут мы уже в пути. Кривая, с детского сада знакомая тропинка причудливо вилась среди травы, огибая пни и корни самыми неожиданными зигзагами. Разнотравье блестело на солнце. Все поляны ярко горели от курослепа, душно цвёл клевер. Неподвижно в безветрии стояли зонтики тысячелистника и купырей. В лицо время от времени наносило жаром, как из печки, дышать было трудно от аромата скошенной травы... «О чём они говорили до моего прихода?» — гадала я по лицу и морщинкам отца.

— Ты веди меня, Наташа, — попросил он, — веди по траве и говори, что видишь, как бы рисуй словами. А я пойду босой и стану вспоминать знакомые места...

Папа нарочно шмыгал по траве босыми ногами. Для того чтобы отвлечь его, я старалась всю, трещала как сорока. Тропа резко вильнула вправо, сбежала к откосу, заросшему ивняком, и я невольно зажмурилась — так ослепительно стояла-текла река.

Подражая мальчишкам, я плевала на червя и взмахнула удилищем. Закинула поплавок неумело, булькнула удочкой. Леса спуталась и ослабла гармошкой. Скоро поплавок и вовсе

прибило к прибрежной траве. Тогда забросил папа, да так удачно, что я пришла в восторг.

— Держи поплавок в тени, — сказал он. — А если рука устанет, положи удочку прямо в осоку... Никого не видно на лугу?

— Кони пасутся...

— Кони?

— Ну да, это кони стреноженные, из Новой деревни. Вон метрах в тридцати стоит кобыла и вертит хвостом. Жеребёнок тянется к ней, а matka-дура не подпускает.

— Значит, не её жеребёнок, — проговорил папа и лёг на траву.

Вдруг поплавок закачался на трепетной ряби и разом ушёл на дно.

— Клоёт, папа, клоёт!

— Подсекай, дочка, — вскочил он.

Попалась плотвичка, ни большая, ни маленькая, но такая трогательная, оставляющая серебряную чешую на руках.

— Давай отпустим её...

Клёв прекратился. Мимо нас в городок, пугая жеребёнка, проехал начальник автопарка на «Тойоте». Потом прошли мимо два лотошника на рынок — знакомые уже дагестанцы с шаурмой и металлическим мангалом, и сразу захотелось есть. Решили идти домой, а по пути я собирала щавель, и мы с каким-то особым наслаждением жевали свежие, сочные, тёмно-зелёные перья, от которых сводило скулы и першило в горле. Я спустила с плеч платок и нащипала полный узел. «Сварим суп к

ужину, — похвалил мою задумку отец, — бери больше, увязывай туже, будет чем мать угостить». «А стоит ли?» — вырвалось у меня. «Напрасно ты так, Наташа. Прежде чем обижаться, постарайся выслушать до конца, постарайся понять. Это очень важно. Матери тяжело, ты даже не знаешь, как... Нам теперь с черепка начинать, с жильём могут возникнуть проблемы».

И опять его рука легла на моё плечо, удивительная рука, снимающая боль и обиду...

На следующий день к нам явился парень с ясными глазами и чуть заметными усиками. Он был тоже в полевой форме, но зелёной, пятнистой.

— Кинолог! — представился он, протягивая мне руку.

— Кинолог? — засмеялась я. — Какая странная фамилия... А может, имя? Или мы будем снимать кино? Ох, уж тут и кино. Кино и немцы, точнее, чеченцы, да, мам?

Мама долгим взглядом и с подозрением стала смотреть на меня.

Он долго разговаривал с отцом, потом они ушли и вернулись только к вечеру. Так в нашей квартире появилась собака-поводырь. Это была очень умная овчарка, серо-мышинного цвета, с прогнутой как бы от старости спиной.

— Хорош подарок, при моей астме — как раз то, что надо... — мать хлопнула дверью и села за компьютер.

Говорят, животные и дети безосшибочно разбираются в людях. Каким-то особым чутьём. Овчарка сразу привязалась к отцу, но почему-то недобро смотрела на мать... Может быть, поэтому, когда отец с собакой выходил на улицу, я была спокойна за них.

— Ну вот, ты и нашёл себе пару, — сказала мать, глядя в окно и недобро улыбаясь. — Теперь не пропадёшь и без нас.

Мы в школе писали сочинение на вольную тему. И, конечно, я написала о папе, о том, как он, рискуя жизнью, сажал горящую подбитую «вертушку» среди неприютных и страшных гор, под прицелом «Стрел» и «Стингеров»... И сами собой в конце сочинения сложились стихи:

*Я стояла у вокзала,
из Ростова поезд шёл,
С перевязанной рукою
ко мне папа подошёл...*

А рука не была перевязана, её не было. Вместо руки — пустой рукав.

Людмила Владимировна ничего этого не знала, она поставила недостающую запятую в четверостишье, подчеркнула её и жирным фломастером аккуратно вывела: «Хорошо».

После занятий я торопилась домой как никогда. Я едва переводила дыхание, так хотелось рассказать папе о своём сочинении, а главное — прочитать ему стихи, первые за всю жизнь стихи.

Переступив порог, я ахнула. В квартире всё было перевернуто. Такой раскардаш-кавардак я ещё не видела. Всё было вывалено из ящичков мебельной стенки, перевернуто и накидано. Из бельевого шкафа, из письменного стола. Платья, носки, старые тетрадки — всё лежало как попало на полу, на кровати. Стоял пустой чемодан, в котором жалко смотрелась старая отцовская пиджачная пара.

Мама в узкой юбочке, сидя на корточках, с невозмутимым видом складывала книги на локоть, как складывают поленья для топки печи.

— Мама, что здесь было? — изумилась я и села, сразу обессилив.
— Воры? Обыск?

— Папа ушёл от нас...

— Папа? Ушёл?

— Не кричи, он ушёл сам. Он сказал, что ему с нами будет очень трудно... Это болезнь. Это чеченский синдром... Они не уживаются в семьях, понимаешь? Как тебе объяснить... Контузия, понимаешь?

Но я уже отшвырнула портфель и была далеко, внизу, у дверей на лестничной клетке.

Я искала отца в военкомате, у начальника дивизиона, в штабе и в деревне. И на следующий день, и потом...

Подружка Ленка Шварц рассказывала мне, будто видела его в городе. Его или очень похожего на него.

Мать собирается отправить меня к бабушке в Подмосковье.

Во сне я часто вижу его. Вижу, как одиноко и больно идёт он по тротуару города. Ведёт его собака-поводырь — единственная живая душа, оставшаяся с ним.

Он идёт медленно, высоко подняв голову, с палочкой, тонкой-тонкой и белой, какие рисуют на иконах в руках святых. Идёт и выстукивает себе свободный путь. И пузырьём надувается от ветра его белая шёлковая рубаха...

И тогда я реву в подушку и шепчу сама себе: «Папочка, папа, вернись. Я хочу быть твоей... собакой».

Геннадий КАЛАШНИКОВ

ВЕРА В ЧУДЕСА

Геннадий Николаевич Калашников родился в 1947 году в г.Белёве Тульской области. Окончил филологический факультет МГПИ. Работал в «Литературной газете», в издательстве «Эксмо». Публиковался в поэтическом альманахе-навигаторе «Паровозъ», в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Грани», «Плавучий мост», «Гостиняя», «Новый берег», «Дарьял», «Гостинный Дворъ» и др., в антологиях «Русская поэзия. XX век», «Русская поэзия. XXI век». Автор нескольких поэтических книг. Дипломант Всесоюзного конкурса и.м. М. Горького за лучшую первую книгу (1984), премии «Московский счёт» за лучшую книгу года (2007), Международного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» (2015), премии Пушкинского общества Америки «Душа в заветной лире» (2016). Член Союза российских писателей. Живёт в Москве.

Вдоль по обочине грязи
брильянты,
мёрзлых полей домотканых
холстина,
солнце сквозь облако, как
у Рембрандта
крепкая пятка блудного сына.

Манят поля, эти пажити,
просеки,
красный, немного всплакнувший
суглинок,
венецианские синие проблески
с охрой голландской,
фламандским кармином.

Было легко и с водою проточною,
с ветром, от стужи сутулым
и пьяным.

Время струилось часами
песочными,
жизнь прошуршала по колбам
стеклянным.

Всё позади — и вокзалы,
и палубы,
угли костров и остывшие клятвы,

В суровом августе огромный
звездопад.
Качнулся мир и по-иному замер.
Никто не спит, нигде вообще
не спят,
лишь облака с закрытыми
глазами.

Не помня про меня,
скупой глотая воздух,
бредёт любовь моя
по электричкам поздним.

Прижавшись лбом, во мрак
глядит через окно —
шлагбаум, дом, овраг —
не всё ли ей равно.

Мелькает карусель,
снег падает и тает,
и звёздная свирель
над нами не играет.

Умолкла наша высь
и не могла иначе,
постукивает жизнь
на скорости незрячей.

Запахнуто пальто,
распахнута окрестность
и понимает, что
нам больше не воскреснуть.

ИЮЛЬ

Запад багряный.
Вишнёвый восток.
Ветер причудливый, медленный
в небе вращает косматый клубок.
Плод завязался.
Согнулся росток.

В памяти устья хранится исток.
В трубках растений запенился
сок —
радость пчелы привередливой.

Остья пшеницы. Синий овёс.
Дроздов суматошливых стая.
Тёмный и тёплый омут и плёс
под напряжением спеющих гроз.
На мочажине в початках рогоз.
Глаза в слюдяных превратились
стрекоз
и над лугами летают.

Стебель коленчатый цапельный
ржи.
И подорожник овальный.
Норы в обрывах, откуда стрижи
чертят зигзаги свои, виражи.
Переплетение веток и жил.
Озеро в травах ленивых лежит,
как инструмент в готовальне.

Утренний дым. Вечерний туман,
дальней грозою чреватый.
Воздух в листве открывает изьян.
Полой травы невесомый орган.
И ежевичный колючий капкан.
Конского щавеля ржавый султан.
Картошки цветок лиловатый.

Медленный ветер над лесом
и лугом.
Длинной волны смех или плач.
Куст водяной принимается
хлопать.
Вспаханы воды невидимым
плугом.
Выгнется речка подковой
и луком.
На берегу с восклицательным
клювом
грубо оструганный грач.

Светлана УЛАНОВА

ПРОРВЁМСЯ!

Светлана Владимировна Уланова родилась на Камчатке. Закончила Кузбасский горно-технический и Томский архитектурно-строительный университеты. В настоящее время – горный инженер-маркшейдер на шахте и, по совместительству, одна из организаторов всероссийского фестиваля поэзии им. А.Бельмасова 2013-2016 гг. С 2011 г. – руководитель городской литературной группы «Прометей». Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «Начало века», «БЕГ» и «Русский писатель», «Московский вестник», «Наше поколение» и др. Автор нескольких книг стихотворений. Член Союза писателей России. Живёт в городе Польшаево Кемеровской области.

В город Таня с матерью ехали на колхозном грузовике. Всю дорогу мать повторяла, чтобы Таня во всём слушалась крёстную – тётю Марию, на улице рот не разевала, город не деревня, там людей и машин видимо-невидимо. Что главная обязанность Тани – отовариваться по продуктовым карточкам крёстной, а очереди там длиннющие. И не ленилась чтоб, по дому помогала. Что дядя Иван на фронте, а детей не нажили. Вот и мыкается Мария одна. Таня слушала, слушала... Скорей бы уже приехать к Лёле!

Таня и раньше бывала в гостях у крёстной, которая жила в районном центре – небольшом шахтёрском городке. Муж крёстной, дядя Иван, до войны работал в шахте и зарабатывал хорошо. Потом дядю отправили на фронт, а крёстная окончила курсы горнорабочей и пошла в шахту, на очистной участок – лаву. «На шахте теперь баба – мужик!» –

грустно шутила она. Мама переживала, что Мария не успевает высыпаться от смены до смены. Ладно хоть ей как шахтёру полагалось больше граммов в продуктовых карточках и похлёбка — горячее питание на смене.

— Нинка поди урсит дома-то? Хоть бы Вася с ней сладил! — спохватилась мама, вдруг вспомнив оставленных дома детей. — Одни там, чай, остались... Я тебя передам Марии, да сразу обратно!

Таня кивнула.

— Mam, а тятя скоро приедет?

— Скоро, скоро! Отец твой теперь не литовки в колхозе отбивает, а бомбы катает! Приедет через неделю и тебя заберёт. Хоть с сестрой повидается!

Отца Таня видела дома редко, он с начала войны работал на заводе в соседнем городе.

В деревне скучать тоже было некогда. Работали в огороде, он и спасал, хотя большую часть урожая отсылали на фронт. «Ничего, с голоду не помрём! — приговаривала мама. — Нам тут легче, чем в городе. А на фронте и того трудней!»

На машине из деревни до дома крёстной — двадцать с небольшим километров — проехали быстро. Хорошо, что квартира её не в центре, от большой дороги недалеко!

Мария с радостью встретила крестницу. Мама дальше порога даже проходить не стала, торопилась. Да и грузовик долго ждать не мог.

Утром Мария очень рано подняла крестницу, собираясь

на очередную смену. Показала, где лежат продуктовые карточки, объяснила, как быстрее дойти до магазинчика под мостом, и несколько раз повторила номер в очереди, которую заняла ещё вчера. Потом обняла крестницу и ушла. Таня собралась, похлебала вчерашний суп, приготовленный крёстной, и, достав карточки, стала их разглядывать. На одной из трёх карточек было: «Хлеб. Норма 500 г в день», на других — про макароны и сахар. На всех крупно: «На октябрь 1942 года», посередине — непонятная для Тани надпись: «Рабочие и ИТР 1 катег.», а внизу всех карточек — «При утере карточка не возобновляется». Таня долго, внимательно читала последнее длинное слово по слогам. Быстро оно не проговаривалось. Она положила карточки в карман и вышла на улицу. До магазина было рукой подать, она раньше частенько с мамой и крёстной туда ходила, покупая леденцы и местные «тульские» пряники. И что бы ни говорила мама, Таня истинно верила, что пряники эти точно привозили из далёкой Тулы.

Вот и магазинчик. Таня едва узнала его: всё вокруг было по-другому. Людей много-много! Одни стояли, другие, постарше, сидели на чём придётся. Девочка заняла очередь и огляделась. Вокруг тихо переговаривались. Таня прислушивалась к стоящим рядом и думала, что мама была права и людей здесь, наверное, целая деревня. Таня нащупывала в кармане карточки. Чем ближе она

продвигалась к окошку, тем сильнее пахло хлебом. Таня вспомнила, как мама в позапрошлом году пекла ароматные булочки. А рядом годовалая Нинка — вся в муке. Она стояла у стола на лавке в перевёрнутой вниз сиденьем табуретке, перевязанной маминым чулком, как в клетке. Но зато была под присмотром у матери, и не нужно было Тане с ней возиться.

В какой-то момент Таня загляделась на грязных голодных воробышек. Птицы прыгали возле лужи и слетались к ногам стоящих людей, выискивая еду. Нащупав в глубине кармана несколько завалявшихся семечек подсолнуха, Таня подошла поближе к воробьиной стайке и бросила семечки птицам. Воробьи сразу накинулись, быстро всё склевали и ждали добавки. Девочка улыбнулась.

Вдруг около Тани откуда-то появились несколько мальчишек и затеяли потасовку. Потом также неожиданно убежали. По очереди пронёсся недовольный ропот. А Таня подумала: «На вид такие, как Вася, но мой брат другой. Он серьёзный, как тятя».

— Продвигайся! Не задерживай очередь! — вдруг услышала за спиной визгливый женский голос, который заставил её вздрогнуть.

Обернувшись, увидела позади себя полную женщину в цветастом платке.

— Спишь, чё ли? Ты чья будешь-то? Вчера я тебя тут не видела...

— Да я нездешняя... К Лёле приехала. Из деревни. У нас там в школе пятого класса нету. Помогаю вот.

— А годков-то тебе сколь? — недоверчиво спросила женщина.

— Двенадцать...

— А сама-то она где, Лёля твоя?

— В лаву ушла. На сутки, сказала...

— Следующий! — прозвучало из окошка магазинчика.

Таня встрепенулась. Это её очередь. Она кинулась к окошку и, опустив руку в заветный карман, похолодела. В кармане было пусто. Карточки исчезли, все! Она в панике стала выворачивать карманы, но обнаружила только сор и шелуху от семечек, которая посыпалась на землю. На шелуху тут же набросились знакомые воробьи в надежде найти съестное. У Тани потемнело в глазах и зашумело в ушах, и она упала бы, если бы её не подхватили чьи-то руки. По щекам покатились слёзы. Она пыталась утереть их, но только размазывала по лицу. «При утере карточка не возобновляется», — стучало в голове. Таня посмотрела под ноги, потом кинулась к луже, где прыгали воробьи. Птицы в испуге разлетелись... Ничего нет!

В очереди понимающе стихли.

— Господи! Что же делается? — нарушила тишину женщина в цветастом платке и протянула свои карточки в окошко. Получив паёк хлеба, отломил кусок и подала девочке.

— Спасибо! — тихо прошептала Таня, подняв на тётеньку полные слёз серые глаза, и неуверенно взяла хлеб. Потом быстро пошла к дому крёстной, не теряя надежды, что карточки выронила по дороге. Она рассматривала каждую бумажку, заглядывала под камушки. Ни-че-го...

В квартире карточек тоже не было. «Всё, потеряла!.. При утере карточка не возобновляется, — пульсировало в висках, — как теперь Лёля жить будет? Нужно бежать домой! Мама, мамочка!»

Таня ещё раз обвела взглядом комнату, достала из кармана подаренный хлеб и, глядя на него, всхлипнула. Потом разломала. Маленький кусочек завернула в тряпицу и спрятала в карман, а больший оставила на столе, прикрыв полотенцем. Выбежала из квартиры крёстной и направилась к маме. В деревню.

По городу идти было легко. Дул слабый ветерок. Но он усилился, как только Таня вышла на открытую дорогу. От встречного ветра слезились глаза. Она то и дело вытирала их рукавом выцветшего пальто, но это не помогало. Стояло начало октября. Мать недавно говорила, что октябрь в Сибири такой: то непогодой задождит, то теплом пригреет, а бывает, и снежком пахнёт. Хорошо ещё, что не было дождя, хотя хватило и того, что он шёл несколько дней, превратив дорогу в сплошное месиво. Девочка еле волочила ноги: налипшая на

обувь грязь вперемешку с травой была как кандалы. Материны брезентовые туфли тёмно-зелёного цвета с двумя большими пуговицами хлябали, и приходилось носить их с шерстяными носками, потуже обвязав бечёвкой вместо шнурков. В школе Таня очень стеснялась своих башмаков, но её прежние туфли развалились ещё в прошлом году, а новых не было.

Выбрав сухое место у дороги, она остановилась, заправила выбившиеся русые волосы в платок и начала вытирать обувь о траву. «Что делать, что делать? — рассуждала девочка. — Как сказать Лёле? Она теперь останется без хлеба... Всё из-за меня-я... А вдруг Лёля умрёт с голоду? — Таня ещё больше испугалась своих мыслей. — Нет! Нет!» Обхватив рукой края одежки, где вместо пуговицы чёрным паучком жалко болтались нитки, всхлипнула: «Ещё и пуговку где-то потеряла... Мама заругает...» Потом воодушевилась: «Ну и пусть! Пусть ругает! Лёлочка моя-я... Я дойду! Мама всегда знает, что делать!»

Кусты вдоль дороги шелестели разлетающейся осенней листвой и изгибались, принимая на себя порывы ветра, словно хотели защитить путницу. Таня понимала, что до деревни было ещё далеко и нужно успеть до темноты. Достав из кармана кусочек чёрного хлеба, несколько мгновений вдыхала его хлебный дух, потом откусила кусочек. Сразу вспомнила про крёстную: «Надо идти!» Таня шла и шла, а дорога всё тянулась

и тянулась... И казалось, что нет этой дороге конца.

Совсем уставшая девочка с облегчением вздохнула, увидев издали знакомую гору, на которой росли две тонкие берёзки: именно здесь летом она с матерью собирала ягоды. А там, за горой, деревня.

Уже вечерело. Мать мазала обветшалый дом глиной, пока ещё позволяла погода и снова не начались дожди. Нинка, закутанная в мамину шаль, стояла рядом в своей табуретке. Увидев дочь у ворот дома, мама уронила ведро и всплеснула руками:

— Таня?! Что случилось? Ты с кем?

Дочь бросилась к ней и, захлёбываясь слезами, рассказала о потерянных карточках. Нинка тоже заревела.

Продукты собирали всей деревней. Помогли кто чем мог. На следующий день к обеду, выпросив коня в колхозе, погрузили всё в телегу и поехали к Марии в город. Двоюродный дед Михаил, потерявший ногу ещё в начале войны, ловко управлял лошастью. До Тани доносились запах дыма от дедовой самокрутки и матерные слова. Дед любил крепко выразиться, и лошадь, наверное, его понимала. Таня морщилась и старалась не слушать. Отец её, в отличие от деда Михаила, никогда не матерился. «Меня, наверно,

материт... Он на войне был... Теперь без ноги... А Лёля из-за меня может умереть...» — Таня прижалась к матери. Дед обернулся: «Не замёрзли? Ноги-то тулупом кутайте! Не лето чай... Скоро приедем!» И подмигнул Тане.

Потом всю дорогу молчали. Каждый думал о своём.

К вечеру подъехали к дому Марии. Не застав её, привязали коня к дереву и стали дожидаться хозяйку. Ждать пришлось долго, часа два или больше, прежде чем они увидели в сумерках знакомую невысокую, худощавую фигуру женщины. Когда крёстная подошла ближе, в свете фонаря Таня заметила, что лицо её осунулось, потемнело. Выразительные глаза в ореоле тёмных кругов казались ещё больше, как печать переживаний и бессонной ночи.

— Лёлочка, милая, прости! Карточки твои... Я не хотела их потерять! — бросилась к крёстной Таня, чуть не запнувшись о мешок с продуктами. — Мы картошку тебе привезли...

— А я тебя ищу... — с дрожью в голосе проговорила Мария, обняв крестницу. Та уткнулась лицом в фуфайку Марии, и обе расплакались. Мать тоже с облегчением заплакала. Стоящий рядом на деревянном протезе дед Михаил закурил свою самокрутку.

— Ну вот, развели мокроту... — проговорил он. — Ничего, дочки, прорвёмся! Обязательно прорвёмся!

Миясат МУСЛИМОВА

«КАК МЯГОК КАРИЙ ЦВЕТ...»

Миясат Шейховна Муслимова родилась в селе-нии Убра Лакского района Дагестана. Окончила Дагестанский государственный университет, аспирантуру МГПУ. Доцент ДГУ. Прошла трудовой путь от учителя школы до заместителя министра по печати и информации РД. Поэт, переводчик, литературный критик, журналист. Пишет на русском языке. Публиковалась в журналах «Дружба народов», «День и ночь», «Крещатик», «Дарьял» и др. Автор нескольких книг стихотворений, переводов. Победитель Международного литературного конкурса «Золотая строфа – 2010». Лауреат Всероссийской премии «Поэт года – 2013», литературных премий им. Р. Гамзатова, М. Волошина и др. Председатель Дагестанского отделения Союза российских писателей и Дагестанского отделения Клуба писателей Кавказа. Живёт в Махачкале.

ЗЕРКАЛА

Парча осенних переплясов,
охапка ветра, купола...
Старуха с пряжей на пороге
и с жизнью, выпитой дотла,
И сын садовника в сединах
в забаве тронет облака,
От детских слёз до воскресенья
течёт и катится река.

Под мостом, мотая гривой,
Мчатся воды торопливо,
А меж волн луна дрожит,
Дынным ломтиком кружит.

Жемчужной нитью обрываясь,
сорвались звуки из окна,
А следом сердце замирает.
Рояль. Хлопок. И тишина.
В родстве с небесной высотой
и отлучённый от семьи,
Он бродит с кистью за мечтою
и спит на краешке скамьи.

За окном взлетели руки,
Это птицы или звуки?
Это просто черепки,
Разойдитесь, чудак...

Нет удачливым доверья, и,
от сытых сторонясь,
Он рисует праздник хлеба,
света призрачную вязь.
Парча осенних переплясов,
охапка ветра, купола,
И упоение от красок,
и кисти нашей зеркала...

НЕБЕСНАЯ КУРА

Для тоста нужен повод?
Никогда!
Поднимем рог, случайный
собеседник.
Тень грусти лишь текучая вода:
Была — и нет, как дождик
в Кобулету.

Смотри, какая ночь!
Подставь же рог!
Искристый ковш над нами
опрокинут,
Из сотен нами пройденных
дорог
На небесах, поверь, одну лишь
примут —

И мы на ней, смотри!
Из темноты
Она друг к другу вывела
навстречу.

Я сам давно с печалью на ты
И тенью их с рождения отмечен.

Для тоста нужен друг,
ты будешь им,
Вся наша жизнь лишь словом
осиянна.

Давай с тобой о ней поговорим
Стихами Руставели, Тициана...

Какая тишина...
Нежданный друг,
Пусть отдохнут зурнач
и сазандари
От музыки бессонного вина...
Вращает круг небесная Кура
И бьётся в грудь в неистовом
угаре,
Шумит у изголовья до утра...

Щедрый ковш поднебесный всё
лётся и льётся, мой друг,
Мои речи длинны, нет конца
уходящим, всё длится
печальный обряд,
И когда мы сведём берега
после долгих разлук,
То поклоном проводим людей —
тех, которые нас возродят.

СКОРОТЕЧНЫЕ БРАТЯ МОИ

Скоротечные братья мои,
тонкоструйные сёстры земные,
Мир кружится меж тайных
невидимых свету корней,
И плывут наши души —
форели песчано-речные,
Древнее камней Бухары,
минаретной лазури нежней.

Тяжкорукие братья мои,
бессловесные сёстры земные,
Глиной текучей плоть обернула
моря.
Где начала её, где концы декабря
восковые,
Где взовьётся ветвистое древо
верного Солнцу огня?

Эти руки пророков шаманят
 под гул ураганный,
 Братья-подкидыши, сёстры мои
 лиходейки!
 Сребролиственный день
 постучится в окошко незванный
 Тополем ясным, а уйдёт
 обессиленной змейкой.

О, беспамятство братьев
 и клёкот сестёр позабытых,
 Не знающих слова «отец»,
 не вскормивших собою поля!
 Мир возжаждали мощи
 одряхлевших и кровью умытых,
 Разрывают могилы, прицельно
 по мёртвым паля.

Скоротечные братья мои,
 тонкоструйные сёстры земные,
 Удостойтесь посмертно
 вырванных тленом корней.
 Вместе с вами плывут
 сребропевчие души, и уста их
 немые
 Древнее Дербента и Рима,
 минаретной лазури нежней.

Я РАСПАХНУЛА ДВЕРИ

Я распахнула двери. Гул толпы
 Ворвался, опрокинув стылый
 ветер.
 Как жесты обречённого скупы
 На сквозняке воззваний
 и запретов!
 Закрой и отступи, пока
 не поздно,
 Пока на службе у одной лишь
 Музы!
 Но если ты услышал, то опознан,

И вот уже ложится тяжким
 грузом
 Чужая боль на грудь, чужая
 ярость.

Каюсь.
 Она жила во мне, но, отвергая
 Зов пропасти, я затворила
 двери,
 Закрыла окна в стихотворном
 рае.
 Воздалось мне по сердцу
 и по вере —
 Иду на зов. Чей голос я,
 чья сила?
 По ком звонят опять колокола?
 Гул за окном. Я двери отворила:
 «Твоя святая за тобой пришла».

ШЁПОТ

Так выпуклы вещи в ночной
 тишине,
 Так тени причудливо-близки...
 Качается тополь в открытом
 окне,
 Бросает в окошко записки.

Они холодны от прошедших
 дождей,
 Слетают на стол отрешённо.
 Здесь ветер дыханья любимых
 нежней,
 И звёзды в ночи обнажённой.
 И шёпотом губ я о счастье
 пишу,
 К Нему этой ночью взываю.
 Спасибо за то, что в стихах
 ворожу,
 Ищу и блуждаю по краю.

Спасибо за то, что язык
Твой велик
И в каждом творении звучен,
За замысел тайный,
за солнечный блик,
За мёд ожиданья тягучий.

Так трепетно утром день снова
расцвёл,
Но мне Ты дал участь иную.
За то, что всю жизнь к этой
ночи Ты вёл,
Я плачу от счастья, ликую.

Мой шёпот неслышен, я плачу
тайком,
Медсёстры заснули устало,
И тополь печально шумел
за окном,
И смерть, как сиделка,
картинки листала.

АНЖИ*

Бабочки пахнут полынью,
Йодовый воздух искрит,
Мерные волны латыни
Бьются о певчий санскрит.

Пена морская наутро,
Плавно прервав миражи,
Стынет у гор перламутром,
Выронив жемчуг Анжи.

Смири, Тарки-Тау, гордыню
У моря хазарских кровей,
Пусть горькие песни полыни
Остудят морской суховой.

Омытый дождями, прибоем,
С мерцаньем слюды на камнях,
С мальчишеским ветром-изгоем,
Черешневым цветом в горстях

Мой город прекрасен, я знаю,
В нём волей природы сошлись
И горы, и степи без края,
И море, и ласковый бриз,

Барханов тягучие тайны,
И гордый орлиный полёт,
И щедрость равнины бескрайней,
На кручах не тающий лёд.

...Бабочки пахнут полынью,
Йодовый воздух искрит,
Мерные волны латыни
Бьются о певчий санскрит...

КАК МЯГОК КАРИЙ ЦВЕТ

Как мягок карий цвет,
стекающий к сосцам...
Их белизной как будто очарован,
Застыл рассвет, и к тихим
бубенцам
Склоняет рог печальная корова.

Платок завяжет мама узелком.
В протяжном повторении земного
В сосуде пенится и тонет молоко,
Коричневым баюкает корова.

Копытца держат землю, и она
Под синевой небесного покрова
У ног крестьянки кротко
прилегла.
В тени каштана светится корова.

* Анжи — старинное название Махачкалы.

Устали краски удивлять людей,
И мир глядит с наивностью
Нико,
Как просто жизнь течёт и без
затей
Струится под ладонью молоко.

ВОСПОМИНАНИЕ

Из света в полутьму, из темноты
на свет
К высокому кресту из суеты сует,
К скрещению дорог на каменный
порог
Заключением теней зовёт
дремучий рок,

И вот

Взвилась огненные кони
взрывом солнца в небесах,
Время сыплется в ладони,
пеплом стынет на глазах,
И над миром медлит в танце
огнегривое кольцо,
Бьют хвосты протуберанцев
в лики вздыбленных гонцов.
Из глубин веков Вселенной
тетивой летит стрела,
Над гробницами Равенны эхо
пьют колокола.
Воздух плавленной свободы —
под копытами коней,
Отекают чьи-то годы в пустоте
ненужных дней.

Но

Что за огненные кони
возвращаются с небес?
Ангел их устало гонит или бьёт
под рёбра бес?

Кровью пишутся затмения
и ложатся на холсты.
Над горой уснувшей тени
поднимают ввысь кресты,
И стремительные реки остужают
алый бег,
Выплывает из столетий Ной,
и с ним его ковчег —
Мимо торжища лесного,
мимо запахов земли
К яслям высохшей коровы,
к плачу брошенной любви,

И вот

Из пустоты к огню, из темноты
на свет,
К высокому костру из горечи
и бед
Зовёт крылатый конь,
спускаясь на порог.
Кому — моя ладонь?
И кто теперь мой рок?

НЕ РОПЦИ, БОГОРАВНЫЙ АХИЛЛ

Ахилл безутешен, жертвенный
дар отвергая, —
Что ему мавзолей,
на фракийской земле кенотаф?
Поликсены невинная кровь,
в царство Аида стекая,
Вопрошает, дымясь: разве
«жертва» — не имя расправ?

— Над участью мёртвых ты царь,
и участь твоя здесь отрадна.
Не ропци, богоравный Ахилл,
не кощунствуй меж нами!
— Одиссей, как подёнщик, готов
я за плугом идти, за волами,

Лоб вытирать рукавом, семя
бросать, вырастить куст
винограда.

Поприща жажду — не власти,
вот в чём бессмертным награда.

ВРЕМЯ ГЕРОЕВ УШЛО

Шлемоблещущих нет,
копьеборцев забыл календарь,
В подземное чрево ушли
гладиаторы Рима,
От спартанской пехоты до
ярых атак янычар,
От индейцев-апачей до скифов
курганного Крыма,
От былинных царей, самураев,
монголов, абреков,
От рыцарских конниц, аланов,
хазаров, ацтеков
До двух войн мировых,
до пропахшего гарью Кабула —
Все они на родных языках
небесам присягнули:
«Со щитом или на щите».

Мощью тела и духа стяжая
победу, отвагой,
Веками рождались герои, но их
время отныне ушло.
В двадцать первом столетье
слизняки атакуют бумагой,
Бьют по кнопкам. Нажмут —
полземли просто так полегло.

Чахлый палец воюет, он решает
судьбу миллионов,
Этот палец с экраном гуманно,
бескровно убьёт,
Нумерованный ум послушаньем
теперь коронован,
А усохшие души отправляют
ползущих в полёт.

Ходят крысы давно в капитанах,
стоят за штурвалом,
Пассажиры до первой бури
плывут на борту корабля.
Фарисеи съедают эпоху или
время закрылось забралом?
Где Гераклы твои, Одиссеи,
где Ахиллы, Патроклы, Земля?

ИЛЬЯС ДАУДИ

«...А ДО СМЕРТИ ЧЕТЫРЕ ШАГА...»

Ильяс Дильшатович Дауди родился в 1967 году в городе Азнакаево (Татарстан). В 18 лет, будучи студентом, добровольцем ушёл на Афганскую войну (1979-1989), был тяжело ранен. Окончил Московский институт нефти и газа имени И.М.Губкина и Российскую Академию РАНХ и ГС при Президенте РФ. Герой Российской Федерации, общественный деятель, публицист, член Союза писателей России. Победитель Всероссийского литературного конкурса Центрального Дома Российской Армии «Твои, Россия, сыновья!» (2017) в номинации «Проза». Живёт в Москве.

В XX веке Российская, а затем и Советская (Красная) армия участвовали в целом ряде локальных конфликтов и множестве войн, начиная с Русско-японской (1904-1905), потом Первой мировой (1914-1918), Советско-финляндской (1939-1940) и Второй мировой (1939-1945); позже была война в Афганистане. В ходе каждой из войн в ратной среде зарождалась военно-лирическая традиция, отражающая характерные темы и мотивы: тяготы и лишения, тоску по дому, любовь к Родине, верность воинскому долгу и присяге, доблесть и отвагу, крепость боевой дружбы и память павших. По убеждению известного автора стихов об Афганской войне (1979-1989) Виктора Глебовича Верстакова, отличительной чертой «фронтовой поэзии» являлось то, что она писалась в окопах, для тех, кто в окопах, и о тех, кто в окопах воюет, а не для тех, кто читает или, тем более, даёт разрешение на публикацию.

Вверх и вперёд!

*Близок окопов ряд.
Гибель свинец навстречу несёт,
но нет нам пути назад.*

*Рукопашный бой удалый
разыгрался в море огня.
Враг не забудет день схватки
кровавой, русский наш штык
кляня.*

*Венский вальс оркестру
полковому в парке городском
не играть,*

*И трубачу, и альтисту младому
в сопках судьба лежать.*

*Горечь утрат болью сжимает
грудь,*

*Павших героев тени кружат,
вальс навевает грусть...*

*Спите, бойцы, вечная память
вам.*

*Нерукотворный встал к небесам
славы нетленный храм!*

*И не крест на сопках стоит,
не гранит покой ваш хранит,
О боях и товарищах павших
вальс маньчжурский в сердцах
звучит.*

Прошло более тридцати лет. Международная обстановка в конце 1930-х годов серьёзно осложнялась: в Европе Третий рейх продолжал активное вмешательство во внутренние дела соседних государств, оккупируя приграничные территории, присоединив по аншлюсу Австрию. На Дальнем Востоке эти годы ознаменованы интервенцией японской Квантунской армией Маньчжурии, большей части промышленно

развитых районов Китая, было совершено провокационное нападение на территорию СССР, закончившееся разгромом японской армии. Эти судьбоносные военно-политические события нашли отражение в военной лирике и тематике советского кинематографа того времени.

Одной из известных песен, написанной в 1939 году, была «Три танкиста», ставшая неформальным гимном пограничных и танковых войск СССР. По одним данным, история песни берёт своё начало с XVIII съезда ВКП(б) 10-21 марта 1939 года, на котором был зачитан коллективный рапорт советских военнослужащих — экипажа танка, несшего службу на Дальнем Востоке. Суть рапорта состояла в том, что оставленный по предписанию в расположении части для несения караульной службы экипаж не смог участвовать в первом сражении с вероломно вторгшимися на территорию СССР у высоты Безымянная японскими войсками, поэтому просит командование направить экипаж танка на фронт. Делегатами XVIII съезда была дана высокая политическая оценка рапорту как примеру безграничного патриотизма и беззаветного служения Родине. Это событие вдохновило присутствующих на съезде композиторов-братьев Дмитрия Яковлевича и Даниила Яковлевича Покрасс и поэта Бориса Савельевича Ласкина написать песню об отважном экипаже, который на следующий же день принял

участие в боевых действиях и до самого конца участвовал в хасанских событиях.

По другим данным, режиссёр будущего фильма «Трактористы» (1939) Иван Александрович Пырьев обратился к Б.С. Ласкину с предложением написать песню. После написания стихов он направился к братьям Покрасс, которые в течение 30-40 минут сочинили мелодию. Впервые песня была исполнена Николаем Афанасьевичем Крючковым, актёром театра и кино в кинофильме «Трактористы», сразу же после событий на Халхин-Голе, в дальнейшем её исполняли многие известные коллективы. Важно отметить, что в данном творческом союзе вслед за песней «Три танкиста» к фильму «Трактористы» был написан «Марш советских танкистов». Многие строки из песни «Три танкиста» разобраны на крылатые выражения. На разных временных этапах слово «самураи» в строках «В эту ночь решили самураи», «И летели наземь самураи» в зависимости от международных событий заменяли на выражение «вражья стая».

*На границе тучи ходят хмуро,
край суровый тишиной объят.
У высоких берегов Амура
часовые Родины стоят.
Там врагу заслон поставлен
прочный, там стоит, отважен
и силен,
У границ земли дальневосточной
броневой ударный батальон.*

*Там живут — и песня в том
поруча — нерушимой, крепкою
семьёй
Три танкиста — три весёлых
друга, экипаж машины боевой.*

*На траву легла роса густая,
полегли туманы, широки.
В эту ночь решили самураи
перейти границу у реки.
Но разведка доложила точно,
и пошёл, командою взметён,
По родной земле дальневосточной
броневой ударный батальон.*

*Мчались танки, ветер подымая,
наступала грозная броня.
И летели наземь самураи
под напором стали и огня.
И добились — песня в том поруча —
всех врагов в атаке огневой
Три танкиста — три весёлых
друга, экипаж машины боевой!*

Шли годы, грянула трагическая и кровавая Великая Отечественная война. В июне-сентябре 1941 года немцы взяли Брест, Минск, страны Прибалтики, Смоленск, Киев, Херсонскую и Николаевскую области, был взят в блокадное кольцо Ленинград, в октября-декабре — города Таганрог, Харьков, Белгород, Ростов-на-Дону. Вероломство, с которым фашистская Германия напала на Советский Союз 22 июня 1941 года, разрушенные ею города и сёла, массовая гибель советских граждан наложили особый отпечаток на творчество советских поэтов и композиторов. Вдохновлённые

патриотическим порывом, они создавали произведения о доблести и отваге советских воинов, проливающих на фронтах свою кровь, одновременно рождались песни ненависти и мщения врагу за горе и страдания, принесённые на нашу землю, за погубленные судьбы.

Однако стране была нужна главная фундаментальная песня, способствующая всеобщему эмоциональному подъёму, мобилизующая все душевные силы, чтобы встать на защиту своей Родины. Так 24 июня 1941 года в газетах «Известия» и «Красная Звезда» был опубликован текст стихов к песне за авторством лауреата Сталинской премии (1941), поэта Василия Ивановича Лебедева-Кумача. Мелодию к будущей песне написал композитор и хоровой дирижёр, художественный руководитель Краснознамённого ансамбля Красноармейской песни и пляски СССР Александр Васильевич Александров — лауреат Сталинской премии (1942, 1946), заслуженный артист РСФСР (1933), народный артист СССР (1937), генерал-майор, автор мелодии Гимна СССР и Российской Федерации. Уже 26 июня 1941 года на Белорусском вокзале выезжающая на фронт одна из групп Краснознамённого ансамбля впервые исполнила эту песню, со слов очевидцев, повторив пять раз подряд. Это знаменательное событие было увековечено 9 мая 2005 года после установления на здании Белорусского вокзала мемориальной доски.

*Вставай, страна огромная,
вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
с проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
священная война.*

*Дадим отпор душителям всех
пламенных идей,
Насильникам, грабителям, му-
чителям людей!
...Не смеют крылья чёрные над
Родиной летать,
Поля её просторные не смеет
враг топтать!*

*...Гнилой фашистской нечисти
загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
сколотим крепкий гроб!
Пусть ярость благородная
вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
священная война.*

Шёл первый, самый тяжёлый год Великой Отечественной войны. Враг наступал по всем направлениям, многие поэты и композиторы сочиняли стихи и песни для поднятия духа и укрепления воли советских воинов. «Бьётся в тесной печурке огонь», со слов автора стихов Алексея Александровича Суркова, «вероятно, была первой лирической песней, рождённой в пламени Великой Отечественной войны, принятой и сердцем солдата, и сердцем тех, кто его ждал с войны». В ноябре 1941-го фашисты рвались на

восток через Кашино и Дарну по дороге, параллельной Волоколамскому шоссе. В это самое время по случаю присвоения почётного наименования «9-й гвардейской» 78-й стрелковой дивизия 16-й армии, оборонявшей тогда Истру, для широкого освещения данного события в войсках политуправление Западного фронта направило в расположение соединения группу корреспондентов «Красноармейской правды», в числе которых был Алексей Сурков, в будущем известный советский поэт. По прибытии в штаб дивизии, а затем на позиции одного из стрелковых полков в деревне Кашино Сурков вместе с другими корреспондентами попал под обстрел фашистов. Укрываясь от непрерывного миномётного огня, они в сопровождении гвардейцев чудом благополучно преодолели участок минного поля. После завершения этого происшествия Сурков обнаружил, что его шинель посечена множеством осколков. Хотя, как вспоминает сам поэт, «накануне давал себе слово, что... дальше штаба полка не сделаю ни шага. Ни единого... А до смерти — четыре шага». После этого оставалось только дописать: «До тебя мне дойти нелегко...». Так родилось известное стихотворение «В землянке». На следующий день оно, написанное на обороте листа «Тебе, моё солнышко!», в солдатском треугольнике отправилось в город Чистополь Татарской АССР, где находилась в эвакуации семья Суркова.

Позднее, в феврале 1942 года, в редакцию газеты «Фронтная правда», в которой служил Сурков, зашёл композитор и великолепный пианист, в годы войны — музыкальный консультант Главного Политуправления ВМФ Константин Яковлевич Листов, искавший стихи для создания им мелодий военных песен. Алексей Сурков передал Листову стихотворение «В землянке», по его словам, «будучи уверен, что ничего из этого не получится». Однако уже через неделю Листов вернулся в редакцию «Фронтной правды» и исполнил новую песню. Присутствовавшие члены редакционной коллегии с одобрением встретили произведение. Затем песня была представлена редакции «Комсомольской правды» и вышла в большое плавание. Она быстро обрела широкую популярность, её стали исполнять фронтные бригады, а также в армейской среде.

Песня вошла в репертуар одной из самых популярных в СССР певиц и исполнительниц (в неповторимом фольклорном стиле) русских народных песен — Лидии Андреевны Руслановой. В ходе концерта перед воинами 2-го Гвардейского кавалерийского корпуса под Волоколамском в апреле 1942 года, на котором прозвучала «В землянке», не оставившая никого равнодушным, великая советская певица встретила своего будущего мужа Владимира Викторовича Крюкова, командира этого кавалерийского корпуса,

на тот момент генерал-майора, в будущем Героя Советского Союза (1945) и ближайшего соратника маршала Георгия Константиновича Жукова. Спустя короткое время в исполнении песни «В землянке» многими певцами Сурков обнаружил, что его текст претерпел маленькое изменение: вместо строк «Мне в холодной землянке тепло от моей негасимой любви» звучало «...от твоей негасимой любви». «Вот, Алёшенька, народ тебя и поправил», — шутила супруга А. Суркова, Софья Антоновна. Однако летом 1942 года над песней сгустились тучи. Кто-то в Главном политуправлении посчитал строки «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти — четыре шага...» создающими упадническое настроение.

С августа 1942 началось изъятие и полное уничтожение грампластинок с записями песни в исполнении Лидии Руслановой. На Суркова начали оказывать давление с требованием удалить слово «смерть», но Алексей остался непреклонен. Тогда Главное политуправление запретило трансляцию песни по фронтовому радио и рекомендовало её исключение из репертуара фронтовых бригад. Весть о запрете песни «В землянке» быстро разлетелась по фронтам. Несмотря на мнение военно-политического руководства, шесть негодующих на это решение гвардейцев-танкистов прислали Суркову письмо со словами: «Напишите вы для этих людей, что до смерти

четыре тысячи английских миль, а нам оставьте так, как есть, — мы-то ведь знаем, сколько шагов до неё, до смерти». Спустя короткое время о запрете стали тихо забывать, песня «В землянке» в исполнении Лидии Руслановой прозвучала у стен поверженного Рейхстага и у Бранденбургских ворот.

*Бьётся в тесной печурке огонь,
на поленьях смола, как слеза.
И поёт мне в землянке гармонь
про улыбку твою и глаза.
Про тебя мне шептали кусты
в белоснежных полях
под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
как тоскует мой голос живой.*

*Ты сейчас далеко, далеко,
между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
а до смерти — четыре шага.
Пой, гармоника, вьюге назло,
заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
от твоей негасимой любви.*

Интересно отметить, что на мелодию песни «В землянке» композитора К. Листова сразу после окончания Великой Отечественной войны автором, имя которого осталось неизвестным, были написаны стихи, повествующие о фронтовой дружбе двух солдат, один из которых, старшина, погиб и был захоронен на холме под Сталинградом. Песню исполнил Владимир Александрович Нечаев.

*Догорает за Волгой закат,
а по рельсам составы гремят,
И увозят теплушки солдат,
отстоявших в боях Сталинград.
Над землёю небес океан,
в тёплом воздухе пахнет весной,
А в теплушке играет баян,
и поёт старшина молодой...*

Особо полюбились советским воинам песня, рассказывающая о душевных переживаниях девушки, оказавшейся в разлуке со своим любимым «бойцом на дальнем пограничье». Знаменитая «Катюша» появилась на свет за три года до начала Великой Отечественной войны. Песня стала итогом творческого союза поэта и прозаика Михаила Васильевича Исаковского, написавшего стихи для популярных песен «Враги сожгли родную хату» (1945), «В лесу прифронтовом», «Летят перелётные птицы» (1948), «Одинокая гармонь» (1945), «Под звёздами балканскими» (1944), «Каким ты был, таким остался», «Ой, цветёт калина» и композитора Матвея Исаковича Блантера, автора множества знаменитых песен, в том числе «В лесу прифронтовом», «Песня военных корреспондентов» (1943), «Огонёк» (1943), «Лучше нету того цветцу» (1946) и других. Стихи к песне «Катюша», написанные М. Исаковским, обрели поистине народную любовь, став одним из самых популярных песенных текстов военной лирики. Пролетев сквозь десятилетия, эти строки «о выходящей на берег» девушке продолжают

покорять сердца своей искренностью и незатейливостью. Песня «Катюша» была одной из самых желанных в репертуаре бригад артистов, выступающих перед советскими воинами на фронтах. В связи с огромной популярностью в народе «катюшей» в годы Великой Отечественной войны была названа боевая машина реактивной артиллерии серии «БМ» — грозная, наносящая серьёзный урон ненавистному врагу и ставшая символом советской военной мощи и возмездия.

*Расцветали яблони и груши,
поплыли туманы над рекой;
Выходила на берег Катюша,
на высокий берег на крутой.
Выходила, песню заводила
про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
про того, чьи письма берегла.*

*Ой, ты песня, песенка девичья,
ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальнем пограничье
от Катюши передай привет.
Пусть он вспомнит девушку
простую, пусть услышит,
как она поёт,
Пусть он землю бережёт родную,
а любовь Катюша сбережёт.*

*Расцветали яблони и груши,
поплыли туманы над рекой;
Выходила на берег Катюша,
на высокий берег на крутой.*

Время шло, с началом контрнаступления советских войск под Москвой, разгрома врага в Сталинградской и Курской битвах,

на фронтах наряду с песнями мщения, взывающими к возмездию, возникла необходимость в лирических песнях о любви, верности. Одной такой песней, завоевавшей широкую популярность и народную любовь в годы Великой Отечественной войны, стала «Тёмная ночь», написанная в 1943 году композитором Никитой Владимировичем Богословским, автором произведений «Шаланды, полные кефали» (1942), «Спят курганы тёмные» (1940), «Любимый город» (1939), «Солдатский вальс» (1944) и многих других, и поэтом Владимиром Гариевичем Агатовым. Песня стала широко известна и полюбилась народу, благодаря выходу в 1943 году на экраны кинотеатров фильма «Два бойца» по повести Льва Славина «Мои земляки». История появления песни «Тёмная ночь» в фильме «Два бойца» связана с замыслом режиссёра Леонида Давидовича Лукова снять проникновенный эпизод написания солдатом письма любимой жене. Луков обратился к композитору Н. Богословскому с просьбой написать песню к фильму, подробно объяснив, чем она должна быть наполнена. Никита Владимирович «сел за рояль и без остановки от начала и до конца сыграл родившуюся у него в голове мелодию». «Это был первый и единственный случай в моей жизни, — вспоминал Богословский, — когда я потратил на сочинение музыки столько же времени, сколько она звучала». Впоследствии автор стихов к песне и её исполнитель сделали

то же самое. Вызванный по телефонному звонку поэт В. Агатов, сев за край стола, за 15 минут с такой же лёгкостью сочинил текст на мелодию, а разбуженный среди ночи, после тяжёлых съёмок, Марк Бернес, обычно подолгу заучивающий тексты и «цепляющийся за слова или ноты», затягивая все сроки, записал песню практически с первой попытки. В предельно сжатый срок фонограмма была готова, а на следующий день был снят сам эпизод. Песню под гитару во фронтовой землянке с протекающей кровлей пел под шум дождя герой Марка Бернеса, боец-одессит Аркадий Дзюбин. Ещё до выхода фильма на экран весть о рождении новой песни дошла до Леонида Утёсова, которому в тот момент не хватало одной композиции для записи его граммпластинки, где уже присутствовала песня Никиты Богословского «Шаланды, полные кефали». Так композитор не смог отказать в просьбе Утёсову и передал ему ноты и стихи «Тёмной ночи», записанной на граммпластинку в 1943 году. Очевидно всё же, что песня в исполнении Марка Бернеса прозвучала особенно проникновенно, став более предпочтительной.

*Тёмная ночь, только пули
свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах,
тускло звёзды мерцают.
В тёмную ночь ты, любимая,
знаю, не спишь,
И у детской кровати тайком
ты слезу утираешь.*

Как я люблю глубину твоих
 ласковых глаз,
 Как я хочу к ним прижаться
 сейчас губами!
 Тёмная ночь разделяет,
 любимая, нас,
 И тревожная, чёрная степь
 пролегла между нами.

Верю в тебя, в дорогую
 подругу мою,
 Эта вера от пули меня тёмной
 ночью хранила...
 Радостно мне, я спокоен
 в смертельном бою,
 Знаю, встретишь с любовью
 меня, что б со мной ни случилось.

Смерть не страшна, с ней
 не раз мы встречались в степи.
 Вот и сейчас надо мною она
 кружится.
 Ты меня ждёшь и у детской
 кровати не спишь,
 И поэтому знаю:
 со мной ничего не случится!

Ещё одним популярным произведением, созданным в творческом союзе героев Социалистического труда и лауреатов Сталинской премии — поэтом и прозаиком Михаилом Васильевичем Исаковским и композитором Матвеем Исааковичем Блантером — стала песня «В лесу прифронтовом». Стихи М. Исаковский написал в 1942 году, мелодию М. Блантер — в 1943 году. Осенью 1941 года Исаковский, не будучи призванным на фронт в связи со слабым зрением, в числе других московских поэтов, писателей, артистов

и их семей был эвакуирован из Москвы в город Чистополь Татарской АССР. Там он написал стихи, посвящённые своей супруге Лидии, на основе которых впоследствии была написана песня «В лесу прифронтовом». Стихи с начальным названием «В прифронтовом лесу» впервые были опубликованы в газете «Красная Татария». Михаил Исаковский писал: «Стихи написаны на Каме, когда шёл второй год войны. Работая, представил себе русский лес, чуть-чуть окрашенный осенью, тишину, непривычную для солдат, только что вышедших из боя, тишину, которую не может нарушить даже гармонь. Послал стихи старому товарищу Матвею Блантеру, с ним создавали «Катюшу». Спустя несколько месяцев услышал по радио, как «В лесу прифронтовом» исполняет Ефрем Флакс». Композитор Матвей Блантер вспоминал: «И вот в 1942 году получаю от Михаила Исаковского письмо: «Матвей, я написал стихи. Может, этим обеспечу хоть какое-то участие в войне». С первых же фраз было ясно — стихи стоящие. Так появился вальс «В лесу прифронтовом». Песня, снискавшая всенародную любовь, повествовала о мыслях советских воинов в часы отдыха перед сражением — о будущей мирной жизни, о родных; одновременно в ней были строки о том, что дорога к дому и к любимой лежит через борьбу с ненавистным врагом, тяготы, лишения и испытания: «... и каждый знал — дорога к ней ведёт через войну».

С берёз неслышен, невесом
 слетает жёлтый лист,
 Старинный вальс «Осенний сон»
 играет гармонист.
 Вздыхают, жалуясь, басы,
 и, словно в забытыи,
 Сидят и слушают бойцы —
 товарищи мои.

Под этот вальс весенним днём
 ходили мы на круг,
 Под этот вальс в краю родном
 любили мы друг,
 Под этот вальс ловили мы
 очей любимых свет,
 Под этот вальс грустили мы,
 когда подруги нет.

И вот он снова прозвучал
 в лесу прифронтовом,
 И каждый слушал и молчал
 о чём-то дорогом,
 И каждый думал о своей,
 припомнив ту весну,
 И каждый знал — дорога к ней
 ведёт через войну.

Так что ж, друзья, коль наш
 черёд, да будет сталь крепка!
 Пусть наше сердце не замрёт,
 не задрожит рука.
 Пусть свет и радость прежних
 встреч нам светят в трудный
 час,
 А коль придётся в землю лечь,
 так это ж только раз.

Но пусть и смерть — в огне,
 в дыму — бойца не утрашит,
 И что положено кому,
 пусть каждый совершит.
 Настал черёд, пришла пора,
 идём, друзья, идём!
 За всё, чем жили мы вчера,
 за всё, что завтра ждём.

С берёз неслышен, невесом
 слетает жёлтый лист,
 Старинный вальс «Осенний сон»
 играет гармонист.
 Вздыхают, жалуясь, басы,
 и, словно в забытыи,
 Сидят и слушают бойцы —
 товарищи мои.

У каждой песни своя судьба. Какие-то после первого исполнения подхватываются и мгновенно распространяются в массах, другим же приходится преодолевать трудный путь для достижения известности. Сложно себе представить, но к числу песен с непростой судьбой можно отнести легендарную «Смутлянку» на стихи поэта Якова Захаровича Шведова, создавшего в числе многих и знаменитого «Орлёнка» (1936), и на мелодию композитора Анатолия Григорьевича Новикова, сочинившего в то время более сорока военно-патриотических песен.

В 1940 году Ансамблем Киевского особого военного округа композитору Александру Новикову и поэту Якову Шведову была заказана сюита о молдавских партизанах периода Гражданской войны, в числе которых был и известный революционер, участник Гражданской войны, член Украинского, Молдавского и ЦИК СССР, член Реввоенсовета СССР, фольклорный герой Григорий Иванович Котовский. Одна из семи композиций сюиты была основана на бессарабском фольклоре, в ней пелось о девушке из партизанского отряда времён Гражданской войны.

Однако в довоенные и в первые годы Великой Отечественной войны песня не была востребована и никем не исполнялась, клавиры её вообще был утерян. Тем не менее, в 1942 году с появлением на фронтах лирических песен Новиков решил восстановить «Смуглянку». Он написал Шведову на 2-й Украинский фронт письмо с просьбой восстановить и скорректировать текст песни. Несмотря на дальность его нахождения, ответ пришёл скоро, однако песня по-прежнему оставалась не востребована. Вновь о некогда написанной песне композитор Новиков вспомнил в 1944 году, когда ему позвонил художественный руководитель Краснознамённого ансамбля красноармейской песни и пляски СССР Александр Васильевич Александров и попросил композиции для нового репертуара. У вспомнившего тогда о «Смуглянке» Новикова остались черновые наброски, по которым песня была восстановлена. На всякий случай в числе других своих произведений Новиков передал и «Смуглянку». Однако именно «Смуглянка» в большей степени пришлась по душе худруку А. Александрову, песня тут же стала разучиваться хором и солистами и была включена в репертуар коллектива. Премьера песни в программе Краснознамённого ансамбля красноармейской песни и пляски в Концертном зале имени П.И. Чайковского состоялась в 1944 году. Её исполнил главный солист ансамбля Николай Устинов, во многом обеспечивший ей

популярность. Концерт транслировался по радио, «Смуглянку» услышало большое количество людей. Так песня ушла в народ. За короткий срок «Смуглянка» набрала популярность на фронте и в тылу. Несмотря на изначальное посвящение песни событиям более раннего периода Гражданской войны, она была переориентирована на борьбу за освобождение Молдавии уже в годы Великой Отечественной войны.

*Как-то летом на рассвете
заглянул в соседний сад,
Там смуглянка-молдаванка
собирает виноград.
Я бледнею, я краснею,
захотелось вдруг сказать:
«Станем над рекою зорьки
летние встречать!»*

*Раскудрявый клён зелёный,
лист резной,
Я влюблённый и смущённый
пред тобой.
Клён зелёный, да клён кудрявый,
Да раскудрявый, резной!*

*А смуглянка-молдаванка
отвечала парню в лад:
«Партизанский молдаванский
собирается отряд.
Нынче рано партизаны дом
покинули родной, —
Ждёт тебя дорога
к партизанам в лес густой!»*

*Раскудрявый клён зелёный,
лист резной,
Здесь у клёна мы расстанемся
с тобой.
Клён зелёный, да клён кудрявый,
Да раскудрявый, резной!*

*И смуглянка-молдаванка
по тропинке в лес ушла.
В том обиду я увидел,
что с собой не позвала.
О смуглянке-молдаванке часто
думал по ночам...
Вдруг мою смуглянку
я в отряде повстречал!*

*Раскудрявый клён зелёный,
лист резной,
Здравствуй, парень,
мой хороший, мой родной!
Клён зелёный, да клён кудрявый,
Да раскудрявый, резной!*

Песни военных лет... Сколько их, прекрасных и незабываемых. Есть в них всё: и горечь отступлений, и радость побед, картины из жизни солдат, рассказы о боевых подвигах однополчан. Они и теперь, по прошествии многих десятилетий, по-прежнему волнуют души ветеранов, любимы людьми сегодняшнего поколения. С первого дня войны и до праздничного

победного салюта песни всегда были с солдатами, помогали преодолевать трудности, поднимали боевой дух воинов, сплачивали их. Как верный друг, песня не покидала фронтовика, она шла с солдатом в бой. Слушая песни о войне, мы словно переживаем чувства солдат, защищавших Родину в боях, чувства их матерей и детей, ожидавших их возвращения, и то неопишное состояние счастья, которое испытали все жители Советского Союза в день Великой Победы. С каждым годом ветеранов всё меньше и меньше. Они уходят, оставляя отвоёванную землю на нас, и завещают нам беречь её. Казалось бы, идёт война — до песен ли?! Зачем они в страшное время? А народ поёт эти песни, потому что они о Родине, о Встрече и Разлуке, об Утрате и Надежде. Они связывают ниточкой две такие непохожие жизни: военную и мирную. И эта нить времён не прервётся, пока будут петь военные песни.

Скрученной нитью сплетается
жизнь в паутину,
Проблеском радуга мост
перебросит вдали.
Наша провинция — вотчина
комариная,
Звон колокольно-серебряный
изнутри.

Июньская жара,
На траве —
Белое пушистое облако:
Ветерок, совсем лёгкий,
Растрепал шар
Одуванчика.
И вот уже
Отдельные пушинки
Летят, кружатся,
Самые свободолобивые
Взлетают выше
И щекочут щёку...
Мгновение —
И присоединились к облаку.

ВЕРНЁШЬСЯ СВЕТОМ

Растаял дымкой — а вернёшься
светом,
Не жгучим холодом, а жарким
летом.
Рукой дотронуться я не сумею —
Не от того ли губы занемеют
Горячим летом?

А поутру ворвёшься в память
ветром...
Слезами растревожить не посмею,
Найду слова, которыми согрею.
Вернись же светом.

Ты не со мной давно.
Далёко где-то,
Курчавым тёплым облаком
одетый.
Я верю — будет наша встреча,
верю.
Найду тебя я за небесной дверью!

Ты присылай мне
весточки-приметы.
Я встречу светом.

Алексей Панин

(Челябинск)

Что тоска — с этим тоже живут,
Как с зубной надоевшей болью,
Сеют жито да лапти плетут,
Не смущаясь мечтою о воле.

Это всё среднерусский мираж
— Не прожить безупречным
и чистым.
А накатит минутная блажь —
Так нальют всем селом
гармонисту.

Пусть он схватит гармонию за бока
И споёт с хрипотцой
и отдышкой,
Как летят над землёй облака,
Задевая охранников вышки.

Да про ворона — чёрную тварь,
Что кружит и кружит
спозаранку.
И заплачет прожжённая рвань,
Вспоминая кто папку,
кто мамку.

А наутро похмельным и злым
Выходить на тугую работу...
— Веселей! — бригадир
крикнет им
И замашет косою по осоту.

Износивший две дюжины пар
башмаков
Блудный сын возвращается
в землю отцов.
А дорога петляет, и вьётся змеей,
И не хочет, чтоб он возвращался
домой.

Вот налево уводит дорога его.
Там кабак, где потоками льётся
вино.

И весёлые женщины ночь
напролёт
Щедро дарят любовь за наличный
расчёт.

Вот направо уводит дорога. А там
С золочёной главой гордо
высится храм.

А под куполом певчие хором
поют,
Фимиамом кадят, свечи тонкие
жгут.

Но ни в храм, ни в кабак
не желает душа.

«Что ещё впереди? —
вопросаает она. —
Что для радости есть ещё
в отчих краях?»
И дорога петляет, и пыль
на ногах.

Седина на висках, и сон только
один:
Где встречает его неродившийся
сын.

Ты, что чертишь на инее сердце
горячей рукой,
Наблюдай, как его наполняет
багровая кровь светофора.
И троллейбус на миг оживёт
под тобой,
Подчиняясь пульсации сердца
уже, не мотора.
И опять засияет над миром
Звезда.
И окажется путь, освещённый
надеждой,
Не к другой остановке —
к пещере Христа.
И покажется — всё это было
и прежде.
Было так: ты качался над степью
в седле
И чертил на заснеженном небе
рукою
Образ сердца, не зная ещё
о кресте,
Освящая пространство
не смертью — любовью.

Ирина Грехова

(Снежинск, Челябинская область)

ОТЦУ

Яблоко от яблони,
ветка от ствола.
Улочка за улицей —
дальше жизнь пошла.

Встретимся ли, свидимся там,
на кольцевой,
Где кивает яблоня белой
головой?

Где молочно-синее небо
 надо мной
Под тобою кружится лентой
 огневой?

Встретимся ли, свидимся?..
К храму я пришла —
Яблоко от яблони,
 ветка от ствола.

*Душа от всего растёт,
больше всего — от потерь.*
Марина Цветаева

Душа от всего растёт,
Особенно — от потерь.
Становится дёгтем — мёд,
Открытой — любая дверь.
Становится всё равно,
Что жизни часы идут.
Душа от всего растёт,
Когда в высоту маршрут,
Когда и спирально, и
Стихийно теряет вдруг
Пристрастия все свои —
Мятущейся жизни круг.
Душа раздаётся вширь
И к небу под самый верх.

И тело ей — монастырь,
Где будет отмолен грех.
Растёт от всего душа
И, круг завершив потерь,
Уходит, на зов спеша,
В открытую небом дверь.

Так сад горит в июле
огнями спелой вишни,
так взгляд,
подобный пуле,
стремителен
излишне,
так уходят колодцы,
испытывая жажду,
так спят первопроходцы,
так чувствуют пропажу,
так воздух неподвижен
за миг
до срыва
в пропасть,
так в спину крик —
неслышен,
так душат в сердце гордость,
так стрелочному ходу
сопутствует сомненье,
так ждёт пустыня
воду,
как я в тебе —
спасенье.

Владимир ШЕМШУЧЕНКО

«СНЕГА ХОЧЕТСЯ! СОЛНЦА!»

Владимир Иванович Шемшученко родился в 1956 году в Караганде. Окончил Киевский политехнический институт, Горьковский индустриальный и Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза писателей России, Союза писателей Казахстана. Автор 13 книг стихов. Награждён медалями Ф. Тютчева, В. Шукшина. Лауреат международных и всероссийских премий, в том числе премий журналов «Наши современник», «Москва» и др. По итогам II открытого Всероссийского конкурса поэзии в доме-музее И. Северянина назван «Королём поэтов». Главный редактор Международного литературно-художественного журнала «Всерусский соборъ» и газеты «Небесный всадник». Заместитель шеф-редактора «Литературной газеты». Живёт во Всеволожске.

На озёрах ноябрь вяжет цепкие
белые сети
На пугливых подранков
и поздно окрепших птенцов.
Донага раздевает ольху
разгулявшийся ветер,
А она лишь дрожит, закрывая
руками лицо.

Надеваю пальто, не надеясь
нисколько согреться, —
Тёмно-синяя грусть затопила
с утра целый свет —
Перелётные птицы смогли
на неё опереться...
Я за ними хотел... Оглянулся,
а крыльев-то нет.

Эко я воспарил, что совсем
не заметил пропажи,
Возомнил о себе, а цена-то
гордыне — пятак,
Навязал узелков, да таких,
что никто не развяжет.
А ведь мне говорили...
Но я не поверил, дурак!

Подзову и по шерсти поглажу —
С пегой осенью мне по пути,
А жена ей местечко покажет
От камина шагах в десяти.

Пью чаёк из прадедовой кружки,
По наследству доставшейся мне...
Осень спит в уголке, на дерюжке,
И сопит, улыбаясь во сне.

3.

Ночь из двора-колодца
Вычерпала людей...
Снега хочется! Солнца!
Где моё солнце? Где?!

Мне не угомониться —
Пасынку Караганды.
Лижет луна-волчица
В полночь мои следы.

Свет твоего окошка...
Сорок ступенек — вмиг!
Снега хочется! Солнца!
Рук твоих, чёрт возьми!

Ноябрь совсем одекабрел —
В Неву вморозил сухогрузы.
Сменив колготки на рейтузы,
По набережным бродят музы
С щечками белыми, как мел.

Дрожат бетонные быки,
Скрипят мосты под гнётом снега.
Позёмка в поисках ночлега
Берёт преграды без разбега
И обживает чердаки.

И некого задеть плечом,
И провода звенят на Невском.

А вдалеке за перелеском
Морозец — с щёлканьем
и треском! —
Звезду целует горячо.

Визжит сквозняк, прижатый
дверью, —
Бомжей выводят из метро —
На лицах тает серебро,
Добро рифмуется с зеро...
И крикнуть хочется: «Не верю!»

Как много в городе снега —
Бери и стихи пиши!
В вагоны метро с разбега
Прыгай, буянь, грехи!
До хрипоты с судьбою
Спорь — не теряй лица.
За женщину — только стоя!
За Родину — до конца!
И пусть второму — корона,
А третьему — соловьи.
Ты — первый! Крылья грифона —
Твои!

Взлетай и лети — так надо,
Не возвращайся назад —
Писательские заградотряды
Поэзию не щадят.

Ночь ещё пахнет снегом...
Выпьём же за весну
С Муркиным наглым побегом
Из форточки — на сосну!

И по второй — за морзянку
Улиц, танцующих крыш!
Это — душа наизнанку!
Разве за ней углядишь!

Вячеслав ЛЮТЫЙ

«У БЕРЕГА ВОДА ЧИСТА И ХОЛОДНА...»

Вячеслав Дмитриевич Лютый родился в 1954 году в городе Легница Польской Народной Республики. Окончил Воронежский политехнический институт, Литературный институт им. А. М. Горького. Литературный критик, публицист, председатель Совета по критике Союза писателей России. В настоящее время – заместитель главного редактора журнала «Подъём». Лауреат премии Общественной палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры», премии журнала «Подъём» «Русская речь» (2004), премий журналов «Ковчег» (2008), «Русское эхо» (2009). Член Союза писателей России. С 2016 года – ведущий рубрики «Литературная критика» альманаха «Гостинный Двор». Живёт в Воронеже.

*Туда, где пахнет яблоком
и хлебом,
Туда, где Бог людей своих
хранит,
Под русским некончающимся
небом,
Где всё и вся – по-русски
говорит.*

Владимир Шемшученко

Совместить гражданскую тематику с пейзажными и собственно лирическими стихотворениями удаётся далеко не всякому автору. Подобное свойство таланта присуще, как правило, только большим поэтам. Во всех остальных случаях одни творческие приоритеты, теряя выразительность и единственность художественного высказывания, уступают другим – и перед читателем предстаёт по преимуществу либо трибун, либо певец загнанных переживаний.

Стихи Владимира Шемшученко почти всегда остросоциальны, их отличает жёсткость национальных и родовых акцентов,

духовная определённости. Эти приметы воплощены в интонации, в слове, в логике развития сюжета и его контрастах. С полным правом их можно отнести к «поэзии мысли». Однако образность и способность поэта совмещать далёкое с близким и мгновенное с вечным выходят за границы подобного лирического ареала и рожают вещи поистине нежные и тонкие.

Новая книга стихотворений Шемшученко «Мысль превращается в слова»¹ знакомит нас с автором во многом универсальным, а название сборника словно бы говорит, что слова, напитанные мыслью, притягательны и широки, глубоки и подчас самодостаточны, поскольку в них живёт красота, которая выше всякого рационального суждения. И в главном тезисе книги самым важным оказывается *превращение*.

Шемшученко здесь предстаёт фигурой неожиданной в каждой последующей строке. Он может проявиться тихо и доверительно, в жанровом отношении — занимательно. И вдруг возникает сюжетный поворот — или, точнее сказать, сюжетный перелом — и образ автора становится предельно отчётлив, а речь его обретает твёрдость и непререкаемую интонацию. В новом сборнике он кажется более лиричным по сравнению со своим литературным

обликом прежних лет. Большой цикл стихотворений «Марине» является в этом смысле центром книги, в которой, разумеется, есть и другие тематические позиции. Однако такое единство любви и призвания, экзистенциальной тоски и социальной рефлексии, природных картин и жанра делают эту вещь своего рода «художественным позвоночником» всего корпуса представленных вниманию читателя поэтических повествований.

*Чиркну спичкой — и станет
светло,
И в оконном стекле отраженьё
Передразнит любое движенье,
И рука превратится в крыло...*

*Вспомни, как не плясал
под чужую дуду,
Как старался в дугу
не согнуться...
Не гони меня — я без тебя
пропаду,
И стихи по земле разбредутся.*

*Я вижу рождение зла и добра
В лучах отражённого света.
Я знаю, как чёрная смотрит
дыра
Из табельного пистолета.*

*Перебранка полешек,
бормотанье огня
И волос твоих рыжих
волнующий запах...
Я тебя назову: свет осеннего
дня*

*Или, лучше, — предзимье
на заячьих лапах.*

1 Владимир Шемшученко. Мысль превращается в слова. Избранные стихотворения. — СПб, 2020.

У Шемшученко в построении сюжета очень большую роль играет созерцание. Причём автор, вглядываясь в пейзаж или ситуацию, не остаётся вдалеке от событий, но как-то неуловимо к ним приближается, будто скользит и тем самым преодолевая дистанцию. В этом есть элемент кинематографа, хотя чувство меры позволяет поэту погасить движение и остановиться вовремя, не превращая дальше в фантазматорию деталей, что так примечательно в текстах модернистских авторов. Он помнит, что «Россия — это тишина», а русское созерцание приближает человека к самой материи бытия, преображая быт, который на деле — только малое, самое начальное средство, необходимое для прозрения.

Человеческая память живёт в природе, в её нерукотворных составных частях — реке, поле, лесе, которые однажды могут вспалиться и восстановить эпизоды прошлого: в печали — и радости, в беспощадном ужасе — и щедрости измученного сердца. Вот почему в стихах поэта так много биографических отсылок к истории рода и дружбе с корневыми, прошедшими жестокие испытания людьми, порой со страшной судьбой, но с незасохшим сердцем.

*...Ты слышишь, как растёт
трава
Из глаз единственного брата...*

*Он был болен и знал,
что умрёт.
Положив мою книгу на полку,
Вдруг сказал: «Так нельзя
про народ.
В писанине такой мало толку».
Я ему возражал, говорил,
Что традиции ставят препоны,
Что Мефодий забыт и Кирилл,
Что нет места в стихах
для иконы.*

*«Замолчи! — оборвал он. —
Шпана!
Что ты смыслишь!
Поэзия — это...»
И закашлялся. И тишина...
И оставил меня без ответа.*

Русское начало у Шемшученко никогда не пряталось и не отрекалось от самого себя, он — человек наследства. Красный и белый цвет в его строках постоянно спорят друг с другом, будто имперская Россия и её советское воплощение. Ни один цвет не берёт верх постоянно. Эти краски, каждая по-своему, дороги автору и вошли в его плоть и кровь. Между тем он с болью понимает, что сегодня русский человек на родной земле стал фигурой неприкаянной. Исполдволь, более изображая, а не называя вещи должными именами, поэт предлагает читателю мизансцены, в которых азиатский уклад теснит изначальный, славянский: «Всё назойливей запахи кухни восточной, / Но не многие знают — так

пахнет беда». У него чрезвычайно обострено вглядывание и вслушивание в реальность. Он чувствует: что-то происходит, и обозначает — *ЧТО*. Осязает всей кожей: какие-то события готовятся и вот-вот свершатся, и обозначает — *ПОЧЕМУ*.

*Проснусь среди ночи,
как в детстве, луну отдышу
В замёрзшем окошке, и свет
снизойдёт к изголовью...
У Господа я всепрощенья себе
не прошу,
Я только молю, чтобы сердце
наполнил любовью.*

*Когда надо мной в одночасье
нависнет вина
За то, что себя возомнил
и судьёй, и пророком,
Я чашу раскаянья радостно
вытью до дна,
Чтоб сын, повзрослев, из неё
не отпил ненароком.*

Многие приметы настоящего и прошлого Шемшученко показывает вскользь на фоне размеренной интонации лирического рассказа. Сочетание мелькнувшей жизненной грани, острой и ранящей, со спокойной сюжетной основой оказывается на редкость пронзительным. Точно так же построены и подготовлены почти все финальные строки самых важных стихотворений поэта. Примечательно, что, когда он пишет о природе или о любви, о

быте или творческом призвании, у него совершенно непредсказуемо, но очень естественно в строке возникает человек русской идеи, русского уклада и русского характера («Как всё просто, по-русски, без глупых прикрас»; «...от безбожных отцов не рождаются русские дети»; «Я — смиреннейший подмастерье, / данник русского языка»; «Мы ляжем в нашу землю здесь, мы не уйдём, мы коренные, / И рюмку водки с коркой хлеба оставим на краю стола»).

В художественном созерцании поэта есть одна важная особенность. Соприкасаясь с большими вещами, он не умаляет собственную мысль, не принимает свою зримую малость в виду огромных окружающих предметов. Он их часть, которая столь же велика. Это слияние человеческого космоса — с космосом вещественным, *слияние на равных началах*. Потому что *видимый человек* есть только тень *человека подлинного* («...Между небом и мной — неразрывная нить»; «...тучи тычутся в колени / И тают от тепла руки»; «...заново научишься дышать / И чувствовать губами привкус звука»).

Не в последнюю очередь в таком мироощущении сказывается происхождение автора. Он может посетовать на «западный» Петербург, который ему куда ближе срединной и пёстрой Москвы («Всё никак не привыкну

к лесам и болотам, / Не хватает простора глазам степняка»), однако все его стихи о городе теряются на фоне более общих сюжетов. Кажется, что в них нет сверхзадачи, лирического откровения. И в том — совсем не изъясн поэта Владимира Шемшученко, тут видны бытийные провалы *города* как такового. Наверное, мы вплотную подошли к черте, отделяющей органичную жизнь от искусственной, вольное и радостное присутствие в мире — от выморочного и безысходного. Близость подобной вехи в той или иной степени сказывается на всём строе современного ума и душевного обыкновения — в России это кажется несомненным...

*У берега вода чиста и холодна.
Прозрачные леса отчаянно
красивы.*

*Плесни-ка мне, дружок,
карельского вина,
Зателим костерок —
ну, хоть у этой ивы.*

*Она среди камней стоит,
едва дыша —
Объятия ветров настойчивы
и грубы...
Мы наберём с тобой сухого
камыша
И для неё сошьём из дыма
лисью шубу.*

*Как дышитесь легко!
Как звёзды высоки!
И воздух не горчит, а первым
пахнет снегом...*

*Я подниму с земли
листочки-лепестки,
И глубоко вдохну, и выдохну:
О-н-е-г-а...*

Говоря о превращении замысла в слово, необходимо обозначить творческие черты поэта, который, собственно, и осуществляет это, без преувеличения, волшебство. Фигура его противоречива, своенравная натура позволяет ему без церемоний, «прямо в губы» целовать слова. Хотя такой облик во многом напускной: автор вслушивается в звучание речи и искусно организует её, оживотворяя художественными образами — и уходя от первоначальной сухости тревожащего сердце и душу замысла («Подснежник скукожился в банке, / Как ставшая былью мечта»). Поэт рисует нравы литературной среды в духе традиций Блока и Есенина, одновременно насыщая сюжет отблесками социальных явлений, драматизмом судьбы художника.

*Позарастала жизнь
разрыв-травой.
Мы в простоте сказать
не можем слова.
Ушёл, не нарушая наш покой,
Безвестный гений,
не нашедший крова.*

У Шемшученко есть очень мудрое стихотворение, скромно определённое автором как «дидактика». Поэтическое вдохновение,

по его словам, стоит соединять с реальным миром, яркими чувствами, с любовью к Родине, с неподвластной разуму песней. Поэзия — вся здесь, рядом с нами и внутри нас, на грани видимого и невидимого. И в этом её загадка и великая сила.

*Не заглядывай в бездну, поэт, —
Жизнь земная всего лишь*

минутка.

Расскажи, как цветёт

незабудка,

Поднебесья вобравшая цвет.

<...>

Расскажи, как туманный

рассвет

Режет крыльями дикая утка...

*Не заглядывай в бездну, поэт, —
Своеволье не стоит рассудка.*

У Владимира Шемшученко очевидна драгоценная для нынешнего времени особенность таланта: он способен видеть предмет и картину как нечто целостное. Острота художественного зрения позволяет ему вглядываться в детали, не расчленяя действительность на мёртвые составные части, что с энтузиазмом душевнобольного делает сочинитель-постмодернист. Красота и смысл не инструменты познания отчуждённого мира, а часть человека и царства, в которое он был некогда призван Создателем. Хочется верить — не по ошибке.

Елизавета АНДРЕЕВА
(гимназия № 5, г. Оренбург)

ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ В РАССКАЗЕ ПЕТРА КРАСНОВА «МОСТ»

Дай Бог нам всем исполнить хотя бы половину того, что по своему максимуму предъявляло нам время. Слушать правду тяжело. Писать её ещё тяжелее. К тому же, правда нашего безвременья страшна. Она ломает души. И здесь нужна какая-то особая мера, которую пишущий выбирает сам...

Из речи Петра Краснова на церемонии вручения литературной премии «России верные сыны»

В интенсивных духовных поисках литературы 60-х годов XX века особое место занимает то направление русской литературы, которое принято называть «деревенской прозой». Споры об этой прозе составили целый период в развитии отечественной критической мысли. «Деревенские» рамки, в которые критика искусственно заключила произведения определённой тематики, уже с самого начала не выдерживали их нравственно-философской и социально-исторической наполненности.

Хотя несостоятельность данного термина давно признана всеми, этот термин всё-таки и по сей день остаётся, несмотря на то, что В.П. Астафьев сказал резко и определённо: «Деревенская литература? Нет такой, есть литература хорошая и плохая».

Тема современной многострадальной деревни уже стала традиционной в литературе. И всё-таки П. Краснов, известный оренбургский писатель, продолжает её разработку, заостряя внимание на ещё не сказанном, но очень важном. Для писателя уже не так важна условная грань между городом и деревней, потому что взгляд его обращён к Человеку.

Изображение бытовых деталей, примет повседневной действительности и даже действий и поступков героев — всё это не самоценно для автора. Он ставит перед собой задачу разрешения проблем нравственного и философского характера, размышляет о судьбе народа, России... Определяющей для всего творчества П. Краснова стала мысль о невозможности и недопустимости

нынешнего образа жизни. Условный круг мелом между Добром и Злом уже почти не просматривается. Возможно, именно этим и объясняется, что художественный мир писателя лишён радости, ярких красок; здесь так редко возможно счастье, настоящая любовь... П. Краснов с характерной для него прямоотой и безбоязненностью прослыть некорректным говорит о болезни, захлестнувшей всё наше общество. Бездуховность, алчность, бездушные, разгул агрессивной, коммерческой псевдокультуры — вот, по мнению писателя, причины такой стремительной деградации человека. Каждая его новая повесть, газетное интервью, выступление перед общественностью — попытка быть услышанным...

Поэтому так много говорит писатель в своих произведениях о подмене духовных ценностей за последние десятилетия, о разрушении извечных основ и корней. Автор размышляет о губительных последствиях современной политико-экономической ситуации: меняется язык, утрачивая свою цельность и самобытность; обедняется личность («Беднеет язык — беднеет душа»). Сегодня, по мнению автора, понятие свободы толкуется очень узко и примитивно, поэтому и стал таким распространённым подход к жизни «на манер американского туриста». П. Краснов искренился в своём гневе и резкости тона, когда говорит о попрании всех духовных

ценностей, патриотизма, веками завоевывавшихся. «Мы рискуем остаться без будущего, слишком расточительно жили резервами духа и веры».

Именно поэтому так важно сегодня защитить, поддержать и сохранить то живое, что ещё осталось в народе. Писатель убеждён, что процесс «рождения заново» будет ещё более мучительным. Эта идейная направленность определила и поэтику художественного творчества П. Краснова. Мёртвые деревни; забытые, брошенные кладбища; «как бельма, огни цивилизации»; «блестящая молодёжь» у блестящего «Метрополя»; жалость к бездомным собакам и равнодушие к бездомным детям...

Через чисто «деревенские» проблемы у подлинного писателя обязательно прорастают общечеловеческие, коренные вопросы бытия. Поэтому и сегодня произведения лучших прозаиков: Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Белова, В. Лихоносова, Е. Носова, В. Распутина, В. Солоухина, В. Шукшина — продолжают волновать читателей.

По праву в этот ряд можно поставить имя Петра Краснова, лауреата премии имени И.А. Бунина. Одним из первых произведений, принесших автору широкую известность, стал рассказ «Мост», созданный в 1982 году и вошедший в 1-й том антологии «Шедевры русской литературы XX века».

Рассказ «Мост» заставляет нас задуматься над одним из самых загадочных моментов бытия — моментом перехода от жизни к смерти. Драматизм ситуации — в самом прощании с жизнью, в невольном потрясении обыденного сознания, возникшем в окружающих, в потере чего-то очень значимого с уходом каждого человека, в том, как мало отпущено времени человеку на этой земле: «...жизни человеку на три раздумья. Как жить, каково живётся, да зачем жил.... Более не даётся, не успеешь».

Почему в деревенской прозе, в её наиболее зрелых, завершённых произведениях так много стариков и старух?

Дело, видимо, не только в объёме и качестве их памяти, но и в особой красочности их языка, свойственной именно пожилым людям. Сейчас очевидно, что старчество этих бабушек не возрастное, а, как сегодня говорят, харизматическое (обожествлённое, молитвенное, праведническое). Сами речи этих героинь полны пророчества, особой выразительности: «Живите тут... даст Бог, увидимся. Как мы рады будем, как встретимся, как перед очами Его... милосердными. Он простит нас всех, я знаю. Он любит нас, видит, как мы живём... разве мы виноваты. А если грех какой... так смертушка всё искушит, тяжёлая она — такая тяжёлая!»

Старчество — феномен мудрости, проницательности, вечности

(но не ветхости). Вечное — это не просто старое, обветшавшее, а ещё и культовое, вневременное.

Течение времени не видит никто. Лишь только стрелки часов да взрослеющие с каждым годом дети напоминают нам о нём.

Героини рассказа Краснова живут в особом хронотопе (термин М.М. Бахтина) — времени прощания, тревоги, последних знаков, пророческих заветов. Это последние праведницы на земле. Их деревенский мир окружён хаотичным, жестоким, агрессивным миром, от воздействия которого уже, по-видимому, не спастись...

И вот такая старуха умирает. Дуня-Забота прожила долгую жизнь в заботах и тревогах о хлебе насущном; изработавшаяся, уставшая от жизни, она только просила Бога поскорее прибрать её. И перед самой уже смертью «просветлела глазами», попрощалась со всеми, кто пришёл по обычаю проститься. Извечный круг жизни-смерти завершён для героини, и принимает она смерть как освобождение. Односельчане, повинувшись какому-то потаённому закону, пришли все, ибо «не на год и не на два расставались».

Мир человеческий в рассказе как бы заключён в кольцо миром природы, пронизан им от начала и до конца, ведь природа — первоисточник, из которого вышел человек и в котором он черпает свои силы. Цикличность, повторяемость, возвращение «на круги своя» всего сущего подчёркнуто

в рассказе описаниями природы. Пейзажи дают нам не конкретные картины, а как бы помогают заглянуть в вечность. И ещё пейзажи у Краснова, как и вся ткань повествования, пронизаны безысходностью, печалью: «туманно-сухой, не освежённый ночью горизонт», «небо, такое ясное вначале, затянулось неведомо откуда взявшимися облаками: начался тёплый хмурый день середины лета», «ветерок тревожил редкие деревца, ...полюнью качал».

Отдыхая от трудной работы, заговорили мужики о главном: о вере и безверии. «Какие из нас верующие: пить — мы пьём, грешить — грешим, ругаемся, ворует... икон в дому, считай, уже не держим — на чём вере держаться?! За могилками вот не следим, а что другое говорить».

Современные нравы начинают грубо вторгаться в цикличность вечности, что ощущается через зримые образы и поступки людей. Приметы и образы начала 80-х (время действия рассказа) безрадостны. На могилки недавно заехал заснувший за рулём и наверняка пьяный молодой, из недавних пэтэушников, бульдозерист и «натворил делов». Только недавно могилки были обнесены сеткой, а до этого на кладбище забредала беспризорная скотина, и кладбище должно было принять вид необходимого «глухого покоя и молчания», как тут такое безобразие. Стыдно и горько, и «не по закону» это. Мужики, управившись с могилкой, подправляют

ограду, навещают могилы своих покойных родственников.

После похорон, за поминальным столом, заговорили о времени, о вере. Без веры нельзя, считает Краснов, без любви. Хотя и в Бога... «Больно много безверных развелось».

В третьей части рассказа оппозиция сегодняшнему безверию и суеверию — вечность и вера — находит своё философское осмысление в повествовании о причинах смерти тёти Дуни. На Троицу она и ещё человек пятнадцать старух пошли освятить новый мост, на котором регулярно из-за сложного рельефа местности разбивались машины, гибли люди. Там Дуню и просквозило. «Незачем было туда ходить, — считает её муж. — За всех Бога не умолишь, белый свет не натопишь».

Мост этот строился «по-современному» долго (лет восемь), с никому не понятными перерывами (сравним, как копается мужиками могила — споро, точно в срок, по раз и навсегда установленному порядку): то вдруг нагонят людей, а то замрёт всё. И когда он был построен, машины «весь день шли, сотрясая рёвом воздух, слышные за многие километры». Начали разбиваться местные водители, а проезжая лихая шоферня то и дело «не уруливала», слетая с моста, убивая и калеча себя и пассажиров в постоянной, безрассудной гонке, стремлении успеть за чем-то призрачным в ускоряющемся водовороте жизни. «Забеспокоились бабы, старухи,

и решали недолго: надо идти». Надо попробовать отомолить это место, может, это просто на нём проклятие какое-то?

Неумолимое, катастрофическое вторжение времени в их спокойное, бытийное существование, как кажется старухам, ещё можно исправить. «Дорога по-праздничному была пуста». Но «... эта пустота, молчание не обманывали никого». Завершает же рассказ яркая антитеза: женщины молятся, читая сакральный оберег «Живый в помощи Вышняго», а по автостраде, с нарастающим гулом и грохотом, покрыв собой всё, идёт колонна машин. Почин старух бессмыслен, вряд ли они что-либо смогут исправить в этом мире.

«Словно свечу задуло...». После этого и умирает Дуня-Забота, уходя в вечность: «Пошли, оставив её (на кладбище) наедине с землёю, отторгнутую от всего живого...».

Рассказ построен по круговому принципу. Прочитав финал, можно заново осмыслить начало его, причины смерти героини: она последняя, обречённая старуха-праведница, глас которой

не услышан. Даже осознав, как неравны силы перед напором цивилизации, несущей разлад и безнравственность, женщины пытаются исправить мир, восстановить его цельность и гармоничность, вековечный разумный порядок. Но, считает автор, мост к дьяволу уже построен.

Сегодня мы всё чаще задумываемся о том, что теряем корни, что в храмах чувствуем себя иностранцами. Новое поколение не знает традиций, не помнит родства, не интересуется историей Отчизны. Но самое страшное заключается в том, что уже не только не различаются оттенки добра и зла, но молодое поколение просто перестаёт различать собственно добро и зло. Об этом — рассказ «Мост». И умудрённый жизнью автор, итожа нравственные потери общества, обезумевшего от погони за комфортом — сладким плодом цивилизации потребителей, с горечью констатирует победу торжествующего сытого Хама, презревшего память отцов, провожая вместе с Дуней-Заботой уходящую от нас навсегда Истину.

Илья ХАЙБУЛЛИН (Казань)

ДЕТСТВО МОЕЙ БАБУШКИ

Быль

Сегодня любой турист, приезжающий в Казань, услышит рекомендации посетить город Булгар и остров-град Свияжск. Булгар — своеобразный центр духовной культуры татар и мусульман, а для славянского населения таким центром обозначили Свияжск. Почти ежегодно бываю в Свияжске, вижу изменения на его улицах, помню, как сюда вместе со своей бабушкой приплывали на пароходике в детстве. Пристань была маленькой, асфальта и брусчатки не было, как и самой автодороги на остров, не было экскурсоводов и туристов. Было дыхание прежнего величия церквей, изящества дворянских домов, были разруха за стенами монастырей и мусор около обрывов. Правда, экскурсовод всё-таки был (моя бабушка) — и туристы (её дети и внуки). Бабушка родилась в Свияжске в далёком 1937 году и жила там до пятнадцати лет, пока не уехала учиться в Казань. Она уже ушла от нас, но чувство связи с ней не пропало. В голове всплывают рассказы бабушки об её детстве, прошедшем на острове в сороковые-пятидесятые годы.

Раньше, когда Свияжск не был островом, вокруг него были

луга, озёра и текла речка Шука. Весной луга затапливались, а потом, когда вода сходила, вырастал дикий лук-порей. Этот порей вся местная детвора искала и ела. И крапиву молодую, и щавель ели. И хлеб из лебеды в те годы ели. Этим луком и щавелём спасались от голода и нехватки витаминов. Река Шука летом была ручьём, а весной разливалась, и многие мелкие рыбы из Свияги и Волги шли на нерест в Шуку. В маленькой реке и малькам спокойней. Ребятня собиралась в весенние дни на Шуке, мастерили неводы, кто из чего: кто из марли, кто из занавесок — и этими неводами ловили мальков, приносили домой в подолох и жарили на противнях в печи. Те, у кого были куры, яйцами заливали рыбёшек. Вкуснятина!

Но тем, у кого были куры, надо было сдавать яйца в казну, с каждой курицы определённое количество яиц в месяц. А если не неслись, то покупали яйца у других и сдавали в казну. Если яйца не сдал, то вопрос «Где яйца?» задавал следователь. Та же ситуация была и с коровой. Была установлена норма сдачи молока в день с коровы. Коровы, конечно,

доились ежедневно, а летом самостоятельно через калитку заходили на вечернюю дойку домой. Коров пастух вечером с луга загонял только на улицу, а дальше каждая корова шла к своей калитке самостоятельно. Зимой коров кормили только сеном, зерна люди сами не видели, хлеб ели вперемешку с перемолотой ботвой. Хлеб получался непонятного цвета и неестественного вкуса, думаю, современный человек и одного куска того хлеба не съел бы. Корова в семье была уже старая, но в позднюю ноябрьскую осень отелилась в последний раз. Конечно, после родов молоко у коровы стало непригодно для питья. Такое молоко, надоенное у отелившейся коровы, на молокосборном пункте определяли и не принимали, его только глупыш телёнок пил с удовольствием. А норму с каждой коровы необходимо было сдавать ежедневно. Ничего тогда не оставалось, как купить эту норму молока у других сельчан. И ранним утром с бидоном купленного молока отправили мою бабушку, пятилетнюю девочку Лиду, на молокоприёмный пункт. У пункта была очередь, Лида встала в конец очереди, и все, в общем-то, знали, что это Зинаиды дочь, младшая. Подошёл к очереди на сдачу молока мужчина пожилых лет, спросил, кто крайний, Лида ответила, что она. Мужчина поинтересовался:

— Ты чья будешь, девочка?

— Как?! Да Вы что?! Дядя Фёдор, да ведь это Ваша внучка

Лиля! (Так называли мою бабушку до пятнадцати лет).

Было общее удивление в очереди, потому что это и вправду были внучка и дед по материнской линии, которые не знали друг друга, но жили в одном городе — Свияжске. Внуки Лидия, Нина, Евгения и Александр были у Фёдора Заикина от старшей дочери Зинаиды. В сорок первом году мужа Зинаиды Григория забрали на фронт, в этом же сорок первом он был ранен при обороне города Старая Русса Ленинградской (ныне Новгородской) области, а затем умер от ран в госпитале. Похоронен был в братской могиле в деревне Моисеевичи. И осталась тридцатилетняя женщина Зинаида вдовой, одна с четырьмя детьми. Родной отец не зашёл к своей дочери на соседнюю улицу: ни когда ушёл у неё муж на фронт, ни когда она, Зинаида, получила похоронку. Не поинтересовался, нужна ли ей, вдове, мужская помощь по дому и чем топить этот дом зимой, когда в тёмные и холодные фронтовые зимы в нём оставались четыре малолетних ребёнка, мать которых по шестнадцать часов в день трудилась в совхозе, кормившем 22-й завод.

В те советские годы заводы названий не имели, каждому заводу присваивался номер. Делалось это в секретных целях, чтобы посторонним было неизвестно, какая продукция производилась на предприятии. Конечно, тем, кто работал на этих заводах, строго

запрещалось распространяться о производимой продукции. На входе в каждый цех или отдел висели плакаты с изображениями и напоминаниями, что шпионы кругом и всюду, что нужно всегда быть осторожным и проявлять бдительность. На предприятие, которое хоть малейшим образом относилось к оборонной промышленности, судимые и их родственники не допускались. За этим следил отдел №1, который также следил за режимом безопасности, предотвращением шпионажа. Все подписи и обходные листы начинались с отдела №1. Любой завод, выпускающий оборонную продукцию, обязан был делать и гражданскую продукцию. Так завод №22, выпускавший самолёты, имел цеха гражданской продукции, где изготавливались дюралевые моторные лодки, садовые тележки, мясорубки, лодочные моторы, детские санки и другие нужные в быту вещи.

Женщинам, получившим похоронку, жилось всё же немного легче, чем тем, у кого мужья не вернулись с фронта, считались пропавшими без вести. Официальным вдовам было известно, где находятся могилы их мужей, и им выплачивалась пенсия. Небольшая, но этих денег хватало, например, на дрова, которые нельзя было просто собрать в лесу.

Для сдачи государству молоко купили, проблему, скажем, условно решили, а вот бедняга телёнок родился в стужу, в начале периода холодов. Коровник был обычной сараюгой, сколоченной из досок,

неутеплённой. Чтобы телёнок не замёрз и выжил, его на первое время взяли жить в дом, худо-бедно, а дом топился, и в нём было тепло. Дрова, конечно, одинокой женщине Зинаиде давали безобразные — сырая ива. И то их на всю зиму не хватало, приходилось подворовывать. Например, был заранее известен маршрут, по которому вечером Зинаида одна на совхозовской упряжке будет проезжать по рабочим делам. По предварительной договорённости кто-то из детей в тёмном месте поджидал, когда проедет мать и скинет два-три полена с упряжки. Тоже сырые, но хоть такие. Аккуратно засунув поленья под пальто, дети возвращались домой. Тут же возникала другая проблема: чем растопить печь, то есть где взять огонь. Для этого выходили на улицу и смотрели, у кого из соседей из трубы шёл дымок, шли к ним и просили пару углей. Угли несли до своего дома на железном совке и дули на них, чтобы не потухли, затем раздували их уже в своей печке. Сырые дрова гореть не хотели, бывало так, что угли гасли, приходилось снова идти за ними к соседям. И вот, наконец, дрова горят. Из открытой дверки светят танцующие огоньки, согревая приятным теплом. У печки греются дети и бычок. Дети отвлеклись от печки: мать достала из подпола большую тыкву, её аромат разносится по комнате. Сейчас тыкву будут разделявать и варить вкуснейшую кашу. Воспользовавшись моментом, бычок решил быть поближе к теплу и

прыгает в печку. Переполох! Бычка выгасили, ожоги ему смазали каким-то жиром, а история эта у всех осталась в памяти.

Летом корове жилось теплее и сытнее. Есть невкусное сено уже не надо было. Коровы летом паслись на многочисленных лугах, затапливаемых весенним половодьем. В мае, когда вода сходилась с лугов, земля всё равно оставалась влажной, отчего трава была всё лето сочной, быстро росла. Коров на пастбище выгоняли рано, к девяти утра надо было идти доить. Мать, естественно, была на работе, поэтому доить ходили дети, по очереди. Ходить на луг никто не хотел, по дороге могли попасться ужи, а их девочки боялись до смерти, летали слепни, которые кусались очень больно. Когда шли на дойку коровы, по пути набирали воду, мыли вымя: присаживались на корточки возле вымени Зорьки (так звали корову), и тут начиналась акробатическая игра. Во время дойки на Зорьку садились слепни, от их укуса корова могла дёрнуться и опрокинуть ведро с молоком или отмахнуться хвостом и больно ударить по лицу девочку, доящую её. Да и нести потом домой целое ведро с молоком было тяжело. Ту же самую процедуру необходимо было проделать и вечером, но к вечерней дойке коров пригоняли домой.

Ну вот, корова надоена. Огород полит, а для полива за водой ходили с вёдрами на речку Шуку и полные вёдра несли в гору, на полив одной только яблони

нужно было двадцать пять вёдер воды. После этого можно с соседними ребятами посидеть на завалянке, поговорить, рассказать страшилки. Летом темнеет поздно, ночи тёплые. Рассказывали жуткие истории про мертвецов, барабашек, чертей. Дети в сороковых годах не видели, понятно, фильмов ужасов и картинок из интернета, были впечатлительными, пугались подобных рассказов до ужаса. Электричество в доме было редко, так как общегородской дизель-генератор то ломается, то топливо кончится. Идти в тёмный дом было страшно, так и сидели на лавочке возле ворот и ждали, когда придёт мама с работы. Бывало, что и мама детишкам расскажет, как говорится, в тему какую-нибудь страшную историю: «Пришла я сегодня рано утром на работу в совхоз. На улице ещё темно. Обычно, пока не рассветёт, я в конюшню не хожу, всё равно там ничего не видно. А сегодня велели мне ехать одной прямо с утра на станцию, с вечера ждёт какой-то груз для нашего совхоза. Ну, я зажгла керосинку, пошла отворять ворота в конюшню. Открыла замок, убрала задвижку, открыла створку, а там стоит конь наш в стойле, а на шее у него сидит домовый. Чёрный, косматый, из конских волос косички плетёт. Я от испуга онемела и побежала к бабам в подсобку. Рассказала им об увиденном, они, конечно, усмехнулись, но взяли лопаты и пошли со мной обратно в конюшню. Да только там уже никого не было, только конь

стоял, нервно мотая головой, и грива была лохматая. А когда подошли поближе к коню, то увидели одну маленькую косичку за ухом». После такой истории дети боялись в коровник даже зайти... На ужин щавель с полей или кислые, неспелые яблоки. Голодные, но по-детски счастливые, все вместе с мамой заходили в дом, укладывались по кроватям. Засыпали быстро. Завтра тяжёлый день: мужчины все на фронте, народное хозяйство на женщинах, домашнее хозяйство на детях.

Случались и маленькие радости. Нет, это не торт на день рождения. Дни рождения тогда не отмечались: некогда было отмечать и нечем. Большинство детей и не знали, когда у них день рождения. За физически тяжёлый, исправный труд наградили Зинаиду отрезом клеёнки, вероятно американской, полученной по ленд-лизу. Вещь диковинная, но качественная, на тканевой основе. Накрыть бы клеёнку на стол, но уж слишком тяжела жизнь овдовевшей матери четырёх детей, о таком не мечтали. Согласно принятому решению матери, дети кипятили воду, лили на клеёнку кипятком, отчего цветная клеёноччатая часть вспучивалась. Это всё соскабливали ножами с тканевой основы. В результате получился кусок плотной хорошей ткани, из которой младшему Сашке сшили одежду, ведь он в семье был единственным мальчиком, и ему от сестёр из одежды ничего не доставалось.

Да, в ту пору с одеждой совсем было худо. У детей не было даже трусов. Зимой, катаясь с горок на юбке, скатывались в сугроб. Юбка сползала, и до сугроба доезжали прямо на голой попе, стряхивали снег из-под юбки и с хохотом бежали на гору: опять скатываться. А валенки были одни на двоих или троих. Дети учились в разные смены. Младшие приходили домой с уроков и отдавали валенки старшим, их очередь была идти в валенках в школу. Если все учились в одну смену, то ходили в школу по очереди: день одни, день другие. Учительница знала, что в семьях тяжёлое положение, и не ругала детей за пропуски занятий.

И вот настала очередь моей бабушки идти в валенках в школу. С чернилами проблем не было, их делали много, писали тогда уже металлическими перьями, а вот на чём писать, была проблема. Тетрадей нет, писчей бумаги тем более. Писали на обрывках газет, каких-то обёртках. За парту сзади моей бабушки сел мальчишка-шалуниска, зато в новеньких белых валенках. В школе не передевались, по крайней мере, обувь не передевали: во-первых, она была не у каждого своя, а во-вторых, школу тоже топили плоховато. Конечно, тому мальчику хотелось похвастаться своей обновкой, и он стал подпирать ногой впереди сидящих. Терпение у моей бабушки лопнуло, она взяла со стола чернильницу и вылила чернила на новенькие белые валенки

соседа. Скандал был страшный. Мать даже в школу вызвали, зато мальчик получил урок.

Настал май 1945 года. Из громкоговорителя возле сельсовета на центральной площади раздались те самые слова Юрия Левитана, ради которых люди в тылу работали по шестнадцать часов без выходных, мёрзли в холодных домах, терпели все лишения. Победа!

Электричества в Свияжске не было, хотя дизель-генератор существовал. После победы постепенно по расписанию стали давать электроэнергию в жилые дома, но нечасто: то топлива не было, то что-то сломается, в основном генератор работал на водонапорную башню. Где-то в городке появилась и вода из крана. По строгой очереди люди стали получать и мыло. Мылом называли чёрную пахнущую жидкость. Её наливали в банку. Кто-то из солдат, вернувшихся с фронта, привёз трофейный патефон, и на улице вечером заиграла музыка.

Смягчилась и политическая обстановка, стали выпускать из политтюрем, которых в Свияжске было две. Располагались они на территории монастырей, женского и мужского. Ходили слухи, что в царские времена между этими монастырями был подземный тоннель. Тем, кого выпускали из тюрем, не всегда разрешалось уезжать в свои родные города. Жителям, например, Москвы и Ленинграда предписывалось селиться здесь же, в Свияжске. И стали эти люди проситься на постой в надежде снять угол, койку у местных

жителей. Кто-то боялся пускать жить таких освободившихся по политическим статьям, слишком велик был страх за свою жизнь. Все помнили, что ещё недавно, перед войной, за такие связи сами попадали в лагеря. Моя прабабушка Зинаида была неграмотной крестьянкой, но вдовой директора школы слепых. Мой прадед, Григорий Яковлевич Корягин, был зрячим, но в доме были книги для слепых, напечатанные шрифтом Брайля. И моя бабушка к четырём годам уже научилась читать шрифтом Брайля, не пальцами, а глазами. Она читала такие необычные книги, что называется, взапой. То ли из памяти к мужу, то ли из-за заботы о детях, то ли из-за банально тяжёлого финансового положения, но Зинаида пустила на постой, отдав койку в углу, женщину из Ленинграда, до ареста работавшую учительницей. Кем эта женщина работала здесь, в Свияжске, сказать не могу, но вечерами она с удовольствием занималась с детьми при свете керосиновой лампы. Дети, несомненно, подтянулись в учёбе, а может, благодаря этой женщине и полюбили учёбу, впоследствии все три сестры поступили в учебные заведения Казани.

С Шуриком же случилась беда. Одна из сестёр, Женья, была в это время в школе. Школа тогда, как и сейчас, была центром учёбы и детского творчества. В класс забежала взволнованная Лида. «Шурик утонул!» — закричала она и убежала. Все, кто был в классе, выспали на улицу и побежали за Лидой. Она в тот день пошла

полоскать бельё на речку Шуку, а маленький Саша увязался с ней. День был жаркий, и пока Лида полоскала бельё, Шурик решил искупаться. Речка-то ему была по пояс, но, видимо, затынуло его в омут. Лида кричала-кричала, но помочь ему ничем не могла. Со звали мужчин, кого нашли, мать прибежала из совхоза. В указанном Лидой месте мужчины долго искали, но всё-таки отыскали утопленника. Сколотили какой-то гроб, простой деревянный крест. Гроб с крестом погрузили в лодку и переправили через Свиягу на другую сторону, где было кладбище. Кладбище это существует и сейчас, вокруг него теперь дачи, место считается «kozyрным».

В самом начале войны, когда глава семьи ушёл на фронт, над детьми была угроза потерять и мать. Осенью сорок первого года с совхозных полей убирали урожай. Совхоз, кстати, считался не худшим вариантом, в отличие от колхоза. В колхоз забирали из дома скотину, почти всю. У колхозников отбирали паспорта, поэтому уехать из деревни они не могли, а работать полагалось, как приписным крепостным, только в этом колхозе. Деньги за свой труд колхозники не получали, работали за так называемые трудоводни. В конце рабочего дня напротив фамилии в специальном журнале ставили палочку, что означало отработанный трудовой день. Осенью, когда собирали урожай, большая его часть уходила государству, оставшееся делилось между членами колхоза (согласно

отработанным трудоводням). Один трудовой день, например, мог означать долю в виде ведра овса или трёх свёкол. В совхозе же условия были помягче: платили зарплату, скотину не забирали, в доме были корова Зорька, куры, поросёнок Шинка — ужасный воздухоотравитель. Паспорт не забирали, поэтому в 1954 году Зинаида переехала к своим родителям в посёлок Васильево.

А в тот несчастный осенний день мать Зинаида взяла младшую дочь Лиду с собой на работу в поле. Работали, пока не стемнеет, питание было плохое, собирали в тот день свёклу. Саму свёклу грузили в мешки и на телеги, возили её потом в подвалы монастыря, в котором располагалось овощехранилище совхоза. Ботву укладывали на поле в кучу, потом её отдавали на корм скоту. Маленькая четырёхлетняя девочка Лида хотела есть, подошла к этой куче и взяла из неё три свёкольных листочка. Конечно же, это кто-то увидел, сообщил куда надо, листочки, зажатые у ребёнка в кулачке, отобрали. Мать после рабочего дня вызвали в органы, объясняли, что ребёнок занимался вредительством, хищением государственной собственности, и что ей, Зинаиде, как матери, грозит следствие. Правда, по этапу не отправили, оставили. Скорее всего, пожалели солдатскую жену из-за четверых малых детей. В стране, бросившей все резервы на борьбу с захватчиками, и без того уже хватало сирот, о которых теперь приходилось

заботиться государству, тратя свои ресурсы.

На этих же совхозных полях и в монастырских подвалах трудились политзаключённые. Заключённых и вольных старались на одну работу не ставить, но всё же бригадиры в отрядах заключённых были вольные, причём женщины. Мужчин на селе в войну почти не осталось. Часть собранных овощей засаливали. В этом как раз принимали участие заключённые. Капусту рубили тяпками и складывали в большие дубовые бочки. Зимой, по необходимости, отправляли овощи в столовые двадцать второго завода, ну и немного заключённым перепадало. Иногда зимой мать Зинаида приходила на обед домой. С собой, конечно, ничего не приносила — в случае поимки за такое 25 лет давали, — но просила прийти к концу рабочего дня кого-то из детей. Выглядело это, как будто скучающий ребёнок приходил к матери, чтобы вместе пойти тёмными улочками домой. Когда заключённых уводили с работ, то последним всегда уходил вольный бригадир, а им Зинаида и была. Бригадир всё проверял, всё опечатывал. В этот момент была возможность немного подкормить засолами ребёнка. Часто такие визиты делать было нельзя, могли заподозрить. А заключённые передвигались по монастырю бесконвойно. Идя на работу или с работы, некоторые из них простучивали стены, надеясь обнаружить тайник с церковными сокровищами. Кто знает, может кто-то что-то и находил.

К пятидесятым годам дети подросли, а жить легче не стало. По улицам даже ходил старик Кораблёв со словами: «Есть хочу. Дайте хлебушка». В те годы пенсию рядовым гражданам платило не государство, а колхоз или артель напрямую своим бывшим сотрудникам, подходящим по определённым требованиям, например, имеющим возраст 65 лет и трудовой стаж в колхозе не менее 20 лет. Не всегда пенсия была денежной, могла быть частично или полностью продуктами. Таким образом, пенсию получали примерно 15% в ней нуждающихся. А если, например, человеку после отбывания срока в лагере ставилось в обязательство оставаться на постоянном жительстве в этом же населённом пункте или области, и был он пожилым, то оставался и без той самой пенсии. И ходили вот такие Кораблёвы, измятые и выжатые безжалостным кулаком ГУЛАГа, по деревням и сёлам без крова и средств к существованию. Вообще, до таких сёл и городков, как Свияжск, руки не доходили, в магазинах были пустые полки. Разрушенное войной государство стремилось восстановиться, экономика была в упадке, не хватало всего. И рук мужских не хватало, руки эти лежали в братских могилах. В семье Корягиных хозяйство тоже пришло в упадок, заборы и сараи обветшали, покосившись на бок. Дом был обычным деревенским пятистенком. В задней его половинке крыша совсем прохудилась, в дождь только и успевали подставлять тазы с ведрами, и

семья окончательно перебралась в одну переднюю комнату, там крыша была ещё целой, да и топить зимой экономнее.

В марте пятьдесят третьего умер Сталин. Всех детей и педагогов собрали в школе в актовом зале. Зачитали речь о смерти вождя народов. И дети, и взрослые неосознанно плакали, для них это была трагедия. Те люди, которые мотали свой срок в бывших монастырях, наверное, не плакали. К моменту кончины Генералиссимуса в СССР уже была создана атомная бомба, но в мае того же года у выпускницы школы Лидии Корягиной не было платья на школьный бал. Не было его и в магазине, даже ткани на его пошив не было. Но выход нашёлся, голь на выдумку хитра. У Зинаиды была родная сестра Антонина. Жила она тоже в Свяжске. Был у неё единственный сын Володя, высокий кудрявый парень, одноклассник Лиды. Они и учились даже в одном классе. Так как Вова был одним ребёнком в семье, жилось Антонине немного легче. Мужа у неё не было, зато вниманием родителей она была не обделена, в отличие от Зинаиды и её детей. Работала Антонина медсестрой в Свяжской больнице. Свяжск всё-таки был районным центром, в его школу приходили дети со всех окрестных деревень так же, как и больные шли в больницу. Антонина дала из своих сэкономленных запасов марлю. Эту марлю сложили в несколько слоёв и

сшили платье, которое замочили на ночь в ядрёном растворе фурацилина, опять же из запасов Антонины. Наутро платье тщательно расправили и повесили сушиться. Высохшее платье стало симпатичного жёлтого цвета. Но опять беда: когда платье сушилось во дворе на верёвке, его решил попробовать на вкус телёнок и подол сжевал. Платье успели вовремя у телёнка отобрать, но подол был испорчен, пришлось подкоротить изделие. Школьный выпускной бал состоялся!

Этим же вечером Антонина рассказала забавный случай из своей медпрактики. Дело было так: пришла одна большая женщина с высокой температурой из далёкой деревни на приём к врачу. Антонина, как медсестра, выдала ей градусник и попросила десять минут посидеть в коридоре, объяснив, что градусник нужно держать под мышкой. Но через десять минут женщины в коридоре не было, не было её и через час. К концу дня стало понятно, что женщина ушла вместе с градусником, а её фамилию, имя и адрес записать не успели. Подрастроились из-за пропавшего градусника, но обрадовались, когда та пришла через пару дней, вернула его и сильно благодарила, ведь градусник, как уверяла женщина, помог ей выздороветь...

Восьмой класс был окончен, и Лида поехала в Казань поступать учиться дальше. Но это уже другая история.

Владимир Геннадьевич Семёнов родился в 1960 году в селе Старая Тёпловка Бузулукского района Оренбургской области. Окончил Оренбургский государственный педагогический институт, в настоящее время доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук. Область научных интересов — военная история Оренбургского края, история Оренбургского казачьего войска.

Владимир СЕМЁНОВ

ЛОБАЧЕВСКИЕ В ОРЕНБУРГЕ

Фамилия Лобачевских хорошо известна в России благодаря Николаю Ивановичу Лобачевскому — выдающемуся русскому учёному, математику, создателю неевклидовой геометрии, ректору Казанского университета. В начале 1990-х годов мне удалось выяснить, что члены его семьи были связаны с Оренбургом. Найденные тогда фотографии офицера Оренбургского казачьего войска с подписью «Давид Лобачевский» и краткими сведениями о нём дарили надежду на то, что это потомок знаменитого математика. Дальнейший поиск материалов подтвердил это предположение.

Послужной список на Давида Николаевича Лобачевского, внука, был обнаружен в Российском Государственном военно-историческом музее (РГВИА), а материалы на правнука Виктора Константиновича Фёдорова нашлись в 2016 году во время поиска биографических сведений о выпускниках Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса.

И вот совсем недавно удалось обнаружить новые факты о связи потомков Н.И. Лобачевского

с Оренбургом. Как выяснилось, в Оренбурге жила также внучка учёного, сестра Давида Николаевича Лобачевского, Ольга Николаевна, а Оренбургский Неплюевский кадетский корпус окончил не один, а два правнука великого математика. Новые сведения дополняют и расширяют круг найденных до этого материалов о семье Лобачевского и его потомках, связанных с Оренбургом.

Сам выдающийся математик и ректор Казанского университета Николай Иванович Лобачевский с Оренбургом был связан через свою супругу Варвару Алексеевну Моисееву (1812-1885), оренбургско-казанскую помещицу, двоюродную сестру попечителя Казанского учебного округа Михаила Николаевича Мусина-Пушкина. Свадьба Лобачевского с богатой и молодой невестой (почти на двадцать лет моложе жениха) состоялась в 1832 году в Крестовоздвиженской церкви при Казанском университете.

Тестем математика стал отставной коллежский советник Алексей Фёдорович Моисеев (23.03.1755-13.12.1833), помещик Казанской и Уфимской губерний [1]. В 1803-1806 годах он был оренбургским губернским предводителем дворянства. В 1783 году А.Ф.Моисеев был коллежским ассессором в счётной палате Уфимского наместничества, в 1784-1785 годах — капитаном, ассессором по винной и соляной части. В 1791-1792-м годах в чине надворного советника находился на службе в правлении Уфимского наместника генерал-майора А.А.Пеутлинга. В 1793

году состоял в Уфимском наместничестве в верхнем земском суде по Оренбургской области [2]. Детей у четы Лобачевских родилось много, но большинство из них умерло в младенчестве. По одним данным, выжили семь детей, по другим — до зрелого возраста дожили лишь четверо: Николай, Варвара, Алексей и Софья.

Николай Николаевич Лобачевский, сын

Николай Николаевич родился в 1835 году. Учился на математическом факультете, но бросил его, чем сильно огорчил отца. Во время Крымской войны (1853-1856) Н.Н.Лобачевский поступил на военную службу в Стародубский кирасирский полк. Служба там не сложилась, и он вынужден был выйти в отставку в чине поручика. Служил частным приставом в Казани, затем в чине коллежского секретаря поступил в интендантскую службу, но из-за излишней доверчивости допустил растрату провианта и попал под суд, в результате оказался в сибирской ссылке.

Перу Лобачевского-младшего принадлежат несколько сумбурные мемуары о его отце Николае Ивановиче, умершем в феврале 1856 года. Мемуары были опубликованы в 1895 году в январском номере «Исторического вестника». Умер Н.Н.Лобачевский в 1900 году. Сын Николая Николаевича, Давид Николаевич, служил в Оренбургском казачьем войске, другой сын служил телеграфистом в Самаре.

Давид Николаевич Лобачевский, внук

Согласно послужному списку, Лобачевский Давид Николаевич родился 24 сентября 1864 года. Происходил из потомственных дворян Казанской губернии, окончил 5 классов Самарского ремесленного училища. С 24 июля 1882 года находился на службе в Оренбурге, в Башкирском конном полку. В списки полка зачислен 2 августа 1882 года рядовым, 7 августа 1882 года был командирован для поступления в Оренбургское казачье юнкерское училище.

31 августа 1882 года зачислен в Оренбургское казачье юнкерское училище, 11 декабря переведён в 44-й Нижегородский драгунский полк. Спустя год получил звание унтер-офицера. 24 мая 1884 года зачислен в комплект Оренбургских казачьих полков с переименованием в урядники. 12 июня 1884 года зачислен в 3-й Оренбургский казачий полк, 5 июля 1885 года награждён знаком «За отличную стрельбу». 26 августа 1887 года окончил Оренбургское казачье юнкерское училище в чине подхорунжего. В этот год училище выпустило 43 юнкера, из них 30 выпускников были направлены в Оренбургские казачьи полки. Давид Николаевич окончил училище по второму разряду и находился в середине рейтингового списка под номером 20. Поведение его было по первому разряду, а вот по учебным дисциплинам он набрал лишь 70 баллов из 100 [3].

7 сентября 1887 года Давид Лобачевский вместе с десятью

подхорунжими начал службу в 3-м Оренбургском казачьем полку на станции Волочиск Киевского военного округа. Через полгода был произведён в хорунжие. С 8 апреля 1888 года — на льготе, то есть во временном запасе, когда офицер получал лишь часть жалования.

С 9 июля 1890 года — библиотекарь в 4-м Оренбургском казачьем полку в городе Петрово-Александровске (ныне Туркуль в Узбекистане). 2 февраля 1891 года получил первый приз на офицерской двухвёрстной скачке. С 23 ноября 1892 года — сотник, делопроизводитель полкового суда, с 15 апреля 1893 года — вновь на льготе. Возможно, Давиду Николаевичу не захотелось служить в захолустном Туркуле, и он принимает решение о переходе на службу в недавно созданный в России (1893) Отдельный корпус пограничной стражи. У офицеров-пограничников не было пресловутой льготы, и они получали более высокое жалование по сравнению со своими сверстниками — казаками.

Примерно в это же время в Отдельный корпус пограничной службы перешли сотники Оренбургского казачьего войска Аксёнов Константин Иванович, Вишняков Василий Васильевич, Гумбург Николай Александрович, Кадошников Михаил Иванович, Красноярцев Григорий Александрович, Красноярцев 2-й Иван Григорьевич (оба — сокурсники Лобачевского), Красноярцев Николай Алексеевич, Печёнкин Михаил Иванович, Сильнов Валентин Александрович, Сысоев Николай

Алексеевич, есаул Овчинников Андрей Михеевич [4] и войсковой старшина фон Виннинг Богдан Богданович, который дослужится до генеральского чина [5].

С 23 июня 1896 года Давид Лобачевский — поручик в Отдельном корпусе пограничной стражи, а вскоре — субалтерн-офицер (младший офицер) Велоньской бригады на западе Польши. 10 февраля 1897 года назначен временно исполняющим обязанности командира Крупского отряда Велоньской бригады. 6 декабря того же года произведён в штабс-ротмистры, в декабре 1901 года — в ротмистры, 10 февраля 1903 года назначен командиром Крупского отряда Велоньской бригады. В различных её отрядах служил на командных должностях, 17 апреля 1912 года стал командиром отдела 6-й пограничной Таурогенской бригады в Ковенской губернии, тогда же ему присвоено звание подполковника. С 15 ноября 1913-го — командир отдела 8-й пограничной Граевской бригады в Польше [6].

Участник Первой мировой войны. 7 августа 1915 года назначен командиром 119-го дополнительно вольнонаёмного обозного батальона. За отличия по службе был награждён в 1896 году серебряной медалью «В память Александра III», орденами Св. Станислава 3-й степени (18.04.1899), Св. Анны 3-й степени (22.04.1907), Св. Станислава 2-й степени (18.04.1910) [6], мечами к ордену Св. Станислава 2-й степени (03.06.1915), Св. Владимира 4-й степени (04.12.1915). 29 декабря 1916 года Д.Н. Лобачевскому объявлено высочайшее

благоволение «За отлично-усердную службу и труды, понесённые во время военных действий» [7]. Во время Гражданской войны служил в Красной армии. После войны работал счетоводом в колхозе от ленинградского завода «Красный треугольник», затем в заготовительном цехе этого завода.

Давид Николаевич был женат на Ольге Всеволодовне (род.01.01.1883), дочери подполковника Всеволода Владимировича Шенгелидзе, помощника командира Ломжинской бригады Отдельного корпуса пограничной стражи. Дети — Татьяна 1903 года рождения и Борис 1904 года рождения.

Краткие сведения о внуке выдающегося математика приведены в 18 томе книги «Блокада, 1941-1944, Ленинград: Книга Памяти»: «Лобачевский Давид Николаевич, 1864 г.р., место проживания: Набережная р. Фонтанки, д. 18, кв. 23. Дата смерти — 1942. Место захоронения неизвестно». В годы блокады Ленинграда умерла и его супруга Ольга Всеволодовна.

Ольга Николаевна Фёдорова (Лобачевская), внучка

Внучка знаменитого математика Ольга Николаевна Лобачевская, жившая в Оренбурге в конце 19-го — начале 20-го столетий, была на два года старше своего родного брата Давида. Её мужем был Константин Николаевич Фёдоров (р.1853), потомственный дворянин Оренбургской губернии. После окончания юнкерского училища по 2-му разряду 17 февраля

1874 года он был произведён из портупей-юнкеров в первый офицерский чин прапорщика и определён в Оренбургский губернский батальон. За отличия по службе в 1879 году произведён в поручики. Константин Фёдоров служил в Оренбургском пехотном кадровом батальоне, позднее в 242-м Белебеевском резервном батальоне (полку) [8]. В 1893 году был награждён орденом Св. Станислава 3-й степени. 20 мая 1905 года уволен от службы за болезнью в чине подполковника с мундиром и пенсией.

В браке с Константином Николаевичем Ольга Николаевна Фёдорова (Лобачевская) родила двух сыновей: Георгия (1889) и Виктора (1891).

Георгий Константинович Фёдоров, правнук

Правнук Лобачевского Георгий Фёдоров родился 15 ноября 1889 года в Оренбурге. В 1909 году окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус [9] с направлением в Александровское военное училище. Курс наук завершил в 1911 году по 1-му разряду. 6 августа 1911 года произведён в подпоручики, направлен в 49 артиллерийскую бригаду, дислоцировавшуюся в Перми. С 8 августа 1913 года младший офицер Лобачевский исполнял обязанности делопроизводителя 4-й батареи [10]. Участник Первой мировой войны. После объявления мобилизации 18 июля 1914 года переведён в 84-ю артиллерийскую бригаду. С сентября 1914 года числился старшим офицером

4-й батареи этой бригады. 31 августа 1914 г. произведён в поручики. 22 апреля 1916 г. переведён в 3-ю Сибирскую стрелковую артиллерийскую бригаду. За боевые отличия награждён орденами Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (23.03.1915), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (16.04.1915), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (21.12.1915) [11].

Войну закончил старшим офицером 3-го отдельного тяжёлого артиллерийского дивизиона в чине капитана. В годы Гражданской войны эмигрировал в Югославию. К 1940 году — член Общества офицеров-артиллеристов. Жена и дочь остались в СССР.

Виктор Константинович Фёдоров, правнук

Правнук Лобачевского Виктор Фёдоров родился 9 сентября 1891 года в Оренбурге. В 1909 году окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус [12]. 1 августа 1909 года стал юнкером Михайловского артиллерийского училища. Курс наук в нём завершил в 1911 году по 1-му разряду. 6 августа 1912 года произведён в подпоручики и назначен младшим офицером 6-й батареи 49-й артиллерийской бригады. Участник Первой мировой войны. В сентябре 1914 года числился старшим офицером 6-й батареи 84-й артиллерийской бригады. С 31 августа 1914 года — поручик. 22 апреля 1916 года переведён в 3-ю Сибирскую стрелковую артиллерийскую бригаду. Был контужен, дважды

отравлен газами и ранен в ногу. Войну закончил в чине капитана, командира батареи [13]. За боевые отличия награждён орденами: Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (23.03.1915), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (16.04.1915), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (21.12.1915), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (30.05.1916), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (29.11.1916), Св. Анны 2-й ст. с мечами (09.01.1917) [14].

Участник Гражданской войны. Состоял в Вооружённых Силах Юга России (ВСЮР). В мае 1919 года временно исполнял обязанности командира бронепоезда «Иоанн Калита», затем был командиром бронепоезда «Пластун». Заболел сыпным тифом. В январе 1920 года эвакуирован из Новороссийска в Салоники, затем в Египет. Полковник. В эмиграции в Болгарии, Египте, США. Супруга — Елизавета Рейнгольдовна.

Умер 13 октября 1984 года в Санта-Барбаре (США). Некролог о правнучке Лобачевского был опубликован в журнале «Кадетская переключка» в Нью-Йорке в 1985-1986 гг.

Примечания:

1. В.А. Новиков. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. — Уфа, 1889. С. 110-111.

2. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от рождества Христова 1793. — СПб. С. 256.

3. Приказ по Оренбургскому казачьему войску от 27 августа 1887.

4. Семёнов В.Г., Семёнов О.В. Лобачевские в Оренбургском крае. Народы Южного Урала на страже Родины. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 100-летию начала Первой мировой войны и 440-летию Оренбургского казачьего войска. — Оренбург, 2014. С. 355-358.

5. Семёнов В.Г., Козлов Ю.Я. Фон Виннинги. Отец и сын. Народы Южного Урала на страже Родины. Материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 70-летию коренного перелома в Великой Отечественной войне (Сталинградской и Курской битв) — Оренбург, 2013, С. 83-91.

6. РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.117-16.

7. Высочайшие приказы о чинах военных 1915-1916. — ПГ, 1915-1916.

8. Список капитанам армейской пехоты по старшинству на 1 октября 1906 г. — СПб, 1906. С. 11.

9. ГАОО, Ф.328, Оп. 1, Д. 3.

С. 641; Оренбургский Неплюевский кадетский корпус закончили Фёдоров 25-й Владимир, Фёдоров 26-й Георгий и Фёдоров 27-й Виктор.

10. РГВИА, Ф. 408. Оп. 1. Д. 1148. Л. 24.

11. Высочайшие приказы о чинах военных 1915. — ПГ, 1915.

12. Семёнов В.Г., Семёнова В.П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. История в лицах. Оренбург: Оренб. кн. изд-во им. Г.П. Донковцева, 2017.

13. «Кадетская переключка», № 38-39 за 1985-1986 гг.

14. Высочайшие приказы о чинах военных 1915-1917. — ПГ, 1915-1917.

Валентина КОСТРИЦА

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Валентина Ивановна Кострица родилась в бывшей казачьей станции Павловской (ныне село Нижняя Павловка Оренбургской области). Окончила математический факультет Оренбургского государственного педагогического института. Более сорока лет проработала в Оренбургском медицинском училище (ныне колледже). Почётный работник среднего профессионального образования. Живёт снова в Нижней Павловке.

Чем дальше уходит время, тем странно ближе становятся родные, ушедшие в мир иной, чётче видишь черты лица, осмысленнее оцениваешь слова, поступки, нравоучения, советы нам, детям, и сожалеешь о том, что мы не всегда это понимали то ли по малолетству, то ли по недомыслию; о многом не расспросили и сами не утруждали себя задуматься и понять. А главное, сами-то всегда ли были готовы понять и воспринять правоту их суждений и поступков? Время упущено; всё было некогда, недосуг, да и не видели большой необходимости вести серьёзные разговоры с родителями. Они, жалея и оберегая нас, не могли посвящать детей в анализ прошедших событий жизни страны, своей жизни, да и о настоящем времени судили-рядили с осторожностью. Они знали цену слову (оно «не воробей, вылетит — не поймаешь»), а мы считали, что «сами с усами». Всё же родители воспитывали нас больше

не словом, а поступками, отношением друг к другу, трудолюбием, гостеприимством, добрыми делами. Теперь, извлекая из глубин памяти отдельные события и факты, начинаешь со щемящей болью сожалеть о многом неслышанном, непонятом, недосказанном; хочется оставить не только в своём сознании, но и в сознании теперь уже наших внуков и правнуков не только выразительные, но безмолвные фотографии, но и словесные портреты родителей, наших дедушек и бабушек, чтобы потомки имели представление о жизни прошлых родных поколений, о трудных годах, растянувшихся почти на столетие.

Наши родители: Сычёвы Иван Ефремович и Марфа Прокопьевна — ровесники революции; их детство — нужда, голод и холод, но на их долю пришлась и Великая Отечественная война. Вот об их простой, но невероятно трудной и героической жизни мне и хочется поведать не только нашим детям, внукам и правнукам, но и читателям журнала.

Отец нашей мамы — Прокопий Акинтьевич Юров; мать — Наталья Сергеевна (в девичестве Сидельникова). Наш прадедушка Акинтий Васильевич Юров — казак, рано овдовевший, некоторое время он был старостой церкви, построенной в 1906 году на средства прихожан в родной станице Нижней Павловке (станция Павловская). Освящена она была 10 февраля 1908 года с присвоением

имени Святого Михаила Архангела. Эту красавицу церковь я помню полуразрушенной: без куполов, без окон и дверей, но с сохранившимися настенными росписями — изображениями святых и картинами на библейские темы, да с надписями, словами из известного лексикона, наследия атеистического воспитания. Туда заходили справить нужду по пути в школу за знаниями или в клуб на танцы. Весь ужас сотворённого разрушения был осмыслен, конечно, гораздо позже, а тогда об этом не думалось: воспитывались и росли атеистами. Много раз приходила мысль о том, почему и как удалось в некоторых странах сохранить храмы тысячелетней давности, а нам надо было разрушать «до основания, а затем...», хотя есть примеры варварства и в современном мире, в XXI веке. Прости, Господи!

Отец нашей мамы, наш дедушка Прокопий Акинтьевич Юров, казак, давший присягу на верность царю и Отечеству, остался верен этой клятве. Служил во 2-м Оренбургском казачьем Воеводе Нагого полку в Варшаве. Привелось за долгие годы казачьей доли сражаться на фронтах во время Первой мировой войны. Революцию не принял ни сердцем, ни разумом. Оставаясь верным присяге, вместе с другими казаками родной станицы оказался в Белой гвардии, возглавляемой атаманом Дутовым. В гражданскую войну погиб в боях с отрядами Самуила Цвиллинга.

Лишь однажды бабушка Наталья (Нотя) рассказала, что Пронюшка прискакал во двор, но с коня не спешил. Он еле удерживал разгорячённого коня, а она с дочками подбежала к нему. Проня наклонился и поцеловал старшую дочку Нотюшку, а Марфунюшку она подняла к отцу.

— Он её и меня поцеловал, а конь так и не стоит на месте, всхрапывает.

Бабушка одной рукой вцепилась в уздечку, а другой стала, рыдая, тянуть супруга за полу шинели, умоляла его остаться, но дорогой казак сказал:

— Прости, Нотюшка! Не могу: я присягал царю и Отечеству.

И ускакал навсегда! И осталась бабушка одна с двумя дочками; незадолго до этого события она потеряла кормильца и помощника 16-летнего сына Митю и 14-летнюю дочку Сликотушку — Секлитинию; умер и свёкор Акинтий Васильевич. Как жилось вдове с малолетними детьми в казачьей станице, если супруг-белокзак ушёл с атаманом Дутовым? Всех бед не описать. Мама, как и её старшая сестричка (тоже Наталья — Нотя), окончила только один класс. Главное, научилась буквы писать да худо-бедно читать, а дальше, повзрослев, работала в колхозе.

Мой папа, Сычёв Иван Ефремович, родился 17.12.1917 года. Он был поздним и самым младшим сыном; остался без отца, когда ему было только 4,5 года. Отец — Ефрем Иванович, казак; он

Сычёв Иван Ефремович

умер внезапно в марте 1922 года, когда после очередного набега красных семья осталась без хлеба и припасённого для посева зерна, разграбленного на хуторах. Конечно, опустошали станичников и красные, и белые; всем надо пить и есть, да и коней кормить, но особенно свирепствовали красные, так как даже в 1918 году наша станица Павловская была под белыми, а при отступлении 375 казаков ушли с атаманом Дутовым. В те страшные дни сентября 1918 года большевиками сожжены по станице Верхнепавловской 193 двора из 485, то есть около 40 % наличных строений, а по станице Нижняя Павловка из 688 дворов сгорело 446, то есть порядка 65%. 29.03.1919 года в станичный совет пришло предписание № 31 «О немедленном избрании комиссии из 3 человек на предмет конфискации, учёта и распределения

имущества бежавших сознательно с Дутовым казаков и офицеров». Теперь трудно, но всё же можно представить, какая беда и участь ожидали наших родных. Потерять всё: супруга, взрослого сына, дочку, свёкра, который бабушке Наталье был надеждой и опорой, лишиться дома, имущества. Она всегда повторяла, что Бог хранил её ради оставшихся в живых двух дочек, ведь сама, ко всем прочим мукам, переболела тифом, после чего потеряла слух, который так и не смог восстановиться полностью. С ней всегда надо было очень громко разговаривать, а потом и чуть ли не кричать в самое ухо. Дедушка Прокопий с честью погиб в бою за веру и Отечество, которому он присягал, а вот дедушка Ефрем не смог перенести разорение: не выдержало сердце казака. Как выжили в этой круговерти? Они и сами удивлялись, а бабушка Дуня (Евдокия Артемьевна, в девичестве Базарова) уверена была, что только молитва да вера помогли им остаться живыми, хотя и пухли от голода. Если сравнить положение семей наших дедушек Ефрема и Прокопия, ушедших в мир иной и оставивших малолетних в то время Ивана и Марфу, то вдове Евдокии было чуть легче: у неё, кроме маленького Ивана, были взрослые: дочь Ольга и 17-летний сын Павел. Они работали по найму у зажиточных казаков, хотя сами хозяева работали не покладая рук и ели вместе со своими батраками. Потом наступило время

коллективизации в сельском хозяйстве; трудно было, но кое-как начали из нужды выбираться. Папе удалось окончить 7 классов школы в родной Нижней Павловке. Был активным комсомольцем, ударником труда. Рассказывал, что во время сенокоса и уборки урожая успевал увозить с поля до 17 возов (подвод) сена или соломы за день. За добросовестный труд был награждён рубашкой да денежной премией и, добавив какую-то сумму, купил себе велосипед, а это в то время была завидная роскошь. А главное, появилась возможность покататься на нём понаправившуюся ему голубоглазую, статную красавицу Марфушу. Настойчивый был парень; мама, смеясь, рассказывала: «Вот прячусь, прячусь от него, а он хушь где меня найдёт». Он успевал и работать ударно, и девушку завлекать чёрными глазами да новеньким велосипедом. Не раз спрашивала маму о том, почему она убегала от такого красавца: «Что ли, он тебе не нравился?» Она, опять смеясь, говорила, что и сама не знает, почему убегала, наверное, глупая была, бестолковая. А может, уже чисто женское? Пусть побегает, поищет, где это по задворкам от него спрячется с подружками милая Марфуша! Только у самой-то сердечко, лишь она увидит его, «выпрыгивало из груди»; на девичьих посиделках тайком выглядывала, не появился ли её чернобровый, и, увидев его, заливалась краской, да так, что подружки начинали смеяться, но

в знак солидарности тут же все вместе убежали. Мама говорила: «Вот побегу с подружками от него, где-нибудь переждём, а приду домой, а он у ворот сидит, дожидается». Говорил тогда: «Никогда и никуда ты, милка, от меня не убежишь». Марфуша — светленькая, румяная, белолицая красавица. Все родственники с маминой стороны, Сидельниковы — светловолосые, даже чуть-чуть рыжеватые, точнее всего, соломенного цвета, среди Юровых были настоящие рыжие, хотя мамин отец был светло-русый. А вот паренёк с настойчивым характером, красивый, черноглазый, да ещё «зареченский», то есть живущий за речкой, по другую сторону Донгуза, не очень приглянулся бабушке Наталье: «Уж больно жгучие чёрные глаза, да вот от него, наверно, ты, Марфунюшка, не отвяжисси; вон как пристал к тебе». Иван, недолго думая, прислал сватов, хотя свадьбы как таковой не было; просто посидели все вместе за столом, и увёл Ваня любимую Марфунюшку в свой дом. Шёл 1935 год; ещё ощутимы были последствия голода, продолжались репрессии, аресты «тройкой» ОГПУ. Само слово «тройка» подразумевало высшую меру наказания, то есть расстрел. В то время в ещё не окрепших сельхозартелях основным кадровым составом были голутвенные казаки, которых называли в ту пору «нетягами», босяками: они не умели, а иногда и не желали добросовестно работать. Когда для укрепления

колхозов нужны были добротные, опытные хозяйственники, тогда в них активно стали проводить чистки от «чуждого элемента»: как правило, это лишение избирательских прав, высылка зажиточных земледельцев в места не столь отдалённые и даже очень отдалённые. А ведь зажиточные земледельцы — это домовитые казаки: работающие, смекалистые, умеющие выращивать хлеб и выхаживать скотину, гордившиеся своим казачьим сословием и службой России; они могли стать опорой колхозного сообщества. К тому времени казаки, чудом оставшиеся в живых в годы революционных катаклизмов, «перековали мечи на орало», приступили к мирному труду. Их в первую очередь и коснулись репрессии. Бравые казаки, два родных младших брата бабушки Натальи, были арестованы одновременно и расстреляны «тройкой» ОГПУ (Сидельниковы Магвей Сергеевич и Василий Сергеевич оба реабилитированы в июне 1989 года — В.К.). Значит, время для свадеб было совсем не подходящим, но молодость брала своё; молодые поженились. Расписываться, то есть заключать законный брак, в сельский совет не пошли, а церковь к тому времени не имела на это права, да и молодой супруг был комсомольцем. Как папа позже рассказывал, на комсомольском собрании в пору активного атеизма голосовали за снятие колоколов с колоколен церкви «на нужды обороны страны».

Храм построили на средства казачьего общества в 1906 году, но уже в ту революционную пору пошло его разрушение. Много труднейших лет и событий прошло до того времени, когда наши родители стали законными супругами (1954), так что только сестрички Наташа и Люба были законно-рождёнными, а я и братик Ваня, да двое деток, Миша и Анечка, умершие маленькими, были незаконнорождёнными, хотя по документам всё нормально зарегистрировано, и эта неразбериха нам не доставила неприятностей с переоформлением свидетельств о рождении. Удивительно, что папа с мамой совсем «забыли» о том, что они «не расписывались», то есть у них не было свидетельства о браке; вначале к этому отнеслись несерьёзно, потом служба в Красной армии (РККА), война 1941-1945 гг., послевоенная фильтрация папы, как военнопленного, и только при рождении дочки Наташи вдруг в сельском совете старательная секретарь обнаружила факт отсутствия законной регистрации брака наших родителей. Дом, в который Иван привёл молодую жену, был небольшой: обычная деревенская изба на 4 окна вдоль улицы. Жили в нём бабушка Дуня, то есть папина мама Евдокия Артемьевна, старший брат Павел с женой и маленьким сыном, а теперь появились молодожёны. На семейном совете решили эту проблему довольно просто: разделить дом в равных долях; два окна — Павлу с его

семьей, другие два окна — младшему Ивану с молодой женой и 65-летней матерью. Поставили тонкую дощатую перегородку-стенку, которую бабушка называла переборкой, вот и весь раздел имущества. Самодельные лавки и табуретки — поровну. Но, как ни тяжело время, у Марфуши было приданое: довольно большой деревянный сундук, практически пустой. Насколько помню, в нём лежали мамины новые валенки, фуфайка, большая накидная шаль, а на дне две дерюжки: цветные, самотканые, очень красивые, но жёсткие. Когда они были изготовлены, не знаю, но у бабушки Натальи был ткацкий станок; она умела обрабатывать коноплю: вымачивать, выколачивать костру, получать прядильное волокно, красить, прясть и ткать. В работе этот станок я не видела, но хорошо помню, что он висел в каменке на стенке.

Мне нравилось открывать сундук; уж больно красива изнутри его крышка: она была обклеена загадочными картинками. Вспоминая об этом, я и сейчас чётко вижу яркие, как мне тогда казалось, невероятной красоты наклейки: обёртки от мыла «Кармен», «Земляничное», просто с какими-то цветочками. В своём раннем детстве никакого мыла, кроме хозяйственного да щёлочи, я не знала, и мама мне говорила, что она тоже не знает. Наверное, это дедушка Прокопий, мамин отец, которого она практически не помнила, привозил подарки

бабушке, когда приезжал на побывку. Молодому супругу досталась половина избы, как я сейчас себе представляю, площадью не более 15-16 кв. метров, с сенцами, и стали жить-поживать они вместе с бабушкой. Почти четверть избы занимала традиционная русская печь с подтопком, бабушкина деревянная, как она говорила, самодельная, кровать, а у молодых — железная, с шишечками на спинках, да стол с табуретками, вот и весь интерьер. Все вместе в одной избе. Старшему сыну пришлось прорубать дверь, пристраивать совсем небольшую кухню и сенцы. Так и жили в одном дворе два брата. Постепенно семейная жизнь налаживалась: обзавелись хозяйством (корова, овечка, пятток курочек) да в простенке повесили небольшое зеркало, которое почему-то было местами покрыто тонкой «сеточкой» в коричневых разводах. У молодых Вани и Марфы родился первенец, сын Миша, но в возрасте, видимо, полутора лет он умер. В июне 1938 года родилась я, а в сентябре того года папа был призван в Красную армию, попал в Кавалерийские войска Забайкальского военного округа и, если верно помню, служил в г. Чита. Во время службы в армии и до мая 1942 года домой регулярно приходили письма, которые мама всегда бережно хранила. Уже будучи студенткой, с разрешения мамы я эти откровения читала. Первые годы письма были адресованы его маме, нашей бабушке Дуне; видимо,

соблюдалась житейская субординация — писать на имя матери. Обычные письма об армейских буднях, приветы родным и несколько слов жене, нашей маме, с вопросами о маленькой дочке и просьбами писать ему обо всём, ибо он «ждёт привета, как соловей лета». Даже на фотографиях надписи о том, что он скучает. Вот одно из таких посвящений: «Я уехал далеко за горы, и вам не видно меня, посмотрите на моё фото и вспомните про меня». Немудрёное поэтическое послание адресовано бабушке, а в конце написано «...и Сычёвой М.П.». Как же маме хотелось услышать только к ней обращённые слова, но письма были сдержанные: главное, жив и здоров. Мама рассказывала, что она первое время расстраивалась, не показывая вида своей свекрови, потом начала сердиться: ей нужны ласковые слова, объяснения и уверения в любви, а он пишет «Сычёвой М.П.». Было им в ту пору чуть больше двадцати лет. Мама, с её «образованием в один класс и один коридор», написала любимому солдату о претензиях-пожеланиях, вероятно, чётко изложила свои мысли, потому как после этого послания стали приносить в дом по два письма: бабушке и маме. Бабушка была совсем неграмотной, поэтому письма писала и читала мама. Теперь бабушка удивлялась, что сын пишет письма отдельно, и всё спрашивала у мамы о том, что же он ей «сказывает», а мама отвечала: «Ваня пишет... что тебе, то

и мне». Некоторые письма мама отложила в сторону и не дала мне читать, сказала, что я ещё не dorosла, хотя по возрасту я уже была старше, чем мама в те годы. Жаль, что, столько лет сберегая весточки от папы, мама затем доверила их сыну, нашему брату Ване, и письма были утеряны.

За время службы в армии папа окончил зооветшколу (училище — 2 года), получил специальность ветеринарного фельдшера, по документам — звание военветфельдшера. После окончания учёбы папа был направлен в 161-й Кавалерийский полк 14 Кубанской Кавалерийской дивизии и находился там до марта 1941 года, но в марте эта дивизия была расформирована. До окончания срока службы в армии оставалось ещё полгода, и папе предложили вариант: подать рапорт о согласии продолжить учёбу, но по военной специальности. В это время был объявлен набор в Краснодарское авиаучилище, и он подаёт рапорт о желании обучаться в этом учебном заведении. Рядовой солдат, имеющий специальность и звание военветфельдшера, был зачислен курсантом штурманского отделения с мая 1941 г. После окончания учёбы, получив лейтенантские звания, в марте 1942 года весь курс был передан в распоряжение (зачислен в резерв) Главного командования Крымского (позже Южного) фронта. 10-11 марта 1942 года молодые лейтенанты прибыли в Керчь на стажировку, папа был зачислен в школу среднего

командного состава, но штурманом летать не привелось. Обстановка на Крымском фронте так обострилась, что 5 мая 1942 года выпускники авиашколы были направлены на передовую линию фронта. Лейтенант Иван Сычёв стал пулемётчиком в составе пулемётной роты. Немцы наступали; рота заняла оборону в районе 18 км от Камыш-Буруна. Шли ожесточённые бои, рота продержалась до середины мая 1942 г. Под натиском немцев отступили в каменоломни, заняли оборону, но снаряды закончились, и пулемёты замолчали. Отстреливаться было нечем; личного оружия не было. Командир батальона в звании капитана неожиданно исчез неизвестно куда. Немцы стали забрасывать каменоломни дымовыми пашками. Задымление было настолько сильным, что началось удушье. Оставшиеся в живых пулемётчики вынуждены покинуть каменоломни и 17 мая 1942 года, в окружении, безоружные, взяты немцами в плен.

Далее из протоколов допроса папы 23.04.1946 г.: около полтора месяцев в лагере для военнопленных в районе (запись неразборчива, видимо, Джанкой, Крым), затем эшелонам направлен в Житомирский лагерь 358, там пробыли также полтора месяца, с августа 1942 года переброшены на территорию Польши, где находились, возможно, полтора месяца, затем в Баварию. По данным военкомата в карточке военнопленного Сычёва Ивана

(том 95, лист 119), он прибыл в шталаг 17 А (7.11.1942), затем попадает в офлаг 13Д; номер военнопленного в германском лагере —15635. Во все немецкие лагеря приезжали представители АСТ для вербовки агентуры из числа военнопленных, занимались её подготовкой, обучением в спецшколах с последующей заброской в советский тыл; занимались сбором советского обмундирования, орденов и медалей.

В протоколах допросов, написанных следователем-дознанием со слов папы, есть и его подпись, где папа подтверждает верность изложенного. Суть вопроса состояла в том, что по каким-то данным папа был под подозрением: обучался в разведшколе. Далее со слов папы в протоколе допроса: «Во время пребывания в лагере на территории Баварии по требованию немецких представителей из числа 150 военнопленных была сформирована группа из 18 человек. Утверждалось, что она набирается на сельскохозяйственные работы в Баварии. В состав этой группы был включён и я».

Беседы с военнопленными вёл русский, белоэмигрант; утверждал, что они будут работать в с/х имениях. Но всю эту группу в сопровождении немцев и эмигрантов увезли в Австрию, в Брайтенфурт. Жили в бараках, окружённых высоким забором, колючей проволокой. Как стало известно позже, рядом с их бараками находилась школа, в

которой из числа советских военнопленных готовили агентов с целью затем забросить в тыл нашей страны, причём агитацию вели среди уроженцев заволжских территорий. В той разведшколе шла подготовка радистов-агентов. Абвер неукоснительно выполнял указания Гимmlера, который предложил использовать тех военнопленных, которые заявляют о своём согласии служить в немецкой армии; на самом деле группы формировали из тех, кто им подходил, без согласия на то военнопленных. Из протокола допроса: «В числе такой группы, сформированной якобы для работы в сельскохозяйственных имениях Баварии, стали вести беседы, в которых отмечался весь ужас советского строя, убеждали в том, что Советский Союз будет уничтожен. Вскоре стало ясно, что нас склоняют к согласию и вынуждают служить в немецкой армии. Такое согласие требовали и от меня. Я отказался служить в немецкой армии». И вновь из протокола допроса: сколько времени находился в школе? Ответ: около двух недель. В разведшколе не обучался, согласия не давал. Вопрос: назовите фамилии лётчиков-радистов-агентов. Ответ: не знаю, назвать не могу». Но эти допросы и ответы на задаваемые папе вопросы относятся к лету 1945 года и, далее, к 1946 году, то есть к периоду фильтрации. Естественно, после освобождения в феврале 1947 года папа не мог всё это рассказать маме

или брату, а факты, изложенные в протоколах допросов, и все мытарства по лагерям нам стали известны лишь несколько десятилетий спустя, а тогда, с осени 1942 года, когда папа отказался обучаться в разведшколе, не дал согласия служить в немецкой армии, продолжались муки военнопленного по другим немецким лагерям до самого окончания войны. Вновь информация о лагерях: существовали, кроме шталагов и офлагов, ещё и дулаги, пересыльные лагеря (временные лагеря, где военнопленных сортировали по профессии, воинскому званию, состоянию здоровья и т.д., даже по месту проживания до призыва на службу в Красную армию). В дулагах они ожидали своей участи. Во всех лагерях свирепствовали издевательства, побои, голод, холод, болезни, антисанитария и, как результат, — дизентерия, брюшной тиф, бред голодных, которых забивали палками диаметром 4-5 см, умерщвляли ядом с помощью медицинского персонала, специально заражали цингой, проводя эксперименты. Издевательства были настолько изощрёнными, что расстрел был самой лёгкой мерой наказания в лагере; известны случаи, когда советских военнопленных офицеров и генералов немцы вновь одевали в советскую форму, в которой они были пленены, запрягали в телегу по 8-10 человек и катались с хохотом и улюлюканьем по городу или такой «упряжкой» возили воду, мусор или камни. Что пришлось пережить папе в немецких

лагерях, естественно, он ничего и никому не рассказывал; лишь отдельные крохи сведений, когда он, закрыв лицо руками, со стоном произносил: «Да неужели всё это со мною было? Как удалось выжить? Рвали собаки, ломали руки, морили голодом». Только маме он говорил, что его вес в лагерях доходил до 42 килограммов. К слову, хочу заметить, что дедушке Мите (Кострице Дмитрию Николаевичу) тоже выпала участь быть пленённым, но вскоре он был отпущен домой, вновь вернулся на фронт, воевал до конца войны, за боевые заслуги получил несколько медалей. К сожалению, подробностей не знаем, да и о самом этом факте узнали слишком поздно, когда и спросить не у кого.

По карточке военнопленного ясно: папа прибыл в шталаг 7 ноября 1942 года, было ему неполных 25 лет, затем он, как лейтенант, помещён в офлаг, то есть лагерь для офицерского состава. После санитарного блока пленные на три недели попадали в карантинный, затем их регистрировали, заводили личное дело — учётную карточку, которая передавалась вместе с военнопленным при перемещении его по другим лагерям Германии и на оккупированных ею территориях. С этой карточкой и прибыл папа из неволи немецкой в свои фильтрационные лагеря. В учётной карточке военнопленного указывались фамилия, имя, отчество, вероисповедание, дата и место рождения, имя матери, гражданство,

национальность, семейное положение, место последнего жительства, фамилия и адрес ближайших родственников. Указывалась гражданская специальность или профессия, род войск и номер войсковой части, военное звание; рост, цвет волос, особые приметы, состояние здоровья, фото 3х4, чернильный отпечаток указательного пальца правой руки. Перед фотографированием вешали на бечёвке чёрную фанерную доску на грудь; мелом записывали личный лагерный номер. Он стирался с доски перед съёмкой следующего военнопленного. Далее выдавался металлический жетон с личным номером, носить его необходимо на шее или на руке, как часы. Одевали в «новую» одежду времён Первой мировой войны, немецкую или трофейную французскую, бельгийскую, английскую; тонкую, потому эта одежда и не грела. Обувь — ботинки на деревянной негибнущей подошве, х/б носки. На одежду при помощи трафарета советским военнопленным масляной краской наносили несмываемые и видимые издали символы — SU, под этим знаком красный треугольник, знак военнопленного. Эти символы наносили на шинелях — на спине, на гимнастёрках — на спине и левой груди, на пилотках — слева.

В карточке военнопленного Сычёва И.Е. указано, что он находился в офлаге 13Д (в этом же офлаге 13Д в начале 1942 г. находился Яков Сталин в особом блоке А).

С августа 1942 года пленных перебросили на территорию Польши, где они пробыли также около полутора месяцев, затем в Баварию. В Баварии отец работал на фабрике (запись в протоколе допроса неразборчива). Приблизительно во второй половине сентября 1942 года военнопленные группой (12 человек) совершили побег с этой фабрики, но на седьмой день были задержаны на территории Венгрии венгерской полицией; в течение пяти суток находились в карцере полиции, затем переданы немецкой полиции и направлены в Австрию. За побег — 25 суток в карцере и допросы в гестапо. С начала ноября 1942 года — шталаг 17А; отец направлялся работать в свиарник с/х имения к бауэрам (ухаживал за свиньями и ел то, что им готовили, что помогло ему выжить в этот страшный период), выполнял какие-то работы в монастыре, затем в карьере, на цементном заводе. С августа 1944 г. и до конца войны — «Чёрный лагерь». Этот лагерь (шталаг 17 Б) в 35 километрах от города Кремс (Нижняя Австрия) и в 60 км от Вены основан ещё в 1936 году; здесь содержались разного рода сомнительные личности, занимавшиеся проституцией, воры, гомосексуалисты; возможно, поэтому лагерь назывался «чёрным», но с лета 1941 года он стал принимать военнопленных. Частая переброска советских военнопленных по разным лагерям диктовалась необходимостью предотвратить

попытки организации побегов. Время приближалось к нашей Победе, немцы всё более зверствовали: если в бараке заболели тифом 3-4 человека, то остальных расстреливали. В «чёрном» лагере только администрация жила в казармах, а военнопленные — в палатках, даже в зимнюю пору. О каких побегах можно мыслить, когда обитатели лагерей были на грани истощения? Освободили их 9 мая 1945 года, то есть здесь папа находился около 10 месяцев. Никаких дополнительных сведений в карточке нет, кроме того, что «освобождён и зачислен в 297 стрелковую дивизию, 1057 стрелковый полк».

В конце войны вышло постановление Государственного Комитета Обороны (ГКО) СССР № 1069, которое обязывало проинформировать проверку и фильтрацию всех освобождённых военнопленных и вышедших из окружения бывших военнослужащих и направить их в спецлагеря, находящиеся в ведении Управления НКВД. В них производился личный досмотр, требовалось письменное объяснение об обстоятельствах пленения и пребывании в плену; далее следовал допрос оперативниками нашей контрразведки: выявлялись противоречия в ответах; организовывали агентурное изучение подозреваемого, заводилось дело с протоколами допросов и заключением по результатам фильтрации, записывались сведения о товарищах, которые могли подтвердить

эти данные. Как и все советские военнопленные, папа подвергся фильтрации, то есть проверке причин и обстоятельств пленения. Эта процедура продолжалась с мая 1945 года до февраля 1947 г. Хочется отметить, что по списку участников войны — жителей нашей Нижней Павловки — у нескольких фронтовиков сложились подобные ситуации, в их судьбе появилась горькая отметина: был пленён. Например, учитель рисования и черчения нашей школы Василий Сергеевич Иванченко попал в плен в самом начале войны и был освобождён в победном мае, а домой возвратился только в конце 1945 года. Есть примеры и более позднего возвращения в родные края бывших военнопленных односельчан, а наш папа вернулся в феврале 1947 года.

И вновь возвращаюсь к событиям военного времени: самое тягостное воспоминание у мамы и бабушки о том, как поздней осенью 1942 г. в наш дом пришло извещение: «Ваш сын и муж пропал без вести». Последние письма бабушке и маме от папы были присланы весной 1942 года, затем наступила пора полной неизвестности, которая продлилась до февраля 1947 г. Физическое, да и моральное состояние мамы и бабушки трудно представить: почти два года (1 год и 8 месяцев), как окончилась война; кому посчастливилось остаться живыми, те, хоть ранеными и калеками, но возвратились домой, а нам неизвестно, жив ли, а, может,

его уже и нет на белом свете, но продолжаем надеяться и ждать возвращения сына, мужа и папы из небытия. Конечно, после долгожданного и всё же невероятно неожиданного возвращения папы мы ничего не знали о том, каковы для него были эти пять лет. Рассказать он этого не мог. Я помню слова, произнесённые папой: «Слава Богу, я дома! Отпустили».

После того, как с архивных документов был снят гриф «секретно», нам удалось изучить материалы допросов папы за 1946-1947 гг. Читаешь строки немногословных протоколов, и сердце замирает от осознания того, какие муки перенёс папа, находясь в фашистских лагерях, от тяжести мыслей, что он невольно оказался в плену и не меньшие муки испытал, доказывая свою невиновность.

Папа, несмотря на все пытки плена, издевательства, травлю собаками, голод, истощение и тяжёлую работу в каменоломнях, выжил в немецких лагерях и верил в то, что домой он возвратится, а соответствующие органы разберутся в его невиновности. Главное, он честен не только перед своей совестью, но и перед страной. Здесь хочется сослаться на документ, появившийся в самом начале войны, когда Н.С. Хрущёв, будучи командующим Ленинградским фронтом, в шифрограмме № 4976 приказывал: «... разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращении из плена также

будут расстреляны...», то есть предполагалось даже не пытаться разбираться в том, кто при каких обстоятельствах был пленён. Советские воины (солдаты, офицеры и высший воинский состав — генералы), попавшие не по своей воле в плен, считались дезертирами, предателями; они заочно лишались воинских званий, в документах, передаваемых в органы НКВД, значились как «бывшие военнослужащие», их семьи лишались продовольственных карточек. Дома, в родной Нижней Павловке, папу всегда ждала не только бабушка Дуня, но и мама, и я; разговоры о нём были постоянными и дома, и среди родных. Помнится, куда бы мы ни пошли с бабушкой: в лавку ли, то есть в магазин, на сепаратор ли — всегда её спрашивали о том, слышно ли что-нибудь о Ване или, может, какие-то новости пришли. Но ничего не было слышно, ничего не приходило. Наши вера в чудо и ожидание его укрепились после того, как бабушке приставучая цыганка (от которой, действительно, бабушка, как могла, «оборонялась», но настойчивая гадалка сломила её сопротивление), эта нежданно появившаяся «провидица» сообщила, что скажет ей о сыне, которого та всё ждёт да слёзы льёт. И за это ей жалко всего-то два яйца? Тут же бабушка велела мне сбежать за яичками и принести, а цыганка за эту плату выдала долгожданные вести: сын твой жив, ему «чижало», он в казённом доме; ты его «дождёсси», проживёшь с ним

два года и помрёшь на Пасху, как разговеешься крашеным яичком. Цыганка со своим заработком удалилась, а мы с бабушкой Дуней поспешили обрадовать тётю Груню, жену папиного брата, и старшую сестру папы, тётю Ольгу, таким радостным событием. Вечером, когда мама приехала с поля, бабушка бросилась навстречу ей и, вся светясь от радости, сообщила: «Марфуня, Марфуня! Наш Ваня жив! Он вернётся!» Вспоминая об этом, я так ясно вижу побледневшее лицо мамы, её внезапно застывшую улыбку и слышу тихий, от волнения вдруг осипший голос, спросивший: «Из сельсовета принесли?»

А бабушка, продолжая улыбаться, сказала, что нагадала цыганка. И в этот момент, будто очнувшись от наваждения, сама побелела в лице, подошла к маме, они обнялись и зарыдали обе, то ли от радостного сообщения, то ли от того, что это ведь только цыганкины слова. Гадание и есть гадание, а не официальная бумага из сельсовета, но как изменилась наша жизнь! Бабушка и мама повеселели, начали вдруг шептаться, секретничать. Каждый вечер мама, вернувшись с работы, спрашивала у свекрови: «Мамака, из совета ничего не приносили?»

Из сельсовета никаких вестей не было, и всё же они начали готовиться к встрече папы. Когда она будет, эта встреча: завтра, через месяц, год? Да и будет ли вообще? Такие мысли отодвигались, отвергались, а потому надо

готовиться. Низко склонившись друг к другу головами, пошептались, а на следующий день я увидела, как бабушка, придя откуда-то, извлекла из-под полы своей фуфайки довольно большую бутылку с белёсой жидкостью, закрыла сенцы на щеколду-задвижку, открыла ларь, в котором было зерно пшеницы, и закопала туда принесённое. Я стояла рядом и, увидев невиданных размеров бутылку, спросила, что же это такое в ней белое. Бабушка Дуня сказала внучке, что такая большая бутылка называется бутылка и что пусть она «тута стоит, а как твой папа вернётся, она и пригодится». Не подумала бабушка о том, что внучка подведёт бабушку и маму и откроет тайну схрона дяде Пане, когда он, придя к нам, стал умолять свою мать дать ему опохмелиться. Он так умолял, а она всё повторяла, что «нет у нас ничё, откуда у нас чё есть, нету ничё», только почти семилетняя внучка вдруг поняла, о чём просит дядя, и, удивившись, что бабушка, видимо, забыла, куда спрятала, указала координаты. Обнявшись с бутылью, дядя ушёл, а дорогая бабушка Дуня плакала и говорила внучке: «Ня надо было, унуча, говорить про эту бутылку-то». Я тоже плакала; было жалко и бабушку, и то, что было припасено для встречи папы, а потом слёзы повторились вечером: когда мама пришла с работы домой и увидела бабушкины заплаканные глаза, та, не дожидаясь маминого вопроса, опередила с ответом: «Ни

сбирягла». И обе тихо плакали. Ждали, надеялись, а иногда и отчаивались, особенно бабушка. Она часто стала повторять: «Наверно, не дождёмся мы его. Был бы живой, так хушь какая бы весточка была бы. А то ну никакой весточки нету и нету».

Помню, что бабушка отдала своему старшему внуку Якову папину премиальную рубашку, которую мама всегда берегла, полученную им за ударный труд в колхозе. Были отданы и папины валенки. Мама их старалась уберечь для папы, всё время их подсушивала да пересыпала махоркой от моли. Табак мы выращивали на своём огороде, высушивали; бабушка крючком вязала шерстяные носки и варежки, а потом вместе с махоркой собирали посылки на фронт; не забывали обводить мою руку химическим карандашом, вкладывали этот листок в варежку в надежде на то, что вдруг посылка папе попадёт. Мама плакала, когда увидела, что нет ни рубашки, ни валенок, но больше из-за того, что бабушка, не посоветовавшись, сама приняла такое решение. Даже был разговор между ними, когда бабушка сказала: «Наверно, нам его уж боле не суждено увидеть, а ты када-никогда апосля выйдешь замуж, а его мой сын, потому и отдала». Конечно, у папиной старшей сестры Ольги тоже шаром покати, ни одеть, ни обуть, а кроме Якова, у неё ещё две дочки; о муже Михаиле ещё с 1937 года ничего не известно: после

ареста как в воду канул. Бабушка Дуня шёпотом рассказывала о том, что он неосторожно высказался в присутствии уполномоченного, которых в ту пору было пруд пруди и которых все так боялись. Михаил работал на колхозном хлебном току, а урожай был хороший, зёрнышки пшеничные один к одному, наливные. Этот уполномоченный взял в горсть зерно и потихоньку его из горсти-то и высыпает да говорит, что зерно хорошее, а Михаил возьми да и скажи, что зерно-то хорошее, да нам-то оно не достанется. А утром его и забрали; так и сгинул человек, будто и не было его на белом свете. Второй сын Николай погиб (служил в ж/д войсках). Бабушка Дуня всегда жалела свою старшую дочь, да и жили они с моей мамой всегда дружно. Я не помню какого-либо разлада между мамой и бабушкой, возможно, я тогда была мала, да и когда ссориться, если мама работала на колхозном поле от темна до темна, но этот момент я запомнила. После обнаружения недостающих рубашки и валенок мама вдруг полезла на чердак, где лежал папин велосипед, но и его там не оказалось. Она сама его туда водрузила после того, как папу проводили в армию, так он там и лежал, ожидая хозяина, но оказалось, что бабушка пожалела другого внука, Колло (Колькю), он его и доломал. Как ни обидно маме, а время было такое, что, наплакавшись, обе обнялись и стали ждать Ваню: бабушка сына

(«можя и правда, Бог дасть — и он придя»), мама своего любимого супруга, а я своего папу, которого знала лишь по фотографии.

Но наш папа после пятилетней неизвестности и почти девятилетней разлуки с семьёй, то есть со дня призыва на службу в РККА, возвратился. Я была уже школьница, первоклассница. В то время в школу принимали с 8 лет, мне тогда уже шёл 9-й год, поэтому свою первую встречу с папой хорошо помню. Наша кровать, на которой мы спали с мамой, стояла как раз напротив печки, всего, видимо, на расстоянии не более одного метра от неё, потому я проснулась от тепла и вкусного запаха. Бабушка пекла чинёнки, так она называла большие, всего два на большую сковороду, пирожки с тыквой или с капустой. Она стояла у печки с чаплею в руках, наблюдала за пирожками, а я вскочила на ноги, но стояла на кровати. Бабушка улыбнулась мне и сказала: «Посмотри-ка, унуча, как мороз окна-то разрисовал. Ох, и трескучий мороз ночью был». Я спросила у бабушки о том, где же моя мама, а она ответила, что мать пошла за водой к колодцу, потом надо коровке соломки дать, да напоить, да и в избу воды надо «принести». В это время я услышала, как в сенцах заскрипели доски пола, потом громкий стук чего-то падающего: это мама пришла и бросила на пол коромысло. Дверь широко открылась, и мама вошла в избу, а вместе с ней клубы белого пара.

Мама поставила вёдра с водой на пол, чтобы вернуться и быстро закрыть за собой дверь, опять взяла в руки вёдра, так как их надо поставить на лавку, но не успела сделать и двух шагов, как раздался стук в дверь, и тут же в облаке густого белого пара вбежал человек. Мама стояла спиной к двери, а бабушка лицом к ней, и вдруг она вскрикнула и почти закричала: «Ва-а-а-ня!»

Мама повернула голову, вскрикнула, руки её разжались, вёдра с водой упали, холодная вода разлилась по всему полу, а они все трое бросились друг к другу и, обнявшись, стали плакать навзрыд. От страха, ничего не понимая, я тоже заревела. Первой опомнилась моя дорогая бабушка Дуня, она сказала мне: «Валичкя, вить это твой папа». Папа подошёл к кровати, обнял меня, сказал: «Какая же ты, доча, уже выросла большая!» Бабушкины пирожки сгорели, только плач не прекращался. На крики, которые невозможно было услышать через тонкую дощатую перегородку, разделяющую наши «хоромы», почти сразу же прибежала испуганная тётя Груня, дядина жена. Слёзы, причитания повторились, но она, добрая душа, довольно быстро справилась со слезами и побежала домой сказать супругу, папинуму брату о том, что Ваняка вернулся, а сама побежала к тётё Оле с этой радостной вестью. Время зимнее, утро раннее, ещё на улице темно, а она по пути стучала в окна

соседам, оповещая их о такой новости. Вскоре прибежала тётя Оля, набилось много женщин, а позже стали приходить и мужчины. Задавали много вопросов, особенно женщины, а мужчины, сами недавние фронтовики, были немногословны, курили; они понимали: мог ли им папа что-либо рассказать? Я только запомнила одно: «Слава Богу, отпустили», а ещё запомнился этот день тем, что мне очень долго пришлось сидеть на кровати. Время двигалось к обеду, но родной брат, председатель сельского совета, не пришёл разделить радость возвращения младшего брата после девятилетней разлуки. Мужчины стали расходиться, а папа сказал, что надо идти в сельский совет, показать документы. В сельском совете брат ему руки не подал, не счёл нужным не только обнять, но даже не поздоровался, лишь спросил, не сбжал ли он откуда-нибудь, документы посмотрел, и на этом общение закончилось. После посещения сельского совета и «общения» с братом папа пришёл домой очень расстроенным.

Много унижений, издевательств, каторжного труда перенёс папа за годы войны, плена, послевоенных разбирательств, а дома родной брат даже руки не подал. Бабушка и мама опять плакали, но папа, успокаивая их и, видимо, чтобы как-то отвлечь, сказал, что надо бы пойти к теще, то есть к маминой маме, моей бабушке Наталье и тёте Ноте. Бабушка нагрела водички, а мама

всё поливала её папе на голову; всё же удалось с дороги помыться. Кое-что нашлось из папиного нижнего белья, сбережённого мамой с довоенного времени, и «обновлённый» папа после этого сидел на сундуке с каким-то растерянным, улыбающимся лицом, в ожидании, когда его «трофейные» х/б брюки и рубашка высохнут в жарко натопленной печке. Бабушка опять хлопотала с капустными пирогами, мама всё придумывала, из чего бы папе сделать портянки, а к вечеру мы втроем отправились к бабушке Наталье.

Видимо, эмоциональное напряжение от неожиданного счастья (у меня теперь есть папа!) было так велико, что я и сейчас вижу себя, как идём вместе, они держат меня за руки, а я скачу вприпрыжку. Бабушка с маминой сестрой и двумя моими двоюродными сестричками, Маней и Полей, жили по другую сторону речки, и мне тогда казалось, что это очень далеко. Они уже были кем-то оповещены о нашей радости и при свете коптилки нас угощали очень мелкой варёной картошкой в мундире, другого-то ничего не было. Вот так и стали мы теперь поживать вчетвером в одной избе. Трудностей было много, но папа стал работать по своей специальности — ветеринарным фельдшером в ветлечебнице. Не помню, какая была зарплата у папы, но всё же у нас появились какие-то деньги. В колхозах работали за трудовни, которые деньгами не оплачивались,

потому мы, как и все колхозники, очень бедствовали.

Но отчуждение, неприятие, оскорбления и унижения со стороны старшего брата продолжались много-много лет. Папу это очень угнетало; по этому поводу мама много слёз пролила, но папа всё пытался её успокоить, просил брата понять, ведь он власть, «а я был в плену и старался на него обиды и зла не держать», время такое было. Трудно понять мысли, чувства, поступки старшего брата, облечённого властью. Что это? Боязнь за себя или он поступал так, как ему просто казалось правильным, согласно своим убеждениям, был уверен в правоте или руководствовался установкой: попал в плен, значит, ты предатель. Он так и называл папу даже прилюдно, хотя мужчины, вернувшиеся с войны, папу защищали, относились к нему всегда уважительно.

Трудная, бедная, но в какой-то мере благополучная пора жизни в семье продолжалась до начала 1951 года, хотя к этому времени умерла наша бабушка Дуня,ждавшая возвращения сына, прожив с ним, как и нагадала цыганка, два года и покинув белый свет на великий праздник — Пасху; не стало и маленькой Анечки. Но в январе, видимо, в самом конце, папе вручили повестку, требующую явиться по адресу: г. Оренбург, ул. 9 января, 43. Здесь располагались органы НКВД. Опять были тревоги, мамины слёзы: «Сколько же можно?» Папа

утешал маму, что скоро вернётся, ведь за ним вины нет, но пришлось вновь его собирать в неизвестную дорогу. Как ни трудно было жить в то послевоенное время, всё же за эти годы папе руками сшили из перелицованного сукна новое полупальто, сваяли валенки, и папа в этих обновах отправился в неизвестное. В Оренбурге жила мамина двоюродная сестра Феодосия Сергеевна — Феня, и папа должен был остановиться у них, если вдруг придётся заночевать. Прошло пять дней, а папа не возвращался. Мама в тревоге и со слезами в зимнюю пору на попутной машине поехала в Оренбург в надежде что-нибудь узнать о папе. Куда обратиться? Бабушка Феня и её супруг дедушка Вася рассказали, что Ваня два раза приходил к ним ночевать и больше не был. Мама решила пойти в этот серый дом; о том, как ей удалось туда пройти, я не знаю, но добралась она до дома, когда уже было почти темно; в слезах, с раскрасневшимся от мороза и тревог лицом, сказала, что ей ответили кратко: задержан. Так и начались наши новые муки и тревоги за папу. Остались мы с мамой теперь вдвоём. Помню, что мы иногда просто голодали. Запасы соломы для нашей коровки заканчивались, и мы с мамой ходили воровать корм — сено и солому — с колхозного бригадного двора, который был рядом с нашим огородом. Конечно, добрая душа тётя Груня поддерживала маму, но дядя Паня, узнав,

что брат вновь задержан, вовсе перестал нас замечать. А в самом начале февраля, возвращаясь из школы, я увидела у ворот нашего дома странную чёрную машину с решётками на окнах. Это потом я узнала, что она называлась «чёрный ворон». С чувством неимоверного страха перед неизвестным я вошла в избу. Ещё только приоткрыв дверь, я увидела в клубах синего дыма полный дом народу, плачущую маму и мужчин из нашего колхоза; все курили. Лицо мамы было буквально малинового цвета, никогда не забыть её бесцветные от слёз глаза. Какие-то мужчины в военной форме сидели за столом и писали; их двое, остальные — наши деревенские. Когда я несмело переступила порог, мама сказала, что это дочка пришла из школы. «Гости» промолчали, а я осталась стоять у порога и не знала, что мне делать: можно ли пройти, сесть ли на свою кровать, потому что все табуретки заняты, а трое сидели на сундуке. Так я и стояла у порога с сумкой в руках, не зная, лучше портфель с моими пятёрками повесить или положить.

Я училась уже в пятом классе, потому вполне осознанно понимала, что с папой что-то произошло; от тревоги за него и за плачущую маму меня будто сковало холодом, но чётко помню мамин взгляд. Она пристально смотрела на меня, а слёзы текли по её опухшему лицу, как будто она хотела мне что-то сказать, поддерживать, успокоить, но не могла

этого сделать. Намного позже мне стали понятны эти слова: понятие, следователи, обыск; а в тот момент для меня были просто наши, деревенские мужчины — и приехавшие дяди в военной форме. Закончив свою писанину, один из них стал задавать вопросы маме: «Где у вас мебель?! Куда всё подевали?! У кого из родственников или соседей всё это находится?!» Тогда мама, потерявшая голос, совсем тихо произнесла: «Да про какую же ты мебель спрашиваешь? Я не знаю, о чём вы говорите».

Пришлось этому оперативнику объяснять неграмотной колхознице, что же такое мебель, а мама ответила, что вот это всё и есть наша мебель, другого ничего никогда и не было. Мужчины подтвердили, что все в деревне так живут: стол, лавки да табуретки самодельные. Затем допрашивающий открыл сундук, а он почти пустой: на дне лежали только мамины новые валенки да фуфайка, завернутое в чистую тряпицу папино нижнее бельё да несколько кусочков мыла.

— Сундук пустой! И это всё? Кому всё раздали?!

И опять мужчины вступились за маму, подтвердили, что в деревне все так живут, и знаем друг друга «спокон веку», и у кого что есть — тоже известно. Разве не ясно, как колхозники жили во время войны, да и после войны ещё кругом нищета, никак из нужды не выберемся. «Гости» нервничали, кричали на маму и

матерились на мужчин, угрожали и предупреждали их о том, что если они, заступнички, выгораживают хозяйку, то...

— Где у вас литература? — очередной гневный вопрос маме.

— Да вон там, в шкафчике, за голландкой. А там, вплотную между стенкой и голландкой, стояла моя небольшая деревянная кровать, сделанная папиными руками, из которой я уже почти выросла. В изголовье этой немудрёной кровати висел самодельный — тоже папина работа — шкафчик для моих учебников. Встав одним коленом на постель, следовательно дотянулся руками до книг, и учебники посыпались на кровать. Увидев, что набор «литературы» слишком тощий и школьный, совсем рассвирепел: «Где, я спрашиваю вас, где литература?»

— Да какую же ты спрашиваешь литературу? Больше у нас никаких книг нет и не было, — еле слышно отвечает мама. Как на грех, этот НКВДшник увидел листок из школьного учебника литературы, приклеенный мною на створку шкафчика: на нём был изображён М.Ю. Лермонтов. Кто вырвал листок из книги, неизвестно; такой учебник я получила в самом начале учебного года: глаза М.Ю. были обведены чернилами, но я их сделала «более выразительными», то есть ещё раз обвела (и удлинила усы). Помню, что папа, застав меня за таким художеством, поругал. Он всегда бережно относился к книгам, что я увидела и поняла гораздо позже: выписывал много

газет и специальной литературы, журналы «Ветеринария», «Наука и жизнь», «Изобретатель и рационализатор», «Наука и техника», материалы по генетике, часто повторял, что вынес все испытания во время разбирательств по поводу плена только потому, что много читал, видимо, это не запрещалось.

Увидев такое художество, следователь сорвал листок из шкафа и, размахивая им перед моими глазами, стал кричать:

— Ты зачем, зачем это сделала?

Я вначале плакала безмолвно, а теперь, увидев близко перед собой страшные глаза и лицо этого дяди в форме, от страха и обиды за себя и за маму заревела. Вспоминая сейчас об этом, я с ужасом представляю, что и как могла чувствовать мама. Как это можно вынести, находясь в таком униженном, безвыходном состоянии? Тогда дядя Ваня Говоров встал и громко сказал:

— Товарищ лейтенант, ну ведь это ж ребёнок. Ну, подрисовала; она сделала это по недомыслию. Ну что ты с неё взыскиваешь?

Вот тут-то и досталось заступнику; теперь крик и мат поддержал и второй представитель, который до этого всё писал молча. Остальные мужчины тоже стали уговаривать успокоиться «товарища лейтенанта». Когда наконец-то «гости» немного успокоились, они, оставив понятых в избе, вышли вместе с мамой во двор осмотреть хозяйство. В небольшом плетнёвом сарайчике, обмазанном для утепления

глиной, смешанной с соломой, находился наш скот: кормилица-корова да овца с ягнёнком. Со слов мамы, допрашивающие повторяли: «Где и у кого спрятали скотину, говори!»

От нервного напряжения мама почти потеряла голос и на их вопросы по поводу такого хозяйства тихо отвечала, что больше у нас никакого скота нет и никогда не было. Пока мама показывала наше хозяйство, дядя Лексан Бунин сказал, чтобы я сняла одежду и села на свою кровать. Возвратившись в избу, представители стали что-то записывать в бумагах, лишь изредка полушёпотом обмениваясь информацией, видимо, приходили к общему решению, согласно кивая головой. Молчали и понятия. Когда представители закончили оформление необходимых документов, передали их в руки дяде Лексану. Достоверно не помню, читали ли понятия вслух написанное, только вижу, что, низко склонившись друг к другу, дядя Федя Безмельницын и дядя Лексан смотрели эти бумаги, потом расписались, а остальные сидели молча.

Следователи не сочли нужным ознакомить маму с содержанием документов, подписанных понятиями. Что в этих бумагах написано, что уготовано нам? Когда и маме предложили подписать заключение осмотров и допросов, она, совсем обессилев, сказала, что расписаться не может, так как ничего не видит. Других представителей нашей семьи нет,

следователи сочли возможным считать мою подпись действительной. Так я, пятиклассница, безропотно подписала какие-то бумаги. Только когда появилась возможность прочитать архивные документы, когда нашего дорогого, многострадального папы нет уже более 28 лет, нет и любимой мамы, мужественно перенесшей все тяготы военного времени, любившей папу и столько лет, веря в него, ожидавшей, — мне и младшей сестричке Любе удалось ознакомиться с документом, где стоит эта моя подпись. Уникальный документ называется «Сохранная расписка». В воспоминаниях я употребила неуважительное к документам слово «писанина». Не хочется обидеть память этих следователей; видимо, их уже нет на белом свете, и они рьяно исполняли служебные обязанности, уверенные в своей правоте и в правомочности таких методов работы. Как говорится, Бог им судья.

Здесь воспроизведу дословное содержание, стиль написания и знаки препинания этого документа; жаль, что почерк, которым он заполнялся, передать невозможно.

Сохранная расписка 14 февраля 1951 года

Я, Сычёва Марфа Прокофьевна даю настоящую расписку в том, что переданный мне скот на содержание корова 3 лет, овца одна, ярка 1950 года одна обязуюсь сохранить до особого распоряжения об ответственности за реали-

защю указанного скота и дома 30 квадратных метров предупреждена В чём и расписываюсь Сычёва (подпись моя) 14 /II 1951 г.

Читаешь эту «Сохранную расписку», и оторопь берёт от того, в каком жутком, безвыходном, ничем и никем не защищённом состоянии может находиться человек. Главное совсем не в том, что в ней допущены ошибки в правописании, а в смысле самих слов; только вдуматься: мне передают мой скот на содержание и сохранение до особого распоряжения; об ответственности предупреждают, вдруг мы её реализуем. Слава Богу, хоть и кормили свою скотину одной соломой, но сохранили, особого распоряжения не наступило. Я помню, как мы с мамой воровали с колхозного скотного двора сено; бригадный двор, где содержались лошади, примыкал к нашему огороду, и мы дёргали заснеженную траву, набивали мешок и по протоптанной нами дорожке быстрее тащили в закуту. Запас своей соломы был на исходе, потому и рисковали, хотя обнаружить наше «злодеяние» было совсем легко и по протоптанной дорожке в глубоком снегу, и по невольнo обронённым травинкам.

И вновь мысленно возвращаюсь в февральский день 1951 года. Уехали на своём «чёрном вороне» старательные в поисках следов криминальных действий папы следователи, а деревенские мужчины ещё довольно долго сидели у нас, опять курили, о чём-то тихо разговаривали, всё успокаивали маму,

которая, опустив руки, сидела безучастной и продолжала тихо плакать. Я тогда не знала, что мама была беременной, братик Ваня родился в июле того года. О чём теперь говорили мужчины, не помню, хотя во время работы следователей все произнесённые ими фразы и действия чётко запомнились. Долго в этот день мне пришлось стоять у порога, потом, когда следователи и мама ушли осматривать хозяйство, сидеть на кровати, вдруг голова моя стала какой-то тяжёлой, а в ушах стоял непрерывный звон. Дядя Тимоха, улыбнувшись, позвал меня к себе и, погладив по голове, попросил показать дневник и тетради, а потом, прижав меня к своим коленям, стал листать странички дневника, называя вслух мои оценки (пятёрки), и все стали хвалить мой почерк. Мама немного успокоилась, слабо улыбалась. Позже, став взрослой, я поняла, что эти «смотрины» моих успехов были желанием помочь нам справиться с волнением и слезами. Светлая и добрая память и великая благодарность за поддержку и помощь в эти трудные дни!

Потом наши защитники ушли, а мы с мамой опять остались одни. В избе вдруг стало совсем холодно: утром мама не успела истопить голландку, а потом появились неожиданные гости. На улице морозно и темно, мы с мамой, не зажигая света, сидим у стола в нетопленной избе. Мама опять стала плакать; мне ничего не говорила, зачем приезжали эти люди,

что с папой. Она и сама не знала, почему нагрянули военные, только стало понятно, что опять с ним случилась беда. У меня вновь разболелась голова; впервые не хотелось учить уроки и идти завтра в школу. Сидели мы с мамой одетыми, но у меня была такая внутренняя дрожь, которую, казалось, унять невозможно. Трудно даже представить, каким было состояние мамы: голубоглазая, белолицая красавица была похожа в это время на согбенную старушку. Я это говорю не для того, чтобы сгустить краски, я просто вижу её в таком состоянии даже много лет спустя. Потом, будто очнувшись, мама услышала, как громко уже не замычала, а заревела наша Малинка: кормилица-коровка и овечка с ягнёнком тоже весь день были не поены и не кормлены. Управившись с этими житейскими заботами, мама затопила нашу голландку, стало немного теплее, дрожь будто поутихла. Видимо, закончив свои домашние дела, к нам пришли папина старшая сестра (я её всегда почему-то называла бабушкой Олей), мамина кума и другие женщины-соседки, они о чём-то тихо разговаривали. О чём они могли в такой момент говорить, что им могла мама рассказать? О папе всё равно ничего не известно. На следующее утро пришла тётя Груня, дядина жена; минувшим вечером она прийти не могла, «он не велел», вот утром, как «сам ушёл в сельсовет», пришла поговорить, узнать.

— А что сказали эти? Что-нибудь слышно про Ваняку? (Так она называла папу).

— Ничего не сказали, ничего не слышно.

Вот и всё, что могла сказать мама Груне. Тётя всегда была участлива и доброжелательна, часто помогала нам: то хлебом, то отрежет кусок сала. Опять вдвоём плакали. Пришла мамина сестра Наталья (Нотя) — опять слёзы. А к обеду этого второго дня пришла посыльная из сельского совета, принесла повестку: явиться для разговора. С какой тревогой туда шла мама, трудно представить. Что ей здесь скажет председатель; были ли у него эти люди из «чёрного ворона»; поставили ли в известность местную власть о том, для чего сюда прибыли, или сами по себе действовали «в рамках своих полномочий», знал ли он о результатах их проверки; может, ему известно, почему папу задержали? Может, его в чём-то подозревают, обвиняют? Ни на один свой вопрос мама ответ не получила: то ли всё было под секретом, то ли и его не предупредили о своём «визите», а он просто увидел «чёрного ворона» у ворот дома и сделал вывод, что в этом нет ничего хорошего. А суть разговора дяди с мамой состояла в том, что он настоятельно рекомендовал ей отказаться от папы и написать об этом официальное заявление, на что мама ответила отказом. Мама ещё во время Великой

Отечественной войны вступила в партию ВКП(б), Всесоюзную коммунистическую партию большевиков (позднее КПСС), и дядя напомнил, что связь с таким мужем — это пятно не только на ней, это угроза её членству в партии, да и пятно на саму партию, напомнил, что за это маму могут исключить из её рядов. Рекомендации, советы, доводы, увещевания были далеко не в мягкой форме, наконец, было произнесено, что это пятно ложится и на него. Мама вновь плакала и напомнила ему, что с малолетства честно работала в колхозе, во время войны работала бригадиром полеводческой бригады, получила медаль «За трудовую доблесть», сдавала деньги на танк. Когда надо было подписываться на облигации займа, она, как доверенное лицо, ходила из двора во двор и уговаривала колхозников подписаться. А в каждом доме была нужда: люди не имели денег, и всё же с трудом и со слезами они подписывались кто на 5 рублей, кто на 10, а иные на 15 рублей, я сама подписывалась, для примера, на 25 рублей. А потом, придя домой, вместе с бабушкой Дуней плакали, где взять эти деньги. Продать нечего, голь перекатная, только молоко, да где его взять, лишнего не было: надо было сдать в заготовку 220 литров. Занимали у кого-либо молоко, а чтобы продать его, надо ехать на попутных машинах в Оренбург, а там ещё и милиция гоняла, продавать не

разрешалось. Наплакавшись в сельском совете, мама отказного заявления не написала, сказала, что верит папе, что придёт время, разберутся; верила, что её за добросовестный труд и заслуженную медаль из партии не исключат. Дядя, не убедив доводами, прибегнет последний аргумент: напомнил, что у неё подрастает дочь и своим поступком она портит мне жизнь. Как ни тяжелы были аргументы, как ни груб в «народных» выражениях был весь разговор, мама осталась верной своему слову и папе.

Прошло много трудных лет, и, возвращаясь мысленно к тем годам, невольно начинаешь думать, размышлять, вернее, пытаешься понять мотивы, цели дядиных поступков: почему так настойчиво рекомендовал маме написать отказное заявление? Поступал по принципу «был в плену — значит, предатель», и эта установка никак не позволяла понять, что плен — это не всегда поднятые вверх руки, или посулы врага, или сломленная воля военнопленного в немецких лагерях? Бывают и такие безвыходные ситуации, как контузия, тяжёлое ранение, попадали в плен и безоружные в окружении. Была ли это рекомендация сверху или собственная инициатива? Боялся ли за себя? А может, сам написал отказное от собственного брата заявление, испугавшись за репутацию и своё будущее. Всё это так и осталось тайной для нас. После того, как

мама ушла из сельского совета, началось ещё большее отчуждение. Никогда он не спросил о том, как нам живётся (теперь уже нас трое, родился маленький Ваня), нужно ли в чём помочь, только добрая тётя Груня всегда помогала нам украдкой, чтобы «Панькя не узнал; он не велит». Даже когда папа возвратился реабилитированным, очень долго отношения между родными братьями были холодными, отчуждёнными. Папа, как младший брат, всегда стремился к сближению, убеждал нас с мамой понять его, не осуждать, не обижаться; говорил: «Время такое было». Лишь к 1959-1960 годам отношения оттаяли, папа с мамой часто ходили к ним в гости, а братья подолгу наедине разговаривали. Надеемся, что дяде удалось понять свои ошибки; между ними было примирение, только жаль, что мы, радуясь этому, не потрудились узнать или по своей беспечности не сочли нужным узнать об их путях друг к другу. Главное, папа всегда говорил о прощении; он прошёл все «муки ада» и остался Человеком с большой буквы, знал цену и сказанному слову, и самой жизни.

И всё же в своём повествовании я вновь хочу возвратиться к самому началу второй половины XX века. Шёл февраль 1951года. После отъезда следователей на злополучном «чёрном вороне» наши тревоги усилились, опять мучительная неизвестность, и мама решила поехать в Оренбург, в тот

серый дом, попытаться что-либо узнать о папе. Уже сама я, прожив столько лет, слишком поздно поняла и осознала житейский подвиг нашей мамы. Имея всего один класс образования, она была умна; бригадирская школа во время войны закалила её характер, мама приобрела опыт руководителя, умела найти правильное решение; если случались трудности, она, наплакавшись, находила в себе силы не отчаиваться. Как она любила папу, ждала его столько долгих лет, верила в его невиновность! Потому и пустилась в это зимнее путешествие; тогда поездка в Оренбург была трудноразрешимой проблемой. Как она добилась сведений о папе, не знаю, только сказала, что он в том самом сером доме и ему можно передавать передачу. Купить съестное в городе не могла, денег только на обратную дорогу (30 копеек), да и надо спешить доехать до дома засветло; зимний день короток, а будут ли попутные машины? Приехав домой, мама стала думать, как собрать передачу папе; решили напечь орешков из теста на молоке, сварили пяток яиц, тётя Груня отрезала половину большого калача хлеба, который она сама была мастерицей выпекать, принесла нам (с условием: не говорить Паньке) несколько больших луковиц, а бабушка Наталья передала кусок сахара, отколотый от когда-то большой сахарной головки. Целую голову сахара я никогда не видела, но помню, что у бабушки был небольшой

кусок, от которого она специальными щипчиками отщипывала нам маленькие кусочки, чтобы подсластить травяной чай. Видимо, гостинец для папы пришлось откалывать: такой щипчиками не возьмёшь. На следующий день мама опять поехала в Оренбург с передачей папе, а позже сказала, что передачу взяли, но свидания с ним запрещены. Какое-то время папа находился в Оренбурге, в этом самом сером доме, мама два раза ездила с передачей, но каждый раз надо было отпрашиваться с работы. В её обязанности входило утром и вечером истопить голландку в доме на бригадном дворе. И когда мама уезжала в Оренбург, в эти дни бригадный двор страдал от холода, потому мама со слезами и волнением предложила мне поехать в город с передачей. Это сейчас преодолеть расстояние в 25 км не проблема: автобус ходит по расписанию каждые полчаса. А тогда поездка была событием тревожным: ехать в зимнее время с незнакомым водителем в кабине, на попутной грузовой машине, да и довезёт этот дядя лишь до железной дороги, а до Оренбурга ещё надо идти пешком, вдобавок ко всему в город я ехала первый раз. Мама, заливаясь слезами, объясняла мне, как дойти до серого дома, куда зайти, «...там увидишь, что надо сделать, только, как возьмут передачу, быстрее домой: темнеет быстро». А надо опять дойти из Оренбурга до ж/д линии, а уж

потом ловить попутную машину; просила не заблудиться. Я и сейчас с ужасом вспоминаю этот мой визит в город: дело ещё и в том, что въезд в Оренбург был совсем в другом месте. Какой это был день, не помню; возможно, пришлось пропустить школьные занятия. Само посещение серого дома осталось в памяти навсегда и прочно, хотя то, как я искала здание и как добралась до Оренбурга, совершенно вылетело из головы. Видимо, от эмоционального напряжения всё делала, как запрограммированный автомат, потому и не помню, как попала в город и как потом оказалась дома, — осталось как в тумане. Как ни странно, помню, как я открыла тяжёлую входную дверь и оказалась в узком и очень тёмном и длинном коридоре, в конце которого толпились какие-то взрослые люди; они тихо разговаривали между собой. Я спросила у женщины о том, где принимают передачи, а она, взглянув удивлённо на меня, сказала: «Здесь... И ты, детка, будешь держаться за мной». Очередь продвигалась очень медленно, у меня стала кружиться голова, стоял шум в ушах, мне вдруг показалось, что кто-то, причитая, громко плачет. Понемногу я осмотрелась: высоко на потолке светилась одна лампочка, почему-то обмотанная проволокой; стала различать лица людей, в основном здесь были женщины. Уже и за мной образовалась очередь, а стоявшая за

мной женщина спросила, кому же я принесла передачу. Я ответила, что это передача моему папе, а она опять с вопросом, почему же пришла не мама, а я, «ведь ты ещё мала». Пришлось уточнить, что я не пришла, а приехала, сказать, что мама раньше приезжала сама, а теперь не смогла. Помню, что участливая женщина произнесла: «О Господи, что же это такое творится?»

Наконец наша очередь повернула, и мы оказалась в более широком и светлом коридоре. Одни посетители подходили к маленькому окошку, с кем-то разговаривали, потом их узелок или сумка исчезали в окне, а затем кое-что вновь оказывалось на маленьком подоконнике, а из окошка слышался голос: «Не положено!»; у иных и вовсе передачи не брали, тут начинался плач и даже ругательства. Когда подошла моя очередь, из окна спросили: «А тебе что здесь надо?» Окно было высоко, я увидела только грудь дяденьки в форме, да вновь голос откуда-то издалека спросил фамилию и о том, что у меня здесь в сумке; говорящий посмотрел содержимое и со словами «не положено» выбросил в окошко листок, на котором я написала папе записку, остальное забрал. Я растерянно стояла и не знала, что дальше делать, но опять та женщина мне сказала: «Ты, дочка, больше ничего не добьёшься, поезжай-ка ты домой». А домой добралась, когда уже начинало темнеть; мама с заплаканными

глазами сидела в избе, ждала и волновалась, а я и не помню, как это я была в городе — и вдруг оказалась дома, как будто всё это не со мной было. В школу на следующий день не пошла: заболела. Через какое-то время вновь пришлось ехать с передачей папе, но, услышав названную мной фамилию, голос из окошка произнёс уже знакомое «не положено», его обладатель двинул назад мою сумку, содержимое которой даже не посмотрел. Теперь уже много голосов из очереди стали объяснять мне, что передачу совсем не возьмут, ожидать больше ничего не надо, «всё равно, дочка, тебе никто и ничего объяснять не будет»; вот и пришлось возвращаться домой, не исполнив наше желание — как-то доказать и напомнить папе, что мы его помним и любим. Сколько слёз было пролито мамой в ту пору, как она верила папе! На следующее утро мама поехала в Оренбург, в этот серый дом, узнать хотя бы что-нибудь, конечно же, взяла и сумку с передачей для папы. Однако в ответ получила одно слово: вы был. И опять для нас начались два года неизвестности, тревог и трудностей; бывали дни, когда даже поесть было нечего и приходилось ездить в Оренбург за хлебом. Запасы муки были на исходе, и мама её очень берегла: уже подрастал маленький братик Ваня, ему мама на молоке готовила жидкую «кашу», подсыпая в молоко муку. С лета 1951 года я вместе со своими подружками

часто ездила в город за хлебом, но, чтобы иметь на это деньги, мы продавали молоко на улице Чичерина. Продавать не разрешалось, нас гоняла милиция, приходилось убежать, хотя это бегство иногда заканчивалось слезами, так как отобранное молоко просто выливалось на землю. В такую дикость трудно поверить, но, к сожалению, так было. Немного успокаивало наших мам то, что ездили в Оренбург по 3-4 человека, да и хлебозавод находился здесь же, в самом начале улицы Чичерина.

Продавали хлеб только по одной буханке в руки, поэтому мы, спрятавшись в закоулках городского двора, оставляли возле наших покупок двоих дежурных, ходили по очереди за хлебом и так затаривали наши мешки; счастье, если удавалось приобрести по 8-10 буханок, тогда, страшась с нашими покупками попасть на глаза милиционеру, быстрее покидали Оренбург и шли с этой ношей до ж/д линии, а там уж спокойно ожидали своё счастье — попутную грузовую машину. Подружки мои тоже жили в нужде, хотя уже шёл шестой год, как закончилась война, но трудностей всем хватало сполна, у некоторых моих одноклассниц отцы погибли на фронте, у других возвратились домой инвалидами. Что давало силы нашим мамам? Только вера, что когда-нибудь наступит время, и дети будут сыты и обуты; эта вера и надежда помогали им держаться ради своих детей. Как мы с мамой и Ваней прожили эти два

года новых испытаний и неизвестности, описать без слёз трудно.

Мама очень гордилась моими успехами в школе и, когда нас стали готовить к вступлению в комсомол, радовалась вместе со мной. Никогда не забыть того школьного собрания, когда нас, лучших в учёбе и написавших заявление с просьбой «принять в ряды коммунистической молодёжи», принимали в ряды ВЛКСМ. Тогда я не обратила внимания на то, что меня принимали в комсомол последней из всех, кто в этот день решил пополнить ряды коммунистической молодёжи. Я круглая отличница, а остальные девочки и ребята — хорошисты, их быстро приняли, задав несколько вопросов по уставу, попросили назвать фамилии лидеров коммунистических партий дружественных нам стран и задали ещё какие-то вопросы. Старшекласники, члены комитета комсомола школы, торжественно сняли с каждого из них пионерский галстук, и радостное новое пополнение садилось за парты. Комсомольское собрание проводилось в самом просторном классе; парты были сдвинуты так, что впереди оказалось свободное место, где в переднем углу за учительским столом расположились комиссия, секретарь комсомольской организации школы, отличник учёбы Василий Базаров (с Верхней Павловки), учителя и почти у двери несколько парт для только что принятых в комсомол моих одноклассников. Когда очередь

дошла до меня, после вопросов об учёбе и по уставу Василий задал мне вопрос о том, где сейчас мой отец. Что я могла ответить на это? И я сказала, что не знаю. Многочисленное собрание вдруг загудело, и откуда-то сзади мальчишеский голос громко сказал: «Как это ты не знаешь, где твой отец?» Я настолько растерялась, что помню только гул в классе; в голове моей что-то загудело, и я тихо ответила, что его забрали. Опять среди шума и гама вопрос с галёрки: «Почему?»

«Он был в плену», — уже со слезами смогла я ответить на такой трудный для нас с мамой вопрос. Какой же гвалт поднялся в классе! Несмотря на этот шум, секретарь комитета комсомола чётко произнёс вряд ли свои слова о том, что если бы отец не был виноват, его бы и не забрали. В этот момент я не смогла сдержаться и заплакала. На моё счастье наш любимый учитель Михаил Иванович Дедов стал успокаивать молодых патриотов, сказал: «Вы принимаете в комсомол Валю; она отличница, и кому, как не ей, быть в комсомоле»; напомнил, что И.В. Сталиным якобы произнесены слова, что дети за отцов не отвечают. После выступления Михаила Ивановича активные комсомолыцы успокоились, но в Оренбург получать комсомольский билет в райкоме комсомола я не поехала; вдруг оказалось, что мне ещё не исполнилось 14 лет. Действительно, так и было, но

почему-то я сама об этом не подумала, а никто из учителей не подсказал, хотя устав я изучала тщательно и знала, что принимают в комсомол с 14 лет. Я настолько тяжело перенесла эти расспросы и бурную реакцию старшеклассников, что мне показалось, будто меня в комсомол вообще не приняли, потому домой пришла в пионерском галстуке и со слезами. Подробностей никаких маме я не рассказала, но мама плакала вместе со мной и сказала: «Наверно, и вправду тебя не приняли из-за папы». Только летом, в самый разгар каникул, из школы принесли бумажку, там сообщалось, что надо ехать в райком комсомола, где должны вручать комсомольский билет. Странно, что саму поездку я не запомнила, но как принимали, хорошо помню. Желающих пополнить ряды коммунистической молодёжи было много, но все незнакомые, видимо, учащиеся из других школ. Спрашивали об учёбе, какие книги читаю, хорошо ли знаю устав, каким должен быть комсомолец и, конечно, о секретарях компартий других стран. Домой я приехала полноценной комсомолкой; теперь мы с мамой обе активистки: она член ВКП(б), а я член ВЛКСМ. Конечно, говорю об этом без всякой иронии; всегда была добросовестной и активной комсомолкой не только в школе, но и в институте, вспоминаю то время с большой теплотой; никогда не видела ничего плохого в деятельности

такой молодёжной организации. Возвращаясь мысленно к тому тревожному собранию, я много раз приходила к выводу о том, что вряд ли те ребята, которые с таким пристрастием устроили мне допрос о папе, сами додумались до этого. Но надо сказать, что до окончания школы никакого предвзятого отношения ко мне не было, а о школе, давшей мне хорошие знания, сохранились тёплые воспоминания.

И всё же наш папа возвратился! После наших поездок в Оренбург с передачами для папы, с момента, когда маме было сказано, что он выбыл, опять наступила пора полной гнетущей неизвестности. К сожалению, точно не помню, но, возможно, шёл февраль 1953 года, когда опять поздно вечером неожиданно растворилась дверь, и в избу вбежал папа. Мама была на работе: уже несколько лет она каждое утро и вечер топила печку на бригадном дворе. Я была дома вместе с маленьким братиком Ваней и подружкой Марусей. Я вскрикнула так, что Ваня заплакал, а Маруся мигом выскочила из избы и побежала за нашей мамой. Папа подошёл ко мне, поцеловал, а Ваню погладил по голове, но на руки брать не стал, так как сам был с мороза, спросил, как назвали сына и где мама. Я успела сказать всего лишь «Ваня» и «на бригадном дворе», и папа со словами «Я за мамой!» выбежал из дома. А мама, предупреждённая Марусей, уже бежала к дому. Бригадный двор был рядом

с нашей избой, поэтому через несколько минут папа и мама были дома. Опять слёзы, но слёзы от радости. И вновь папа возвратился в рваном полушубке, старых, выдавших виды сапогах и такого же состояния шапке. Поужинали все вместе, папа всё время Ваню держал на руках. Удивительно, что Ваня, а ему уже было, видимо, более 1,5 лет, сразу пошёл к папе и всё время внимательно рассматривал. Потом, уложив его спать, пошли к бабушке Наталье. Утром мама сказала тёте Груне о нашей радости; конечно, она сразу же прибежала, сходила и за папиной старшей сестрой Олей, а часов в 11 папа пошёл в сельский совет показать документ (справку) об освобождении. Ситуация повторилась; когда папа вошёл, брат даже не встал со своего председательского места, руки не подал, молча прочитал справку, но спросил, что же он теперь намерен делать. Папа ответил, что думает работать по специальности — ветфельдшером. Точно не помню, но какое-то время папа работал плотником в детском доме, а потом до конца жизни — в ветлечебнице фельдшером, иногда подменял ветврача. Он был хорошим специалистом, читал много профессиональной литературы, мы всегда гордились тем, что его ценили, уважали, в деревне говорили: «Иван Ефремович, ты у нас настоящий академик».

Папа продолжал работать, постепенно наша жизнь стала

улучшаться: радовались каждому выращенному огурчику и тыкве, прыгающему по избе ягнёнку, купленной фуфайке. Сейчас трудно понять, конечно, не мне, а моим детям и особенно внукам, какую радость испытывали родители, когда папа купил часы, обыкновенные ходики, которые стали единственным украшением нашей избы. Подрастал Ваня, потом родились Наташа и самая младшенькая Люба; несмотря на бедность, в доме всегда пахло свежеспечённым хлебом, а главное, царили родительское согласие и взаимная любовь.

В 1956 году я окончила школу и к великой радости родителей поступила в институт, чем они очень гордились, не менее, чем я. В то время сельская местность ещё не была паспортизирована, поэтому для поступления в вуз мне, как и всем, кому приходилось уезжать из деревни, необходима была справка с места жительства, которую выдавал сельский совет, с личной подписью председателя. Мои одноклассники, решившие продолжить учёбу для получения специальности, справки получили, а я получила отказ и совет пойти работать в колхоз. Впервые я стала перечить дяде, когда осмелилась возразить ему, сказав, что он не имеет права не выдавать мне эту злополучную справку, но услышала резкий ответ: «Уж больно ты гордая и грамотная, как я погляжу, и справку ты не получишь». Со слезами пришла домой; папа был на работе, а мама,

поплакав вместе со мной, пошла в сельский совет. Каким был разговор, в каких красках и тонах, можно только представить, потому что мама очень быстро возвратилась (и, конечно, без справки). И вновь мы с мамой плакали от гнетущей безысходности; знали, что папе, тем более, если он решится пойти в сельский совет, будет с унижениями и оскорблениями отказано. На наше счастье вдруг к нам приходит мой учитель, Михаил Иванович Дедов, и приносит мне справку. Оказывается, когда мама возвращалась из сельского совета, от слёз буквально не видя дороги, встретился ей Михаил Иванович, который с тревогой спросил, что случилось, тогда она и рассказала, что и дочке, и ей Павел Ефремович отказался выдавать справку. Какими словами и вескими доводами Михаил Иванович убедил председателя, нам, конечно, неизвестно, но справка была у меня в руках, и на следующий день мы, три подружки, отправились в Оренбург подавать заявления в институт.

Так с благословения родителей и при доброй помощи Михаила Ивановича я стала студенткой физико-математического факультета педагогического института: отделение физики. Я благодарна судьбе за то, что на моём жизненном пути в трудные моменты всегда оказывался Михаил Иванович, не только как учитель, но и как умный и добрый человек. Отделение было выбрано по его настойчивой рекомендации, я мыслила

подать заявление на литфак, но он убедил меня переписать заявление, о чём я никогда не жалела: и профессия, и специальность, да и просто моя педагогическая работа всегда были в радость. В самом начале января 1960 года бабушки Натальи, перенесшей в своей жизни неимоверные трудности, не стало. После её смерти родители по взаимному согласию, практически не имея средств, решили уйти с родительского «позыма», то есть покинуть место, оставив дяде землю и нашу саманную пристройку. Разобрали только свою половину избы, оставшуюся после раздела родительского дома, и переселились в другое место на левом берегу Донгуза; вроде бы там когда-то тоже жили наши родные. Папа вырыл довольно просторный подвал, сделал каку-то крышу, устроил две лежанки — нары для самих себя и для детей: Вани девяти лет и Наташи пяти с половиной лет, а маленькой Любе — лолька, так как ей ещё не было и полутора лет. Я заканчивала 4 курс, жила в студенческом общежитии, так что жильём была обеспечена, а там будет видно, как Бог даст; и на пустом подворье с мая месяца началась новая жизнь. Видимо, папа взял отпуск, поэтому в расчёте на свои силы, веря и надеясь, что к осенним холодам успеют построить саманную избу, родители приступили к работе: ручной тележкой возили глину, вёдрами носили воду из речки, благо она рядом; колхоз разрешил взять старую,

оставшуюся с зимы солому, начали делать «кирпичи» — саман. Помимо этого, стали осваивать огород: посеяли лучок-резунец, огурцы, тыквы и даже картошку. Были у нас кормилица-корова Малинка, овечки и куры; и всё это жизненно необходимое хозяйство требовало заботы и ухода. Сколько сил было вложено в строительство избы, трудно представить, но мама, вспоминая тот период, говорила, что это были самые счастливые годы их супружеской жизни.

После окончания экзаменационной сессии, окончив 4 курс, я приехала домой «во чисто поле», сразу же включилась помогать: занималась огородом, как могла, старалась воспитывать младшего братика и сестричек, мяла ногами глину с соломой для заливных стен, делали и саманы. В конце июля пришла открытка из института, в которой сообщалось о том, что мне, как награда, выделена путёвка в Москву; дорога и проживание входят в её стоимость, а питание — за свой счёт; также выделяются в качестве премии деньги в размере нашей месячной стипендии. Пока я читала, женщина-почтальон, «письмоноска», как их называли у нас ещё со времён войны, улыбаясь, уже познакомила родителей с содержанием послания, недаром этот вид доставки информации называется открыткой. Прочитав известие, я молча и в растерянности протянула открытку папе, а у самой мысли о том, как же я уеду,

когда дома столько дел и нужна помощь. Но папа, угадав мои мысли и закончив читать открытку, сказал: «Поедешь. Поедешь обязательно». Вот так, с ободранными жёсткой соломой ногами, я поехала в Москву. Конечно, я была горда этой наградой, но уверена, что мама с папой радовались ещё больше. Деревенское простодушие по сарафанному радио быстро разнесло эту весть по нашему заречью, и у родителей часто спрашивали о том, правда ли, что Вале дали путёвку в Москву. Это сейчас не в диковину всякие заморские вояжи, а тогда даже в Оренбург некоторые мои одноклассницы поехали впервые только после окончания школы. После поездки в Москву я вновь уехала в Оренбург, а папа с мамой, делая всё своими руками, спешили окончить свою стройку. Папа выполнял все плотнические работы: делал рамы для небольшого размера окон, двери из всяких дощечек; для потолочных перекладин использовал старье от сломанной половины избы, для стропил крыши ему в лесничестве разрешили срубить сухостой и чернолесье, а сами потолки были плетнёвые, обмазанные всё той же глиной, мятой с соломой. Какой же это тяжёлый труд, но я верю, что сам Бог им помогал за перенесённые ими муки. В основном погода тем летом была сухая и жаркая, что давало возможность просушить кладку стен, потолков, а папа с мамой и младшими детьми всё лето прожили в подвале,

но к сентябрю 1960 года смогли справиться новоселье. К кому папа ходил перенимать опыт по кладке печей и голландок, не помню, но знаю, что два дня он работал с деревенским умельцем, занимаясь этим ремеслом, а затем самостоятельно и очень добротной сложил в своей избе и печь, и голландку, которые почти 15 лет работали исправно, не дымили. Вот так и стали родители обладателями своей саманной избы с невысокой крышей, покрытой толем, а площадь этих «хором» с маленькими окнами не более 16 кв. метров; передняя изба, так сказать, горница, и кухня, площадь которой — 12 кв. метров, где четвертую часть занимали печь и небольшой самодельный стол. Надо учесть, что под кроватями стояли корзины с гусьнями, насиживающими будущих красавцев-гусят, а на кухне в своё время появлялись телёнок, ягнёнок и даже поросёнок. Совместное проживание было радостным и таким счастливым, потому что это залог того, что у нас будет пусть и небогатое, но безбедное житьё. Сколько труда, заботы и любви было вложено в каждое дело! Это и есть родительский подвиг.

Почему они вынуждены были уйти из родительского гнезда на новое место? Да причина одна, та, которая делала жизнь рядом с братом просто невозможной. Не хочется повторять все эпитеты, которыми награждал старший брат младшего, хотя он перестал принародно называть его предателем

после того, как мужчины вступились за папу, пригрозив самому председателю. Презрение стало более изысканным, но молчаливым, а потому, как ни тяжело было решиться на переселение, здравый смысл подсказывал: надо уйти от греха подальше. Но жизнь продолжалась, они постепенно обустроивались на этом месте и даже «разбогатели»: к Пасхе обклеили стены простенькими обоями, купили новую железную кровать с блестящими шишечками на спинках, над кроватью сделали полог из ситца с ярко-красными, довольно крупными цветами, приобрели новые настенные часы-ходики, лампу семилитровую со стеклом-пузырём, позже керосинку, потом керогаз. А уж когда стали обладателями примуса, это был комфорт; ничего, что удобства во дворе. Кто не пережил нужду, тот не поймёт, сколько радости было в этом, и не из-за примитивности нравов — это была выстраданная радость чистого сердца.

У меня уже выпускной курс. В хорошую погоду всё так же на попутных машинах по субботам приезжала домой, но в непогоду папа не разрешал пускаться в дорогу. Только в декабре 1960 года закончилась экзаменационная сессия, затем госпрактика в Саракташской средней школе №1 почти до конца марта 1961 г., поэтому был немалый срок, когда я не приезжала домой, но общение поддерживали письмами, и папа был ответственным

«связистом». Он всегда любил быть в курсе студенческой жизни, с большим интересом расспрашивал об институте, о моих планах на будущее, впереди предстояло распределение на работу. А у меня появились другие, радостные и волнующие заботы, о которых надо рассказать дорогим родителям, посвятить их в тайны моего сердца. Волновалась очень: не знала, как и с чего начать разговор на эту, оказывается, очень трудную тему, но мудрый папа сам так просто подошёл к моей проблеме, что я как на духу, как исповедникам, легко поведала о моём избраннике, дорогом Славе. С их искреннего согласия и благословения мы 5 апреля 1961 года заключили брак, который неожиданно для нас был отмечен многолюдной комсомольской свадьбой, подготовленной секретно моими однокурсницами и друзьями-товарищами Славы. Всё было так необычно и красиво оформлено, организовано; в вестибюле нас встречали торжественным маршем; звучали музыка Мендельсона, поздравления коменданта общежития, аплодисменты студентов, проживающих в общежитии. Я ничуть не приукрашиваю и не преувеличиваю; просто тогда мы радовались такой встрече, а уж после пришло осознание того, что это означало: нас уважают, и, видимо, было за что. 1 мая, в праздничный, тёплый и солнечный день, была обычная деревенская свадьба; это нам подарок от родителей и всех близких.

Они всё организовали вскладчину; не зря свадьбы на Руси играли по осени, когда в каждой семье есть пусть и небогатые, но запасы, а к весне «зима всё съела», потому и помогали друг другу. Только в июне 1956 года вышло секретное Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении грубейших нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей», где отмечалось, что за время войны и послевоенный период были допущены вопиющие нарушения советской законности в отношении военнослужащих Советской армии и флота, Я уверена в том, что счастье остаться живым и после стольких лет разлуки и страданий вернуться домой — это нашему папе награда свыше. Да и мы были счастливы тем, что папу дождалась, а оставшиеся годы, отведённые судьбой, родители прожили в любви и согласии. У нас, трёх сестёр, был брат, а у них внуки и правнуки; папа собственными руками построил дома, один — саманный, пусть

совсем небольшой, с маленькими окнами, но мама всегда повторяла, что это была самая счастливая пора их семейного союза. А позже был построен обычный деревенский дом, просторный и светлый, о каком мечтали.

Как и наш дедушка, белый казак Прокопий Акинтьевич Юров остался верным клятве, данной царю и Отечеству, так и наш дорогой папа Иван Ефремович Сычёв не изменил присяге, данной Родине. Они для нас герои и образцы служения своему народу. Не менее значим трудовой и просто житейский подвиг наших бабушек и мам; ценою их тяжёлого, но бескорыстного труда возродилась страна. И пусть нашим детям, внукам и правнукам не покажутся излишне пафосными мои рассказы, воспоминания о таком далёком и трудном прошлом; главное, надо понять и почувствовать, что в их судьбах есть добрый посыл старших поколений. Только бы им не пришлось повторить трудную судьбу наших родных, которым довелось жить в смутные времена XX века.

Иван КОННОВ

ГОЛОС БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Иван Глебович Коннов родился в 1945 году в селе Ивановка Асекеевского района. После службы в армии окончил Оренбургский педагогический институт. Преподавал русский язык и литературу в одной из бузулукских школ, работал в партийных органах, в областном киневидеообъединении и администрации области. Член Союза писателей России. Автор нескольких литературоведческих книг и многочисленных газетных и журнальных литературно-краеведческих очерков, лауреат областной Аксаковской премии, премии альманаха «Гостиный Двор» и м. Валерияна Правдухина. Живёт в Оренбурге.

«Никто не забыт, ничто не забыто», — эти слова знает каждый уважающий себя человек, родившийся в СССР. Но мало кому известно, что принадлежат они величайшему поэту блокадного Ленинграда Ольге Фёдоровне Берггольц. После войны именно ей Ленсовет предложил написать торжественную эпитафию на гранитной стеле Пискарёвского мемориального кладбища, где покоятся 470 тысяч горожан, умерших от голода, погибших от бомбёжек и артобстрелов, павших в боях на подступах к северной столице. Сама она вспоминала: «Когда в один из ненастных осенних дней 1959 года мы приехали на место мемориала и прошли по этой страшной земле, мимо огромных холмов-могил к ещё слепой и безгласной стеле, меня охватило невыразимое чувство печали, скорби, полного отчуждения. Я поглядела вокруг, на эти страшнейшие и героические могилы, и вдруг подумала, что нельзя сказать проще и определённой, чем:

*Здесь лежат ленинградцы.
Здесь горожане — мужчины,
женщины, дети.*

*Рядом с ними
солдаты-красноармейцы.*

*Всею жизнью своею
Они защищали тебя,
Ленинград, колыбель революции.
Их имён благородных мы здесь
перечислить не сможем,*

*Так их много под вечной
охраной гранита,*

*Но знай, внимающий этим
камням:*

**НИКТО НЕ ЗАБЫТ
И НИЧТО НЕ ЗАБЫТО!»**

О.Ф.Берггольц. Довоенный снимок

О блокаде Ленинграда написаны сотни книг, авторами которых были писатели, поэты, журналисты, историки. Но когда мы перечисляем их имена, имя О.Ф.Берггольц стоит всегда в первом ряду. В том, что город на Неве выстоял и не сдался врагу, есть и её немалая заслуга. В начале 1942 года голодный и замерзающий Ленинград, проживший зиму без хлеба и газет, наконец услышал долгожданный человеческий голос в чёрных тарелках-динамиках. Это был голос Ольги Берггольц. «Голос, полный неподдельной любви и сострадания, голос, опалённый ненавистью к врагу, голос, взывающий к жизни и борьбе», — писал о нём Фёдор Абрамов, который впервые услышал его в нетопленном госпитале, размещённом в одной из университетских

аудиторий. Её называли «музой блокадного города», «мадонной блокады», но самым дорогим подарком для неё была немудрёная народная фраза «Наша Оля»...

Ольга Фёдоровна Берггольц родилась 16 мая 1910 года в Петербурге, в семье заводского врача, жившего в районе окраинной Невской заставы. После победы революции семье пришлось нелегко, поэтому Ольга вместо института благородных девиц поступила в обычную трудовую школу. По её окончании в 1926 году начинает работать курьером в издательстве «Красная газета». К этому времени она уже постоянно пишет стихи, но ей не хватает творческого общения, помощи профессионалов. Кто-то посоветовал пойти в литературную группу «Смена». Там собиралась талантливая, ищущая

литературная молодёжь: Б.Корнилов, А.Гитович, Б.Лихарев, Г.Гор. «Мы встречались не реже двух-трёх раз в неделю в доме №1 по Невскому проспекту, — вспоминала Ольга Фёдоровна. — На седьмой этаж всходили без какого бы то ни было придыхания и тут же начинали читать стихи и спорить. Там я увидела коренастого низкорослого парнишку в кепке, сдвинутой на затылок, в распахнутом пальто, который независимо, с открытым и глубочайшим оканьем читал стихи». Этот был нижегородец Борис Корнилов, поэт-самородок, прославившийся впоследствии как автор слов знаменитой «Песни о встречном» на музыку Д.Шостаковича. Через некоторое время Корнилов и Берггольц поженились, родилась дочь Ирочка. Супруги поступили на Высшие государственные курсы при Институте истории искусств. Борис на курсах не задержался, а Ольга несколько лет спустя была переведена на филологический факультет Ленинградского университета, который закончила в 1930 году. К тому времени они с Борисом Корниловым расстались, слишком разными оказались их взгляды на жизнь и творчество. Поэтическое мастерство Берггольц зрело постепенно, тогда ещё никто не предугадывал уже таящейся в её стихах незаурядной силы. Рост Корнилова, напротив, был стремительным, он как бы обгонял своё время. В его стихах было больше напора, экспрессии, его образная сила была густой и динамичной.

В докладе на I съезде советских писателей тогдашний идеолог партии Н.И.Бухарин восторженно отозвался о стихах Корнилова. Эта весьма объективная похвала сыграла роковую роль в жизни поэта. В 1937 году Бухарин был арестован как «злостный враг народа», такой же ярлык получил и Корнилов за «написание и распространение контрреволюционных произведений». В начале 1938 года поэт и его высокий покровитель были расстреляны.

Вскоре была арестована и Ольга Берггольц. Она была замужем, ждала ребёнка, но пристрастное следствие привело к его потере. Через полгода Берггольц была освобождена. Из тюрьмы её вызволил глава Союза писателей СССР Александр Фадеев. К нему, рослому, видному, способному на опрометчивый поступок и абсолютно верному власти, благоволил сам Сталин. Фадееву сходило с рук то, за что любой другой высокопоставленный литературный функционер давно поплатился бы головой. Позже Ольге Фёдоровне стало известно, что Фадеев обивал ради неё все пороги, ходил в НКВД, ручался своим партбилетом, говорил, что дойдёт до самого «хозяина»... Через много лет, узнав, что Фадеев покончил с собой, Берггольц помчалась на вокзал в чём была — в домашнем платье, без пальто, только бы успеть, только бы в последний раз взглянуть ему в лицо...

Ощущение свободы после тюрьмы не принесло Ольге Фёдоровне желанного утешения:

Журналист и литературовед Николай Молчанов, второй муж О.Берггольц

*О, грозный вечер возвращенья,
Когда, спалённая дотла,
Душа моя не приняла
Ни мира, ни освобожденья.*

Но мужественная женщина нашла в себе силы не стать затворницей, не заниматься самообразованием. И большую роль в этом сыграл её второй муж Николай Молчанов, который, по словам поэтессы, «своей любовью небывалой меня на жизнь и мужество обрек...»

Они познакомились во время учёбы в университете, поженились и, получив дипломы, сразу же отправились в глубинку, в Казахстан: там их ждала работа в газете «Советская степь». Азия завораживала и притягивала, и, когда Николая призвали на военную службу, он остался служить на

туркестанской границе. Там ещё шла борьба с басмачами. О том, что муж отбился от своих и попал в плен, Ольга узнала, когда его комиссовали: прежде Николай был крепок, как молодой дубок, а к ней вернулся инвалидом. Басмачи закопали Николая в землю по плечи, и он три дня мучился под палящим солнцем, пока на него не наткнулся конный разбезд. Его спасли, но с тех пор у Николая начались эпилептические припадки: внезапные, страшные, длящиеся подолгу.

Когда началась война, Молчанов, будучи инвалидом, мог бы эвакуироваться. Могла покинуть город и Ольга Фёдоровна, чтобы вместе с мужем спокойно переждать военное лихолетье в Ташкенте или Алма-Ате. Но они предпочли остаться в осаждённом Ленинграде. «Я должна была встретить испытание лицом к лицу, — писала Берггольц в автобиографии 30 лет спустя. — Я поняла: наступило моё время, когда я должна отдать Родине всё — свой труд, свою поэзию. Ведь жили же мы для чего-то все предшествующие годы».

*Мы предчувствовали полыханье
Этого трагического дня.*

*Он пришёл. Вот жизнь моя,
дыханье.*

Родина! Возьми их у меня!

В первые же дни войны поэтесса пришла в Ленинградское отделение Союза писателей и спросила, чем может быть полезна. Её направили в распоряжение

*Сестра моя, товарищ мой
и брат, —
Ведь это мы, крещённые
блокадой!
Нас вместе называют —
Ленинград,
И шар земной гордится
Ленинградом!*

Поднялась и дошла до цели.

В 1942 году Берггольц создала свои лучшие произведения, посвящённые защитникам города: знаменитый «Февральский дневник» и «Ленинградскую поэму», десятки пронзительных стихотворений. Её книгу, изданную в кольце блокады тиражом 10 тысяч экземпляров, люди обменивали на хлеб! Более высокой оценки невозможно себе представить. Перед читателями её стихов и прозы проходят потрясающие

блокадные образы: вмерзшее тело у колодца; мальчик с оторванными руками и половиной левой ноги; беременная женщина, чрево которой спас муж ценой собственной жизни, — и над всем этим обугленный веноч Славы. «Писать честно, о том именно, что чувствуешь, о том именно, что думаешь, — это стало и есть для меня заветом», — сказала Берггольц в начале своего творческого пути и осталась верна себе до конца. Когда после войны на пленуме правления Союза писателей её упрекнули за пессимизм блокадных стихов, «тему страдания», она с достоинством ответила:

*Но даже тем, кто всё
хотел бы сладить
в зеркальной, робкой памяти
людей,*

О.Берггольц с А.Фадеевым, К.Симоновым, А.Прокофьевым и другими писателями в 1946 году

Валентина ГОЛОВИНА

Валентина Александровна Головина родилась в Кувандыкском районе Оренбургской области. Окончила исторический факультет Оренбургского педагогического института, по распределению была направлена в Адамовский район. Много лет проработала учителем истории в средней школе. Постоянный автор журнала «Гостиный Дворь». Живёт в посёлке Адамовка.

ВОЙНА ГУБИЛА ЛУЧШИХ

*Не излечишь душевную рану
И не свяжешь вовек концы...
Рядом с болью своей ветераны...
Как мы вам благодарны, отцы!
В эти майские дни вы в почёте,
Отступили тяжёлые сны...
Что-то будет, когда вы уйдёте,
С обжигающей правдой войны?*

В.Коростелёва

Время, о котором написаны эти строчки, наступило. А всей правды о войне так и не узнать, так как у каждого её участника она была своя, особая: окопная, штабная, пехотная или лётная, ближе к передовой или дальше, правда начала войны и правда её завершения, госпитальная, парадная, тыловая — всякая. По словам писателя В. Астафьева, известная нам история войны была придумана в политотделах. Ему, фронтовику, было виднее. По мнению Д. Гранина, также фронтовика, не стоит ждать «глянцевой истории войны». «Непричёсанные» описания

фронтовой реальности в сопоставлении у разных авторов-очевидцев приводят к мысли, что война была действительно безжалостной, грубой, когда в конкретной боевой обстановке жизнь не воспринималась как высшая ценность. Важен был результат боя. И. Деген, прошедший фронт командир танка и поэт по совместительству, в 1944 г. спрятал в свой планшет очередной листок со стихами:

*За наш случайный сумасшедший бой
Признают гениальным полководца.
Но главное — мы выжили с тобой.
А правда — что? Ведь так оно ведётся...*

Различались фронтовые пути-дороги участников войны, по-разному оценивали их мужество командиры: кому медаль, кому орден, а иному ни того, ни другого, слава Богу, что жив остался. Вспоминали о войне со слезами на глазах...

Потихоньку уходят свидетели Великой Отечественной войны. Как и до 1965 г., к их голосам всё меньше прислушиваются наши современники. Всё уже якобы рассказано и пересказано о тех годах, что добавить новое? Вот и сейчас можно услышать вопрос: зачем ворошить сто раз слышанное, кому это надо? Однако есть ещё люди, которым это знание

необходимо, и не все участники войны названы. «А фронтовики уходят и уносят с собой Победу, это ведь всё-таки их Победа, а не наша — по определённому счету. Нам свою ещё одержать надо. Но только они, отцы наши и деды, знают, как это делается. Потому и нет цены их памяткам и мыслям о войне», — заметил однажды оренбуржец В. Одралов. Между тем ветераны войны рассказывать о пережитом на фронте не любили, за них говорят наградные листы и прочие архивные документы.

В старых подшивках районной газеты («Социалистический труд», «Ленинское знамя», «Ленинский путь», сейчас — «Целина»), возросло внимание к судьбам фронтовиков после 1965 г. Районка не была оригинальна, вся пресса страны переживала эту странность. Принято считать почти 20 лет замалчивания военной тематики неуважением к ветеранам. А может быть, где-то сверху цензоры сознательно берегли людей от тяжёлых воспоминаний, щадили их память? Может быть, так и надо было — на время помолчать о войне? С середины 1960-х гг. как порвало терпение: увидели свет многочисленные мемуары и военная проза тех, кто воевал, и тех, кто о войне только слышал. Неслучайна ирония ветерана: «Чем дальше война, тем больше героев»...

Юбилейные медали можно считать извинением государства за недостаточное внимание к

участникам войны в течение десятков лет, признанием их заслуг, но одновременно и нивелировкой фронтовых биографий. В 1985 году всем ветеранам вручали ордена Отечественной войны. В тот год один из жителей Адамовского района отказался принять награду, утверждая, что нельзя всех участников войны равнять под одно. Его позиция была честной по отношению к однополчанам, пережившим с ним немало на передовой.

Бывали курьёзы, когда в праздничные дни ветеран надевал пиджак с боевыми наградами, помещая среди них «Медаль материнства», заимствуя её у жены, то есть все медали в доме считал боевыми. Другой занимал у соседа награды для своей очередной фотографии. Тогда по селу ходила слава о самозванце-герое. Иной случай, ровно наоборот, люди рассказывали с улыбкой. В посёлке Теренсай жил Герой Советского Союза К.К. Каменев. После войны он трудился в совхозе, был общительным человеком. Однажды в местном клубе молодёжь готовила спектакль, в котором одному из персонажей потребовался настоящий орден. Артист попросил «Золотую звезду» у К. Каменева и потом ещё две недели носил её на груди, также ощущая себя настоящим Героем.

На примере воинов, ушедших на фронт из Адамовского района, можно убедиться, насколько

разнообразными были их судьбы, подвиги и награды. Крестьянские парни, ещё вчера, что называется, от плуга и сохи, не всегда грамотные, иные с трудом понимавшие русский язык, оказались жертвами молоха, перемоловшего бесследно миллионы таких же.

Почта в военные годы приносила в село извещения о пропавших без вести, о гибели бойцов. Очень редкими были сообщения об отваге и стойкости, о полученной награде, которая не была для солдата основным мотивом подвига, лишь признанием мужества. Обо всех награждённых фронтовиках нашего района не рассказать, как не восстановить судьбу многих солдат той жуткой войны.

В 2015 г. Теренсайской средней школе присвоено имя дважды Героя Советского Союза И.Ф. Павлова. Адамовской средней школе №1 присвоено имя М.И. Шеменова, полного кавалера орденов солдатской Славы. Стало известно имя ещё одного земляка, Героя Советского Союза — это Николай Иванович Руденко, 1924 г. рождения. Он жил в Теренсае в 1930-х гг., учился в местной школе. К именам жителей нашего района, награждённых в годы Великой Отечественной войны орденом Александра Невского, добавилось имя старшего лейтенанта Александра Моисеевича Кошкина, жившего в п. Прииска-Кумак.

Только один житель Адамовского района, полковник Леонид

Игнатъевич Коляда (1899-1957) удостоен ордена Кутузова 2-й степени. Молодой лётчик Михаил Васильевич Евстигнеев (в 1945 г. ему было всего 22 года) на исходе войны был награждён орденом Ленина. Такой же награды удостоен Пётр Сергеевич Литвинов, 1924 г. рождения.

Несколько фронтовиков-адамовцев удостоены наград зарубежных государств: Белоконь А.К. — болгарского ордена «За храбрость», Евстигнеев М.В. — польской медали «За Одру, Нису и Балтику», Коротыч В.П. — двух польских Крестов Грюнвальда, Мендикулов М.М. — польского ордена «Виртути Милитари», Петров И.В. — американского ордена Серебряной Звезды.

В списках воевавших бойцов прослеживается статистика: воевали в основном юные солдаты, горячие головы погибали чаще других, более опытных. В годы войны в армию призывали и 17-летних. Самым юным кавалером ордена Славы из наших земляков стал Александр Федотович Бибко, 1927 г. рождения. А самым пожилым солдатом из призванных на фронт Адамовским РВК оказался Фёдор Данилович Мирун, 1889 г. рождения.

Сохранились списки молодых людей, стоявших на учёте в Адамовском РК ВЛКСМ (1939-1943 гг.). Любопытна страничка с перечнем фамилий курсантов ФЗО №8, среди которых уроженцы Бузулукского, Тощого

и иных районов Чкаловской области. Какая волна забросила 17-летних мальчишек в далёкий от родных селений край? Оказалось, что их судьбой распорядилось государство, нуждавшееся в пополнении трудовых ресурсов. Великие стройки первых пятилеток требовали всё больше рабочих массовых профессий. Чкаловская область не стала исключением. Проблему трудовых резервов государство решало с помощью системы школ ФЗО и ФЗУ (фабрично-заводских училищ). Готовили рабочих для строительства, угольной, горной, металлургической, нефтяной и других отраслей промышленности.

По Чкаловской области, согласно Указу Президиума ВС СССР «О Государственных трудовых ресурсах СССР», было открыто 16 школ ФЗО. В 1940 г. такая школа была открыта в Адамовском районе, в п. Прииск-Кумак. Срок обучения составлял 6 месяцев. Колхозы, направлявшие туда учащихся, должны были обеспечить молодых людей одеждой и обувью. ФЗО в Прииск-Кумаке готовило дизелистов, бурильщиков, крепыльщиков и других специалистов, благо шахты золотодобытчиков были рядом.

В ноябре 1940 г. начался призыв по району, кандидаты на обучение проходили медосмотр почти как в армию. Было подано более 240 заявлений. Специальная комиссия из претендентов проводила отбор учащихся. 28.11.1940 г.

вручили 50 путёвок для обучения в ФЗО и 15 путёвок в ремесленные училища. Среди первых курсантов ФЗО оказались, например, Михаил Бугаёв из колхоза им. Сталина, Александр Попивненко из Шильды. Газета «Социалистический труд» 20.11.1940 г. писала о том, что для первых учащихся школы будет подготовлено общежитие, учебные помещения и даже встреча на ст. Шильда для иногородних. 1.12.1940 г. состоялось первое собрание, а 2.12.1940 г. начались занятия. Директором ФЗО стал Прокофий Семёнович Солдаев. Для многих молодых людей школа ФЗО была возможностью вырваться из колхоза, из тяжёлого круглогодичного труда за трудовни, возможностью приобщиться к рабочему классу.

На практике призывные комиссии работали порой с нарушениями общих правил. Принимали юношей даже с ослабленным здоровьем, например, в числе принятых в ФЗО оказались не годные для работы в шахте парнишки, но общее количество призванных соответствовало требованиям выше, отчёты должны были выглядеть оптимистично.

В школе ФЗО Прииск-Кумака к 22 ноября 1940 г. уже имелись общежития и столовая, не было только топлива и не хватало некоторых инструментов (отбойных молотков, пневматического молота, буровых шлангов, буровых станков). Сотрудник Адамовского РК ВКП(б) Катков отмечал, что

Михаил Бугаёв, Андрей Остапчук, А. Компаниченко. 1940 год. Все они стали участниками ВОВ, вернулись с фронта

школа ФЗО в Прииск-Кумаке ещё не готова к началу занятий. «Отведённое под школу здание к началу учебного года (1 декабря) не отремонтировали. В общежитии №3 отсутствовали стёкла, и для того, чтобы ночевать, учащимся пришлось затыкать их подушками. В общежитии №4 стёкла также были не везде. Во 2-м общежитии не провели свет. Койки привезли только в день приезда учащихся. Столов, стульев, тумбочек, баков для воды и прочего мелкого оборудования не было и тогда, когда Катков составлял свою докладную. Топлива как не было 22 ноября, так

Струнный квартет; Михаил Бугаёв, Алексей Корытько, Андрей Остапчук, парнишку-казаха не помнят. 1940 год

не было и 2 декабря. Для производственного обучения ничего не было готово. Отсутствовали инструменты, спецодежда и обувь» (по материалам межрегиональной научно-практической конференции «Идёт война народная, священная война», ОГУ, 2011 (<http://libed.ru/konferencii-fizika/76134-5-ministerstvo-obrazovaniya-orenburgskoy-oblasti-nauch>), исследователь проблемы подготовки трудовых резервов А.Н. Поляков, г. Оренбург).

В мае 1941 г. Чкаловский облисполком принял решение в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦИК ВКП(б) от 22 апреля 1941 г. №1108 «О подготовке

государственных трудовых резервов в школах ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищах в 1941 г.» обязать городские и районные исполнительные комитеты Советов депутатов трудящихся призвать (мобилизовать) с 5 по 20 июня городскую, колхозную и другую сельскую молодёжь мужского пола в возрасте 17 лет в школы ФЗО... (далее следовала нумерация училищ). ФЗО в Адамовском районе присвоили номер 8.

Был составлен план распределения призывников: определялись районы, из которых шла вербовка юных, и школы, которым требовалась эта молодёжь. Так школа ФЗО №8 горнорудной промышленности пополнилась жителями Адамовского, Свердловского (Тоцкого) и Бузулукского сельского районов. Появились курсанты из Ново-Покровского района. Парнишки 16-17 лет подавали заявления добровольно и по мобилизации, велась предварительная агитация. Учитывались показатели агитации и набора добровольцев.

В мае 1941 г. проходил первый выпуск из школ ФЗО, созданных в текущем году. Судя по официальным документам, обучение было вполне успешным. За время первого учебного года, однако, по разным причинам из системы ФЗО области было отчислено 62 человека: по болезни — 37 человек, по возрасту — 8, осуждено — 10, сбежали — 2, за нарушение

внутреннего распорядка — 3 человека. Кроме того, двое учащихся замёрзли. Ужасная статистика, если учесть, что с началом войны в 1941 г. материальное положение в школах ФЗО не стало лучше, в Прииск-Кумаке тоже. Говорят, что опытные мастера производственного обучения сочувствовали мальчишкам, оторванным от дома, даже предлагали порой убежать из школы. Только из Прииск-Кумака не так легко было убежать: кругом степь, до железной дороги очень далеко. Терпя неустроенность быта, курсанты школы учились, готовились к будущей профессии. В начале 1942 г. юные рабочие считались уже грамотными людьми, большинство их стали комсомольцами. Фамилии курсантов школы ФЗО №8 сохранили списки РК ВЛКСМ. Весной их выпустили из школы и почти сразу призвали в армию. П.С. Солдаев также ушёл на фронт, правда, в 1943 г., чуть позднее своих ребят. Те выпускники, что успели вернуться домой, были призваны военкоматом своего района. Удалось определить, что из них 16 юношей были родом из Бузулукского района, 9 — из Свердловского (Тоцкого), 7 — из Ново-Покровского и других мест, далёких от Адамовки.

Из просмотренного списка комсомольцев-добровольцев известна судьба 43-х ребят. 20 из них погибли и пропали без вести уже в 1942-1943 гг. Нескольким удалось окончить школу младших командиров, получить звание

лейтенанта, 18 человек из этого выпуска стали сержантами. В каком бы звании они ни воевали, надо помнить, что это были юноши 18-19 лет, они только начинали жить. Война поглощала лучших, слишком рано повзрослевших молодых людей. И что там был Кумак вдаль от Бузулука, — погибшие на Волховском фронте, у Курской дуги или в Прибалтике даже мечтать не могли вернуться домой до полного разгрома врага. Так скоро кончилось их детство, так быстро они стали в строку «безвозвратные людские потери»...

Пройдёт время, и вместе с новыми данными архивов (говорят, что большинство документов по войне ещё засекречено) станут известны многие пока «белые пятна» истории. В 2018 г. Министерство обороны РФ пообещало приоткрыть архивные данные о пропавших без вести в годы ВОВ. Об этом сообщил сайт «Солдату.ру». За прошедший год этого открытия не случилось. По исследованию историка И.И. Ивлева об учёте людских потерь в годы ВОВ, к сожалению, говорится, что 12701132 человека числятся как пропавшие без вести. Около сотни ошибочных извещений о гибели солдата принесла почта в Адамовский район: «погибшие» солдаты вернулись домой живыми. В местном наречии появилось слово «выключка», то есть «похоронка», извещение о гибели солдата. «Выключка» могла потеряться, но её содержание родные помнили, ведь порой это была

Ф. Турумов

единственная, хоть и печальная, весть с фронта. Архивы МО РФ не могут дать полную картину их судеб. Только сопоставление нескольких источников приближает нас к истине.

Подольский архив МО РФ хранит краткий документ, сообщающий, что 26 июня 1941 года погиб инструктор политотдела 4-й Армии Турумов Файзула. Это случилось в г. Кобрин, недалеко от Бреста. Скорее всего, он погиб 22 июня 1941 г., так как уже 23 июня город был захвачен врагом. Жена политрука Ольга Фёдоровна Турумова проживала на тот момент в Алма-Ате, а сам он был родом из Адамовского района. Более об этом человеке в архиве сведений нет.

Имя Ф.Турумова встречается в романе Юрия Домбровского «Хранитель древностей», вернее,

сам роман, впервые изданный в журнале «Новый мир» в 1964 г. и вышедший отдельной книгой в 1989 г., как известно, имеет посвящение: «Памяти Файзулы Турумова, героически погибшего 22 июня 1941 г. в Брестской крепости, с почтением и благодарностью за его подвиг посвящает автор». В комментариях к роману (Собр. соч., т.4, с.395), жена писателя К.Ф.Турумова-Домбровская пишет: «Моего отца Юрий Осипович не знал, но его трогала и не оставляла равнодушным гибель его в самый первый день войны. У мамы, как и у многих вдов того времени, была стереотипная справка «пропал без вести», и мы ничего не знали о судьбе отца. Но в середине 60-х гг. вышли мемуары Л.М. Сандалова «Пережитое», где был портрет

Ю. Домбровский

отца и подробно рассказывалось о первом дне войны и её жертвах. Юрий Осипович сразу прислал нам с мамой эту книгу». Посвящение было написано к изданию 1969 г., но тогда Домбровского перестали печатать, и появилось оно позднее.

Юрий Домбровский в 1933 г. был выслан в Алма-Ату как неблагонадёжный писатель и прожил там много лет. Он в совершенстве владел казахским языком, переводил на русский язык произведения казахских писателей, например, повести и рассказы Г. Мусрепова, «Школу жизни» С. Муканова, романы И. Есенберлина «Опасная переправа» и «Схватка» и др.

Благодаря алма-атинскому филологу и краеведу А.И. Назарову стали известны некоторые детали биографии погибшего политрука: «О том, кто такой Файзула Турумов, можно узнать из публикации профессора КазНУ имени Аль-Фараби Нурбулага Джуаньшбекова. Героиню романа «Хранитель древностей» зовут Клара Файзулаевна. Роман посвящён памяти Файзулы Турумова, погибшего 22 июня 1941 года при защите Брестской крепости. Это отец Клары Файзулаевны Турумовой-Домбровской. Прототипом же героини романа была её мать Ольга Фёдоровна Турумова».

О Файзуле Турумове можно найти скудные упоминания в воспоминаниях оставшихся в живых защитников Брестской крепости. В книге «Пережитое» (М., 1966)

генерал-полковника Леонида Сандалова рассказывается о том, как погиб Файзула Турумов. Это произошло 22 июня 1941 года в городе Кобрин (в 40 км к востоку от Бреста), в котором находился штаб 4-й армии. Леонид Сандалов тогда был начальником штаба этой армии: «Бомбардировке подвергся весь наш военный городок, в том числе и жилые дома. К счастью, семьи начсостава, захватив самое необходимое, покинули свои квартиры сразу же, как только начался налёт на Кобринский аэродром. Когда самолёты улетели, установили, что среди работников армейского управления недостаёт четырёх человек. Не успев выбежать из здания штаба, они погибли под его развалинами. Фамилии троих запомнились. Это были помощник по комсомольской работе начальника управления политической пропаганды старший политрук Никита Иванович Горбенков, инструктор отделения партучёта, тоже старший политрук Валентин Семёнович Курский и младший политрук Файзула Турумов. Их задавила рухнувшая стена в тот самый момент, когда они выносили железные ящики с партийными и комсомольскими документами. Просматривая номера газеты «Социалистическая Алма-Ата» (издавалась в 1936-1939 гг.), я обнаружил заметку под названием «От юрты до вуза» за подписью Файзулы Турумова. Она помещена в подборке материалов, озаглавленных «Интеллигенция нашего

города». Автор заметки рассказывает о своей жизни. Приведу её текст полностью, так как она позволяет узнать из первых рук биографию Файзулы Турумова.

«В широких оренбургских степях жил мой дед, мой отец, там вырос и я. Страшный голодный 21-й год унёс отца. Город манил меня. Я убежал от матери в Орск. Босой, немывтый, в рванье, безпризорничал я здесь. Заходя во дворы, я пел песни и получал копейки. Меня взяли в детский дом. Останься я тогда в детском доме, возможно, моя жизнь сложилась бы по-иному, и я давно бы стал тем, чем я стал теперь. Но злые языки в ауле напётывали матери: «Твоего сына забрали в приют. Из него сделают русского человека, казённого человека. Возьми его оттуда». Она приехала в Орск и со слезами упрашивала меня вернуться. Сердце не камень. Я пожалел мать и до 1928 года жил в ауле. Но умерла мать, и ничто больше не связывало меня со старой жизнью. Я окончил школу подростков, рабфак, а затем Московский институт иностранных языков. В 1937 году я приехал в Алма-Ату, будучи первым казахом-преподавателем иностранных языков в вузе. Заведую кафедрой иностранных языков в педагогическом институте, я одновременно читаю немецкий язык. У меня есть и русские, и казахские группы. Казахская студенческая молодёжь живо интересуется иностранными языками. Я давно вижу, что и в школах, и в

вузах преподаванию языков препятствует отсутствие учебников на казахском языке. Поэтому я сейчас усиленно работаю над составлением учебника немецкого языка для 5 и 6 классов казахских школ. В прошлом году мною был сделан интересный почин. Я читал для алма-атинских учителей лекцию о творчестве Томаса Манна на немецком языке. Сейчас по просьбе учителей я готовлю лекцию на немецком языке о Генрихе Манне и Фейхтвангере. Помимо всего, я посещаю университет марксизма-ленинизма».

А.И.Назаров опубликовал эти детали биографии Ф.Турумова в 2013 г.

21 июня 2019 г. в Алма-Ате состоялся творческий вечер, посвящённый памяти прозаика и поэта Юрия Домбровского. На мероприятии, организованном Российским центром науки и культуры, присутствовала супруга писателя — Клара Турумова-Домбровская, которая спустя 41 год после его кончины бережно хранит всё, что когда-то принадлежало Юрию Осиповичу. Судьба незримо переплела пути двух замечательных людей: педагога-просветителя Ф.Турумова, погибшего в первый день войны, и опального писателя Ю.Домбровского, писавшего немало о культуре Казахстана. Его последний роман «Факультет ненужных вещей» стал как бы продолжением «Хранителя древностей», в 1979 г. в Париже он был признан лучшим иностранным произведением года. Можно добавить, что и в русской

литературе 20 века оба романа: «Хранитель древностей» и «Факелетт ненужных вещей» — уже классика. В Оренбуржье Домбровский не бывал. О нашем крае он упоминал косвенно, например, писал с уважением о члене оренбургской архивной комиссии Кастанье.

Война губила лучших, как это водится в истории. Турумов погиб на самом переднем крае начавшейся трагедии, хотя мог бы остаться в Алма-Ате и заниматься наукой. Домбровского война застала на Кольме. В 1943 г. он написал первые главы книги «Обезьяна приходит за своим черепом», в которой по-философски осмысливал суть фашизма,

принесшего столько бед человечеству. Домбровский просвещал современников, как и Турумов, обратился к немецкой культуре. Правда, он приоткрыл её темную сторону: расистские изъяны идеологии и их тень в антропологии.

М.В.Ломоносов пророчил, что «может собственных Платонов... Российская земля рождать». Так и степи Адамовского района стали колыбелью многих талантливых людей, среди которых Файзула Турумов. Он рано покинул аул, жил в Москве и Алма-Ате, всегда помнил, откуда родом, и не стеснялся своей провинциальности, в анкетных строчках указывая, что родом из Адамовского района Оренбургской области.

На вечере памяти Ю. Домбровского

Галина МАТВИЕВСКАЯ

ОРЕНБУРГ ГЛАЗАМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIX ВЕКА

Àæèí à Ì àæí áí à
Ì àòàèààñèàý ðí àèèàñü
à Áí áí ðí Ì àò ðí àñèà. Àí àñ òà
ñ ñàì ù, é à 1941 áí áó Ì áðáá-
òàèà à Ì ðáí áóðà. Ì èí Ì ÷èèà
Èáí èí àðààñèèé áí ñóààðñòááí -
í ùé òí èááðñèòáò. Áí èò ð
òèçèèí-í àòàì àòè-áñèèò
í áóé, ÷èáí-èí ððáñí Ì í ááí ò
Áí Õçááèñèí é ÑÑÐ, àèà-
áàì èè Áí Õçááèèñòáí à,
ááèñòáèòáèüí ùé ÷èáí Ì áæ-
áóí àðí áí í é àèáááì èè èñ òí -
ðèè í áóèè. Ì ðáí Ì ááááèà à
Ì ðáí áóðáñèí Ì áí ñóààðñòááí -
í Ì Ì ááááí àè-áñèí òí èááð-
ñèòáòá. ÷èáí Ñí ðçà Ì èñàòá-
èáé ðí ññèè, ááòí ð Ì í áèò
ðááí ò Ì Ì èñ òí ðèè èðáý.
Èáòááò Áñáðí ññèèñèí é
èèòáðáòóðí í é Ì òèèí -
ñèí é Ì ðáí èè «Èáí èòáí ñèàý
áí ÷èà», Õí èí òí áñèí é Ì ðáí èè
«Ì Ì é ñðáæáèèñü çà ðí àèí ó»,
áááæáü èáòááò Ì ðáí èè
«Ì ðáí áóðáñèàý èèðà», Ì ðáí èè
èì . Á. Ì ðáááóóèí à àèüí áí à-
òà «Áí ñòèí ùé Ááí ð» (2009).
Æèà, ò à Ì ðáí áóðáá.

В 1743 году Оренбург был основан на том месте, где он располагается сегодня. До того город с заранее данным ему именем закладывался дважды. В первый раз он был заложен И.К.Кириловым — по указу императрицы Анны Иоанновны от 7 июня 1734 года — при слиянии рек Яик (Урал) и Орь. Во второй раз — по инициативе В.Н.Татищева и согласно указу от 9 августа 1739 года — Оренбург заложили «по Яику-реке ниже того места 174 версты при урочище Красная гора». В третий раз — по указу императрицы Елизаветы Петровны от 15 октября 1742 года — город начал строиться И.И.Неплюевым там, где ранее уже была заложена Бердская крепость. Строительство началось 19 апреля 1743 года, и Оренбург, наконец, обрёл свое постоянное местоположение. В 1744 году он стал административным центром вновь созданной Оренбургской губернии.

Возведённый на границе Европы и Азии город-крепость стал

играть важную роль в международной торговле и во внешней политике России на Востоке.

Строительство Оренбурга шло быстро и с самого начала велось по «регулярному» плану. Город был обнесён крепостным валом и окружён глубоким рвом. Жилые кварталы располагались в правильном геометрическом порядке. История строительства во всех подробностях освещена известным краеведом В.В.Дорофеевым [1], который показал, как менялся облик города в XVIII-XX веках.

В первой половине XIX века административным центром Оренбургской губернии была Уфа. Оренбург являлся уездным городом, но в то же время местом, где находился «главный начальник» обширного Оренбургского края — оренбургский военный губернатор и командир Отдельного Оренбургского корпуса. Эту должность занимали Г.С. Волконский (1803-1817 гг.), П.К. Эссен (1817-1830 гг.), П.П. Сухтелен (1830-1833 гг.), В.А. Перовский (1833-1842 гг.), В.А. Обручев (1842-1851 гг.).

Как выглядел Оренбург в начале XIX века, можно узнать из точного и красочного описания, которое оставил Павел Петрович Свиньин (1787-1839) — издатель журнала «Отечественные записки», писатель, художник, любитель и пропагандист российской истории и культуры. Путешествуя по России, он летом 1824 года провёл в Оренбурге «самым приятным, занимательным образом» около двух недель и успел, как он пишет, узнать немало «о сем любопытном

городе». Свои впечатления он отразил в очерке «Картины Оренбурга и его окрестностей», опубликованном в «Отечественных записках» в 1828 году [2]. Из него читающая публика того времени узнала о далёком пограничном городе-крепости, его истории и нелёгком своеобразном быте.

Перед Свиньиным, подъехавшим к Оренбургу со стороны Илецкой Защиты, город открылся «в живописном, обворожительном виде», и он запечатлел его в рисунке, который сейчас широко известен.

Вначале автор говорит об истории Оренбурга и, имея в виду три места, где он поочерёдно закладывался, замечает: «Можно сказать, что он, как странствующий исполин, идучи вниз по уральскому берегу, сам выбирал место для своего основания».

Далее даётся подробное описание города-крепости и его предместий — Форштадта и Голубиной слободки, которые «в отношении к плану могут быть названы крыльями укрепленного Оренбурга». «При въезде в город, — пишет Свиньин, — приятно видеть полную правильность кварталов и улиц, чистоту сих последних, которые, по сухости грунта, вместо мостовых усыпаны только песком; пленительную опрятность домов, большей частью деревянных, отштукатуренных; начало великолепного каменного тротуара на большой улице и ряды молодых деревьев, насажденных перед домами. Домов считается: в городе 733, кроме казённых,

в Форштадте 462 и в Голубиной слободке 254. Город разделён на прямоугольные кварталы и в середине своей заключает чистую площадь, на коей находится главная гауптвахта и бывают разводы оренбургского гарнизона».

Свиньин отмечает «величавую простоту архитектуры» казённых зданий, расположенных на площади, и называет «замечательным строением» дом военного губернатора, «выстроенный на самом высоком месте берега, откуда можно обнять одним взором несколько вёрст течения Урала, меновой двор и большое пространство окрестных равнин».

Даётся описание оренбургских церквей, Зауральной рощи — «превосходного гульбища в летнюю пору» — и другого «гульбища» — сада при загородном доме военного губернатора, откуда до города идёт прямая аллея, обсаженная деревьями.

Свиньин рассказывает о военном характере города, где «на каждом шагу встречаются солдаты, казаки, пушки, платформы и другие принадлежности крепостей», о госпитале и Неплюевском военном училище, которое во время его пребывания в городе готовилось к открытию. Много внимания уделено разнородному городскому населению, насчитывающему «до 8000 душ обоего пола», его занятиям и, прежде всего, торговле. Свиньин описывает оренбургский гостиный двор и рассуждает о перспективах торговых отношений с азиатскими народами.

В сентябре 1829 года Оренбург посетил выдающийся немецкий учёный и путешественник Александр Гумбольдт (1769-1859), который совершал научно-исследовательскую поездку по России. Экспедиция была весьма успешной в научном отношении и оставила незабываемые впечатления у её участников. Один из них, берлинский профессор, минералог Густав Розе (1798-1873) отразил их в вышедшем в 1842 году в Берлине двухтомном труде «Путешествие на Урал, Алтай и к Каспийскому морю, совершённое по повелению его величества Императора Российского в 1829 году А. фон Гумбольдтом, Г. Эренбергом и Г. Розе» [3]. Немало страниц в нём посвящено Оренбургскому краю.

Г. Розе пишет: «Оренбург — это главный город губернии, главная крепость на Оренбургской линии и главное местопребывание азиатской караванной торговли. Город отличается большими размерами и имеет большие, широкие, хотя и немощёные улицы с отдельно стоящими домами, среди которых много представительных каменных строений. Он расположен непосредственно на берегу Урала, в трёх вёрстах выше впадения в него Сакмары, в той же сухой возвышенной степи, через которую между высокими берегами протекает Урал... При степной природе окрестностей особенно радует и удивляет большой прекрасный парк на уральском острове, или, скорее, между старым и новым руслами Урала, в котором

имеются высокие деревья — чёрный и серебристый тополь и ива. Здесь стоит храм с колоннами¹ из белого плотного известняка, который добывается в горах Гребени в 20 вёрстах севернее Оренбурга...

Для имеющей важное значение торговли с киргизами, бухарцами и хивинцами на южной стороне Урала в двух вёрстах от города построен большой азиатский меновой двор. Он обнесён высокой каменной стеной в форме квадрата, сторона которого составляет 100 сажений, и имеет два выхода — один для европейских, другой для азиатских купцов».

Летом 1833 года, за четыре месяца до посещения города А.С. Пушкиным, в Оренбург на службу приехал молодой инженер-прапорщик Константин Андреевич Бух (1812-1895), только что окончивший петербургское Главное инженерное училище. Он оставил заметки о своём первом впечатлении от города [4]. К.А.Бух писал: «Наружная физиономия Оренбурга была бедна и непривлекательна. Небольшая кучка большею частью деревянных одноэтажных домов в тесных стенах земляного вала стояла, как в песочнице, нанизывая прямолинейные песчаные улицы; правда, караван-сарай посреди самого города², со снующими к нему и от него башкирами, киргизами, хивинцами, бухарцами в пёстрой одежде, верблюды, навьюченные или запряжённые в арбы, придавали ему полуазиатский характер, но и эта окраска, новая для меня, не искупала чувства уныния, которое овладевало мной при одной

мысли, что Оренбург есть место заточения.

Я приехал как раз ко времени переживания городом и всем обширным краем междуцарствия: мягкосердечный, высококультурный военный губернатор генерал-адъютант граф Павел Петрович Сухтелен, ... к несчастью, скончался, пока я был в пути, и на его место был уже назначен один из самых приближённых к государю Николаю Павловичу генерал-адъютант Василий Алексеевич Перовский. Приезда последнего ожидали со дня на день; понятно, все служащие были в тревожном ожидании.

Мне, мелкой сошке, едва прибывшему, ни к какому делу ещё не причастному, тревожиться было нечего. Я стал знакомиться с обществом, которое состояло исключительно из семейств служащих, преимущественно военных, потому что небольшое число помещиков в малонаселённом крае или жило в своих усадьбах, или проживало свои доходы в столицах».

Об Оренбурге несколько позже писал и выдающийся русский геолог Григорий Петрович Гельмерсен (1803-1885), научная деятельность которого была связана с Оренбургским краем. В опубликованном им в 1841 году на немецком языке сочинении «Путешествие на Урал и в киргизские степи в 1833 и 1835 годах» дано основательное

1 Имеется в виду беседка-ротонда, которая теперь находится в сквере на улице Советской

2 Гостиный двор

описание Оренбургской крепости того времени [5].

Приводим отрывок из этого описания в русском переводе. «Оренбург, как известно, — это единственная настоящая крепость на русско-азиатской границе от Каспийского моря до Иртыша. Все остальные так называемые крепости не имеют совсем или имеют только лёгкие полевые укрепления. Поэтому Оренбург один смог противостоять атакам неистового Пугачёва, который обстреливал город с церковной колокольни, находящейся восточнее, в казачьем форштадте. Стены крепости возведены большей частью из того же красного песчаного камня, на котором расположен город, и имеют четверо ворот: на востоке — Орские, на севере — Сакмарские, на северо-западе — Чернореченские и на западе — Водяные ворота. Против первых и третьих из этих ворот на небольшом расстоянии расположены два предместья, некоторые казённые постройки и несколько загородных домов высокопоставленных жителей. Улицы широкие, прямые и пересекаются под прямыми углами. Дома, за немногими исключениями, одноэтажные и большей частью из дерева. Многие значительные казённые постройки, как гарнизонные казармы, жилища некоторых военных начальников, Неплюевское училище и один-два частных дома построены из камня и имеют два этажа. В центре города находится просторная четырёхугольная площадь, на которой проводятся

смотры гарнизона. С трёх сторон она окружена большими каменными строениями, среди которых просторный манеж; но на четвертой стороне видны убогие деревянные хижины, в которых живут бедные татары, что составляет резкий контраст. Среди каменных домов есть один-два, стены которых отлиты из гипса...

В Оренбурге насчитывается пять русско-греческих церквей, одна протестантская, временная католическая и мечеть. Шестая греческая церковь расположена в так называемом казачьем форштадте, перед Орскими воротами, и приобрела историческое значение, о чём я упомянул выше... Одна из этих церквей, которая находится в большом торговом дворе³, построена в благородном стиле, хотя очень проста... Две другие церкви... стоят на высоком берегу Урала и поэтому служат жителям степи, как маяки мореплавателям.

Среди значительных построек заслуживает упоминания Гостинный двор — очень большой каменный четырёхугольник с двумя входами, которые от внешней слепой стены ведут во внутреннее пространство к рядам лавок. Часть этих лавок занята исключительно бухарскими кушцами и отделена от остальных...

Одноэтажные дома и множество пустых мест ясно указывают, что в Оренбурге ещё имеется излишек пространства. Дома

3 Т.е. Гостинный двор.

высокопоставленных всегда окружены очень большими дворами и хозяйственными постройками, что очень удобно для ведения хозяйства...

Примерно в полутора вёрстах от Сакмарских ворот, по дороге в Казань, расположены близко друг к другу большой госпиталь, земледельческая школа и летнее жилище генерал-губернатора с красивым садом. Благодаря особому уходу удалось в этих отдельных группах насаженных лиственных и хвойных деревьев защититься от влияния степного климата; лучше всего растут берёзы и ивы, и последние даже в виде аллеи, которая тянется отсюда до города и подвергает себя всем атакам жары и ветра.

Наконец, нужно упомянуть ещё водопровод, который завёл нынешний генерал-губернатор генерал-лейтенант Перовский. Оренбург имел до сих пор только несколько колодцев, которые при глубине более чем 80 футов содержали слишком мало воды, чтобы снабдить ею весь город. Один из этих колодцев расположен во дворе инженерной казармы и имеет глубину 11 сажен (примерно 7 футов). Жители были вынуждены доставлять всю воду из Урала, что при большом количестве лошадей у зажиточных не составляло, правда, никаких трудностей, по крайней мере, летом. Зимой же затруднение создают сильные морозы, и страшные снежные выюги, и то обстоятельство, что тогда крутой спуск в городе становится совсем непроезжим, и воду можно получать только

вне его, на большом расстоянии. Этим было вызвано желание поднять воду насосами на самую высокую точку берега в резервуар, который был бы доступен всем. Вначале была сделана попытка привести в движение нагнетательный механизм с помощью собственной силы потока. Выяснилось, однако, что она при обычном уровне воды слишком мала, а весеннее половодье уносило с собой весь колёсный механизм. Тогда в Гостином дворе начали бурить артезианский колодец под руководством искусного горного инженера г-на Мейера. Буровая скважина, однако, остановилась в красном песчаном камне на глубине примерно в 600 футов, не дав воды. Оставалось, следовательно, одно, а именно установка паровой машины. Она построена теперь у берега Урала и приводит в движение нагнетательный механизм, который поднимает достаточное количество воды вплоть до берега реки.

Тремя вёрстами южнее города, на левом берегу реки, расположен Меновой двор, большой четырёхугольник с двумя воротами, который окружает множество обособленных отделений с лавками и жилыми комнатами. В них располагаются караваны из Хивы и Бухары. Кроме того, в Меновом дворе имеется церковь, мечеть и помещение для служащих таможи.

До сих пор через Урал нет постоянного моста; зимой переезжают по льду, весной пользуются паромом, и только летом

прокладывается понтонный мост. В засушливые годы река становится настолько маловодной, что рядом с мостом можно перейти вброд; поэтому она судоходна только для малых судов и может быть использована как водный путь только ниже Уральска. Насколько она незначительна в этом отношении, настолько важна в другом, так как от величины её весеннего разлива зависит урожай сена. Все сенокосы этой области лежат на берегах Урала и Сакмары и настолько нуждаются при сухости воздуха и недостатка дождя в увлажнении весенними водами, что без этого дают только скудную траву. В деревне же, где от благополучия лошади зависит столь много, сено — это важный продукт. На лошади здесь ездят верхом, её запрягают, используют в полеводстве, едят мясо и носят её кожу в качестве одежды».

Интересные воспоминания о своём пребывании в Оренбурге весной 1840 г. оставил англичанин Джеймс Аббот (James Abbot), капитан артиллерии Ост-Индийской компании. Он был направлен в качестве агента в Хиву для сбора сведений о действиях России в Средней Азии, а затем прибыл в Ново-Александровское укрепление на берегу Каспийского моря. Отсюда Аббот намеревался ехать в Петербург для переговоров якобы по поручению хивинского хана. Однако по приказу военного губернатора В.А.Перовского его доставили в Оренбург, где он провёл некоторое время на положении гостя военного губернатора, но

фактически под арестом. Затем он был отправлен в Петербург, а оттуда в Англию [6].

В 1843 г. в Лондоне Джеймс Аббот опубликовал двухтомное «Повествование о путешествии из Герата в Хиву, Москву и Санкт-Петербург во время прошлого русского вторжения в Хиву» [7]. Описывая свои приключения, он посвятил немало страниц Оренбургу. Ниже приводятся отрывки в русском переводе.

Аббот рассказывает, каким ему представился город, когда, переправившись на пароме через Сакмару и выехав из долины, он со своими сопровождающими оказался близ ворот Оренбурга. Он пишет: «Местоположение этой столицы, ибо таковой она является для края, значительно больше, чем многие королевства, — на плоской возвышенности, окружённой рекой Уралом и защищённой на некотором расстоянии к северу рекой Сакмарой. Сохранились стена и ров, которые раньше превращали его в крепость... Это почти исключительно военный форт. Однако сюда в мирное время приходили караваны из Бухары и Хивы, и чтобы купцов из этих стран держать отдельно от жителей Оренбурга, вне его стен был построен большой товарный склад (т.е. Меновой двор)».

Отметив, что загородная резиденция военного губернатора представляет собой «дом и сад в английском стиле, вблизи от западных ворот», Аббот передаёт свои впечатления от построенного недавно на главной улице дома

Еникуцева (сейчас здание краеведческого музея), где его поселили по приезде. «Я оглядывался в удивлении, — пишет он, — так как мы были отделены от Татарии (где дома неизвестны и обитатели степи одеты в шкуры) только скудным течением Урала; а здесь я нашёл дом настоящего джентльмена, увешанный картинами и зеркалами и имеющий обстановку, которая выглядела бы красиво и в Лондоне».

Аббот имел возможность неплохо ознакомиться с городом и его обитателями. Он пишет: «Я сделал несколько визитов и изредка прогуливался вечером в густой роще на противоположном берегу Урала; места очень интересные. На высоком берегу Перовский строит новый дворец, который будет красивым зданием, откуда открывается прекрасный вид.

Вообще о строениях в Оренбурге я могу сказать немного; большинство из них деревянные. Самые красивые — это служебные помещения, которые расположены по сторонам главной площади. Эта площадь воскресным вечером представляет восхитительное зрелище — всё женское население Оренбурга в праздничных нарядах. Создавалось впечатление сада с бесчисленными цветами, каждый из которых был исполнен жизни. Город в общем чистый, значительно выше обычного уровня городов, настолько отдалённых от столицы».

Подробно описал Оренбург ботаник Теодор Базинер, участник миссии, отправившейся в Хиву в

1842 году под начальством полковника Г.И. Данилевского. Это описание опубликовано в книге В.В. Дорофеева «Над Яиком-Уралом».

В 1850 году член Русского Географического Общества П.И. Небольсин совершил поездку по Оренбургскому краю и Зауралью для сбора сведений о торговле России со Средней Азией. Результаты путешествия были опубликованы им в нескольких сочинениях, получивших высокую оценку учёных. В одном из них — вышедших из печати в 1854 году «Записках проезжего» [8] — дано обстоятельное описание Оренбурга.

Оно начинается с утверждения: «Первое впечатление, производимое Оренбургом на проезжего человека, чрезвычайно поразительно: кажется, так и окупёшься в настоящую Азию». Далее следует красочный рассказ о встречах автором на улицах города представителей киргизов (т.е. казахов), татар и башкир в национальных нарядах, о верблюдах, о караван-сараях, о «высоком шпиче татарской мечети», о слышном повсюду «непривычном уху говоре».

«Но нет, это не Азия», — заявляет автор и продолжает: «Надо хорошенько оглядеться, надо хорошенько прислушаться. Золотые кресты сияют над изящными храмами православных церквей; целые линии уютных, щегольских деревянных домиков дружно вытянулись вдоль по улице; между ними красуются несколько роскошных больших каменных зданий; в одной стороне раздаются звучные аккорды бальной

музыки, с другой несётся к нам дробное грохотанье барабанов и командные слова звонкого тенора на воинском ученье; вот целый взвод кадетов, обмундированных в красивую казачью форму; из соседнего дома льются чудные звуки серебряного голоса молодой девушки, разучивающей итальянскую арию... На пыльной немощёной улице появляются франтовские экипажи на лежачих рессорах, а вот и кавалькада: её составляют хорошенькие амазонки, окружённые услужливыми, щеголеватыми кавалерами».

П.И. Небольсин делает вывод: «В Оренбурге всё есть: чего хочешь, того просишь. Здесь какая-то смесь парижского с нижегородским, нижегородского с хивинским. Это не Европа, но и не чистая Азия. От Азии наш Оренбург поотстал, но не дошёл ещё во всех чертах до утончённости главнейших русских городов. Оно, впрочем, так и быть должно. Оренбург — город новый: едва прошло десятилетие, как он отпраздновал своё одновековое существование».

Далее автор приводит подробный очерк истории Оренбурга, после чего переходит к характеристике современного ему города. «Ныне Оренбург, — пишет он, — в отношении Оренбургской губернии есть только уездный город». Действительно, губернским городом была Уфа, где находился оренбургский гражданский губернатор.

«Совершенно иное значение, — продолжает П.И. Небольсин, — имеет он ко всему пространству

необъятного Оренбургского края, в состав которого входят следующие волости: 1) Башкирия, то есть вся Оренбургская губерния и части губерний Пермской, Вятской и Самарской; 2) земля Оренбургского казачьего войска; 3) земля Уральского казачьего войска; 4) степь киргизов Внутренней Орды, то есть часть Астраханской губернии; 5) степь киргизов Оренбургского ведомства, начиная от восточных побережий Каспия, далее к востоку, через Усть-Урт и через всё Аральское море до правого берега реки Сыра.

Как важная крепость и как средоточие управления всеми этими отдельными областями Оренбург, естественно, вмещает в себе всю аристократию целого народонаселения края: всё, что есть лучшего, пышного, торжественного по отношению к общественному положению, к богатству, роскоши, высшей образованности, — всё это дружно скопилось в одном Оренбурге.

Поэтому и неудивительно, что самые значительные учебные заведения устроены не в губернском городе Уфе, а в самом Оренбурге. В нём существуют именно: 1) Оренбургский Неплюевский кадетский корпус для русских, для башкирцев и для киргизов; 2) гражданская школа для киргизских детей; 3) училище при батальоне военных кантонистов; 4) фельдшерское военное училище, в котором с большим успехом обучаются русские, евреи, татары и башкирцы; 5) полурота корпуса топографов и геодезистов. Про

медресе при мечетях и говорить нечего: они у нас заведены всюду.

Оренбург город и военный, и вместе с тем купеческий. Но ни православные, ни мухаммеданские представители здешнего купечества не успели ещё основать здесь ничего такого, где бы дети их могли усвоить себе знания, в каждом быту полезные, а в купеческом и подавно необходимые.

В Оренбурге круглый год изо дня в день ярмарка. Торговлю его можно разделить на внутреннюю, в стенах самого Оренбурга, на внешнюю, или на коммерческие обороты Оренбурга как с другими городами империи, так и с киргизской степью, и на торговлю заграничную, или на коммерческие связи Оренбурга с Хивой и Бухарой...

Фабричная промышленность ограничивается только первоначальной обработкой продуктов,

получаемых от киргизского скотоводства. Здесь существуют заведения для выварки клея, мыла, отливания свеч, выделывания кож, но гораздо значительнее салотопни: их считается до двенадцати».

Наконец, П.И. Небольсин приводит некоторые статистические данные. «В Оренбурге, — пишет он, — за 1849 год считалось 44 дома каменных, из них 25 казённых, и 1667 домов деревянных, из них 8 казённых; лавок каменных 148, деревянных 99. Жителей, кроме военного ведомства, мужского пола 3 с половиною тысячи, женского — до 4 тысячи; ежегодно рождается до тысячи человек, умирает до семисот; браков совершается до двухсот».

Приведённые свидетельства гостей Оренбурга позволяют составить достаточно полную картину развития города в первой половине XIX века.

Литература

1. Дорофеев В.В. Над Яком-Уралом. Оренбург: ИПК «Южный Урал», 2008.

2. Свинын П.П. Картина Оренбурга и его окрестностей. (Из живописного путешествия по России издателя «Отечественных записок» в 1824 году) // Отечественные записки. № 99. 1828, июль. С. 5-38.

3. Rose G. Reise nach dem Ural, dem Altai und dem Kaspischen Meere auf Befehl Sr. Majestät des Kaisers von Russland im Jahre 1829 ausgeführt von A. von Humboldt, G. Ehrenberg und G. Rose. Berlin, 1842.

4. Фёдоров И.В. А.С.Пушкин и М.Е.Салтыков-Щедрин по архивным материалам К.А.Буха // Зап. отдела рукописей Всесоюз. биб-ки им. Ленина. Вып. 1. М., 1938. С.8.

5. Gelmersen G. Reise nach dem Ural und der Kirgisensteppe. I.Abt. St.-Petersburg, 1841. S. 152-182.

6. Матвиевская Г.П. Английский агент Джеймс Аббот: «Я был восхищён встречей» // Гостиный двор. № 42. Оренбург, 2013. С. 187-206.

7. Abbot James/ Narrative of a journey from Heraut to Khiva, Moscow and St. Petersburg during the late Russian invasion of Khiva. Vol. I-II. London, 1843.

Алла ПРОКОФЬЕВА

ПИСАТЕЛИ ОРЕНБУРЖЬЯ И ВОЙНА

Алла Георгиевна Прокофьева родилась в Оренбурге. Окончила Оренбургский государственный педагогический институт. Доктор педагогических наук. Возглавляла кафедру русской классической литературы и методики преподавания литературы, была заведующей литературно-краеведческой научно-исследовательской лабораторией ОГПУ. Автор более 150 научных работ, член Союза литераторов России, лауреат Всероссийской Пушкинской литературной премии «Капитанская дочка»(2003), премии «Оренбургская лира»(2014), награждена памятной медалью «К 100-летию М.А. Шолохова»(2005), региональной литературной премией имени П.И. Рычкова (2020).

Когда в 1941 году началась война, писатели Оренбуржья не только словом, но и делом помогали Родине в борьбе с врагом. Будущий поэт А.Я. Блинов ушёл на фронт из 10 класса. Дождавшись окончания школы, в 1943 году добровольцем отправился воевать поэт-оренбуржец А.И. Столповский.

Некоторые будущие писатели, не смогишие по молодости участвовать в начале войны, учились в оренбургских военных училищах. Так Сергей Петрович Алексеев поступил в Оренбургское лёгкое училище, после войны он стал детским писателем, был редактором «Детгиза», журнала «Детская литература», написал рассказы о Пугачёве.

В 1944-1945 годах в оренбургском (тогда чкаловском) зенитном училище учился Юрий Васильевич Бондарев, оренбуржец (родился в Орске), впоследствии автор целого ряда известных произведений о Великой Отечественной

войне 1941-1945 гг. — «Тишина», «Горячий снег», «Берег», «Игра» и др., — долгое время возглавлявший Союз писателей СССР. Воспоминания о курсантской жизни в оренбургском училище нашли отражение в повести Ю. Бондарева «Юность командиров», где Оренбург назван Березанском.

Освобождал блокадный Ленинград прозаик Яков Анатольевич Левант, он командовал разведчиками. А в блокадном Ленинграде находился будущий краевед Виктор Васильевич Дорофеев, эвакуированный потом в Оренбург. На Ленинградском фронте воевали прозаик А.М. Горбачёв и башкирский поэт С.М. Муллабаев. В Сталинградской битве участвовали Ю.В. Бондарев, поэт Б.М. Карпенко, А.Ф. Фурсов, попавший затем в плен, ставший членом итальянского движения сопротивления, Мансур Абдулин, напечатавший спустя много лет (в 1985-м) «160 страниц из солдатского дневника».

В освобождении Румынии, Венгрии, Югославии, Чехословакии принимал участие прозаик из Бузулука Н.В. Коршиков. В тылу врага воевал прозаик из оренбургской станицы Ильинки П.И. Фёдоров, командовавший разведчиками в корпусе Доватора, впоследствии написавший известный роман «Генерал Доватор», повести «Глубокий рейд», «Под Москвой». Участником десантных операций был прозаик С.К. Крушинский, ставший в 1945 году корреспондентом газеты

«Правда». В партизанских соединениях воевал В.И. Грибанов, поэт и переводчик с чувашского из Курманаевского района, в партизанском отряде на Кубани воевал Владимир Альтов, прозаик, журналист, краевед, автор книги о Мусе Джалиле.

В плену находился поэт П.М. Еськов, узниками концлагерей были поэты К.С. Берегов (в Маутхаузене), Муса Джалиль, казнённый в тюрьме Шпандау. Все участники войны — писатели награждены многими орденами и медалями. Трое: В. Карпов, Муса Джалиль и Ст. Прутков — стали Героями Советского Союза.

В. Карпов и М. Джалиль — оренбуржцы, Ст. Д. Прутков (1911-1978) родился в городке Опочно (ныне территория Польши), его детские годы прошли в Смоленской области, а лёгчиком он стал в Оренбурге, куда был направлен в 1933 году по спецнабору ЦК ВКП(б). После окончания в 1936 г. Оренбургского лётного училища был оставлен в нём инструктором. Процесс обучения лётному делу отражён и в стихах Пруткова:

*Земля ускоряет
Свой бег на меня —
Сейчас предстопит посадка.
Плавню ручку
Беру на себя,
На траву опускаюсь плавно.*

(«Первый полёт», 1936)

В годы войны Ст. Прутков воевал на Брянском, Волховском, Ленинградском фронтах,

участвовал в освобождении Минска, Гродно, Севастополя, штурме Кёнигсберга. Звание Героя Советского Союза Ст. Прутков получил за боевые действия в Сталинградской битве. Им лично было проведено 22 боевых вылета, а его полк, командиром которого он стал в 1942 году, произвёл 949 боевых вылетов. Кроме того, генерал-лейтенант Прутков награждён орденом Кутузова, он самый молодой в истории кавалер ордена Суворова. В 1950-е годы Ст. Прутков был начальником управления вузов ВВС, затем командующим ВВС Северо-Кавказского военного округа, в 1960-е — начальником факультета Военно-воздушной академии.

С началом Великой Отечественной войны (1941-1945) резко меняется тематика произведений оренбургских поэтов, прозаиков, литературоведов. Тема защиты Родины, войны с врагом становится ведущей, о чём свидетельствует местная периодика и, прежде всего, областные газеты «Чкаловская коммуна» (с 1938 по 1957 гг. Оренбург носил имя Чкалов) и «Большевицкая смена».

Сразу же после начала войны на страницах периодики появляются стихи о войне и антивоенном настроении людей. Так прозаик В. Пистоленко, понимая трудности военного времени («о самом себе на время забудь...»), в стихотворении «Сегодняшний лозунг» подчёркивает главную цель, возникшую перед Россией:

*Врага разбить — первая святая
задача.
К победе ведёт наш славный
путь.
Победа — иль смерть!
Не иначе!*
(«Чкаловская коммуна», 1941, 9 июля)

Патриотическая линия становится ведущей в творчестве писателей. Призыв к защите родины часто звучит рядом со строчками, воспевающими родную землю, Россию, сплочённость народа в борьбе за неё. Эти проблемы затрагивает Иван Сидякин в стихотворении «Враг просчитался»:

*Вот — ширь степей,
Холмистость плоскогорий,
Вот — вызревшие колосом поля,
И здесь, и там — от моря
и до моря —
Лежит родная русская земля.*

*И мы встаём стеною нерушимой,
Мы все одним желанием горим,
Враг будет бит:
В боях за край любимый
Великий мой народ непобедим!*
(«Чкаловская коммуна», 1941, 7 сентября)

Вскоре к теме войны добавляется тема тыла, обеспечивавшего бойцов всем необходимым. Вот как об этом пишет М. Яровой в стихотворении «Не время покою»:

*В труде,
как в бою, —
к победе нашей!*

Трудом
 приблизь
 фашизму конец,
 С рвением
 на поле,
 заводе,
 в забое
 чем только можешь
 бойцам помогай.

(«Чкаловская коммуна», 1941, 27 июля)

Несколько позже появляются произведения о боевых действиях: «Зенитчики» Евг. Евстигнеева, «Бойцу» Риммы Галинской и др. Лётчик-прозаик Н. Секерж, вспоминая прошлые победы русских солдат, пишет статьи «Русский штык — гроза врагов», «Как мы били Наполеона».

Газета вводит рубрику «Из фронтовых стихов». В стихотворении «Зенитчики» на фоне пейзажных зарисовок показана фронтовая ночь, в ярких деталях передано ожидание боя и начало его:

Густая полночь. В звёздах
 небосклон,
 Шумят листвой прибрежные
 ракиты.
 Прославленный в боях дивизион
 Весь в землю врос, кустарником
 укрытый...
 Внизу гремят подземные ключи,
 Разведки вражьей пули рядом
 свищут,
 И голубых прожекторов мечи
 Скользят по небу. Сторожат
 и ищут.
 Мотора шум всё ближе, ближе.
 Чей???

Зенитчики готовы к новой
 встрече.
 Бегут секунды. И в снопе лучей
 Ослепший мечется, кружит
 разведчик.
 Команды глушит резких залпов
 гром,
 Дрожат леса и выжженные
 нивы.
 Вокруг врага светящимся
 кольцом
 Встают гранат лиловые
 разрывы...
 Подходит утро. Иволга
 свистит.
 Плывёт заря в пороховом
 тумане,
 Нацелив хвост со свастикой
 в зенит,
 Дымится сбитый «Хейнкель»
 на поляне.

(«Чкаловская коммуна»,
 1941, 26 сентября)

Эмоциональное описание боевых действий дано и московским поэтом А. Коваленковым, приехавшим в Оренбург в 1942 году, в стихотворении с характерным названием «Атака»:

— На врага!
 В атаку!
 За свободу! —
 Голос командира прозвучал.
 И «ура»,
 Летя от взвода к взводу,
 Огневой опередило вал.

Далее поэт подчёркивает суровое отношение к войне защищающих страну россиян:

*Каждый знал:
Настал расчёт
За разбой
И реки крови,
Слёзы девичьи
И вдовья,
За насилья,
Плач сирот...*

(«Чкаловская коммуна»,
1942, 10 июня)

В этом стихотворении раскрывается не только бесчеловечность войны, но и поднимается тема мщения — «мести беспощадной острёе на три четверти вонзало в грудь убийцам жало воронёное своё».

Свой очерк, присланный с фронта, М. Клипиницер называет «Кровь за кровь». Этот же мотив звучит и в стихотворении Риммы Галинской «На зов отчизны»:

*За искалеченных детей,
За камни городов,
За кровь и слёзы матерей
Я отомстит готов.*

(«Чкаловская коммуна»,
1942, 13 января)

Стихи первых лет войны в большинстве своём эмоциональны, в них много патетики, риторических восклицаний и вопросов, возвышенная лексика. Показательно, что не только поэты, но и литературоведы и краеведы обращаются к теме войны в творчестве русских классиков и жизни оренбуржцев: «Родина в творчестве классиков», «Патриотизм Лермонтова», «Отечественная война

1812 г. по роману Л. Толстого «Война и мир», «Салтыков-Щедрин о предках фашистов», «Немцы в произведениях русских писателей-классиков», «Рассказ Л. Толстого крестьянским детям о войне с Наполеоном» — Н.Е. Прянишников; «Оренбург в эпоху Отечественной войны 1812 г.» — Н. Мещерский; «Отечественная война в фольклоре», «Красная Армия в фольклоре Чкаловской области» — А.В. Бардин.

В годы войны в Оренбургскую область было эвакуировано 250000 человек, в том числе трёхлетний В. Высоцкий с матерью, братья Стругацкие с матерью. В военные годы в Оренбурге служили А. Фатьянов, А. Коваленков. С 1942 года в оренбургской периодике появляются сообщения о творчестве эвакуированных в Оренбург деятелей культуры, в первую очередь о Ленинградском академическом Малом оперном театре (Малеготе) и приехавших с ним композиторах. Так в апрельском номере «Чкаловской коммуны» (№ 85) была напечатана статья о творческом вечере композиторов (автор статьи — Р. Глезер), на котором выступил с вступительным словом композитор М. Чулаки, исполнялись песни композитора В. Соловьёва-Седого («Играй, мой баян», «Встреча Будённого»), поэма для виолончели — 14-летним Славой Ростроповичем. В апреле же оренбуржцы впервые услышали 7-ю симфонию Шостаковича, 9-ю симфонию Бетховена в исполнении симфонического

оркестра и хора Ленинградского академического Малого оперного театра — дирижировал знаменитый Б. Хайкин.

Когда в 1944 году, возвращаясь в Ленинград, театр уезжал из Оренбурга (тогда Чкалова), А. Коваленков написал прощальные стихи «Провожая Малегот»:

*От степных просторов Чкалова,
От уральской синевы
Вёрст три тысячи без малого
До красавицы Невы.
Но с Невой перекликается
Яик — древняя река.
Наша дружба продолжается,
Хоть разлука нелегка.*

(«Чкаловская коммуна», 1944, 2 сентября)

Эвакуированные писатели тоже активно включились в культурную жизнь Оренбуржья. Среди них была прозаик Валерия Анатольевна Герасимова (1903-1970), двоюродная сестра кинорежиссёра С. Герасимова, первая жена А. Фадеева. Она была из дворянской семьи, училась в гимназии Екатеринбурга, окончила МГУ, печататься начала ещё в 1923 году. Её детство прошло на Урале и в Сибири, куда был сослан за революционную деятельность её отец, журналист, литератор. Находясь в Оренбурге, Герасимова писала в основном о тружениках тыла: очерки «Тот же фронт» («Чкаловская коммуна», 1942, 1 мая), «Гвардейцы полей» о зерносовхозе в Чебеньках («Чкаловская коммуна», 1942, 8 июля), рассказ «Русские женщины» («Чкалов-

ская коммуна», 1943, 20 июня). В 1944 году в Оренбурге вышел сборник её очерков «Родная земля», редактировал его оренбургский литературовед Н.Е. Прянишников.

В Оренбург был эвакуирован по болезни еврейский писатель (прозаик и публицист) Меер Иосифович Альбертон (1900-1947). Он долгое время жил в Днепропетровске, участвовал в работе антифашистского комитета. Его произведения выходили в свет с 1927 г. (роман «Фёдор Зубков», работы «Шахты», «Биробиджан»). В 1941 году он начал писать роман «Люди тыла». На страницах газеты «Чкаловская коммуна» печатались очерки Альбертона «Степан Прокопенко» (1942, №46, 23 февраля) — о токаре, «Осколок в телогрейке» (1943, №143, 25 июля) — тоже о тыле — фронту; рассказ «Письма» (1943, №148, 1 августа), «Смекалка» (1943, №162, 21 августа). Произведения Альбертона (он умер в Оренбурге в 1947 году) публиковались и после войны: очерк об оренбургском заводе имени Кирова «Полгода спустя» в «Чкаловской коммуне» (1945, №222, 13 ноября), рассказ «Отец города» в оренбургском альманахе «Степные огни» в 1946 г. (№5).

В военные годы в Оренбурге был в эвакуации ещё один еврейский писатель (драматург, прозаик, переводчик и критик) Ойзер Мойсеевич Гольдес (1900-1966). Он родился в семье часовщика,

учился в еврейской школе, русской гимназии, 2-м Московском университете, был учителем, сотрудником по еврейской культуре (1935-1936) института еврейской культуры при Академии Наук Украинской ССР, в период борьбы с космополитизмом арестовывался (1951-1955), затем был реабилитирован. Будучи в эвакуации в Оренбурге, О. Гольдес одним из первых написал о Герое Советского Союза Родимцеве — «Полковник Родимцев» («Чкаловская коммуна», 1942, 29 января). В 1943-м был напечатан рассказ Гольдеса «Дочь полковника» («Чкаловская коммуна», №145, 28 июля).

Находился в Оренбурге в это время и детский писатель Евгений Самойлович Рысс (1908-1973), в биографии которого отмечено, что в годы войны он работал корреспондентом ТАСС. Е. Рысс родился в семье инженера, был племянником искусствоведа Софьи Либкнехт (второй жены К. Либкнехта), писателя Ильи Березарка. Детство его прошло в Ростове-на-Дону. Он учился в Ленинградском институте истории искусств, печататься начал в 1928 году, писал в основном для детей и юношества. Первое произведение написал совместно с Вс. Воеводиным. Он автор популярных историко-приключенческих и детективных книг. В 1941 году Е. Рысс участвовал как сценарист в выпуске «Боевого киноальманаха» №2. Годы Великой Отечественной войны нашли отражение в его

произведениях «У городских ворот» (1945), «Девочка ищет отца» (1946), «Домик на болоте» (1959, совместно с Л. Рахмановым).

Приезд в Оренбург целого ряда писателей позволил созданный в 1935 году Оргкомитет Союза советских писателей Оренбургской области преобразовать в 1942 году в оренбургское отделение Союза советских писателей.

30 июля 1942 г. на страницах «Чкаловской коммуны» была напечатана статья-отчёт о деятельности оренбургских писателей недавно выбранного ответственного секретаря оргбюро Чкаловского отделения Союза советских писателей Н. Клементьева «Чкаловские писатели в дни войны». В статье сообщалось, что на фронт ушли поэты и прозаики М. Клипиницер, И. Бортников, Хохлов, Гарбарь, Н. Секерж, И. Сидякин, М. Яровой, в тылу находятся 14 писателей и около 50 членов литературных групп. Клементьев отметил результаты деятельности оренбургских писателей: вышли сборник стихотворений Е. Евстигнеева «Под красной звездой» и сборник рассказов ряда авторов «Патриоты»; Бузулукский драматический театр поставил пьесу Клементьева и Пистоленко «В селе Вишнёвом», театр музыкальной комедии — оперетту Левицкой и Робинсона «Ветер победы», написали рассказы «Прачка», «Маша Гурова», «Его станок» — Александра Гринберг, пьесы «Собачий сын», «У партизанской почты» — Гольдес, публикуются

очерки В. Герасимовой, Альбертона, Афанасьева, произведения Райцина, Рысса, Гольдеса.

В 1943 году в местной периодике появляется новое имя — Иосиф Колтунов (1910-1950). Его стихотворение «Мы тоже в бою», с подзаголовком «выступление на антифашистском митинге молодежи в Оренбурге», было опубликовано в майском номере «Чкаловской коммуны»:

Товарищи!

*В том наша зрелость и сила,
Что, где бы мы ни были,*

*всюду, везде, —
Единое дыхание фронта и тыла.
В решающей схватке с врагом
и в труде*

Мы стали иными —

*И строже, и суше.
С нас многое спросят,*

*Мы скажем в ответ:
— К оружию, товарищи! —*

*Наше оружие
Такое, которому равного нет.*

(«Чкаловская коммуна», 1943, 23 мая)

И. Колтунов подчёркивает значимость работы тружеников тыла: «великая армия тыла идёт», «в том наша зрелость и сила, что равен сражению доблестный труд», «мы тоже солдаты, и тоже в бою». Поэт верит, что «ответный удар по немцу» будет нанесён.

Иосиф Григорьевич Колтунов окончил восточноевропейское отделение Ленинградского историко-лингвистического института, с 1933 г. был литературным сотрудником «Красной газеты»,

затем «Ленинградской правды», был сотрудником армейской газеты на Ленинградском фронте, по болезни сердца переведён в 1942 г. в войска Южно-Уральского военного округа, стал литературным сотрудником и ответственным секретарём окружной армейской газеты, на страницах которой печатались и стихи А. Фатьянова, начинающего в то время поэта. В 1943 году в Оренбурге вышла в свет очерковая книга И. Колтунова «Герой Советского Союза Фёдор Чагодаев» — о снайпере из Илека Оренбургской области, уничтожившем 250 гитлеровцев. К этому времени в стихах и очерках, наиболее ходовых жанрах военного времени, требовавшего произведений малого объёма, всё чаще появляются образы героев фронта и тыла. Стихотворение Евг. Евстигнеева так и называется: «Первые герои».

Грохочут бомбы... дым... огонь...

Горячка пулемётов.

И дни и ночи в ястребках

Советские пилоты.

Н. Клементьев пишет о защищавшем Сталинград генерале А. Родимцеве, который стал дважды Героем Советского Союза. В «Чкаловской коммуне» в 1943 г. печатаются отрывки из его «Поэмы о генерале»: «Побывка» и «В воронке». До этого газета помещает стихотворение Евг. Долматовского, написанное на мотив песни «По военной дороге», — «Веди, Родимцев»:

*Мы в сраженьях мужали,
Мы не раз побеждали
В дни великой священной войны,
Мы крепки, мы из стали,
Нас в народе назвали
Грозной гвардией нашей страны.
Мы идём, пехотинцы,
С нами рядом Родимцев,
И не страшен нам огненный*

шквал.

*Мы, бойцы, не забудем,
Как у грозных орудий
Вместе с нами Родимцев стоял.*
(«Чкаловская коммуна», 1942, 7 апреля)

К третьему году войны писатели становятся внимательны не только к боевым событиям, но и к обыденной жизни человека, его психологии, обращаясь к образам человека-героя, человека-бойца, человека в тылу, рисуя полную невзгод жизнь военных лет. Возвратившийся в Оренбург после ранения, рассуждает о том, что война коренным образом изменила жизнь людей, их сознание:

*Тишина перед боем. На тонком
шесте
Под звездою холодной чернеет
скворешня.
Только люди не те, только
мысли не те,
Да и сам я какой-то
нездешний...*

(«Перед боем» // «Чкаловская коммуна», 1945, 25 марта)

Другой оренбургский поэт, М. Клипиницер, тоже находившийся в действующей армии,

писал в очерке «Штык старшего сержанта Зотова»: «Семён Васильевич Зотов ещё летом прошлого года мог считаться человеком самой мирной профессии, он работал тестомесом на чкаловском хлебозаводе №1. Зимой 1942 года, когда Зотов стал старшим сержантом Красной Армии, он приобрёл новую, военную специальность — научился беспощадно уничтожать немецких оккупантов» («Чкаловская коммуна», 1942, 5 марта).

В стихотворении «Слово о победном походе» А. Возняк описал по горячим следам трудную окопную жизнь солдат:

*Дождями вымытый закат,
Земля свинцом потоптана,
Глаза усталые солдат,
Крутые дни окопные.
На ратном поле не до сна,
Гремит труба похода.
Но вот четвёртая весна
Пришла, стоит у входа.
В окопе сыро и темно...*

(«Чкаловская коммуна», 1945, 30 июня)

В другом стихотворении А. Возняка «Рассказ повара» речь идёт о курьёзном, казалось бы, случае: как на повара, везущего для солдат суп на передовую, нападают семь фашистов и как он их побеждает:

*Враги в кольцо
Берут меня,
А я в котле сижу,
Кормлю свинцом
Средь бела дня,
На белый свет гляжу.*

Проблема «малой родины» многогранна, имеет разные аспекты, касается не только родного села, города, но и определённой территории России. Оренбург — уральский город, и естественна в творчестве оренбургских поэтов тема Урала и его жителей. Михаил Юдин в стихотворении «Урал» подчёркивает:

*В дни невзгод, насилия и зла
Не твоя ль, Урал, и Волги сила
На штыках гранёных пронёсла
Знамя счастья по столицам*

мира?

*Как, Урал, тебя не воспевать
Мне — советскому бойцу-поэту,
Если наша доблестная рать
Вся в броню уральскую одета!*

(«Чкаловская коммуна»,
1945, 16 сентября)

Воспевая Урал, поэты не могли не отметить доблестный труд женщин Урала, обеспечивавших бесперебойную работу тыла. Уральским женщинам посвящено стихотворение Михаила Лапыгина «Уралка»:

*Вижу всю я тебя, родная,
Ты корабль степной ведёшь,
Где шумит без конца и без края
На полях белокурая рожь.
И клубится туман по долинам,
Вот и кончен с фашистами бой.
Далеко мой Урал от Берлина,
Но я вижу свой край золотой.
На пригреве — родную станцию,
Старый осокорь у плетня;
Там уралка с густыми ресницами
Третий год поджидает меня.*

(«Чкаловская коммуна», 1945, 9 сентября)

Таким образом, в годы войны основными темами произведений писателей Оренбуржья (и уроженцев края, и эвакуированных в него) были, прежде всего, героические дела защитников Родины, трудовые подвиги в тылу, но авторы не забывали и о том, что воину, труженику и в тяжёлое время были не чужды чувства, эмоции, и, изображая их, обращались не только к патетике, но и к задушевным словам, юмору.

Татьяна ОРЛОВА

«РУССКАЯ МАДОННА»

Татьяна Васильевна Орлова родилась в городе Чите. В 1987 году окончила Уральский государственный университет по специальности «История искусств» и получила квалификацию искусствоведа. Работает заведующей экспозицией Оренбургского областного музея изобразительных искусств. Живёт в Оренбурге.

Имя заслуженного художника России Юрия Алексеевича Рысухина хорошо известно оренбургскому (и не только оренбургскому) зрителю. Его персональные выставки с завидной регулярностью проходят на музейных и выставочных площадках Оренбурга и других городов (Санкт-Петербурга (ГРМ), Москвы, Краснодара, Сочи, Магнитогорска), а групповые выставки с его участием объездили всю страну.

В его творчестве преобладает картина, сложнейший жанр, требующий не только больших знаний и умений, но и гражданской зрелости, житейской мудрости, душевной отдачи, и в то же время дающий возможность наиболее полно высказаться, затронув важнейшие темы. Это подтверждает и сам Юрий Алексеевич: «Как художнику мне ближе всего картина и портрет. На мой взгляд, в них удаётся сказать нечто большее, чем в пейзаже и натюрморте, хотя и то, и другое часто присутствует в моих работах».*

Юрия Рысухина отличает внимательный, вдумчивый подход к произведениям, философское осмысление изображаемого, что обуславливается его гражданственностью, патриотизмом и отчасти воспринятой им через своих учителей Дмитрия Жилинского и Виктора Ни левкасной техникой древнерусских иконописцев. Сложная технология левкасной живописи — многослойное нанесение клее-мелового грунта с просушиванием и шлифованием каждого слоя, использование быстросохнущей темперы, менее пластичной и свободной в работе, чем масляные краски, делают работу художника неспешной, несуетливой, заставляют задуматься о значимости, важности изображаемого, ведь произведение на левкасе создаётся на века.

Среди многочисленных работ мастера нет более серьёзной и трагической темы, чем картины, посвящённые Великой Отечественной войне. Юрий Алексеевич Рысухин родился после войны, в мирном 1947 году, но, создавая первую картину, посвящённую войне, — «Прощание. 1941 год» (1974), попробовал примерить на себя судьбу солдата, осознать, что значит разлука длиной в войну (а может, и навсегда!) с родной землёй, с семьёй, с любимой, придав героям картины сходство с членами своей семьи, наполнив тем самым картину личными переживаниями, искренними чувствами. Обращаясь к стилистике раннего Возрождения, воспринятой через

работы всё тех же Жилинского и Ни, он придаёт сюжету прощания возвышенный, почти вневременной характер; тем самым, а ещё строгостью линейного ритма, концентрированной силой чувств при статичности лаконичной композиции, ясностью и чистотой цветового решения картина напоминает икону. В левой части картины группа деревьев с мощными стройными стволами, на фоне которых изображена в профиль молодая женщина с младенцем на руках (по сути дела образ мадонны с красивым и строгим лицом, скорбной складкой между бровей), подчёркивает стойкость, негибкость, силу духа хрупкой женщины. Словно остановлено и бесконечно длится мгновение между прошлым и будущим. Удивительно красив пейзаж с неубраным хлебным полем, золотистыми связками снопов, деревенскими избами за косогором, петляющей по степи речкой, полоской леса на горизонте, чистым безоблачным небом. Это, безусловно, одна из самых сильных и удачных работ мастера, принадлежащая ныне Оренбургскому областному музею изобразительных искусств, без неё не обходится ни одна выставка, посвящённая Великой Отечественной войне.

Позднее художник не раз обращался к теме войны. В 2005 году он создаёт картину «Освобождение узников концлагеря», посвящая её узникам всех концлагерей Второй мировой, а их было немало; синонимами нечеловеческого

Юрий Рысухин

ужаса, зверств стали Освенцим, Бухенвальд, Дахау, Маутхаузен, Равенсбрюк и другие фабрики смерти. Над воротами Бухенвальда, как известно, было начертано древнее (изначально латинское) изречение, приобретшее новый, невероятно циничный смысл: «Каждому своё».

Художник поставил перед собой труднейшую задачу — вмести в картину столь сложное содержание и всю гамму чувств, переживаемых при воспоминании о кровавых злодеяниях фашистов. Ведь такое никогда не должно быть забыто, так же, как и подвиг советских солдат, освободивших узников. Создавая многофигурную композицию, художник стремится к обобщению, не исчерпывая темы, он с помощью цветового контраста создаёт соответствующее настроение.

Ещё одна работа Рысухина, посвящённая войне, — «Русская мадонна» 2010 года. В ней очевидно обращение к русской классике — картине А.Г. Венецианова с кормящей женщиной-крестьянкой на крыльце деревенского дома: сходная поза, простая одежда. Художник написал два варианта работы, первый (2005) — более подробный, многофигурный: на первом плане справа в профиль изображена сидящая на помосте у мельничного колеса (на фоне сруба) молодая женщина с младенцем, слева от неё — уходящая к горизонту в дымы и зарево пожаров бесконечная колонна солдат, за ними вдаль — остовы сгоревших печей от разрушенной деревни. На втором (2010) колонна солдат исчезает, но тревожно-трагическое состояние и настроение картины лишь усиливается за счёт более обобщённого и выразительного цветового решения: красный отсвет зарева пожарниц на горизонте окрашивает зловещим кровавым цветом воду ручья, текущего под мельничное колесо, в тон ему красной становится кофта на женщине, усиливая символическое, трагическое звучание картины.

В год 70-летия Великой Победы художник пишет картину «Май 1945. Возвращение», при этом стремится избежать стандартных решений. За всеобщим ликованием, радостью победы он сумел увидеть горе, страдание людей,

оставшихся живыми, но вернувшихся искалеченными с войны. Для своей картины Рысухин взял за основу реальный сюжет из жизни ставшего знаменитым на весь мир безногого комбайнёра из шарлыкской Казанки — Прокофия Васильевича Нектова — и его верной жены Евдокии Матвеевны. Она, получив письмо от мужа из госпиталя с сообщением, что у него после ранения больше нет ног, и вопросом, нужен ли ей он такой, ответила: «Проня, возвращайся! Лишь бы голова была цела... А ноги будут моими!» И эта безграничная любовь и вера позволили безному инвалиду не просто вернуться в строй, к мирной профессии комбайнёра, но и достичь небывалых высот — за свои рекордные трудовые успехи на восстановленном комбайне получить звание Героя Социалистического Труда, четыре ордена Ленина, ордена Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени и золотую медаль «Серп и Молот».

В общем-то, это история со счастливым концом (семья с радостью приняла искалеченного

фронтовика, он, преодолев все трудности, вернулся в строй), но это не уменьшило, не облегчило трагедии, страшного следа войны. И снова художник, обобщая, возвеличивает подвиг русского солдата, прошедшего мясорубку войны, и русской женщины, вынесшей все тяготы войны и послевоенной разрухи, подставившей своё плечо там, где было трудно. И вновь, как и в первой работе, вертикальный формат, выверенная продуманная композиция, чистая светлая красочная гамма придают торжественность трагическому сюжету — встрече безногого солдата с женой.

Высокая идейность и пафос помогли художнику подняться над суетой, избежать мелкого и мелочного, говорить о важных общечеловеческих проблемах и позволили создавать значительные произведения о своём времени, произведения, которые всегда будут трогать сердца зрителей.

*Книга «Десять художников Оренбурга». — М., 1986. — С. 40-43.

Русская мадонна. 2010. Дерево, левкас, темпера

Прощание. 1978. Дерево, левкас, темпера

А ноги мои будут! 2015. Дерево, левкас, темпера

Освобождение узников концлагеря. 2005. Дерево, левкас, темпера